

А. КРОНИН

ЦИТАДЕЛЬ

ДЕПУТАТЫ
ПЕРВОГО
СОЗВАНИЯ

А.Кронин

Цитадель

Часть первая

I

В конце одного октябрьского дня в 1924 году бедно одетый молодой человек, с жадным вниманием глядел в окно вагона третьего класса в почти пустом поезде, медленно тащившемся из Суонси в Пеноуэльскую долину.

Мэнсон, ехавший с севера, был в дороге целый день и два раза пересаживался — в Карлейле и в Шрузбери — тем не менее и теперь, к концу утомительного путешествия в Южный Уэльс, его возбуждение не только не улеглось, но еще усилилось, подогреваемое мыслями о начале его врачебной деятельности, о первом в его жизни месте врача в этой незнакомой и некрасивой части страны.

Снаружи, между гор, высившихся по обе стороны однопутного железнодорожного пути, лил сильный дождь, все затемняя сплошными водяными потоками. Вершины гор тонули в сером небе, но их склоны, изрезанные рудниками, были видны — черные, пустынные, обезображенные большими кучами шлака, по которым в тщетных поисках корма кое-где бродили грязные овцы. Нигде ни куста, ни травинки. Деревья, хилые, скелетообразные, в сумеречном свете походили на привидения. На повороте дороги сверкнул красный огонь литейни, осветив группу рабочих, голых до пояса. В их обнаженных торсах чувствовалось напряжение, руки были подняты для удара. Как быстро ни промелькнула эта картина, заслоненная надшахтными сооружениями, которые теснились за поворотом, она оставила по себе впечатление мощи, живое и бодрое. Мэнсон вдохнул полной грудью. Он ощутил ответный прилив сил, внезапно захватывающее воодушевление, рожденное надеждами на будущее.

Вечерний мрак упал на землю, придавая всему окружающему еще более пустынный и неприветливый вид, и полчаса спустя поезд, шумно пыхтя, подошел к Блэнелли, конечной станции и последнему городу в Пеноуэльской долине. Путешествие Мэнсона, наконец, окончилось. Взяв свой дорожный мешок, он соскочил с подножки вагона и пошел по перрону, напряженно высматривая, не встречает ли его кто-нибудь. У выхода, под фонарем, задуваемым ветром, стоял в ожидании старик с желтым лицом, в четырехугольной шапке и макинтоше, длинном, как ночная сорочка. Он с желчным видом осмотрел Мэнсона и, наконец, сказал как-то неохотно:

— Вы новый помощник доктора Пейджа?

— Совершенно верно, Мэнсон. Мое имя — Эндрю Мэнсон.

— Угу, — промычал старик. — А мое — Томас, старый Томас, как чаще всего величают меня эти бездельники. Я приехал в двуколке. Садитесь, коли не хотите добираться вплавь.

Мэнсон, таща свой мешок, влез в расхлябанную двуколку, запряженную крупной костлявой черной лошадыю. За ним влез и Томас, собрал поводья и обратился к лошади:

— Ну, пошел, Тэффи!

Они ехали городом, который, как ни старался Эндрю разглядеть его получше, казался сквозь хлеставший дождь просто беспорядочной кучей низеньких серых домишек, приютившихся у подножия высоких гор. Первые несколько минут старый кучер, не вступая в разговор, мрачно поглядывал на Эндрю из-под полей своей шляпы, с которых ручьями текла вода. Высохший и сморщенный, неряшливо одетый, он ничуть не походил на щеголеватого кучера преуспевающего доктора, и от него исходил сильный и специфический застарелый запах кухонного сала. Наконец он заговорил:

— Наверное, только что кончили учење, а?

Эндрю утвердительно кивнул головой.

— Так я и думал! — Старый Томас сплюнул в сторону. Довольный своей догадливостью, он стал общительнее.

— Последний помощник уехал десять дней тому назад. Здесь редко кто остается долго.

— А почему? — улыбнулся Эндрю, несмотря на нервное волнение.

— Во-первых, я думаю, оттого, что работа слишком тяжела...

— А во-вторых?

— Сами увидите!

Некоторое время спустя Томас с таким видом, с каким гид показывает туристам какой-нибудь величественный собор, поднял кнут и указал на один из последних в ряду домиков, из освещенной двери которого выходило облако чада.

— Видите? Тут моя хозяйка и я торгуем жареной картошкой. Жарим два раза в неделю. И рыба бывает свежая. — Его длинная верхняя губа задергалась скрытой усмешкой: — Я думаю, вам это не мешает знать, скоро пригодится.

Тем временем они проехали до конца главной улицы, свернули на боковую, короткую и неровную, затем двуколка протряслась по какому-то пустырю и узкой аллее, которая вела к дому, стоявшему как-то на отлете,

отдельно от других, за тремя араукариями. На воротах красовалась надпись: «Брингоуэр».

— Вот мы и приехали, — сказал Томас, останавливая лошадь.

Эндрью вылез из двуколки. Пока он собирался с духом перед церемонией представления, дверь распахнулась, и через минуту он очутился в освещенной передней, где его приветствовала потоком слов низенькая, толстая, улыбающаяся женщина лет сорока с лоснившимся лицом и блестящими бойкими глазами.

— Ага, вы, конечно, доктор Мэнсон. Входите, мой дорогой, входите. Я жена доктора, миссис Пейдж. Надеюсь, вас не утомила поездка? Очень рада, что вы приехали. Я чуть с ума не сошла после того, как уехал тот ужасный субъект, что последним служил у нас. Жаль, что вы его не видели! И вот же, скажу я вам! В жизни такого не встречала. Ну, теперь, когда вы здесь, все будет в порядке. Пойдемте, я сама провожу вас в вашу комнату.

Комната Эндрью наверху оказалась маленькой каморкой, в которой стояли латунная кровать, желтый лакированный комод и бамбуковый столик с кувшином и умывальным тазом. Оглядываясь кругом, в то время как круглые черные глаза хозяйки испытующе следили за выражением его лица, Эндрью сказал с натянутой вежливостью:

— Что ж, здесь очень уютно, миссис Пейдж.

— Да, разумеется. — Она улыбнулась и матерински погладила его по плечу. — Вы здесь отлично устроитесь, мой милый. Относитесь ко мне хорошо, и тогда я к вам буду относиться хорошо. Честно сказано, не так ли? Ну, а теперь пойдемте, я вас сию же минуту познакомлю с доктором Пейджем. — Она остановилась, все так же испытующе глядя ему в глаза, но стараясь говорить непринужденно: — Не помню, писала ли я вам, что доктор... в последнее время не совсем здоров.

Эндрью с внезапным удивлением посмотрел на нее.

— О, ничего серьезного, — продолжала она поспешно, раньше чем он успел вставить слово. — Он слег неделю-другую тому назад. Но скоро совсем поправится. Можете в этом не сомневаться.

Озадаченный Эндрью шел за ней до конца коридора. Здесь она открыла одну из дверей и весело воскликнула:

— Эдвард, вот доктор Мэнсон, наш новый помощник! Он пришел с тобой поздороваться.

Когда Эндрью вошел в комнату — длинную, обставленную по-старомодному спальню с наглухо закрывавшими окна синелевыми портьерами и скудным огнем в камине, — Эдвард Пейдж медленно

повернулся на постели, — видно было, что это стоило ему больших усилий. То был высокий костлявый человек лет шестидесяти, с лицом, изрезанным суровыми морщинами, с утомленными светлыми глазами. Лицо его носило отпечаток страдания и какого-то терпеливого изнеможения. Но это было еще не все. При свете керосиновой лампы, падавшем на подушку, видно было, что половина лица неподвижна и желта, как воск. Вся левая половина тела также была парализована, а левая рука, лежавшая на лоскутном одеяле, скрючена так, что походила на какую-то желтую шишку. Заметив все эти признаки тяжелого и далеко не недавнего паралича, Эндрию ощутил внезапный ужас. Наступило неловкое молчание.

— Надеюсь, что вам здесь у нас понравится, — сказал, наконец, доктор Пейдж. Он говорил медленно, с трудом, глотая слова. — И надеюсь, что работа окажется вам по силам. Вы еще очень молоды.

— Мне двадцать четыре года, сэр, — натянуто возразил Эндрию. — Конечно, это первая моя служба... но я работы не боюсь.

— Вот видишь, Эдвард! — подхватила, сияя, миссис Пейдж. — Ну, не говорила ли я тебе, что со следующим помощником нам повезет!

Лицо Пейджа еще больше застыло. Некоторое время он смотрел на Эндрию. Но потом как будто утратил интерес к нему и сказал устало:

— Надеюсь, вы от нас не сбежите.

— Господи Боже мой! — воскликнула миссис Пейдж. — Что это за разговоры! — Она повернулась к Эндрию, улыбкой прося извинения. — Это оттого, что он сегодня чуточку не в духе? Но он скоро встанет и опять примется за дело. Не правда ли, милый? — Она наклонилась и крепко поцеловала мужа. — Ну, отдыхай. Как только мы поедим, Энни принесет и тебе поужинать.

Пейдж ничего не ответил. От каменной неподвижности половины его лица рот казался искривленным. Здоровая рука протянулась к книге, лежавшей на столике у кровати. Эндрию заметил ее заглавие: «Дикие птицы Европы». Еще раньше чем больной принялся за чтение, новый помощник почувствовал, что пора уходить.

К ужину Эндрию сошел вниз в ужаснейшем смятении. Он получил это место помощника врача, откликнувшись на объявление в «Ланцете». Но в переписке миссис Пейдж ни словом не упоминала о болезни доктора Пейджа. А между тем Пейдж, несомненно, тяжело болен, — налицо все признаки кровоизлияния в мозг, лишившего его трудоспособности. Пройдет немало месяцев, раньше чем он опять будет в состоянии работать, если это вообще когда-нибудь будет.

Но, сделав над собой усилие, Эндрью перестал думать об этой неприятности. В конце концов он молод, здоров, ничего не имеет против лишней работы, которая достанется на его долю из-за болезни Пейджа. В своем энтузиазме новичка он жаждал целой лавины пациентов.

— Вам повезло, дорогой мой, — весело объявила миссис Пейдж, суетливо влетая в столовую. — Сегодня вы можете сразу ужинать. Амбулаторного приема не будет. Дэй Дженкинс проделал все вместо вас.

— Дэй Дженкинс?

— Да, это наш аптекарь, — небрежно пояснила миссис Пейдж. — Он у нас мастер на все руки. И услужливый малый. Некоторые даже называют его «доктор Дженкинс», хотя, конечно, его ни в коем случае нельзя равнять с доктором Пейджем. Он последние десять дней принимал больных в амбулатории и делал все визиты тоже.

Эндрью, в новом приливе замешательства, уставился на нее. Мелькнули в памяти все то, что ему говорили, предупреждения относительно весьма сомнительной постановки врачебного дела в этих глухих углах Уэльса. Ему снова пришлось сделать над собой усилие, чтобы промолчать.

Миссис Пейдж села в верхнем конце стола, спиной к огню. Удобно примостившись в своем кресле с подушкой, она блаженно вздохнула, в предвкушении ужина и позвонила в стоящий перед ней колокольчик. Ужин подала немолодая служанка с бледным, тщательно умытым лицом, которая, войдя, бросила украдкой взгляд на Эндрью.

— Вот, Энни, это — доктор Мэнсон, — воскликнула миссис Пейдж, намазав маслом кусок мягкой булки и запихивая его в рот.

Энни ничего не ответила. Сдержанно и молча подала Эндрью тонкий ломтик холодной вареной грудинки. А между тем ужин миссис Пейдж состоял из горячего бифштекса с луком и пинты портера. Подняв крышку с поданного ей отдельного блюда и разрезая сочное мясо, она, облизываясь от нетерпения, сочла нужным пояснить:

— Я сегодня плохо завтракала, доктор. Кроме того, я на особой диете. Это из-за малокровия. Из-за него приходится за едой выпивать и каплю портера.

Эндрью решительно принялся жевать жесткую волокнистую грудинку, запивая ее холодной водой. После первого минутного возмущения в нем заговорило присущее ему чувство юмора. Жалоба миссис Пейдж на слабое здоровье звучала таким вопиющим противоречием ее наружности, что Эндрью с трудом подавил неудержимую потребность засмеяться.

Во время ужина миссис Пейдж усердно ела и говорила мало. Но,

наконец, управившись с бифштексом и подобрав кусочком хлеба весь соус с тарелки, она смачно облизала губы после остатков портера и откинулась на спинку кресла. Она немного задыхалась. Ее круглые щеки лоснились и пылали румянцем. Она, видимо, склонна была еще посидеть за столом, пуститься в излияния, а может быть, и рассчитывала с присущей ей наглостью выпытать у Мэнсона все, что ей хотелось о нем знать.

Перед ней сидел худой, нескладный, но энергичный и подтянутый молодой человек, черноволосый, высокоскулый, с красиво очерченным ртом и синими глазами. Когда он поднимал эти глаза, их твердое, спокойно-пытливое выражение составляло поразительный контраст с нервной напряженностью лица. Ничего об этом не зная, Блодуэн Пейдж видела перед собой чистый тип кельта. Оценив энергию и живой ум, выразившиеся в лице Эндрю, она, однако, больше всего была довольна той безропотностью, с какой он принял поданную ему скудную порцию пролежавшего три дня и жесткого как подошва мяса. Миссис Пейдж решила про себя, что, хотя новый помощник имеет вид человека изголодавшегося, прокормить его будет не трудно.

— Я уверена, что мы с вами отлично поладим, — весело объявила она, ковыряя в зубах головной шпилькой. — Пора уже, чтобы мне, для разнообразия, немножко повезло.

И, расчувствовавшись, она принялась поверять Эндрю свои заботы и огорчения, попутно сообщая ему некоторые сведения об условиях здешней врачебной практики.

— Это было ужас что такое, дорогой мой! Вы и вообразить себе не можете... Болезнь доктора Пейджа, помощники один отвратительнее другого, никаких доходов, все только одни расходы... Вы не поверите, что я пережила!.. А тут еще приходилось умасливать директора и начальство на руднике, — ведь через них мы получаем плату за лечение рабочих... Сущие гроши!.. — добавила она поспешно. — Видите ли, здесь в Блэнелли вот какой порядок. Правление рудника зачислило в штат трех докторов, — но имейте в виду, что доктор Пейдж безусловно самый лучший из них. И ведь он так давно уже работает здесь! Больше тридцати лет — шутка сказать! Да, так вот эти три доктора могут нанимать себе сколько угодно помощников: у доктора Пейджа — вы, у доктора Николса имеется какой-то малый, по фамилии Денни, который Бог знает что о себе мнит. Но помощники на службе в руднике не состоят, их в списки не заносят. Как я вам уже говорила, правление делает вычеты за лечение из заработка каждого рабочего в руднике и каменоломнях и выплачивает эти деньги штатным врачам, смотря по тому, сколько у них пациентов.

Она остановилась: эти пространные объяснения слишком утомили ее невежественный ум и перегруженный желудок.

— Теперь я, кажется, уже разобрался во всех ваших порядках тут, миссис Пейдж.

— Вот и хорошо! — Она засмеялась своим веселым смехом. — И больше вам ни о чем не надо беспокоиться. Единственное, что вы должны помнить, — это то, что вы работаете для доктора Пейджа. Это главное. Помните только, что вы работаете для доктора Пейджа — и вы уживетесь отлично с его бедной женушкой!

Доктору Мэнсону, молча наблюдавшему за ней, казалось, что миссис Пейдж старается вызвать в нем сочувствие и в то же время подчинить его своему влиянию все это под маской беспечной ласковости. Быть может, она почувствовала, что зашла слишком далеко, так как вдруг взглянула на часы, выпрямилась и воткнула шпильку, служившую ей зубочисткой, обратно в жирные черные волосы. Затем она поднялась. Голос ее прозвучал уже по-иному, чуть не повелительно:

— Кстати, нужно сходить к больному на Глайдер-плейс номер семь. Вызов поступил после пяти часов. Лучше всего идите туда сейчас же.

II

С чувством, похожим на облегчение, Эндрю тотчас же отправился к больному. Он рад был возможности отделаться на время от странных и противоречивых ощущений, вызванных приездом в «Брингоуэр». У него уже мелькали смутные подозрения относительно того, как здесь в действительности обстоят дела и как Блодуэн Пейдж намерена его использовать, взвалив на него практику больного мужа. Положение создалось неожиданное и совсем не похожее на те романтические картины, которые некогда рисовало ему воображение. Но в конце концов для него главное — его работа, остальное — пустяки. Он жаждал приступить к этой работе. Сам того не замечая, он ускорял шаги, все в нем было натянуто, как струна, все ликовало от сознания, что вот, наконец-то, начало — первый визит к больному.

Дождь все еще лил, когда Мэнсон, пройдя грязный неосвященный пустырь, пошел по Чэпел-стрит, в направлении, довольно неопределенно указанном ему миссис Пейдж. Город, по которому он проходил, смутно вырисовывался перед ним в темноте. Лавки, сектантские церкви — Сионская, Гебронская, Вефиль^[1], Вефизда^[2], — он насчитал их добрую дюжину, — затем большой кооперативный универсальный магазин, отделение Западного банка. Все это тянулось вдоль одной главной улицы, лежавшей на самом дне долины. В сознании, что город погребен на дне горной расселины, было что-то крайне угнетающее.

На улице встречалось очень мало людей. От Чэпел-стрит с обеих сторон отходили под прямым углом бесконечные ряды домиков с синими крышами — жилища рабочих. Вдалеке, у входа в ущелье, виднелись гематитовые^[3] рудники и заводы, а над ними громадным веером рассыпались по темному небу отблески пламени.

Мэнсон дошел до дома № 7 на Глайдер-плейс и, задыхаясь, постучал в дверь. Его тотчас впустили и провели на кухню, где в алькове на кровати лежала больная. Это была молодая женщина, жена пудлинговщика Вильямса. С бурно колотившимся сердцем Мэнсон подошел к постели, изнемогая от волнения при мысли, что наступил, наконец, решающий момент его жизни. Как часто представлял он его себе, когда в толпе студентов слушал профессора Лэмплафа, демонстрировавшего им больных в своей палате. Сейчас не было вокруг толпы, в которой он ощущал бы поддержку, никто не давал разъяснений. Он был один лицом к лицу с

необходимостью самому поставить диагноз и без чьей-либо помощи вылечить больную. И вдруг мгновенным острым испугом пришло сознание своей неопытности, нервности, полной неподготовленности к такой задаче.

В присутствии мужа, стоявшего тут же, в тесной, скудно освещенной кухоньке с каменным полом, он с добросовестной тщательностью осмотрел больную. Не оставалось никакого сомнения в том, что случай серьезный. Женщина жаловалась на невыносимую головную боль. Температура, пульс, язык — все указывало на тяжелое заболевание. Но какое? Вторично осматривая больную, Эндрию с напряженной сосредоточенностью задавал себе этот вопрос. Первая пациентка! Он, конечно, приложит все усилия... но что, если он ошибется, сделает грубый промах? А еще хуже — если не сумеет поставить диагноз? Он ничего не упустил при исследовании больной. Ничего решительно. А все-таки решение этой задачи еще не давалось ему. Мысленно собирая воедино все симптомы, он пытался отнести их к какой-нибудь из известных болезней. Наконец, чувствуя, что невозможно дальше затягивать осмотр, он медленно выпрямился, разобрал и спрятал свой стетоскоп, все время ища, что сказать.

— Она, видно, простудилась? — спросил он, глядя в пол.

— Да, совершенно верно, доктор, — стремительно подтвердил Вильямс, который все время, пока длился осмотр, имел испуганный вид. — Три-четыре дня тому назад. Я был уверен, что это простуда, доктор.

Эндрию кивнул головой, мучительно силясь внушить этому человеку уверенность, которой сам не ощущал. Он пробормотал:

— Мы скоро поставим ее на ноги. Приходите через полчаса в амбулаторию, я вам дам для нее лекарство.

Он простился с ними и, опустив голову, усиленно размышляя, поплелся в амбулаторию — полуразвалившееся деревянное строение, стоявшее у самого въезда в аллею, которая вела к дому Пейджа.

Войдя туда, Эндрию зажег газ и принялся шагать из угла в угол между синих и зеленых бутылей на пыльных полках, ломая голову все над той же задачей, ощупью доискиваясь правильного решения. В картине болезни не было ничего симптоматического. Да, это, должно быть, простуда.

Но в глубине души Эндрию знал, что это не простуда. Он застонал от отчаяния, испуганный, сердясь на себя за беспомощность. Он видел, что придется отложить пока диагноз, выждать некоторое время. В клинике профессора Лэмплафа для таких темных случаев имелись изящные карточки с тактичной надписью: «Pughia^[4] неизвестного происхождения». Такой диагноз был и точен и вместе с тем уклончив, ни к чему не обязывал

— и при этом звучал замечательно научно!

В полном унынии Эндрию достал из ящика под аптечной стойкой шестиунцовую склянку и, озабоченно хмурясь, начал составлять жаропонижающую микстуру. Spiritus aetheris nitrosi, салициловый натр — куда это запропастилась салицилка, черт бы ее побрал? Ага, вот она где! — Он пытался утешить себя тем, что все это превосходные средства, которые непременно должны снизить температуру и принести больной пользу. Профессор Лэмплаф часто говорил, что нет другого такого ценного лекарства, как салициловый натр.

Он только что успел приготовить микстуру и с чувством некоторого удовлетворения надписывал сигнатурку^[5], когда звякнул колокольчик, дверь с улицы отворилась, и в амбулаторию вошел невысокий, коренастый, весьма плотный и краснолицый мужчина лет тридцати, а за ним собака. Некоторое время никто не нарушал молчания. Пес, черно-рыжий, какой-то смешанной породы, присел на испачканные грязью задние лапы, а его хозяин, в накинутом на плечи мокрым клеенчатом плаще, из-под которого виднелись поношенный костюм бумажного бархата, длинные чулки шахтера и подбитые гвоздями башмаки, разглядывал Эндрию с головы до ног. Когда он заговорил, в тоне его звучали вежливая ирония и раздражающая благовоспитанность.

— Я, проходя мимо, увидел свет в окне. И решил заглянуть к вам и познакомиться. Я — Денни, помощник почтенного доктора Николса Л. О. А. Это означает (если вы этого не знаете) «лицензиат Общества аптекарей» — самое высокое из званий, известных Богу и людям.

Эндрию посмотрел на него несколько недоверчиво. Филипп Денни закурил папиросу, вынутую из смятой бумажной пачки, бросил спичку на пол и без церемонии подошел ближе. Он взял в руки бутылку с лекарством, прочитал рецепт и указание насчет способа употребления, откупорил, понюхал, потом опять закрыл бутылку пробкой и поставил ее на место. Его угрюмое красное лицо смягчилось и выразило одобрение.

— Превосходно! Вы уже приступили к работе! «Через три часа по столовой ложке». Боже милостивый, как приятно встретить опять эту излюбленную стряпню, этот кумир всех докторов! Но, доктор, почему через три часа, а не три раза в день? Разве вам неизвестно, что по строго ортодоксальным правилам столовая ложка лекарства должна проходить через пищевод три раза в день? — Он сделал паузу, в его напускной серьезности еще сильнее чувствовалась мягкая насмешка. — Теперь скажите мне, доктор, что сюда входит? Spiritus aetheris nitrosi, судя по запаху. Замечательная вещь! Прекрасно, мой милый доктор, прекрасно.

Это и мочегонное, и ветрогонное, и укрепляющее, и его можно хлебать хотя бы целыми ушатами. Помните, что сказано в красной книжечке? В сомнительных случаях прописывайте Spiritus nitrosi. Или это говорится о йодистом калии? Ба, да я, кажется, забыл некоторые очень важные вещи!

В деревянном сарае снова наступило молчание, нарушаемое только стуком дождя, барабанившего по желе ной крыше. Неожиданно Денни рассмеялся, забавляясь растерянным лицом Эндрю, и сказал насмешливо:

— Ну, оставим в покое науку, доктор. Теперь вы должны удовлетворить мое любопытство. Для чего вы сюда приехали?

Раздражение начинало все сильнее овладевать Эндрю. Он ответил мрачно:

— Я рассчитывал превратить Блэнелли в курорт! Что-то вроде курорта с минеральными водами, понимаете.

Денни снова захохотал. Этот смех оскорблял Эндрю, вызывая в нем желание ударить Денни.

— Остроумно, остроумно, мой милый доктор. Настоящий шотландский юмор, легкий, как паровой каток. К сожалению, не могу вам рекомендовать здешнюю воду вполне подходящую для курорта. Что же касается медиков, так в нашей долине, милый доктор, эти представители славной и поистине благородной профессии — просто сброд.

— И вы в том числе?

— Совершенно верно, — кивнул головой Денни.

Он молчал с минуту, поглядывая на Эндрю из-под рыжеватых бровей. Затем ироническое выражение исчезло с его некрасивого лица, сменившись прежней угрюмостью. Тон его был горек и серьезен:

— Слушайте, Мэнсон! Я полагаю, что Блэнелли для вас — только этап на пути к Харли-стрит. Но пока вы здесь, вам не мешает знать несколько вещей насчет этого местечка. Вы увидите, что оно не отвечает лучшим романтическим традициям. Здесь нет ни больниц, ни карет скорой помощи, ни рентгеновских лучей — ничего. Когда больному нужна операция, ее делают на кухонном столе, а потом моют руки в посудной. Санитарные условия ниже всякой критики. В сухое лето ребяташки мрут, как мухи, от детской холеры. Пейдж, ваш патрон, был чертовски опытный старый врач, но теперь он человек конченный, его сожрала Блодуэн и он уже никогда больше не сможет работать. Мой патрон, Николс, не врач, а просто жадная и скупая повитуха. Бремвел, Серебряный король, не знает ничего, кроме нескольких сентиментальных изречений да Соломоновой «Песни песней». Ну, а я... я в ожидании лучших времен пью запоем. Да, еще имеется Дженкинс, ваш безответный аптекарь, — он делает блестящие дела, торгуя

на стороне свинцовыми пилюльками от женских болезней. Вот как будто и все. Ну, пойдём, Гоукинс! — кликнул он собаку и, тяжело ступая, пошел к двери. На пороге остановился и посмотрел сначала на бутылку на стойке, потом на Мэнсона. Голос его звучал вяло, совершенно безучастно, когда он сказал:

— Между прочим, я бы на вашем месте проверил, не брюшной ли это тиф у вашей больной на Глайдер-плейс. Бывают случаи не слишком типичные.

«Дзинь!» — звякнул опять колокольчику двери. И раньше чем Эндрю успел сказать что-нибудь, доктор Филипп Денни и Гоукинс скрылись в сыром мраке.

III

Не жесткий матрац, в котором шерсть сбилась комьями, мешал Эндрью спать в эту ночь, а все растущее беспокойство относительно больной на Глайдер-плейс.

Был ли это тиф? Прощальное замечание Денни вызвало в его уже встревоженной душе новую вереницу сомнений и дурных предчувствий. Боясь, что он упустил какой-нибудь важный симптом, он с трудом удерживался от того, чтобы встать и отправиться снова к больной в такой немислимо ранний час. Беспокойно ворочаясь всю долгую бессонную ночь напролет, он дошел уже до того, что спрашивал себя, понимает ли он вообще хоть что-нибудь в медицине.

У Мэнсона была бурная натура, склонная к исключительной напряженности переживаний. Вероятно, он унаследовал ее от матери, уроженки горной Шотландии, которая на своей родине, в Аллапуле, в детстве наблюдала, как северное сияние мечется по седому небу. Отец Эндрью, Джон Мэнсон, мелкий файфширский фермер, был человек уравновешенный, степенный и трудолюбивый. Но хозяйничал он на своей земле не слишком удачно, и когда, в последний год мировой войны, он был убит на фронте, дела его остались в крайне запутанном и плачевном состоянии. Целый год Джесси Мэнсон усердно старалась сохранить ферму, завела молочное хозяйство и даже сама развозила в фургоне молоко, когда видела, что Эндрью слишком занят своими книгами, чтобы сделать это за нее. Но вскоре кашель, на который она в течение ряда лет не обращала никакого внимания, начал все сильнее мучить ее, и она неожиданно заболела чахоткой, от которой так часто гибнут тонкокожие, темноволосые жители гор.

В восемнадцать лет Эндрью оказался один на свете. Он учился тогда на первом курсе университета Ст.-Эндрью и получал стипендию — сорок фунтов в год, не имея, кроме нее, не единого гроша за душой. Спасал его «Гленовский фонд», это типично-шотландское учреждение, которое (употребляя наивную терминологию покойного сэра Эндрью Глена, его основателя) «приглашает достойных и нуждающихся студентов, получивших при крещении имя Эндрью, брать ссуды не свыше пятидесяти фунтов в год в течение пяти лет, при условии, если они готовы добросовестно погасить эти ссуды по окончании учения».

«Гленовский фонд» и способность весело голодать помогли Эндрью

пройти весь курс в университете Ст.-Эндрью и затем окончить медицинский факультет в городе Данди. А благодарность Фонду и несносная честность заставили его тотчас по получении диплома спешно взять место в Южном Уэльсе (где только что окончившие врачи могли рассчитывать на большой заработок, нежели во всех других местах) с жалованьем в 250 фунтов в год, хотя он, конечно, предпочел бы работать в Единбургской королевской клинике и получать в десять раз меньше.

И вот он в Блэнелли, — встает, бреется, одевается, все это с лихорадочной быстротой, вызванной беспокойством о первой пациентке. Он торопливо позавтракал и побежал обратно в свою комнату. Здесь отпер чемодан и достал оттуда маленький футляр синей кожи. Открыл его и с серьезным выражением смотрел некоторое время на лежавшую внутри медаль, гунтеровскую^[6] золотую медаль, которую ежегодно присуждали в университете Ст.-Эндрью студенту, сделавшему наибольшие успехи в клинической медицине. И он, Эндрью Мэнсон, получил эту медаль! Он ценил ее превыше всего, привык смотреть на нее как на талисман, залог счастливого будущего. Но в это утро он взирал на нее с гордостью, с какой-то странной тайной мольбой, словно стремясь вновь обрести веру в себя. Потом, спрятав футляр, поспешил в амбулаторию на утренний прием больных.

Когда Эндрью вошел в эту лачугу, он уже застал там Дэя Дженкинса, наливавшего воду из крана в большой глиняный горшок. Это был проворный вертлявый человек, с впалыми щеками в красных жилках, с глазами, шнырявшими одновременно во все стороны, и худыми ногами в таких тесных брюках, каких Эндрью ни на ком еще не видывал. Дженкинс поздоровался с ним и сказал заискивающе:

— Вам нет надобности приходить так рано, доктор. Я могу до вашего прихода отпустить все повторные лекарства и выдать, кому нужно, удостоверения. Миссис Пейдж заказала резиновый штамп с подписью доктора Пейджа, когда он заболел.

— Благодарю вас, — возразил Эндрью. — Но я хочу сам принять всех больных. — Он остановился, забыв на время о своей тревоге, пораженный тем, что делал аптекарь. — А что это вы делаете?

Дженкинс вместо ответа подмигнул ему.

— Из этого горшка вода покажется им вкуснее. Мы с вами знаем, что значит добрая старая «аqua»^[7], не так ли, доктор? Ну, а пациенты этого не знают. Дурак был бы я, если бы при них налил воду в их бутылки прямо из крана!

Маленький аптекарь обнаруживал явное желание пуститься в откровенности, но из задней двери дома, за сорок ярдов от амбулатории, вдруг раздался громкий окрик:

— Дженкинс! Дженкинс! Вы мне нужны — *сию же минуту!*

Дженкинс подскочил, как строго вымуштрованный пес при щелкании бича погонщика, и пробормотал дрожащим голосом:

— Извините, доктор. Меня зовет миссис Пейдж. Я... Я должен бежать туда.

К счастью, на утренний прием пришло всего несколько человек, к половине одиннадцатого Эндрью всех отпустил и, получив от Дженкинса список больных, которых следовало посетить на дом у, тотчас выехал в двуколке Томаса. В почти мучительном нетерпении он велел старому кучеру ехать прямо на Глайдер-плейс.

Через двадцать минут он вышел из дома № 7 бледный, крепко сжав губы, со странным выражением лица.

Пройдя два дома, вошел в № 11, который тоже числился у него в списке. Из № 11, перейдя улицу, — в № 18. Из № 18, завернув за угол, направился на Рэднор-плейс, где еще два адреса было записано Дженкинсом с указанием, что он уже побывал там вчера. Всего он за час сделал семь визитов в дома, расположенные очень близко друг от друга. В пяти случаях из семи, включая и пациентку из дома № 7 на Глайдер-плейс, у которой уже появилась характерная сыпь, он обнаружил типичные признаки брюшного тифа. Последние десять дней Дженкинс лечил их мелом и опиумом. После вчерашней неудачной попытки поставить диагноз Эндрью теперь с ужасом убедился, что имеет дело с вспышкой эпидемии тифа.

Остальные визиты он проделал как можно быстрее, в состоянии, близком к панике.

За лэнчем, во время которого миссис Пейдж была всецело занята отлично подрумяненным сладким мясом (которое, как она весело пояснила Мэнсону, «было приготовлено для доктора Пейджа, но почему-то ему не понравилось»), он хранил ледяное молчание, обдумывая этот вопрос. Он понимал, что от миссис Пейдж узнает очень мало и помощи от нее ждать нечего. И решил, что следует поговорить с самим Пейджем.

Но когда он вошел в комнату доктора, шторы там были опущены, и Эдвард лежал пластом на кровати с сильной головной болью. Лицо его было очень красно и сморщено от боли. Хотя он знаком попросил гостя присесть, Эндрью почувствовал, что было бы жестоко сейчас расстраивать больного новой неприятностью. Посидев несколько минут у кровати, он

встал, собираясь уйти, и ограничился лишь следующим вопросом:

— Скажите, доктор Пейдж, что надо первым делом предпринять, когда имеются случаи заразных болезней?

Пауза. Потом Пейдж, не открывая глаз и не двигаясь, ответил с таким видом, как будто уже от одного того, что он заговорил, его мигрень усилилась:

— В таких случаях всегда бывают затруднения. У нас нет даже и больницы, не говоря уже об изоляционных бараках. Если вы натолкнетесь на что-нибудь очень серьезное, позвоните Гриффитсу в Тониглен. Это в пятнадцати милях отсюда, ниже Блэнелли. Гриффитс — окружной врачебный инспектор.

Снова пауза, длиннее предыдущей.

— Но боюсь, что от этого мало будет пользы.

Утешенный такими сведениями, Эндрью помчался вниз, в переднюю, и позвонил в Тониглен. Стоя у телефона с трубкой у уха, он заметил Энни, служанку, смотревшую на него из-за двери кухни.

— Алло! Алло! Это доктор Гриффитс? — Он, наконец, добился соединения.

Мужской голос ответил очень сдержанно и осторожно:

— А кто его спрашивает?

— Говорит Мэнсон из Блэнелли, ассистент доктора Пейджа. — Голос Эндрью достиг высшей степени напряжения. — У меня здесь пять случаев тифа. Я прошу доктора Гриффитса немедленно приехать.

Откровеннейшая пауза и затем стремительный ответ монотонной заискивающей скороговоркой, сильным уэльским акцентом:

— Ужасно сожалею, доктор, ужасно сожалею, но доктор Гриффитс уехал в Суонси. По важному служебному делу.

— А когда он вернется? — крикнул Мэнсон во весь голос (телефон был в неисправности).

— Право, доктор, не могу сказать наверное.

— Но послушайте...

На другом конце провода что-то щелкнуло. Говоривший совершенно хладнокровно повесил трубку. Мэнсон в гневном, раздражении громко выругался:

— Ах, черт побери, я уверен, что это был сам Гриффитс!

Он позвонил снова, но его не соединяли. Он с упорной настойчивостью собирался звонить в третий раз, когда, обернувшись, увидел, что Энни вышла в переднюю и стоит, сложив на фартуке руки, спокойно и степенно глядя на него.

Это была женщина лет сорока пяти, очень опрятная, с серьезным и неизменно ясным выражением лица.

— Я нечаянно слышала ваш разговор, доктор, — сказала она. — Доктора Гриффитса никогда не застанете в Тониглене в этот час. Он чаще всего днем уезжает в Суонси играть в гольф.

Сияясь проглотить клубок, подкатившийся к горлу, Мэнсон сердито возразил:

— Но мне кажется, что со мной говорил именно он.

— Возможно. — Энни слабо усмехнулась. — Я слыхала, что, когда он и не уезжает в Суонси, он отвечает, что уехал. — Она дружелюбно и спокойно посмотрела на Эндрью, затем повернулась к двери и заключила: — Я бы на вашем месте не стала терять время на разговор с ним.

Эндрью повесил трубку и с все возрастающим негодованием и тревогой, бормоча проклятия, вышел из дому и вторично обошел своих больных. Когда он воротился, пора было начинать вечерний прием. Полтора часа просидел он за перегородкой, в тесной каморке, изображавшей кабинет врача, осматривая больных, которыми была битком набита приемная, до тех пор, пока не запотели стены и в комнате можно было задохнуться от испарений, выделяемых мокрыми телами. Рудокопы с порезанными пальцами, с профессиональными болезнями глаз и коленных связок, с хроническим ревматизмом. Их жены и дети — кашляющие, простуженные, с каким-нибудь растяжением или вывихом, с всякими другими мелкими человеческими недугами. При иных обстоятельствах Эндрью эта работа доставила бы удовольствие, ему приятно было бы даже спокойно-оценивающее наблюдение за ним этих хмурых людей с землистыми лицами, перед которыми он чувствовал себя, как на экзамене. Но сегодня он был всецело поглощен более важным вопросом, и голова у него шла кругом от сыпавшегося на него града пустячных жалоб. И все время, пока он писал рецепты, выстукивал груди и давал советы, в нем зрело решение, которое он мысленно выражал следующими словами: «Это он меня надоумил. Я его ненавижу, да, он мне противен, этот высокомерный дьявол, но ничего не поделаешь, придется идти к нему».

В половине десятого, когда из амбулатории ушел последний пациент, Эндрью с решительным видом вышел из своей каморки.

— Дженкинс, где живет доктор Денни?

Маленький аптекарь, который в эту минуту спешно закрывал на засов наружную дверь, опасаясь, чтобы в амбулаторию не забрел еще какой-нибудь запоздалый посетитель, повернулся к Эндрью с почти комичным выражением ужаса на лице.

— Ведь вы же не станете связываться с этим человеком, доктор? Миссис Пейдж... она его не любит.

Эндрью спросил угрюмо:

— А почему это она его не любит?

— Да потому же, почему и все. Он был так безобразно груб с ней. — Дженкинс замолчал, но затем, всмотревшись в лицо Мэнсона, добавил неохотно: — Что ж, если вы непременно желаете знать, — он живет у миссис Сиджер, Чэпел-стрит, номер сорок девять.

Снова в путь. Эндрью целый день был на ногах, но не чувствовал усталости, поглощенный сознанием своей ответственности, озабоченный эпидемией тифа, тяжелым грузом легшей ему на плечи. Он испытал большое облегчение, когда, придя на Чэпел-стрит, № 49, узнал, что Денни дома. Хозяйка проводила его к нему.

Если Денни и удивился его приходу, он ничем этого не показал. Он только спросил после долгого и невыносимого для Эндрью разглядывания его в упор:

— Что, уже отправили кого-нибудь на тот свет?

Эндрью, все еще стоявший на пороге теплой неприбранной гостиной, покраснел, но, сделав над собой громадное усилие, подавил гнев и обиду. Он сказал отрывисто:

— Вы были правы. Это брюшной тиф. Меня убить мало за то, что я сразу не распознал его. Уже пять случаев. Я не в большом восторге, что приехал сюда. Но надо что-то делать, а я здесь новый человек и не знаю, что. Я звонил врачебному инспектору, да ничего от него не добился. И пришел к вам за советом.

Денни, в своем кресле у камина, полуобернувшись слушал с трубкой в зубах и, наконец, сказал ворчливо:

— Вы бы лучше вошли. — Затем, с внезапным раздражением: — Ох, да садитесь же ради Бога! Не стойте, как пресвитерианский священник, который готовится предать кого-нибудь анафеме. Выпить чего-нибудь хотите? Нет? Ну, конечно, я так и думал, что не захотите.

Но даже и тогда, когда Эндрью, неохотно уступая его настояниям, сел с оборонительным видом и даже закурил папиросу, Денни не торопился начинать разговор. Он сидел, тыкая своего пса Гоукинса носком рваной домашней туфли. Наконец, когда Мэнсон докурил папиросу, он сказал, кивком головы указывая на стол:

— Взгляните, пожалуйста, на это!

На столе стоял прекрасный цейсовский микроскоп и лежало несколько препаратов. Эндрью поместил один из них под микроскоп и сразу различил

характерные палочки — группы тифозных бактерий.

— Сделано, конечно, очень неумело, — небрежно, скороговоркой заметил Денни, как бы торопясь предупредить критику. — Просто сварганил кое-как. Я, слава Богу, не лабораторная крыса. Я хирург. Но при наших проклятых порядках приходится быть мастером на все руки. Впрочем, как ни плохо сделаны препараты, ошибиться нельзя, видно даже и невооруженным глазом. Я их приготовил на агаре^[8] в моей печке.

— Значит, и у вас были случаи тифа? — спросил Эндрью с жадным интересом.

— Четыре. Все в том же участке, где ваши. — Денни замолчал. — И эти клопики, что вы тут видите, — из колодца в Глайдер-плейс.

Эндрью смотрел на него, оживившись, сгорая от желания задать десятки вопросов, начиная понимать, как серьезно относится к своей работе этот человек, а главное — безмерно обрадованный тем, что ему указали источник заразы.

— Видите ли, — заключил Денни все с той же холодной, горькой иронией, — паратиф здесь более или менее обычное явление. Но когда-нибудь — скоро, очень скоро! — мы дождемся хорошенькой вспышки эпидемии. Виновата в этом главная канализационная труба. Она вся дырявая, и нечистоты просачиваются из нее, отравляя половину подземных источников в городе. Я вдалбливал это Гриффитсу, пока не измучился. Но он — ленивая, увертливая, ни на что не годная благочестивая скотина. Во время нашего последнего разговора по телефону я ему пригрозил, что при встрече проломлю ему башку. Наверное, оттого он и увильнул от вас сегодня.

— Это черт знает что! Позор! — крикнул Эндрью, увлеченный внезапным порывом возмущения.

Денни пожал плечами:

— Он не хочет требовать ничего от городского управления, боясь, как бы ему не урезали жалованье, чтобы оплатить необходимые расходы.

Наступило молчание. Эндрью горячо желал продолжения разговора. Несмотря на неприязненное чувство к Денни, в нем странным образом возбуждали энергию пессимизм этого скептика, его хладнокровный и обдуманый цинизм. Но он не находил предлога оставаться здесь дольше. Поэтому он встал из-за стола и направился к двери, скрывая свои истинные чувства и решив просто вежливо поблагодарить Денни, показать ему, какое облегчение он теперь испытывает.

— Очень вам признателен за сведения. Благодаря вам мне теперь все ясно. Меня беспокоила причина эпидемии, я думал, что тут имеется какой-

то носитель заразы, но раз вы установили, что все дело в колодце, тогда это гораздо проще. Отныне в Глайдер-плейс должны будут кипятить каждую каплю воды.

Денни поднялся тоже.

— Это Гриффитса следовало бы прокипятить! — проворчал он. Затем с прежним сатирическим юмором добавил: — Пожалуйста, без трогательных выражений благодарности, доктор! Нам с вами, вероятно, придется еще не раз терпеть общество друг друга, пока вся эта история не кончится. Приходите ко мне, когда захочется. Мы здесь не слишком избалованы общением с людьми. — Он посмотрел на свою собаку и закончил грубо: — Даже доктору-шотландцу будем рады. Не так ли, сэр Джон?

Сэр Джон Гоукинс ударил хвостом по ковру и, словно дразня Мэнсона, высунул красный язык.

Тем не менее, возвращаясь домой через Глайдер-плейс, где он по пути дал строгий наказ относительно кипячения воды, Эндрью чувствовал, что Денни теперь вовсе уж не так ему противен, как ему раньше казалось.

IV

Эндрью ринулся на борьбу с тифом со всем пылом энергичной и стремительной натуры. Он любил свое дело и считал удачей то, что ему в самом начале карьеры представился такой случай. Эти первые недели он работал, как вол, — и работал с наслаждением. На нем лежала вся повседневная практика, а справившись с ней, он с увлечением занимался своими тифозными больными.

Пожалуй, ему везло в этой первой борьбе. К концу месяца все его пациенты стали поправляться, и можно было думать, что вспышка эпидемии подавлена. Когда он размышлял о всех принятых им мерах, которые проводил с неумолимой строгостью, — о кипячении воды, дезинфекции, изоляции больных, о пропитанных карболкой простынях на каждой двери, хлорной извести, которую он целыми фунтами заказывал за счет миссис Пейдж и собственноручно засыпал ею сточные канавы в Глайдере, — он говорил себе в упоении: «Помогло! Я не стою такого счастья. Но, видит Бог, это сделал я!»

Он испытывал тайную, постыдную радость оттого, что его пациенты выздоравливают скорее, чем пациенты Денни.

Денни по-прежнему оставался для него загадкой, раздражал его. Они теперь, естественно, встречались часто, навещая больных в одном и том же участке. Денни нравилось обрушивать всю силу своей иронии на дело, которое делали они оба. Он называл себя и Мэнсона «грозными истребителями эпидемии» и смаковал эту избитую фразу с каким-то злорадным удовлетворением. Но весь его сарказм, все его насмешливые замечания вроде «не забывают, доктор, что мы поддерживаем честь поистине славной профессии», не мешали ему проводить часы в комнатах больных, сидеть у их постелей, касаться их руками, не думая о заразе.

Временами Эндрью готов был полюбить его за проблески стыдливо-сдержанной сердечности и простоты, но затем какое-нибудь злое, хлесткое слово опять портило все. Как-то раз Эндрью, огорченный и задетый, прибегнул к «Врачебному адрес-календарю», в надежде узнать что-нибудь о Денни. Это был старый, изданный пять лет тому назад справочник, найденный им на полке у доктора Пейджа, но в нем оказались потрясающие сведения о Филиппе Денни. Оказалось, что он окончил с отличием Кембриджский университет, имеет звание магистра хирургии и занимал должность старшего хирурга в городе Либоро.

Десятого ноября Денни неожиданно позвонил ему по телефону.

— Мэнсон, мне бы надо вас повидать, не можете ли вы прийти ко мне в три часа? Очень важное дело.

— Хорошо, приду.

За завтраком Эндрью был задумчив. Доедая деревенский пирог, который ему сегодня подали, он почувствовал на себе упорный взгляд Блодуэн — игривый, но вместе с тем повелительный.

— Кто это говорил с вами по телефону? Денни, да? Вам не следует якшаться с таким субъектом. Никакой пользы от него не будет.

Эндрью холодно посмотрел ей в глаза.

— Напротив, он мне был очень полезен.

— Да полноте, доктор! — злобно окрысилась Блодуэн, как всегда, когда ей перечили. — Он самый настоящий сумасброд. Лекарств он обычно совсем не прописывает. Да вот, например, когда пришла к нему Рис Морган, которую всю жизнь врачи лечили разными лекарствами, он посоветовал ей ходить каждый день две мили в гору и перестать «заливать себя всяким свиным пойлом». Это его подлинные слова. Тогда она от него ушла к нам и получала от Дженкинса бутылку за бутылкой отличные микстуры. Этот Денни просто мерзкий грубиян. Все говорят, что у него где-то имеется жена, которая с ним не живет. Вот какой это человек! К тому же он почти всегда пьян. Лучше не связывайтесь с ним, доктор, и помните, что вы работаете для доктора Пейджа.

При этом уже не раз слышанном наказе Эндрью ощутил бурный прилив раздражения. Он делал все, что мог, чтобы угодить миссис Пейдж, но ее требовательности не было границ. Под ее подозрительностью и шумной веселостью, сменявшими друг друга, всегда чувствовалось намерение использовать его до последней возможности и дать в обмен как можно меньше. Жалованье за первый месяц она уже задержала на три дня. Может быть, это с ее стороны было просто забывчивостью, но такая забывчивость очень беспокоила и злила Мэнсона. И сейчас вид этой цепко оберегавшей свое благополучие жирной, цветущей женщины, которая посмела критиковать Денни, вывел его из себя. Он сказал с сердцем:

— Я бы лучше помнил, что работаю на доктора Пейджа, если бы вовремя получал свое жалованье, миссис Пейдж.

Она сразу покраснела, и Мэнсону стало ясно, что она отлично помнила об этом все время. Вызывающе вздернула голову:

— Получите! Эка важность, подумаешь!

До конца завтрака она сидела надутая, не глядя на Эндрью, как будто он ее чем-нибудь оскорбил. Но когда он после завтрака был призван в

гостиную, она встретила его уже в другом настроении — слащаво любезная, веселая, улыбающаяся.

— Вот ваши деньги, доктор. Присаживайтесь и будьте пообходительнее. Нам с вами надо жить дружно, иначе ничего у нас не выйдет.

Она сидела в зеленом плюшевом кресле, и на ее полных коленях лежало двадцать фунтовых бумажек и черный кожаный кошелек. Взяв в руки ассигнации, она принялась медленно отсчитывать их, передавая Мэнсону: «Одни, два, три, четыре». Чем меньше становилась пачка, тем медленнее она считала, ее хитрые черные глазки вкрадчиво мигали, и, дойдя до восемнадцати, она остановилась с легким вздохом сожаления.

— Ох, доктор, это большие деньги в наше трудное время! Не правда ли? «Давай и бери» — вот мой девиз. Можно оставить себе на счастье остальные два фунта?

Мэнсон молчал. Она своей мелочной жадностью ставила себя в унижительное положение. Ему было известно, что врачебная практика приносит ей солидный доход. Долгую минуту она сидела так, сверля глазами его лицо, затем, не встретив в ответ на свою просьбу ничего, кроме ледяного бесстрастия, сердитым жестом швырнула ему последние две бумажки и сказала резко;

— Смотрите же, заслужите эти деньги!

Затем рывком поднялась и уже хотела выйти из комнаты, но Эндрью остановил ее на пути к дверям.

— Одну минуту, миссис Пейдж.

В голосе его звучала нервная решительность. Как ни противно ему было, он решил не давать подачки этой жадной особе.

— Вы уплатили мне за месяц только двадцать фунтов, это составляет в год двести сорок, а мы с вами договорились, что я буду получать двести пятьдесят. Значит, мне следует еще шестнадцать шиллингов восемь пенсов, миссис Пейдж.

Она мертвенно побледнела от ярости и разочарования.

— Ах, так! — прошипела она, задыхаясь. — Вы хотите ссориться из-за какой-то мелочи. Мне всегда говорили, что шотландцы скупы. Теперь я в этом убедилась. Нате! Возьмите свои грязные шиллинги и медяки тоже!

Она отсчитала деньги из туго набитого кошелька, пальцы ее тряслись, глаза так и кололи Эндрью. Наконец, бросив на него последний злобный взгляд, она выскочила из гостиной, хлопнув дверью.

Пылая гневом, Эндрью вышел из дома. Колкости Блодуэн тем сильнее задела его за живое, что он сознавал их несправедливость. Как она не

понимала, что здесь дело шло не о пустячной сумме, а о принципе справедливости? Впрочем, независимо от требований высшей морали, у него это было врожденной чертой характера, отличающей северян, — решимость никогда никому в жизни не позволять себя дурачить и надувать.

Только когда он уже дошел до почты, купил конверт и отослал полученные двадцать фунтов по адресу «Гленовского фонда» (серебро он оставил себе на карманные расходы), он немного успокоился. Стоя на крыльце почтовой конторы, он увидел подходившего доктора Бремвела, и лицо его еще больше прояснилось. Бремвел шел медленно, его большие ступни величественно попирали мостовую, жалкая потрепанная черная фигура держалась прямо, нестриженные серые волосы падали на засаленный воротник, а глаза были устремлены в книгу, которую он держал в вытянутой вперед руке. Когда он дошел до Эндрью, которого заметил еще издали, с середины улицы, он театрально вздрогнул, изображая удивление.

— А, Мэнсон, милейший! Я так зачитался, что чуть не прошел, не заметив вас.

Эндрью усмехнулся. Он был в хороших отношениях с доктором Бремвелом, который, не в пример Николсу, второму «штатному» врачу, очень сердечно отнесся к нему с первой же встречи. Практика у Бремвела была небольшая, и он не мог позволить себе роскошь держать помощника, но у него были величественные манеры и некоторые замашки знаменитости.

Он закрыл книгу, старательно отметив в ней грязным ногтем указательного пальца место, где остановился, затем картинно заложил свободную руку за борт потрепанного пальто. Он имел такой оперный вид, что казался почти фантастическим призраком на главной улице Блэнелли. Недаром Денни дал ему кличку «Серебряный король».

— Ну что, дорогой мой, как вам понравилось наше маленькое общество? Я уже говорил вам, когда вы посетили мою дорогую жену и меня в нашем уголке, что оно не так скверно, как может показаться на первый взгляд! У нас тут имеются свои таланты. Моя дорогая жена и я стараемся их поощрять. Мы и в этой глуши высоко несем светоч культуры, Мэнсон. Вы должны прийти к нам как-нибудь вечером. Вы не поете?

Эндрью ужасно хотелось расхохотаться. Бремвел елейным тоном продолжал:

— Все мы, разумеется, слышали о вашей борьбе с тифом. Блэнелли гордится вами, мой дорогой мальчик. Я только сожалею, что такой случай не выпал на мою долю. Если могу быть вам полезен при каком-нибудь

затруднении, загляните ко мне!

Чувство раскаяния — кто он такой, чтобы потешаться над старым человеком? — побудило Эндрью ответить:

— Вот, кстати, доктор Бремвел, — я натолкнулся на прелюбопытный случай вторичного медиастинита^[9], который очень редко встречается. Если у вас есть время, не хотите ли зайти со мной посмотреть его?

— Да? — сказал Бремвел уже с несколько меньшим энтузиазмом. — Но я не желал бы вас затруднять.

— Это тут сейчас за углом, — возразил с готовностью Эндрью. — И у меня остается свободных полчаса до встречи с доктором Денни. Мы будем там через одну секунду.

Бремвел колебался, в первый момент как будто хотел отказаться, но затем сделал нерешительный жест согласия. Они дошли до Глайдер-плейс и вошли в дом больного.

Заболевание, как уже говорил Мэнсон, представляло чрезвычайный интерес для врача — редкий случай сохранения зубной железы. Эндрью искренно гордился тем, что обнаружил это, и, испытывая горячую потребность товарищеского общения, надеялся, что Бремвел разделит его восторг по поводу сделанного открытия.

Но доктор Бремвел, несмотря на все его торжественные заявления, ничуть не казался заинтересованным. Он неохотно последовал за Эндрью в комнату больного, дыша через нос, и с манерностью важной дамы подошел к постели. Стараясь держаться на безопасном расстоянии от больного, он поверхностно осмотрел его. Он, видимо, вовсе не был склонен задерживаться здесь. И только когда они вышли из дома и он полной грудью вдохнул в себя чистый и прохладный воздух, к нему вернулось обычное красноречие. Он оживленно заговорил с Эндрью:

— Я очень доволен, что вместе с вами побывал у вашего больного, мой друг, во-первых, потому, что считаю профессиональным долгом никогда не останавливаться перед опасностью заражения, во-вторых, потому, что радуюсь всякой возможности двигать науку. *Поверите ли, это наиболее характерный из всех когда-либо мною виденных случаев воспаления поджелудочной железы!*

Он пожал руку Эндрью и торопливо ушел, оставив того в полном недоумении. «Поджелудочной железы» — твердил про себя пораженный Эндрью. И то была не просто обмолвка со стороны Бремвела, а грубейшая ошибка. Все его поведение при осмотре выдавало его невежественность. Он был просто неуч. Эндрью потер лоб. Подумать только, что врач, имеющий диплом и практику, врач, в чьих руках жизнь сотен людей,

путает поджелудочную железу с зубной, когда одна находится в брюшной полости, а другая — в груди. «Нет, это что-то потрясающее!»

Медленно направился он к дому, где жил Денни, опять чувствуя, что жизнь опрокидывает его прежние представления о работе врачей. Он знал, что он еще новичок, недостаточно подготовленный, и по неопытности вполне способен делать ошибки. Но Бремвел не мог сослаться на отсутствие опыта, и, следовательно, его невежество ничем оправдать нельзя.

Незаметно для него самого мысли Эндрью перешли к Денни, никогда не упускавшему случая подтрунить над их общей профессией. Денни вначале сильно возмущал его, лениво доказывая, что по всей стране имеются тысячи никуда не годных врачей, которые замечательны лишь своим полнейшим невежеством да благоприобретенной способностью водить за нос пациентов. Теперь Эндрью задавал себе вопрос, нет ли доли истины в том, что говорил Денни. Он решил сегодня же снова поговорить с ним на эту тему.

Но, войдя в комнату Денни, он сразу увидел, что для академических споров момент сейчас неподходящий: Филипп встретил его мрачным молчанием; лицо его было пасмурно, глаза смотрели угрюмо. Через некоторое время он сказал:

— Сын Джонса умер сегодня утром, в семь часов. Прободение кишок. — Он говорил тихо, с холодной, сдержанной яростью. — И у меня два новых случая тифа на Истред-род.

Эндрью опустил глаза, сочувствуя ему, но не зная, что сказать.

— Однако вы не будьте слишком самоуверенны, — продолжал Денни с горечью. — Вам приятно, что мои больные умирают, а ваши поправляются. Но будет уже менее приятно, когда эта проклятая канализационная труба даст течь в *вашем* участке.

— Да нет же, нет, честное слово, я огорчен за вас, — горячо сказал Эндрью. — Надо нам что-нибудь предпринять. Давайте напишем в Санитарное управление.

— Мы можем написать дюжину заявлений, — ответил Филипп все с тем же сдержанным озлоблением. — И добьемся мы разве только того, что через полгода сюда приедет какой-нибудь бездельник-ревизор. Нет, я уже все обдумал. Есть только один способ заставить их проложить новую трубу.

— Какой?

— Взорвать старую.

Первую секунду Эндрью спрашивал себя, не сошел ли Денни с ума. Но

уже в следующую он понял, что Денни принял твердое решение, и растерянно уставился на него.

Он только что собирался начать перестраивать свои прежние понятия, а Денни уже разрушил их. Он пробормотал:

— Если об этом узнают, неприятностей не оберешься.

Денни высокомерно посмотрел на него.

— Можете не ходить со мной, если не хотите.

— Нет, я пойду, — медленно возразил Эндрью. — Но один Бог знает, почему я это делаю.

Весь день Мэнсон, занимаясь обычным делом, с неудовольствием и сожалением думал о данном им обещании. Он сумасшедший, этот Денни, и рано или поздно впутает его в серьезные неприятности. И то, что он собирается сделать, — ужасно, это нарушение законов, которое, если откроется, приведет их обоих на скамью подсудимых. А может быть, их даже исключат из сословия врачей. Дрожь настоящего ужаса пронизала Эндрью при мысли о том, что открытая перед ним прекрасная, блестящая карьера будет неожиданно пресечена, разрушена в самом начале. Он яростно проклинал Филиппа и двадцать раз давал себе мысленно клятву не идти с ним.

Тем не менее по какой-то непонятной ему и сложной причине он не мог и не хотел отступить.

В одиннадцать часов Денни и Эндрью, в компании Гоукинса, отправились к самому концу Чэпел-стрит. Вечер был очень темный, с сильными порывами ветра, который на углах швырял им в лицо мелкие брызги дождя. Денни заранее выработал план действий и все точно рассчитал. Последняя смена спустилась в рудник час тому назад. Кроме нескольких мальчишек, болтавшихся у рыбной лавки старого Томаса, на улице не было никого.

Двое мужчин и собака шли тихо. В кармане своего толстого пальто Денни нес шесть палочек динамита, стащенных сегодня специально для него из порохового склада каменоломни Томом Сиджером, сыном его квартирной хозяйки. Эндрью нес шесть жестянок из-под какао с просверленными в крышках дырками, электрический фонарик и кусок фитиля. Надвинув шляпу на лоб, подняв воротник, опустив голову и одним глазом опасливо поглядывая через плечо, он давал только односложные ответы на отрывистые замечания Денни, а в душе у него бушевал вихрь противоречивых ощущений. Он свирепо спрашивал себя, что подумал бы Лэмплаф, благодушный профессор-ортодокс, об его участии в этом из ряда вон выходящем ночном приключении.

Сразу за Глайдер-плейс они добрались до главного уличного люка канализационной трубы — ржавой железной крышки в разрушенном бетоне — и принялись за работу. Эта таившая в себе заразу крышка не открывалась уже много лет, но после некоторых усилий они подняли ее. Затем Эндрю осторожно посветил фонариком в вонючую глубину, где на искрошившейся каменной кладке протекал поток вязкой грязи.

— Красота, не правда ли? — сказал Денни резким шепотом. — Посмотрите, Мэнсон, какие трещины в этом канале. Посмотрите *в последний раз!*

Больше не было сказано ни слова. Настроение Эндрю непонятным образом изменилось: он испытывал теперь сильный подъем духа и был полон решимости не меньше самого Денни. Из-за этой гниющей здесь мерзости умирают люди, а чиновники ничего не хотят предпринять! Так не время теперь вздохнуть, сидя у кровати больного, и пичкать его ничего не стоящими микстурами.

Они принялись быстро вкладывать в каждую жестянку по палочке динамита. Разрезали фитиль на куски разной длины и прикрепили их. Спичка вспыхнула во мраке, резко осветив бледное, суровое лицо Денни, трясущиеся руки Эндрю. Затем зашипел первый фитиль. Одна за другой начиненные жестянки были спущены в медленно текущий поток, первыми — те, у которых были самые длинные фитили. Эндрю плохо различал все вокруг. Сердце у него возбужденно билось. Это, пожалуй, не походило на занятия чистой медициной, но зато это была лучшая минута в его жизни. Когда последняя жестянка упала внутрь и ее короткий фитиль зашипел, Гоукинсу вдруг вздумалось погнаться за крысой. Произошел временный переполох, интермедия, во время которой собака тьякала, а им грозила ужасная возможность взрыва под ногами, пока они гонялись за ней, пытаясь ее изловить. Потом крышка люка была водружена на место, и Эндрю и Денни, как бешеные, пробежали тридцать ярдов вверх по улице.

Только что они домчались до угла Рэднор-плейс и остановились, чтобы оглянуться, как — бах! — взорвалась первая жестянка.

— Честное слово, мы-таки сделали это, Денни! — восторженно ахнул Эндрю. Он испытывал теперь к Денни товарищеское чувство, хотелось схватить его руку, закричать что-то громко.

Затем быстро, с великолепной точностью последовали новые глухие взрывы — второй, третий, четвертый, пятый — и, наконец, последний, самый эффектный, — должно быть, не ближе, чем за четверть мили, в глубине долины.

— Ну вот, — сказал, понизив голос, Денни, и, казалось, вся тайная

горечь его жизни вылилась в одном этом слове, — с одним безобразием покончено!

Только что он успел это сказать, как началась суматоха. Распахивались окна и двери, и из них лился свет на темную улицу. Люди выбегали из домов. В одну минуту улица закишела народом. Сначала поднялся крик, что произошел взрыв в руднике. Но из толпы сразу раздались возражения, что взрывы слышны были снизу, из долины. Начались споры, все выкрикивали свои соображения. Группа мужчин отправилась с фонарями на разведку. Ночь так и гудела встревоженными голосами. Под покровом мрака и шума Денни и Мэнсон улизнули домой окольными путями. В крови Эндрю пела победа.

На другое утро, еще до восьми, на сцене появился прибывший в автомобиле доктор Гриффитс, — тучный, с лицом, напоминавшим сырую телятину, склонный к панике. Его с ужасными проклятиями извлек из теплой постели член муниципального совета Глин Морган. Гриффитс мог не отвечать на вызовы по телефону местных врачей, но сердитой команде Глина Моргана нельзя было не повиноваться. А сердиться Глину Моргану было на что: новая вилла этого члена совета, расположенная в полумиле от города, в долине, за эту ночь оказалась окруженной рвом, наполненным прямо-таки средневековой грязью. В течение получаса член совета и его сторонники, Хеймер Дэвис и Дэн Робертс, настолько громогласно, что их слышали многие, высказывали врачебному инспектору совершенно откровенно то, что они о нем думали.

Когда это кончилось, Гриффитс, утирая лоб, поплелся к Денни, который вместе с Мэнсоном стоял среди заинтересованной и довольной толпы. Эндрю, увидя направлявшегося к ним инспектора, почувствовал внезапное беспокойство. После тревожной и бессонной ночи он уже был настроен менее восторженно. В холодном свете утра, смущенный картиной опустошения на развороченной дороге, он снова чувствовал себя не в своей тарелке, испытывал нервное замешательство. Но Гриффитсу было не до подозрений.

— Ну, дружище, — обратился он жалобным голосом к Филиппу. — Придется-таки немедленно поставить вам новую сточную трубу.

Лицо Денни осталось безучастным.

— Я предупреждал вас об этом много месяцев тому назад, — отозвался он ледяным тоном. — Помните?

— Да, да, разумеется! Но мог ли я предвидеть, что эта проклятая штука вдруг взорвется? Как все это случилось — для меня загадка.

Денни холодно посмотрел на него.

— А где же ваши знания по санитарии, доктор? Разве вам неизвестно, что газы в канализационных трубах очень легко воспламеняются?
Прокладка новой трубы началась в следующий же понедельник.

V

Прошло три месяца.

Был прекрасный мартовский день. Близость весны чувствовалась в теплом ветре, дувшем с гор, на которых первые, едва намечавшиеся полосы зелени бросали вызов царившему здесь безобразию каменоломен и куч шлака. На нарядном, точно хрустящем фоне голубого неба даже Блэнелли казалось прекрасным.

Выйдя из дому, чтобы навестить на Рискин-стрит больного, к которому его только что вызвали, Эндрию почувствовал, что сердце его забилося сильнее от красоты этого весеннего дня. Он успел уже освоиться здесь, постепенно привык к этому своеобразному городу, примитивному, как будто оторванному от остального мира, погребенному среди гор. Городу, где не было никаких развлечений, даже кино, — ничего, кроме мрачных копей, каменоломен, заводов, обрабатывавших руду, вереницы церквей да мрачных домов. Станный, тихий, точно замкнувшийся в себя город. Да и люди здесь тоже были какие-то чужие и непонятные, но, несмотря на то, что они его чуждались, они порою вызывали в Эндрию невольное теплое чувство: за исключением торговцев, пасторов и небольшой группы ремесленников, все это были рабочие и служащие компании, которой принадлежали копи. К началу и концу каждой смены тихие улицы городка внезапно просыпались, звонко вторя стуку подбитых железом башмаков и неожиданно оживая под натиском армии людей. Платье, обувь, руки, даже лица тех, кто работал в гематитовом руднике, были напудрены ярко-красной рудной пылью. Рабочие каменоломен носили молескиновые комбинезоны, подбитые ватой и в коленях перехваченные подвязками. Пудлинговщиков легко было узнать по ярко-синим штанам из бумажной рубчатой ткани.

Говорили они мало — и большей частью на валлийском языке. В своей замкнутости и обособленности они казались представителями другой расы. Но это были славные люди. Они удовлетворялись простыми развлечениями дома, в церковных залах, на футбольной площадке в верхней части города. Но больше всего они любили музыку и не пошлые модные песенки, а музыку серьезную, классическую. Нередко Эндрию, проходя ночью по улицам, слышал звуки фортепиано, доносившиеся из этих бедных жилищ, — сонату Бетховена или прелюдию Шопена, прекрасно исполняемую, летевшую сквозь тишину ночи вверх, к

недоступным горам и еще выше.

Эндрью было теперь уже совершенно ясно, как обстоит дело с практикой доктора Пейджа. Эдвард Пейдж никогда уже не сможет принять ни единого пациента. Но рабочие не хотели «выдавать» своего доктора, который честно обслуживал их в течение тридцати лет. А наглая Блодуэн сумела при помощи хитрой лести и обмана обойти Уоткинса, директора рудника, через руки которого проходили все вычеты с рабочих за лечение, устроить так, чтобы Пейдж продолжал числиться в штате, и таким образом получала изрядный доход, а Мэнсону, выполнявшему за Пейджа всю работу, платила едва ли шестую часть этого дохода.

Эндрью было от души жаль Эдварда Пейджа. Этот простодушный и благородный человек женился на задорной, смазливой толстушке Блодуэн из эбериствитского кафе, не подозревая, что скрывается за бойкими черными, как ягоды терновника, глазами. Теперь, разбитый параличом и прикованный к постели, он всецело зависел от этой женщины, обращавшейся с ним ласково, но с какой-то, веселой деспотичностью. Нельзя сказать, чтобы Блодуэн его не любила, Она питала к нему своеобразную привязанность. Он, доктор Пейдж, был ее собственностью. Застав в комнате больного Эндрью, она подходила с улыбкой на губах, но с ревнивым чувством человека, которого отстраняют, и восклицала:

— О чем это вы тут толкуете вдвоем?

Эдварда Пейджа нельзя было не полюбить за его явную безропотность и самоотверженность. Старый, беспомощный, прикованный к постели, он покорялся шумным заботам этой наглой, смуглолицей, нетерпеливой женщины, его жены, был жертвой ее жадности, ее упрямой и беззастенчивой назойливости.

Ему не было больше надобности оставаться в Блэнелли, и он жаждал уехать куда-нибудь, где теплее и где условия жизни благоприятнее. Как-то раз, когда Эндрью спросил у него: «Чего бы вам хотелось, сэр?», он сказал со вздохом:

— Мне хотелось бы выбраться отсюда, мой друг. Я читал сегодня об острове Капри... там думают устроить птичий заповедник... — И, сказав это, он спрятал лицо в подушку. В голосе его звучала глубокая тоска.

Он никогда не говорил о своей работе врача, — разве только скажет иногда вскользь утомленным голосом: «По правде говоря, я не обладал большими знаниями, но старался делать, что мог». Он способен был целыми часами лежать, не шелохнувшись, глядя на подоконник, где Энни каждое утро с благоговейной заботливостью насыпала для птиц крошек, корочек сала и толченых кокосовых орехов. По воскресеньям утром

приходил посидеть с больным старым шахтер Инох Дэвис, неуклюже торжественный в своей порыжелой черной паре и целлулоидовой манишке. Оба — гость и хозяин — молча наблюдали за прилетавшими на подоконник птицами. Раз Эндрью встретил Иноха, когда он в волнении спускался вниз. «Доктор, — закричал старый шахтер, — сегодня у нас редкая удача! Чуть не целый час на подоконнике сидели две прехорошенькие синички!»

Инох был единственным приятелем Пейджа. Среди шахтеров он пользовался большим влиянием. И он поклялся, что, пока он жив, из списка пациентов доктора Пейджа не будет вычеркнут ни один человек. Он не подозревал, какую медвежью услугу оказывает этой своей преданностью несчастному Эдварду Пейджу.

Другим частым посетителем дома был директор Западного банка, Эньюрин Рис, долговязый, худой и лысый мужчина, к которому Эндрью с первого же взгляда почувствовал недоверие. Этот весьма уважаемый в городе человек никогда никому не смотрел прямо в глаза. Явившись в «Брингоуэр», он только приличия ради проводил пять минут у доктора Пейджа, потом запирался на целый час с миссис Пейдж. Эти свидания были вполне невинны: они посвящались денежным делам. Эндрью подозревал, что у Блодуэн имеется в банке, на ее личном счету, порядочная сумма и что под компетентным руководством Эньюрина Риса она ловко умножает свои вклады. В этот период его жизни деньги не имели для Эндрью никакого значения. Ему было достаточно того, что он мог аккуратно выплачивать свой долг «Гленовскому фонду». У него всегда оставалось еще в кармане несколько шиллингов на папиросы. И главное — у него было любимое дело.

Никогда еще до сих пор он так ясно не сознавал, как ему дорога и интересна клиническая работа. Это сознание, постоянно жившее в нем, было как огонь, у которого он отогревался, когда бывал утомлен, подавлен, расстроен. В последнее время возникали затруднения еще более необычные и еще сильнее волновали его. Но как врач он начинал мыслить самостоятельно. Может быть, этим он больше всего был обязан Денни, его разрушительно-радикальным взглядам. Мирозерцание Денни было диаметрально противоположно всему тому, что внушали до сих пор Мэнсону. Это мирозерцание можно было бы сформулировать в одном догмате и повесить его, наподобие библейского текста, над кроватью Денни: «Я не верю».

Получив стандартную подготовку на медицинском факультете, Мэнсон вышел навстречу будущему с верой во все, что говорили солидные

учебники в добротных переплетах. Его начинали поверхностными знаниями по физике, химии, биологии, — во всяком случае он препарировал и изучал земляных червей. Затем ему авторитетно преподали, как догматы, общепринятые теории. Ему были известны все болезни с их установленными симптомами и средства против них. Взять хотя бы подагру. Ее можно лечить шафранной настойкой. Эндрию еще живо помнил, как профессор Лэмплаф кротко мурлыкал аудитории: «*Vinum colchici*, господа, в дозах от двадцати до тридцати капель — это специфическое средство при подагре». А так ли это на самом деле? — вот какой вопрос задавал себе сейчас Эндрию. Месяц тому назад он испробовал это средство в предельных дозах при *настоящем* случае подагры — жестокой и мучительной «подагры бедняков», — и результат был плачевно неудачен.

А что сказать о половине, нет, о трех четвертях остальных «целебных» средств фармакопеи? На этот раз в памяти Эндрию прозвучал голос доктора Элиота, читавшего им *Materia medica*^[10]: «Теперь, господа, мы переходим к элементу — твердому смолистому веществу, ботаническое происхождение которого точно не установлено, но, вероятнее всего, оно выделяется растением *Canarium commune*^[11]. Импортируется из Маниллы и применяется в виде мази, пропорция — один на пять. Превосходное тоническое и дезинфицирующее средство при язвах и кровотечениях».

Чепуха! Да, совершенная чепуха! Теперь он это видел ясно. Пробовал ли Элиот когда-нибудь применять мазь *unguentum elemi*? Эндрию был убежден, что нет. Вся эта премудрость вычитана им из книги, а сюда она, в свою очередь, попала из другой книги и так далее. Если проследить ее происхождение, то, пожалуй, дойдешь до средних веков. Доказательством этому могут служить и архаические термины.

Денни в первый же вечер посмеялся над ним за наивную веру, с которой он составлял микстуру. Денни постоянно подсмеивался над врачами, пичкавшими больных всяким «пойлом». Денни утверждал, что только какие-нибудь пять-шесть лекарств действительно приносят пользу, а все остальные цинично называл «дерьмом». В циничных словах Денни было нечто, не дававшее Эндрию спать по ночам: разрушительная мысль, все разветвления которой он еще только смутно начинал постигать.

Размышляя об этом, Эндрию дошел до Рискин-стрит и вошел в дом № 3. Оказалось, что болен здесь девятилетний мальчик Джо Хоуэлс, у которого корь в легкой форме. Болезнь мальчика не была опасна, но сулила серьезные затруднения матери Джо благодаря их бедности и тяжелому

стечению обстоятельств: сам Хоуэлс, поденно работавший в каменоломнях, был болен плевритом и вот уже три месяца лежал в постели, не получая никакого денежного пособия, а теперь миссис Хоуэлс, женщине хрупкой и болезненной, которая уже сбилась с ног, ухаживая за одним больным и одновременно работая уборщицей при сектантской церкви, предстояло возиться еще с больным сыном.

К концу визита Эндрью, разговаривая с нею у дверей, сказал сочувственно:

— У вас столько хлопот! Досадно, что вам придется еще и Идриса держать дома, так как в школу его пускать нельзя. (Идрис был младший братишка Джо).

Миссис Хоуэлс быстро подняла голову. Безропотная маленькая женщина с потрескавшимися красными руками и распухшими в суставах пальцами.

— Нет, мисс Бэрлоу сказала, что Идрис может ходить в школу.

При всем своем сочувствии к ней Эндрью ощутил прилив раздражения.

— Да? А кто такая мисс Бэрлоу?

— Учительница школы на Бэнк-стрит, — пояснила, ничего не подозревая, миссис Хоуэлс. — Она сегодня утром заходила к нам. И, увидев, как мне трудно, позволила Идрису по-прежнему ходить в школу. Один Бог знает, что бы я делала, если бы еще и он свалился мне на руки.

У Эндрью было сильное желание сказать ей, что она обязана слушаться *его* указаний, а никак не указаний какой-то школьной учительницы, которая суется не в свое дело. Он прекрасно понимал, что миссис Хоуэлс обвинять нельзя, и воздержался от замечания. Но, простясь с ней и шагая по Рискин-стрит, он гневно хмурился. Он терпеть не мог, чтобы вмешивались в его дела, а больше всего не выносил вмешательства женщин. Чем больше он об этом думал, тем больше злился. Пускать Идриса в школу, когда его брат Джо болен корью, было явным нарушением правил. И Эндрью неожиданно решил сходить к этой несносной мисс Бэрлоу и объясниться с нею.

Пять минут спустя он, поднявшись по крутой Бэнк-стрит, вошел в школу и, спросив дорогу у привратницы, разыскал «первый нормальный» класс. Постучал в дверь и вошел.

В углу просторной, хорошо проветренной комнаты топились камин. Здесь учились дети до семилетнего возраста, и так как сейчас как раз был перерыв, то перед каждым стоял стакан молока.

Глаза Мэнсона сразу отыскали учительницу. Она писала на доске цифры, стоя спиной к нему, и поэтому сначала его не заметила. Но вот она

обернулась.

Она была не похожа на ту «назойливую» женщину, которую рисовало ему негодующее воображение, что он опешил. Или, быть может, удивление в ее карих глазах сразу вызвало в нем чувство неловкости. Он покраснел и спросил:

— Вы мисс Бэрлоу?

— Да.

Перед ним стояла тоненькая фигурка в коричневой вязаной юбке, шерстяных чулках и маленьких топорных башмаках. Он подумал, что она, вероятно, одних лет с ним, — нет, пожалуй, помоложе — ей не более двадцати двух. Она разглядывала его с легким недоумением, чуть-чуть улыбаясь. Казалось, что, устав от детской арифметики, она радовалась неожиданному развлечению в такой славный весенний день.

— Вы, должно быть, новый помощник доктора Пейджа?

— Дело не в том, кто я, — ответил он сухо, — но я действительно доктор Мэнсон. У вас тут имеется Идрис Хоуэлс. Вы знаете, что брат его болен корью?

Пауза. Ее глаза, хотя и смотрели теперь вопросительно, сохраняли приветливое выражение. Откинув со лба растрепавшиеся волосы, она ответила:

— Да, знаю.

Она, видимо, не склонна была отнестись серьезно к его посещению, и его снова охватил гнев.

— Неужели вы не понимаете, что это против всех правил — держать его здесь?

Она вспыхнула от его тона, и лицо ее утратило дружелюбное выражение. Мэнсон не мог не заметить, какая у нее свежая и чистая кожа, заметил и крошечную коричневую родинку такого точно цвета, как глаза, высоко на правой щеке. Она казалась очень хрупкий в своей белой блузке и до смешного юной. Она часто задышала, но сказала все же медленно и спокойно:

— Миссис Хоуэлс совсем потеряла голову. А у нас тут большинство детей уже перенесло корь. Те же, что не болели, конечно, рано или поздно заболеют. Если бы Идрис перестал ходить в школу, он бы не мог получать молоко, которое ему очень полезно.

— Дело не в молоке, — оборвал он ее. — Его необходимо отделить от других детей.

Она упрямо возразила:

— Я и отделила его до некоторой степени. Если не верите — взгляните

сами.

Он посмотрел в направлении ее взгляда. Идрис, мальчуган лет пяти, сидя отдельно от других у камина за низенькой партой, имел вид человека, чрезвычайно довольного жизнью, и весело таращил бледно-голубые глаза из-за края своей кружки с молоком.

Это зрелище окончательно разозлило Эндрью. Он рассмеялся презрительным обидным смехом.

— Вы можете считать это изоляцией. Но я, к сожалению, не могу. Вы обязаны сейчас же отослать ребенка домой.

В глазах девушки засверкали искорки.

— А вам не приходит в голову, что в этом классе хозяйка я? Может быть, вы и имеете право командовать людьми в более высоких сферах, но здесь распоряжаюсь только я одна.

Эндрью уставился на нее с гневным достоинством:

— Вы нарушаете закон! Вы не имеете права оставлять его в школе. Если будете упорствовать, мне придется заявить об этом инспектору.

Последовало короткое молчание. Эндрью видел, как она крепче сжала мел, который держала в руке. Этот признак волнения еще разжег его гнев на нее, на себя самого. Она сказала презрительно:

— Ну и заявляйте! Или велите меня арестовать, не сомневаюсь, что это вам доставит громадное удовлетворение.

Взбешенный Эндрью не отвечал, чувствуя, что попал в нелепое положение. Он пытался овладеть собой. Устремил на нее глаза, желая заставить ее опустить свои, сверкавшие теперь холодным блеском. Одно мгновение они смотрели друг другу в лицо так близко, что Эндрью мог видеть жилку, бившуюся на ее шее, блеск ее зубов меж раскрытых губ. Наконец она произнесла:

— Это все, не так ли? — И круто повернулась лицом к классу. — Встаньте, дети, и скажите: «До свидания, доктор Мэнсон. Спасибо, что пришли к нам!»

Под грохот скамеек дети встали и хором повторили ее иронические слова.

Уши у Мэнсона горели, когда она провожала его к дверям. Он испытывал сильное замешательство, и к тому же ему было неприятно, что он вышел из себя и вел себя глупо, в то время как она сохраняла удивительное самообладание. Он подыскивал уничтожающую фразу, какую-нибудь внушительную реплику, но раньше, чем он успел что-нибудь придумать, дверь преспокойно захлопнули перед его носом.

VI

Прозлившись целый вечер, написав и разорвав три едких, как серная кислота, заявления врачебному инспектору, Мэнсон решил забыть весь этот эпизод. Чувство юмора, утраченное было во время визита на Бэнк-стрит, теперь вызывало у него недовольство собой за проявленное им мелочное самолюбие. Выдержав жестокую борьбу со своей упрямой гордостью шотландца, он решил, что был неправ, и оставил всякую мысль о жалобе, тем более — жалобе неуловимому Гриффитсу. Но он не мог, как ни старался, выбросить из головы Кристин Бэрлоу.

Не глупо ли? Какая-то девчонка, школьная учительница, так упорно занимает его мысли, и он беспокоится, что она подумает о нем. Он твердил себе, что это просто следствие задетого самолюбия. Он всегда был застенчив и неуклюж с женщинами. Но никакими логическими рассуждениями не изменить было того факта, что он стал беспокоен и немного раздражителен. Когда он не следил за собою, например, когда, усталый, валился на кровать и начинал засыпать, сцена в классе вставала перед ним с новой яркостью, и он хмурился в темноте. Он видел опять, как она стискивала мел пальцами и темные глаза загорались гневом. На ее блузе на груди были три перламутровые пуговики. Ее фигура, тоненькая и подвижная, отличалась собранностью, четкостью и скупостью линий, говорившими о том, что она в детстве много бегала и отважно прыгала. Эндрю не задавался вопросом, красива ли она. Какова бы она ни была, она неотвязно стояла, как живая, в его воображении. И сердце в нем невольно сжималось никогда не испытанной сладкой грустью.

Прошло недели две, и однажды он, проходя по Чэпел-стрит, на углу Стейшен-род, в припадке рассеянности чуть не столкнулся с миссис Бремвел. Он прошел бы, не заметив ее, если бы она тотчас его не окликнула и не остановила, сияя улыбкой.

— А, доктор Мэнсон! Как раз вас-то мне и нужно. У меня сегодня один из обычных званых вечеров для небольшой компании. Надеюсь, вы придете?

Глэдис Бремвел представляла собой довольно крикливо одетую тридцатипятилетнюю даму с волосами цвета спелой кукурузы, пышной фигурой, младенчески-голубыми глазами и манерами молоденькой девушки. Глэдис сентиментально называла себя «мужней женой». Сплетники в Блэнелли предпочитали характеризовать ее другим словом.

Доктор Бремвел боготворил ее, и говорили, что только это слепое обожание мешало ему заметить ее более чем легкомысленное увлечение Гэбелом, «темнокожим» доктором из Тониглена.

Узнав ее, Эндрью поспешно стал искать предлога уклониться от приглашения.

— Боюсь, миссис Бремвел, что мне не удастся освободиться на сегодняшний вечер.

— Нет, вы должны непременно прийти, чудак вы этакий. У нас бывают такие милые люди. Мистер и миссис Уоткинс с копей и, — она многозначительно усмехнулась, — доктор Гэбел из Тониглена... Да, чуть не забыла: еще наша маленькая учительница, Кристин Бэрлоу.

Дрожь пробежала по телу Мэнсона. Он вдруг преглупо заулыбался.

— Ну, разумеется, приду, миссис Бремвел. Очень вам благодарен за приглашение.

Он кое-как несколько минут поддерживал разговор, пока она не ушла. Но весь остаток дня он ни о чем больше не в состоянии был думать, как только о том, что сегодня снова увидит Кристин Бэрлоу.

«Вечер» у миссис Бремвел начался в девять часов. Такой поздний час был выбран из внимания к врачам, которые могли задержаться в своих амбулаториях. И действительно, Эндрью отпустил последнего больного только в четверть десятого. Он торопливо умылся под краном в амбулатории, причесал волосы сломанным гребешком и помчался в «Уединенный уголок». Разыскал небольшой кирпичный дом (который не оправдывал своего идиллического наименования, так как расположен был в центре города) и, войдя, убедился, что пришел последним. Миссис Бремвел, весело пожуриив его, открыла шествие в столовую, за ней последовали муж и все пятеро приглашенных.

Ужин состоял из холодных закусок, разложенных на бумажных салфеточках на столе мореного дуба. Миссис Бремвел очень гордилась своими талантами хозяйки и была в Блэнелли чем-то вроде законодательницы вкусов, что позволяло ей пренебрегать общественным мнением.

По ее понятиям, занимать гостей — значило как можно больше самой болтать и смеяться. Она всегда давала понять, что до брака с доктором Бремвелом была окружена необычайной роскошью.

Как только сели за стол, она воскликнула, сияя:

— Ну вот! Есть ли у каждого все, что ему нужно?

Эндрью еще не отдышался от быстрой ходьбы и, кроме того, испытывал сильное замешательство. Целых десять минут он не решался

взглянуть на Кристин. Он, не поднимая глаз, знал, что она сидит на дальнем конце стола, между доктором Гэбелом, смуглым щеголем в крагах, полосатых брюках и с жемчужной булавкой в галстук, и директором рудника мистером Уоткинсом, пожилым бесцветным человеком, который с присущей ему грубоватой бесцеремонностью ухаживал за ней. Наконец, покоробленный шутивым восклицанием Уоткинса: «Вы все та же моя йоркширская девочка, мисс Кристин?», он ревниво поднял голову, поглядел на Кристин, такую простую и милую в своем светло-сером платье с белым воротничком и манжетами, и, пораженный тем, что она чувствует себя здесь как дома, отвел глаза, боясь, чтобы она не прочла в них его мысли.

Заняв оборонительную позицию, он, едва сознавая, о чем говорит, начал беседу со своей соседкой, миссис Уоткинс, маленькой женщиной, принесшей с собой свое вязанье.

В течение всего ужина он испытывал муки разговора с одним человеком, в то время как страшно хочется говорить с другим. Он чуть не вздохнул громко от облегчения, когда доктор Бремвел, председательствовавший во главе стола, благодушно окинул взглядом пустые тарелки и сделал наполеоновский жест:

— Мой друг, я полагаю, что все кончили ужинать. Не перейти ли нам в гостиную?

В гостиной, когда гости расположились, где кому хотелось, большинство на диване и креслах у стола, стало ясно, что ожидается музыка, как нечто неизменно входящее в программу таких вечеров. Бремвел нежно улыбнулся жене и подвел ее к пианино.

— Чем же мы для начала развлечем гостей, дорогая моя? — И он, напевая сквозь зубы, стал перелистывать ноты на пюпитре.

— «Церковные колокола», — предложил Гэбел. — Эту вещь мне никогда не надоест слушать, миссис Бремвел.

Усевшись на вертящуюся табуретку у пианино, миссис Бремвел заиграла и запела, а ее супруг, заложив одну руку за спину, а другую подняв таким жестом, точно собирался взять понюшку табаку, стоял рядом и ловко перевертывал страницы. У Глэдис оказалось густое контральто. Извлекая из груди глубокие, низкие ноты, она всякий раз при этом поднимала подбородок. После «Лирики любви» она спела «Скитания» и «Простую девушку».

Гости усиленно аплодировали. Бремвел, глядя в пространство, шепнул с удовлетворением: «Она сегодня в голосе».

Затем уговорили выступить доктора Гэбела. Пригладив свои усердно

напомаженные, но все же предательски выдававшие его происхождение волосы, вертя кольцо на пальце, оливковокожий денди жеманно поклонился хозяйке и, сложив руки, с упоением промычал «Любовь в дивной Севилье». Потом, на бис, «Гореадора».

— Вы поете эти испанские песни с подлинным жаром, доктор, — заметила добродушная миссис Уоткинс.

— В этом, вероятно, виновата моя испанская кровь, — скромно улыбнулся доктор Гэбел, садясь на свое место.

Эндрью заметил лукавые огоньки в глазах Уоткинса. Старый директор, как истый валлиец, любил и понимал музыку. Прошедшей зимой он руководил постановкой одной из наиболее трудных опер Верди в рабочем клубе. Подремывая за трубкой, он слушал Гэбела с загадочным видом. Эндрью невольно заподозрил, что Уоткинс забавляется, наблюдая, как эти пришельцы в его родном городе изображают сеятелей культуры, поднося ее в виде дрянных чувствительных песенок. Когда Кристин с улыбкой отказалась выступить, Уоткинс обратился к ней, кривя губы:

— Вы, видно, похожи на меня, дорогуша, — слишком любите фортепиано, чтобы играть на нем.

Затем начался главный номер программы. На сцену выступил доктор Бремвел. Откашлявшись, выставил одну ногу, откинув назад голову, театрально заложил руку за борт сюртука и объявил.

— «Павшая звезда» — мелодекламация.

Глэдис заиграла какую-то импровизацию, аккомпанируя ему, и Бремвел начал.

Монолог, в котором шла речь о душераздирающих испытаниях одной некогда знаменитой актрисы, впавшей в жестокую нужду, был полон липкой сентиментальности, и Бремвел читал его с проникновенной выразительностью. В сильно драматических местах Глэдис брала басовые ноты, а когда пафос иссякал, — дискантовые. Когда наступил кульминационный момент, Бремвел весь вытянулся, голос его дрогнул на заключительной строке: «Так лежала она... — пауза — умирая с голоду в канаве... — долгая пауза — она, павшая звезда!»

Маленькая миссис Уоткинс, уронив на пол вязанье, обратила мокрые глаза на декламатора.

— Бедняжка! Бедняжка! Ах, доктор Бремвел, у вас это всегда выходит так чудесно!

Принесенная чаша с кларетом отвлекла внимание в другую сторону. Был уже двенадцатый час, и, словно молчаливо признав, что после выступления Бремвела всякое иное только ослабило бы впечатление, гости

собрались уходить. Посыпались вежливые выражения благодарности, восклицания, вперемежку со смехом, и все двинулись в переднюю. Надевая пальто, Эндрию уныло думал о том, что за весь вечер он не обменялся с Кристин ни единым словом.

Выйдя на улицу, он остановился у ворот. Он чувствовал, что должен во что бы то ни стало поговорить с ней. Мысль об этом долгом, напрасно потерянном вечере, во время которого он рассчитывал так легко, так мило помириться с Кристин, свинцовым грузом лежала у него на душе. Правда, Кристин как будто и не глядела в его сторону, но она была там, близко, в одной комнате с ним, а он, как дурак, смотрел все время на носки своих башмаков: «О Господи, — подумал он с отчаянием, — мне хуже, чем этой падшей звезде. Надо идти домой и лечь спать».

Но он не уходил, стоял на том же месте у ворот, и сердце его вдруг сильно забилося, так как Кристин сошла с крыльца одна и приближалась к нему. Он собрал все свое мужество и пролепетал:

— Мисс Бэрлоу, могу я проводить вас домой?

— Мне очень жаль... — она запнулась, — но я обещала мистеру и миссис Уоткинс подождать их.

У Эндрию упало сердце. Он показался сам себе побитой и прогнанной собакой. Но что-то все еще удерживало его на месте. Он был бледен, но губы его сжались в упрямую линию. Слова полились стремительным и беспорядочным потоком:

— Я хотел только сказать вам, что сожалею обо всей этой истории из-за Хоуэлса. Я пришел тогда к вам из мелочного желания поддержать свой авторитет. Я заслужил хорошего пинка. То, что вы сделали для этого ребенка, великолепно, я восхищаюсь вами. В конце концов лучше следовать духу закона, чем его букве. Извините, что задерживаю вас, но я чувствовал потребность сказать вам это. Покойной ночи!

Он не видел ее лица. И не ждал ответа. Он круто отвернулся и ушел. Впервые за много дней он чувствовал себя счастливым.

VII

Из конторы рудника был прислан полугодовой доход от практики, и это дало миссис Пейдж повод к серьезным размышлениям и новую тему для разговора наедине с Эньюрином Рисом, управляющим банком. Впервые за полтора года цифра дохода сделала скачок вверх. В списке «пациентов доктора Пейджа» числилось теперь на семьдесят человек больше, чем до приезда Мэнсона.

Блодуэн была в восторге оттого, что увеличился доход, но тем не менее ей не давала покоя одна тревожная мысль. За столом Эндрью ловил на себе ее испытующие, подозрительные взгляды. В среду, после вечера у миссис Бремвел, Блодуэн влетела к завтраку с шумной напускной веселостью.

— Знаете, — начала она, — я как раз сейчас думала... Вот уже почти четыре месяца вы здесь, доктор. И вы неплохо работаете, нет, жаловаться не приходится. Конечно, это не то, что доктор Пейдж. О, Господи, конечно, нет. На днях только мистер Уоткинс говорил, что все они ждут не дождутся возвращения доктора Пейджа. «Доктор Пейдж такой прекрасный врач, — сказал мне мистер Уоткинс, — мы и думать не хотим о том, чтобы взять другого на его место».

Она принялась с живописными подробностями описывать необычайную ловкость и опытность ее мужа.

— Вы не поверите, — воскликнула она, широко открывая глаза, — нет такой вещи, которую он не мог бы сделать и которой не проделал бы в своей практике. Какие операции! Вам надо было видеть!.. Знаете, что я вам расскажу, доктор: раз он вынул у человека мозг и потом вложил его обратно. Да! Можете смотреть на меня, сколько хотите, а я вам говорю, что доктор Пейдж почистил ему мозги и вложил их обратно!

Она откинулась в кресле и уставилась на Эндрью, проверяя эффект своих слов. Потом самодовольно усмехнулась:

— Большая радость будет в Блэнелли, когда доктор Пейдж снова примется за работу. И это будет скоро. Я так и сказала Мистеру Уоткинсу: «Летом, — говорю, — да, летом, доктор Пейдж вернется к вам».

В конце недели Эндрью, возвратясь с дневного обхода больных, был поражен, увидев Эдварда, который сидел, съезжившись, в кресле перед крыльцом, вполне одетый, с пледом на коленях, в шапке, которая косо торчала на его трясущейся голове. Дул резкий ветер, а лучи апрельского солнца, освещавшие эту трагическую фигуру, были скупы и холодны.

— Вот, — закричала миссис Пейдж с торжеством, сбегая с крыльца навстречу Мэнсону, — видали? Доктор на ногах! Я только что телефонировала мистеру Уоткинсу, чтобы сообщить ему, что доктору лучше. Он скорехонько приступит к работе. Правда, милый?

Эндрью почувствовал, что вся кровь бросилась ему в голову.

— Кто свел его вниз?

— Я, — сказала вызывающе Блoduэн. — А почему бы и нет? Он мой муж. И ему лучше.

— Ему нельзя вставать, и вы это знаете, — бросил ей Эндрью, понизив голос. — Делайте то, что вам говорят. Помогите мне сейчас же уложить его обратно в постель.

— Да, да, — сказал с трудом Эдвард. — Отведите меня обратно в постель. Я озяб. Мне тут нехорошо... Я... я плохо себя чувствую.

И к ужасу Мэнсона, больной заплакал.

Вмиг Блoduэн, проливая потоки слез, очутилась подле него на коленях. Она обхватила Эдварда руками и запричитала в плаксивом раскаянии:

— Ну полно, миленький, полно. Я тебя уложу в кровать, бедняжка ты мой. Блoduэн сделает это для тебя. Блoduэн о тебе позаботится. Блoduэн тебя любит, милый.

И она взасос целовала мокрыми губами неподвижную щеку больного.

Полчаса спустя, когда Эдвард был уже водворен наверх и успокоился, Эндрью, кипя гневом, пришел на кухню.

Они с Энни успели стать настоящими друзьями, часто делились впечатлениями в этой самой кухне, и немало яблок и пирогов с коринкой перетаскала для Эндрью из кладовой эта тихая, сдержанная пожилая женщина, когда с кормежкой дело обстояло особенно плохо. Иногда она прибегала к последнему средству: отправлялась к Томасу за двумя порциями рыбы, и тогда они устраивали роскошный пир при свечке за столом в буфетной. Энни служила у Пейджа вот уже около двадцати лет. У нее в Блэнелли была многочисленная родня, все люди зажиточные, а она оставалась так долго у Пейджей единственно из преданности доктору.

— Принесите мне сюда чай, Энни, — попросил Эндрью. — Я сейчас не могу выносить общество Блoduэн.

Он вошел в кухню, не заметив сначала, что у Энни гости: сестра ее Олуэн и муж Олуэн — Имрис Хьюз. Он уже несколько раз встречался с ними. Имрис работал запальщиком шпуров в Верхних копиях Блэнелли. Это был степенный и добродушный человек с бледным одутловатым лицом.

Когда Мэнсон, увидев их, остановился в нерешительности, Олуэн, живая темноглазая молодая женщина, сказала торопливо, захлебываясь

словами:

— Не обращайтесь на нас внимания, доктор, если хотите тут пить чай. Мы как раз о вас говорили, когда вы вошли.

— Вот как?

— Да. — Олуэн бросила взгляд на сестру. — Нечего смотреть на меня так, Энни, я все равно скажу то, что у меня на душе. У нас на руднике все говорят, что уж много лет здесь не было такого дельного молодого доктора, как вы. И что вы очень старательно осматриваете больных, и все такое. Если не верите мне, — спросите Имриса. И люди здорово злятся на миссис Пейдж за то, что она их надувает. Говорят, что по справедливости практику следовало передать вам. А она узнала про эти толки, понимаете? Вот оттого-то она и подняла сегодня с постели бедного старого доктора. Выдумала, будто он поправляется! Как бы не так! Бедняга!

Выпив чай, Эндрью тотчас ретировался. От простодушных слов Олуэн ему стало как-то не по себе. Но все же лестно было услышать, что жители Блэнелли о нем хорошего мнения.

И когда, несколько дней спустя, к нему пришел с женой Джон Морган, старший бурильщик в гематитовом руднике, он счел это за особую честь.

Морганы были женаты уже около двадцати лет, не богаты, но пользовались большим уважением во всей округе. Эндрью слышал, что они собирались в скором времени переселиться в Южную Африку, где Джону обещали работу в иоганнесбургских копах. В этом не было ничего необычного: хороших бурильщиков часто соблазняли золотые прииски Южноафриканского плоскогорья, где работа была такая же, а платили гораздо больше.

Но трудно себе представить удивление Эндрью, когда Морган, усевшись с женой в тесном кабинетике амбулатории, самодовольно объяснил цель их визита.

— Ну, сэр, кажется, мы, наконец, добились своего. Моя хозяйка, которую вы видите здесь, ждет ребенка. После девятнадцати лет, заметьте, сэр! Мы оба просто в восторге, и решено у нас отъезд отложить, пока это не произойдет. Потому что, видите ли, сэр, стали мы раскидывать умом насчет докторов и решили, что лучше всего будет, если вы возьметесь за это дело. Для нас это очень важно, доктор. И задача будет нелегкая, я полагаю: моей миссис уже сорок три года. Да. Но насчет вас мы спокойны, что вы хорошо справитесь.

Эндрью принял это предложение растроганно, с чувством человека, которому оказана большая честь. Это было странное чувство, чистое от материальных расчетов и в нынешнем его состоянии вдвойне отрадное. В

последнее время он чувствовал себя ужасно одиноким, ходил как потерянный. В нем происходило что-то новое, непонятное, что-то тревожащее и мучительное. По временам он ощущал странную тупую боль в сердце, которую, в качестве солидного и зрелого бакалавра медицины, до сих пор считал выдумкой сентиментальных людей.

Он никогда еще до этих пор не задумывался серьезно о любви. В годы учения он был слишком беден, слишком плохо одет и слишком поглощен своими экзаменами, чтобы часто встречаться с женщинами. В университете Ст.-Эндрью нужно было быть человеком «хорошей крови», как, например, его друг и одноклассник Фредди Хемсон, чтобы иметь право вращаться в том кругу, где танцевали и устраивали вечера и блистали общественными талантами. А для него все это было недоступно. Он, независимо от своей дружбы с Хемсоном, принадлежал к той толпе простых смертных которые не стеснялись поднимать воротник пальто, усердно занимались, курили и свои случайные досуги проводили не в «Унионе», а в каком-нибудь захудалом баре с бильярдом.

Правда, и его посещали неизбежные романтические грезы. И оттого, что он был беден, они являлись ему всегда на фоне расточительной роскоши. А теперь, в Блэнелли, глядя в окно полуразвалившейся амбулатории, упершись затуманенными глазами в кучу грязного шлака, он томился душой по какой-то ничтожной младшей учительнице городской школы. Это было до того нелепо, что ему хотелось смеяться.

Он всегда гордился своей трезвой практичностью, большой природной осторожностью. И теперь, с яростной настойчивостью, из сознательного эгоизма пытался доводами рассудка искоренить в себе это новое чувство. Он хладнокровно, логично припоминал все недостатки Кристин. Она некрасива, слишком мала и худая. На щеке у нее родимое пятно, на верхней губе — складочка, заметная, когда она улыбается. К тому же он ей, наверное, противен.

Он сердито твердил себе, что так поддаваться чувствам с его стороны непростительная слабость и неосторожность. Ведь он посвятил себя работе. Он все еще только «помощник». Что это за врач, который уже в самом начале своей карьеры связывает себя чувством, грозящим испортить ему будущность и даже вот уже сейчас самым серьезным образом мешающим ему работать?

Делая усилия взять себя в руки, он старался отвлечься, прибегая для этого к различным уловкам. Обманывая себя мыслью, что ему недостает старых товарищей по университету, он написал длинное письмо Фредди Хемсону, недавно уехавшему в Лондон, где он получил место в больнице.

Он ухватился за дружбу с Денни. Но Филипп, хотя и бывал порой приветлив, чаще оставался холоден, недоверчив, полон горечи, как человек, ушибленный жизнью.

Несмотря на все свои старания, Эндрью не мог изгнать из головы мысли о Кристин, а из сердца — мучительную тоску по ней. Он не видел ее с того времени, когда не смог удержаться от порыва откровенности у ворот «Уголка» доктора Бремвела. Что она о нем подумала? Да и думает ли она когда-нибудь о нем? Несмотря на то, проходя по Бэнк-стрит, он всегда жадно высматривал Кристин, он так давно не встречал ее, что уже потерял надежду когда-нибудь увидеть.

И вдруг, когда он уже совсем было впал в отчаяние, он однажды в субботу, 25 мая, получил записку следующего содержания:

Дорогой доктор Мэнсон!

Мистер и миссис Уоткинс завтра, в воскресенье, ужинают у меня. Если у вас не имеется в виду ничего более интересного, не придете ли и вы тоже? В половине восьмого.

Уважающая вас Кристин Бэрлоу

Он испустил крик, на который из посудной прибежала Энни.

— Ох, доктор, что это вы? — И затем укоризненно: — Иногда вы ведете себя просто глупо.

— Это верно, Энни, — согласился он, все еще не оправившись от волнения. — Но я... теперь, кажется, с глупостями кончено. Послушайте, Энни, голубушка, вы не выгладите мне брюки на завтра, а? Я их вечером, ложась спать, вывешу за дверь.

На следующий день, по случаю воскресенья, в амбулатории вечернего приема не было, и Эндрью в трепетном волнении явился вечером в дом миссис Герберт, у которой жила Кристин. Было еще слишком рано, и он знал это, но больше не мог ждать ни одной минуты.

Дверь открыла сама Кристин, приветливая, улыбающаяся.

Да, она улыбалась, улыбалась ему. А он думал, что противен ей! Он был так взволнован, что едва мог говорить.

— Сегодня был чудный день, не правда ли? — пробормотал он, следуя за ней в гостиную.

— Да, чудный, — согласилась Кристин. — И я сегодня совершила основательную прогулку. Зашла дальше Пэнди. Поверите ли, я даже нашла несколько цветков чистотела.

Они уселись. У нервничавшего Эндрю уже готов был сорваться с языка вопрос, хорошо ли она прогулялась, но он вовремя проглотил эту пустую и банальную фразу.

— Миссис Уоткинс только что прислала сказать, что они с мужем немного опоздают, — заметила Кристин. — Его зачем-то вызвали в контору. Вы не возражаете против того, чтобы подождать их несколько минут?

Возражать! Несколько минут! Эндрю готов был громко рассмеяться от счастья. Если бы она только знала, как он томился ожиданием все эти дни и как чудесно быть с ней наедине! Он украдкой оглядел комнату. Гостиная, обставленная собственной мебелью Кристин, не была похожа ни на одну из комнат, в которых ему приходилось бывать в Блэнелли. В ней не было ни плюшевых, ни волосяных кресел, ни экминстерского ковра, ни единой пестрой атласной подушки, какие украшали гостиную миссис Бремвел. Пол был крашеный, навощенный, и только перед открытым камином лежал простой коричневый коврик. Мебель — такая ненавязчивая, что Эндрю не обратил на нее никакого внимания. Посреди стола, накрытого к ужину, стояла обыкновенная белая тарелка, в которой плавали похожие на крошечные кувшинки цветы чистотела, собранные сегодня Кристин. Это было просто и красиво. На подоконнике стоял деревянный ящик из-под пирожных, наполненный землей, из которой пробивались хрупкие зеленые ростки. Над камином висела какая-то весьма оригинальная картина, на которой был изображен всего только деревянный детский стульчик красного цвета, по мнению Эндрю, очень плохо нарисованный.

Кристин должно быть, подметила изумление в глазах гостя. Она улыбнулась с заразительной веселостью.

— Надеюсь, вы не приняли это за подлинник.

Эндрю в замешательстве не знал, что сказать. Его смущала эта комната, где во всем чувствовалась индивидуальность хозяйки, смущало сознание, что она знает многое, ему недоступное. Но Кристин возбуждала в нем такой интерес, что, забыв о своей неловкости, избежав глупых банальностей вроде замечаний о погоде, он начал расспрашивать ее о ее жизни.

Кристин отвечала ему просто. Она была родом из Йоркшира. В пятнадцать лет лишилась матери. В то время отец ее был помощником смотрителя на одном из больших Бремвелских угольных рудников. Ее единственный брат Джон в тех же копиях прошел практику горного инженера. Через пять лет, когда Кристин минуло девятнадцать и она окончила педагогический институт, отца назначили управляющим

Портским рудником, в двадцати милях от Блэнелли. Кристин и ее брат переехали с отцом в Южный Уэльс, она — чтобы вести хозяйство, Джон — чтобы работать вместе с отцом. Через полгода после их переезда на Портском руднике произошел взрыв. Джон, находившийся в шахте, был убит на месте. Отец, услышав о катастрофе, тотчас же спустился вниз и попал в поток рудничного газа. Неделю спустя из шахты извлекли оба трупа — его и Джона.

Когда Кристин кончила, наступило молчание.

— Простите меня... — начал Эндрю сочувственно.

— Люди очень тепло отнеслись ко мне, — промолвила Кристин все так же просто и серьезно. — А в особенности мистер и миссис Уоткинс. Мне предоставили здесь место в школе.

Она помолчала, и лицо ее снова прояснилось.

— Я, как и вы, здесь все еще чужая. В долинах Уэльса долго надо жить, чтобы к ним привыкнуть.

Эндрю глядел на нее, ища слов, которые хоть сколько-нибудь выразили бы его чувства к ней, какого-нибудь замечания, которое тактично отвлекло бы ее мысли от прошлого и внушило надежду на будущее.

— Да, здесь, внизу, чувствуешь себя как-то от всего отрезанным. Одиноким. Мне это знакомо. Я часто испытываю это. Часто так хочется поговорить с кем-нибудь.

Кристин улыбнулась.

— А о чем же вам хочется говорить?

Он покраснел, чувствуя себя захваченным врасплох.

— Ну, хотя бы о моей работе. — Он замолчал, но счел нужным пояснить: — Видите ли, я как-то запутался. Меня одолевают всякие вопросы.

— То есть вы хотите сказать, что у вас бывают в практике трудные случаи?

— Нет, не то. — Он продолжал с некоторым колебанием: — Я приехал сюда, начиненный формулами, истинами, в которые все веруют или делают вид, что веруют. Например, что опухшие суставы — признак ревматизма. Что ревматизм надо лечить салицилкой. Знаете, всякие такие ортодоксальные истины! Ну, а теперь открываю, что некоторые из них неверны. Возьмите хотя бы лекарства. Мне кажется, что некоторые из них приносят скорее вред, чем пользу. Виновата система. Больной приходит на прием. Он ожидает от врача своей «бутылки». И получает ее, хотя бы это был просто жженный сахар, сода и добрая старая aqua. Вот для чего рецепт пишется по-латыни, — ведь тогда больной ничего не поймет. Это нечестно

и недостойно науки. И еще одно: мне кажется, что слишком много есть докторов, которые лечат эмпирическим путем, то есть обращают внимание лишь на отдельные симптомы. Они не дают себе труда собрать все симптомы воедино и тогда только поставить диагноз. Они решают очень быстро, потому что всегда спешат: «А, головная боль — так примите этот порошок». Или: «Вы малокровны, надо попринимать железо». Вместо того чтобы вникнуть, *чем вызвана* головная боль или малокровие... — Он вдруг, перебил сам себя: — Ох, простите, вам это, должно быть, скучно...

— Нет, нет — возразила она быстро. — Это страшно интересно.

— Я только начинаю, только нащупываю дорогу, — продолжал он с увлечением, обрадованный ее вниманием. — Но я по совести нахожу, уже судя по своему небольшому опыту, что в той премудрости, которую нам внушали, слишком много отжившего, устарелого. Лекарства, которые бесполезны, симптомы, в которые верили еще в средние века. Вы, пожалуй, скажете, что это не имеет значения для рядового врача-практика? Но почему такой практикующий врач должен только класть припарки да раздавать микстуры? Пора уже выдвинуть на первый план науку. Множество людей думает, что наука — на дне пробирки. А я думаю иначе. Я считаю, что работающие в глуши врачи имеют полную возможность узнать многое и чаще наблюдать первые симптомы какой-нибудь новой болезни, чем в любой клинике. К тому времени, как больной попадает в клинику, первые стадии болезни уже миновали.

Кристин только что хотела ответить, как раздался звонок у дверей. Она поднялась, проглотив свое замечание, и вместо него сказала с легкой улыбкой:

— Надеюсь, вы не забудете своего обещания поговорить со мной об этом в другой раз.

Вошли Уоткинс и его жена, извиняясь, что опоздали. И почти сразу все сели ужинать.

Ужин был совсем не похож на ту легкую холодную закуску, которую им подавали на вечере у Бремвелов. Здесь была вареная телятина и картофельное пюре с маслом. Потом ревенная ватрушка со сливками, сыр и кофе. Все было просто, но вкусно приготовлено. После той скудной еды, которую ему подавали у Блодуэн, Эндрю наслаждался всю этим горячим и аппетитным ужином. Он сказал со вздохом:

— Вам повезло, мисс Бэрлоу: хозяйка ваша замечательно стряпает.

Уоткинс, насмешливо наблюдавший, как объедался Эндрю, вдруг залился громким смехом:

— Вот это здорово! — он повернулся к жене. — Слышала, мать? Он

говорит, что старуха Герберт замечательно стряпает.

Кристин слегка покраснела.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказала она Эндрью. — Вы сделали мне величайший комплимент в моей жизни — именно потому, что сделали его нечаянно. Ужин готовила я. Я пользуюсь кухней миссис Герберт, но люблю все стряпать сама. Я к этому привыкла.

Ее замечание привело управляющего рудником в еще более веселое настроение. Сегодня это был совсем не тот молчаливый субъект, который с таким стоическим терпением наблюдал, как развлекались гости миссис Бремвел. Сегодня он с грубоватой бесцеремонностью наслаждался едой, причмокивал губами от восторга, уписывая пирог, клал локти на стол, рассказывал анекдоты, смешившие всех.

Вечер пролетел быстро. Посмотрев на часы, Эндрью, к своему удивлению, убедился, что уже около одиннадцати. А он обещал сегодня в половине одиннадцатого навестить больного на Блайна-плес. Когда он поднялся, Кристин проводила его в переднюю. В узком коридоре его рука коснулась ее бедра. Сладкая боль пронизала его. Кристин была так не похожа на всех женщин, которых он когда-либо встречал, — такая спокойная, хрупкая, с такими умными черными глазами. Как он смел раньше в мыслях называть ее «жалкой»!

Тяжело задышав, он пробормотал:

— Не знаю, как вас и благодарить за сегодняшний вечер. Вы мне позвольте прийти еще? Я не всегда разговариваю только о своей работе. Вы не откажетесь... не откажетесь, Кристин, как-нибудь пойти со мной в кино, в Тониглен?

Глаза ее улыбались ему, на этот раз чуточку задорно.

— А вы попробуйте меня пригласить!

Долгая минута молчания на пороге, под высоким звездным небом. Росистый воздух веял прохладой на горячие щеки Эндрью. Лицо Кристин было так близко, что он ощущал ее дыхание. Ему страстно хотелось поцеловать ее. Он ошупью нашел и сжал ее руку, отвернулся, сошел на тротуар и направился домой, полный радостно пляшущих в голове мыслей. Он вступил на ту головокружительную дорогу, которою проходят миллионы людей, и каждый считает себя единственным, на избитую дорогу восторгов, всем предопределенную, вечно благословенную. О, Кристин, необыкновенная девушка! Как хорошо она поняла его, когда он говорил о трудностях своего дела. Она умна, гораздо умнее его. И как чудесно стряпает!.. И он сегодня назвал ее «Кристин»!

VIII

Кристин еще больше, чем прежде, занимала его мысли, но теперь они приняли иную окраску. Он больше не знал уныния, был счастлив, бодр, полон надежд. И эта перемена настроения немедленно сказалась на его работе. Он был еще так молод, что фантазия постоянно рисовала ему различные положения, при которых Кристин наблюдала, как он лечил, видела тщательность его методов, добросовестный осмотр больных, хвалила его за пытливость и за точность диагноза. Всякое искушение пропустить визит, сделать вывод, не выслушав больного, парализовалось мгновенной мыслью: «Ни за что! Что бы она подумала обо мне, если бы я это сделал!»

Не раз ловил он на себе взгляд Денни, сатирический, понимающий. Но его это не трогало. С присущим ему пылким идеализмом он связывал Кристин со своими стремлениями, бессознательно видел в ней источник вдохновения, она воодушевляла его на великое завоевание неведомого будущего.

Он признавался себе, что, в сущности, все чаще ничего не знает. Но он учился самостоятельно мыслить, старался за очевидным разглядеть наиболее вероятную причину болезни. Никогда еще не испытывал он такого мощного влечения к науке. Он давал себе клятву никогда не опускаться, не быть корыстолюбивым, не делать спешных выводов, никогда не дойти до того, чтобы писать на сигнатурах: «повторить». Он желал делать открытия, трудиться для науки, стать достойным Кристин.

При таком искреннем подъеме духа было обидно, что его врачебная практика вдруг стала скучной и однообразной. Он жаждал двигать горы, но в последние несколько недель ему попадались все только жалкие кочки. Все заболевания были шаблонны, совершенно неинтересны — вывихи, порезы, насморки. Верхом издевательства был случай, когда его вызвали за две мили к старухе, которая, выставив свое желтое лицо из фланелевого чепца, попросила его срезать ей мозоли.

Он чувствовал себя преглупо, злился на неудачи, жаждал бурь.

Он начал сомневаться в себе, спрашивать себя, может ли действительно врач в такой глуши быть чем-нибудь иным, кроме мелкого, заурядного ремесленника. А потом, когда он совсем уже пал духом, произошел случай, который снова заставил взлететь вверх ртуть в термометре его упований.

В конце последней недели июня он, проходя через железнодорожный

мост, встретил доктора Бремвела. Серебряный король шмыгнул из боковой двери трактира, воровато отирая губы тыльной стороной руки. Доктор имел обыкновение скромно утешаться здесь пинтой-двумя пива, когда Глэдис, веселая и разряженная, отправлялась в свои подозрительные экскурсии — «за покупками» — в Тониглен.

Неприятно пораженный тем, что Эндрью его увидел, он тем не менее блестяще вышел из положения.

— А, Мэнсон! Рад вас видеть. Меня только что вызывали к Притчерду.

Притчерд был хозяин трактира, и за пять минут перед тем Эндрью видел, как он вышел гулять со своим бультерьером. Но он ничего не сказал. Ему нравился Серебряный король, чьи высокопарные речи и смешные героические позы как-то по-человечески уравновешивались его робостью и дырами на носках, которые веселая Глэдис забывала штопать.

Возвращаясь вместе, они беседовали о своих профессиональных делах. Бремвел всегда готов был поговорить о случаях из практики и сейчас с важным видом сообщил Эндрью, что лечит Имрису Хьюза, зятя Энни. По его словам, Имрис в последнее время был какой-то странный, заводил ссоры с товарищами, терял память. Он стал раздражителен и буен.

— Не нравится мне это, Мэнсон. — Бремвел глубокомысленно покачал головой. — Я уже видывал такие случаи. Это чрезвычайно похоже на душевную болезнь.

Эндрью выразил огорчение. Хьюз всегда производил на него впечатление туповатого и добродушного человека. Он вспомнил, что в последнее время у Энни был расстроенный вид; на вопросы о причине его она отвечала туманными намеками, так как при всей своей склонности посудачить была очень скрытна, когда дело касалось ее близких. Очевидно, ее беспокоила болезнь зятя. Прощаясь с Бремвелом, Эндрью выразил надежду, что в состоянии больного наступит скоро поворот к лучшему.

Но в следующую пятницу в шесть часов утра его разбудил стук в дверь его спальни. Это оказалась Энни, уже совершенно одетая. Глаза ее были красны. Она протянула ему письмо. Эндрью вскрыл конверт. Письмо было от доктора Бремвела.

«Приходите немедленно. Вы мне нужны для того, чтобы вместе со мной удостовериться случаи опасного помешательства».

Энни боролась со слезами.

— Это насчет Имрису, доктор. С ним что-то страшное. Пожалуйста, доктор, идите туда поскорее.

Эндрью оделся в три минуты. Провожая его, Энни рассказала ему, как умела, о состоянии Имриса. Он уже три недели болен и на себя не похож, а сегодня ночью он кинулся на жену с ножом, которым режут хлеб. Олуэн едва успела спастись, выскочив на улицу в одной ночной сорочке. Эта сенсационная новость произвела на Эндрью гнетущее впечатление. Энни прерывающимся голосом рассказывала все, торопливо шагая рядом с ним в сером свете утра, — и трудно было придумать, — что сказать ей в утешение. Они дошли до дома Хьюза. В первой комнате Эндрью застал доктора Бремвела, небритого, без воротничка и галстука, сидевшего с серьезным видом за столом с пером в руке. Перед ним лежал наполовину уже заполненный голубой бланк.

— А, Мэнсон! Очень хорошо, что вы пришли так скоро. Скверная история. Но мы вас долго не задержим.

— Что случилось?

— Хьюз помешался. Я, помнится, говорил уже вам на прошлой неделе, что опасаясь этого. Ну, и оказался прав. Острый припадок умственного расстройства. — Бремвел отчеканил это с драматической выразительностью. — Да, буйное помешательство. Придется немедленно отправить его в Понтиньюд. Для этого нужны две подписи на акте, моя и ваша, — родственники больного пожелали, чтобы я вызвал вас. Вам известен порядок, не правда ли?

— Да, — кивнул головой Эндрью. — Какие у вас доказательства?

Бремвел, откашлявшись, начал читать то, что он написал на бланке. Это был длинный и обстоятельный отчет о некоторых поступках Хьюза за последнюю неделю, свидетельствовавших об умственном расстройстве. Окончив, Бремвел поднял голову:

— Достаточные доказательства, я полагаю.

— Картина довольно-таки неприятная, — медленно отозвался Эндрью. — Гм... Пойду взгляну на него.

— Благодарю вас, Мэнсон. Когда вернетесь, найдете меня здесь. — И он принялся вносить в бланк дальнейшие сведения.

Имрис Хьюз лежал в постели, а подле него сидели (на случай, если понадобится применить силу) двое его товарищей-шахтеров. В ногах кровати стояла Олуэн, бледное лицо которой, всегда такое живое и задорное, было искажено и заплакано. У нее был такой измученный вид и в комнате царил такая мрачная, напряженная атмосфера, что на мгновение холодный страх закрался в душу Эндрью.

Он подошел к Имрису и в первую минуту едва узнал его. Перемена была не такая уж резкая, это был тот же Имрис, но черты его лица как-то

неуловимо поглубели и исказились. Лицо имело отечный вид, ноздри распухли, кожа приняла восковой оттенок, и только на носу выделялось красноватое пятно. Весь он был какой-то вялый, точно сонный. Эндрию заговорил с ним. Имрис пробурчал в ответ что-то невнятное. Потом, сжав кулаки, разразился какой-то бессмысленно враждебной тирадой, которая, вдобавок к сообщению Бремвела, давала слишком убедительные основания для отправки его в сумасшедший дом.

Последовала пауза. Эндрию сознавал, что доказательства налицо. Но они его почему-то не удовлетворяли. Он спрашивал себя: *что* вызывает такие речи Хьюза? Если этот человек помешался, что послужило причиной? Имрис всегда был счастлив и доволен, не знал забот и нужды и к людям относился дружелюбно. Почему же он без всякой видимой причины вдруг пришел в *такое* состояние?

«Должна же быть какая-нибудь причина, — упрямо твердил себе Мэнсон. — Симптомы не появляются ни с того ни с сего, сами по себе». Глядя на опухшее лицо на подушке и ломая голову над решением этой загадки, он инстинктивно протянул руку и дотронулся до лица Имриса, подсознательно отметив при этом, что нажатие пальца не оставило вмятины на отечной щеке.

И вдруг, с быстротой электрической искры, пробегающей по проводу, в мозгу его возникла догадка. *Почему* отек не давал углубления под давлением пальца? Да потому — сердце у него так и подпрыгнуло! — потому что это вовсе не отек, а миксоэдема!^[12] Найдено, ей-Богу, найдено! Но нет, не следует торопиться. Он решительно одернул себя. Нельзя мчаться карьером к выводам. Надо подходить к ним не спеша, осторожно, чтобы быть уверенным в них.

Наклонясь, он взял руку Имриса. Да, кожа сухая, шершавая, пальцы немного утолщены к концам. Температура ниже нормальной. Он методически проделал осмотр, подавляя в себе каждый новый порыв восторга. Все признаки, все симптомы сходились так же точно, как элементы сложной загадки-головоломки. Бессвязная речь, сухость кожи, лопатообразные пальцы, опухшее лицо, потеря памяти, замедленность соображения, припадки раздражительности, которая довела его до покушения на убийство. Да, картина была настолько полная, что можно было торжествовать.

Эндрию встал и пошел в гостиную, где доктор Бремвел, стоявший на коврике у камина спиной к огню, встретил его восклицанием:

— Ну, что? Удовлетворены? Перо на столе, подписывайте.

— Слушайте, Бремвел. — Эндрию не смотрел на Бремвела, делая

усилия не выдать голосом свое бурное торжество. — Я не думаю, чтобы нам надо было отправлять Хьюза в Понтиньюд.

— Что?! — Лицо Бремвела постепенно теряло свое безразличное выражение. Задетый и удивленный, он воскликнул:

— Но ведь этот человек сошел с ума!

— Я другого мнения, — возразил ровным голосом Эндрью, все подавляя свое возбуждение. Недостаточно было поставить диагноз. Нужно было еще убедить Бремвела, говорить с ним осторожно, чтобы не вооружить его против себя.

— По-моему, умственное расстройство Хьюза только следствие болезни. Я нахожу, что у него щитовидная железа не в порядке — явно выраженный случай миксоэдемы.

Бремвел уставился на Эндрью стеклянным взглядом. Он был совершенно ошарашен. Несколько раз пытался заговорить, но издавал только странные звуки, как будто снег шлепался с крыши.

— В конце концов, — говорил между тем Эндрью убеждающим тоном, не подымая глаз от коврика, — Понтиньюд такое гиблое место! Если он туда угодит, он никогда оттуда не выйдет. А если и выйдет, то на всю жизнь останется с этим клеймом. Может быть, сначала попробуем ввести ему препарат щитовидной железы.

— Но, доктор... — пролепетал Бремвел дрожащим голосом, — я не понимаю...

— Подумайте, как поднимется ваш престиж, если вы его вылечите, — торопливо перебил Эндрью. — Разве не стоит попробовать? Давайте я позову сюда миссис Хьюз. Она все глаза выплакала, боясь, что Имриса увезут. Вы ей скажете, что мы хотим испытать новый способ лечения.

Раньше чем Бремвел успел что-нибудь возразить, Эндрью вышел из комнаты. Через несколько минут, когда он вернулся с женой Имриса, Серебряный король уже оправился от смущения. Встав в позу на коврике перед камином, он самым торжественным образом объявил Олуэн, что «есть еще, быть может, проблеск надежды», а в это время Эндрью за его спиной сжал в тугий комок акт о болезни и швырнул его в огонь. Затем он пошел звонить по телефону в Кардифф, чтобы прислали препарат щитовидной железы.

Наступил период трепетного волнения, несколько дней мучительной неизвестности — и, наконец, лечение начало оказывать на Хьюза свое действие. А начав, продолжало действовать просто магически. Через две недели Имрис встал с постели, а через два месяца уже снова работал в руднике. Как-то вечером он явился в амбулаторию в «Брингоуэр», бодрый,

хотя и похудевший, в сопровождении сияющей Олуэн, чтобы сообщить Эндрью, что никогда в жизни не чувствовал себя здоровее, чем сейчас.

Олуэн сказала:

— Мы всем обязаны вам одному, доктор. Мы хотим перейти от Бремвела к вам. Имрис был в списке его пациентов еще до того, как мы поженились. А этот Бремвел — просто старая глупая баба. Он бы упек моего Имриса в... ну, вы знаете, куда — если бы не вы и все то, что вы для нас сделали.

— Вам нельзя теперь перейти ко мне, Олуэн, — ответил Эндрью. — Вы этим все дело испортите. — И, отбросив свое профессиональное достоинство, пригрозил, расшалившись, как мальчик: — Только попробуйте перейти — и я кинусь на вас с вот этим ножом.

Бремвел, встретив Эндрью на улице, весело крикнул:

— Алло, Мэнсон! Вы, верно, видели Хьюза? Ха-ха! Оба они так мне благодарны! Смею сказать, такой удачи у меня еще никогда не бывало.

Энни сказала:

— Старый Бремвел расхаживает по городу так важно, как индюк, словно он Бог весть кто. А он ничего не понимает. И жена его тоже хороша! У нее ни одна прислуга и дня прожить не может.

А миссис Пейдж объявила:

— Доктор, не забудьте, что вы работаете для доктора Пейджа.

Денни комментировал событие следующим образом:

— Мэнсон, вы теперь так самонадеянны, что становитесь невозможны. Вы скоро черт знает как пойдете в гору. Да, очень скоро.

Но Эндрью, в упоении от победы научного метода, спешил к Кристин и все, что ему хотелось сказать, приберег для нее.

IX

В июле в Кардиффе начался ежегодный съезд Британского союза медиков. Союз, в члены которого (как неизменно в своем напутственном слове внушал студентам-выпускникам профессор Лэмплаф) следовало вступать каждому порядочному врачу, славился своими ежегодными съездами. Великолепно организованные, эти съезды обеспечивали участникам и их семьям всякие спортивные, светские и научные развлечения, скидку в почти первоклассных гостиницах, бесплатные прогулки в шарабанах к любым развалинам монастыря в окрестностях, брошюры «Помни об искусстве», каталоги крупных фирм, изготавливающих хирургические инструменты и лекарства, льготы при пользовании лечебными водами на ближайшем курорте. На предыдущем съезде после целой недели торжеств каждому врачу и его жене было послано по коробке печенья.

Эндрю не состоял членом союза, так как вступительный взнос в пять гиней пока еще был ему не по средствам, и он с легкой завистью следил за всем издали. Он чувствовал себя в Блэнелли как-то в стороне от мира, оторванным от всего. И это ощущение обособленности еще усиливали появлявшиеся в местных газетах снимки групп врачей, принимающих приветствия на разукрашенном флагами перроне или отъезжающих на Пенартское поле, чтобы присутствовать при состязании в гольф, или стоящих на палубе парохода во время прогулки по морю.

Но в середине недели прибыло письмо с адресом отеля в Кардиффе, доставившее Эндрю уже более приятные ощущения. Письмо было от его приятеля Фредди Хемсона. Фредди, как и следовало ожидать, был участником съезда и звал Мэнсона приехать в Кардифф повидаться с ним. Он предлагал в субботу обедать вместе.

Эндрю показал письмо Кристин. У него теперь появилась инстинктивная потребность всем с нею делиться. С того вечера, почти два месяца тому назад, когда он ужинал у нее, он влюблялся в нее все больше и больше. Теперь они часто виделись, и, ободренный явным удовольствием, которое эти встречи доставляли Кристин, Эндрю был счастлив, как никогда в жизни. Быть может, именно под влиянием Кристин он стал более уравновешенным. Эта маленькая женщина была практична, удивительно прямолинейна и совершенно лишена кокетства. Часто Эндрю приходил к ней раздраженный, нервный, а уходил утешенный и успокоенный. Она

имела привычку выслушивать молча все, что ему хотелось рассказать, а потом подавать какую-нибудь реплику, всегда меткую или забавную. Она обладала живым юмором. И никогда не льстила Эндрью.

Иногда, несмотря на спокойный характер Кристин, они горячо спорили, потому что у нее обо всем были свои собственные мнения. Она как-то с улыбкой сказала Эндрью, что любовь к спорам унаследовала от бабушки-шотландки. Быть может, от нее же она унаследовала и свой независимый характер. Эндрью угадывал в ней большое мужество, и это его трогало, вызывало горячее желание защитить ее от жизни. Она была совершенно одинока на свете, если не считать больной тетки в Бридлингтоне.

По субботам или воскресеньям, если погода была хорошая, они предпринимали далекие прогулки по дороге в Пэнди. Раз ходили в кино — смотреть Чаплина в «Золотой лихорадке» и раз в Тониглен, по предложению Кристин, на симфонический концерт. Но больше всего Эндрью любил вечера, когда в гостях у Кристин бывала одна лишь миссис Уоткинс, и он наслаждался ее обществом в домашней обстановке. Тогда и происходили большей частью их споры и беседы, а миссис Уоткинс, играя роль буферного государства, сидела и вязала с кротким, но чопорным видом.

Теперь, собираясь ехать в Кардифф, Эндрью захотел, чтобы Кристин поехала с ним. Занятия в школе в конце недели прекратились, и Кристин уезжала на летние каникулы в Бридлингтон к тетке. Эндрью решил, что до расставания им надо как-нибудь повеселее провести время.

Когда Кристин прочла письма Хемсона, Эндрью сказал стремительно:

— Поедьте со мной! Это только полтора часа езды по железной дороге. Я добьюсь, чтобы Блoduэн меня освободила на субботний вечер. Может быть, нам удастся побывать на съезде. И во всяком случае мне хочется вас познакомить с Хемсоном.

Кристин кивнула головой.

— Поеду с удовольствием.

Окрыленный ее согласием, он не допускал и мысли, что миссис Пейдж его не отпустит. Еще до того, как он поговорил с нею, он повесил в окне амбулатории большое объявление:

«В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ ПРИЕМА НЕ БУДЕТ»

И весело пошел домой.

— Миссис Пейдж, согласно Положению о состоящих на службе помощниках врачей, я имею право на свободные полдня в год. Я бы хотел использовать это право в субботу. Я еду в Кардифф.

— Но послушайте, доктор... — взъерепенилась Блодуэн, называя его мысленно наглецом и эгоистом. Однако, подозрительно взглядевшись в него, ворчливо дала согласие:

— Ну, что же, ладно, можете ехать...

Ей пришла в голову неожиданная мысль, и глаза у нее засветились, она облизала губы.

— Раз вы будете в Кардиффе, привезите мне пирожных от Перри. Я ничего так не люблю, как пирожные от Перри...

В субботу, в половине пятого, Кристин и Эндрью поехали поездом в Кардифф. Эндрью был весел, шумлив, окликал по имени носильщика, кассира. Улыбаясь, глядел на Кристин, сидевшую напротив. На ней был темносиний костюм, в котором она выглядела наряднее обычного, красивые черные туфли. По всему видно было, что она радуется поездке; глаза ее так и сияли.

Глядя на нее, Эндрью чувствовал, как его охватывает прилив нежности и новое для него страстное желание. Он подумал, что эта дружба между ними очень приятна, но одной дружбы ему мало. Ему хотелось ее обнять, ощутить ее близко-близко, так, чтобы ее теплое дыхание касалось его лица.

Он сказал невольно:

— Я пропаду тут без вас, когда вы уедете на лето.

Кристин слегка покраснела. Она смотрела в окно.

Он спросил торопливо:

— Мне не следовало этого говорить?

— Быть может. Но я рада, что вы это сказали, — ответила она, не оборачиваясь.

Ему ужасно хотелось сказать ей еще, что он любит ее, и, несмотря на его до смешного необеспеченное положение, спросить, согласна ли она выйти за него замуж. Ему вдруг стало ясно, что это единственный и неизбежный выход для них обоих. Но что-то удерживало его, — он инстинктивно понимал, что минута для этого не подходящая. Решил поговорить с Кристин на обратном пути.

А пока продолжал, не переводя дыхания;

— Мы сегодня чудесно проведем вечер. Хемсон — отличный малый. Остроумный, веселый. Помню, раз в Данди устроили благотворительный дневной концерт в пользу больниц. Выступали всякие «звезды», настоящие артисты — это было в Лицее. И что же вы думаете, Хемсон отправился туда, выступил на сцене — пел и плясал — и, клянусь святым Георгием, покори́л весь зал!

— Он, очевидно, больше подходит для роли любимца театральной

публики, чем для роли врача, — заметила с улыбкой Кристин.

— Ну, Крис, не будьте так строги. Фредди вам понравится.

Поезд прибыл в Кардифф в четверть седьмого, и они направились прямо в «Палас-отель». Хемсон обещал ждать их здесь в половине седьмого, но, когда они вошли в вестибюль, его еще не было.

Они стояли рядом, наблюдая. В комнате теснились врачи и их жены, болтая, смеясь, создавая атмосферу удивительной сердечности. Любезные приглашения летели от одного к другому:

— Доктор! Вы и миссис Смит непременно должны сегодня вечером сесть рядом с нами.

— Доктор, как насчет билетов в театр?

Люди суетливо входили и выходили, джентльмены с красными значками в петлицах важно скользили взад и вперед по паркету со списками в руках.

В нише напротив какой-то служащий отеля монотонно гудел:

— В секцию отологии и ларингологии проход здесь, пожалуйста.

Над входом в коридор, ведущий в пристройку, красовалась надпись: «Медицинская выставка». В вестибюле имелись и пальмы и струнный оркестр.

— Здесь довольно весело, правда? — заметил Эндрью, чувствуя, что они с Кристин как-то исключены из общего веселья. — А Фредди, как всегда, опаздывает, черт бы его побрал! Давайте посмотрим пока выставку.

Они с интересом обошли выставку. Эндрью скоро оказался нагруженным изящными брошюрками и листовками. Он, смеясь, показал одну Кристин: *«Доктор! Не пуст ли ваш кабинет? Мы можем вас научить, чем его заполнить»*. Было здесь и девятнадцать рекламных каталогов, все разных, предлагавших новейшие болеутоляющие средства.

— Можно подумать, что последнее слово медицины — наркотики, — промолвил, хмурясь, Эндрью.

У последнего киоска, когда они уже выходили, какой-то молодой человек учтиво остановил их и показал блестящий, похожий на часы предмет.

— Доктор! Я полагаю, вас заинтересует наш новый индексометр. Он имеет самое разнообразное применение, абсолютно точен, очень эффектен у кровати и стоит всего только две гинеи. Разрешите, доктор, я вам его покажу. Видите, спереди имеется указатель инкубационных периодов. Один поворот диска — и вы определяете инфекционный период. Внутри, — он щелкнул задней крышкой, открывая ее, — внутри превосходный измеритель гемоглобина, а сзади в виде таблицы...

— У моего деда была такая же точно штука, — решительно прервал его Эндрию, — но он ее кому-то отдал.

Когда они шли обратно коридором. Кристин хохотала.

— Бедняга! — сказала она. — До сих пор никто не смел насмеяться над его прекрасным прибором.

В ту минуту, когда они входили обратно в вестибюль, появился и Фредди Хемсон. Выскочив из такси, он вошел в отель, а за ним мальчик нес его палки для гольфа. Хемсон сразу увидел Эндрию и Кристин и направился к ним с широкой, подкупающей улыбкой.

— Алло! Алло! Вот вы где! Извините, что опоздал. Я должен был доиграть партию с Листером. Никогда в жизни не видывал, чтобы кому-нибудь так везло, как этому парню. Ну, Эндрию, рад опять с тобой увидеться. Все тот же прежний Мэнсон. Ха-ха! Но почему ты не купишь себе новой шляпы, мой милый? — Он приятельски, с развязной и шумной приветливостью похлопал Эндрию по спине, и его смеющиеся глаза охватили одним взглядом и Эндрию и Кристин. — Познакомь же меня, разиня! О чем ты только думаешь!..

Они уселись за один из круглых столиков. Хемсон решил, что всем надо до обеда выпить чего-нибудь. Щелкнув пальцами, он подозвал лакея, который со всех ног бросился на его зов. Затем, попивая херес, стал рассказывать им подробности своего состязания в гольф...

Розовощекий, с светлыми, напомаженными брильянтином волосами, в костюме прекрасного покроя, из рукавов которого высовывались манжеты с запонками из черного опала, Фредди представлял собой симпатичного молодого человека, не красивого, — черты лица у него были очень уж заурядные, — но добродушного и остроумного. Пожалуй, он был немножко самонадеян, но когда он хотел понравиться, ему это удавалось. Он легко сходилась с людьми. Но, несмотря на все это, в университете доктор Мюэр, патолог и циник, однажды сказал ему угрюмо перед всей аудиторией: «Вы ничего не знаете, мистер Хемсон. Ваша голова подобна воздушному шару и наполнена только газом самообожания. Но такой, как вы, никогда не пропадет. Если вам удастся, надув преподавателей, пройти через те детские игры, которые у нас здесь называются экзаменами, то я вам предсказываю большое и блестящее будущее».

Обедать они пошли в ресторан, так как для обеда в отеле все трое не были одеты подобающим образом. Фредди, правда, сообщил, что ему сегодня вечером придется переодеться во фрак: предстоит танцевальный вечер, ужасно скучный, но он должен туда показаться.

Небрежно заказав обед по карточке, где все названия невероятно

отдавали медициной: «суп Пастер», «камбала мадам Кюри», «говяжье филе а ля Съезд врачей», Фредди принялся с драматическим жаром вспоминать былые дни.

— Никогда бы я не подумал, — закончил он, качая головой, — что старина Мэнсон похоронит себя в долинах Южного Уэльса.

— А вы полагаете, что он окончательно себя там похоронил? — спросила Кристин с несколько натянутой усмешкой.

Наступило молчание. Фредди оглядел зал, битком набитый посетителями, улыбнулся Эндрью:

— А какого ты мнения о съезде?

— Мне кажется, — сказал нерешительно Эндрью, — он полезен тем, что дает возможность идти в ногу с прогрессом.

— В ногу с прогрессом! Да я за всю неделю не был ни на одном заседании их дурацких секций. Нет, нет, дружище, важно не это, а то, что на съезде встречаешься с людьми, заводишь знакомства. Ты представить себе не можешь, каких влиятельных людей я успел расположить к себе за эту неделю. Вот для того-то я и приехал на съезд. Вернувшись в Лондон, я им позволю по телефону, стану бывать у них, играть с ними в гольф. А там — помяни мое слово — с их помощью налажу свои дела.

— Я не совсем тебя понимаю, Фредди, — сказал Мэнсон.

— Боже мой, это так же просто, как расколоть полено. Я пока остаюсь на службе, но уже присмотрел себе славный кабинетик в Вест-Энде, на дверях которого шикарно будет выглядеть изящная медная дощечка с надписью: «Фредди Хемсон, бакалавр медицины». Когда эта дощечка появится на дверях, мои новые знакомые будут направлять ко мне пациентов. Ты же знаешь, как это делается между врачами: взаимные услуги. По пословице: «Почеси мне спину, а я тебе почешу». — Фредди с наслаждением отхлебнул глоток белого вина и продолжал: — Кроме того, полезно потолкаться и среди мелкой провинциальной братии. Иногда они тоже могут прислать мне в Лондон подходящую дичь. Да вот хотя бы ты, старина, — через год-другой и ты будешь направлять ко мне в Лондон пациентов из вашего — как бишь его? — Блэн... ну, не помню, как оно называется.

Кристин быстро глянула на Хемсона, как будто хотела что-то сказать, но сдержалась. Она больше не поднимала глаз от тарелки.

— Ну, а теперь расскажи о себе, Мэнсон, сын мой, — сказал Фредди с улыбкой. — Что у тебя нового?

— Да ничего особенного. Я принимаю в бревенчатой амбулатории, делаю в среднем тридцать визитов в день. Лечу большей частью шахтеров

и их семьи.

— Не велик успех! — соболезнующе покачал головой Фредди.

— А я очень доволен, — спокойно возразил Эндрию.

Вмешалась Кристин:

— Но ведь тут настоящая работа!

— Да, вот недавно, например, у меня был очень интересный случай, — сказал Эндрию. — Я даже написал заметку в «Журнал».

Он коротко описал Хемсону болезнь Имриса Хьюза. Но хотя Фредди усиленно делал вид, что слушает с интересом, глаза его все время шныряли по залу.

— Да, это блестяще, — заметил он, когда Мэнсон кончил. — А я думал, что зоб встречается только в Швейцарии или где-то там еще. Во всяком случае ты, надеюсь, содрал с него за это дело кругленькую сумму. Да, кстати о гонорарах. Сегодня один парень сообщил мне самое лучшее решение вопроса о гонораре. — Фредди опять оживился, увлеченный поданной ему кем-то сегодня идеей получать плату за визиты наличными. Его красноречивые разглагольствования продолжались до самого конца обеда. Наконец он встал, бросив на стол салфетку.

— Пойдемте пить кофе на террасу. Мы закончим там нашу конференцию.

К трем четвертям десятого его сигара была докурена, запас анекдотов иссяк, и Фредди, тихонько зевнув, посмотрел на свои платиновые часы-браслет.

Но Кристин его предупредила.

Она весело взглянула на Эндрию, выпрямилась и спросила:

— Нам как будто пора ехать?

Мэнсон хотел было возразить, что до отхода поезда еще полчаса, но Фредди сказал:

— А мне, пожалуй, надо собираться на этот проклятый бал. Неудобно задерживать компанию, с которой я иду.

Он проводил их до дверей и долго и дружески прощался с обоими.

— Ну, старина, — пробормотал он, в последний раз пожав руку Эндрию и фамильярно потрепав его по плечу, — когда я повешу вывеску в Вест-Энде, я не забуду тебя известить.

Выйдя на теплый вечерний воздух, Эндрию и Кристин молча шли по Парковой улице. Эндрию смутно понимал, что вечер вышел не такой удачный, как они рассчитывали, во всяком случае — обманул надежды Кристин. Он ожидал, чтобы она заговорила, но Кристин молчала. Наконец он сказал неуверенно:

— Боюсь, что вам было очень скучно слушать все эти больничные истории.

— Нет, — возразила Кристин, — мне они вовсе не показались скучными.

Оба помолчали. Затем Эндрью снова спросил:

— А Хемсон вам не понравился?

— Не особенно. — Она вдруг повернулась к нему.

Сдержанность ей изменила, глаза сверкали благородным негодованием:

— И такой-то вот, напoмаженный, сидит весь вечер и глупо ухмыляется и смеет обращаться с вами покровительственно!

— Покровительственно? — повторил удивленный Эндрью.

Она сердито кивнула головой.

— Он был просто невыносим. «Один парень сообщал мне наилучшее решение вопроса о гонораре». И это сразу после того, как вы ему рассказали о замечательном случае с Имрисом! И еще назвал эту болезнь зобом! Даже я знаю, что это как раз обратное явление. А его предложение направлять к нему пациентов! — Она скривила губы. — Дальше уж некуда! — Она закончила, совсем рассвирепев: — Ох, я едва сдерживалась, так меня злило то, что он считает себя выше вас!

— Не думаю, чтобы он считал себя выше меня, — сказал Эндрью озадаченно. — Правда, он сегодня произвел впечатление человека, занятого только самим собой. И это, может быть, просто такое настроение. Он самый симпатичный человек из всех, кого я знаю. Мы были очень дружны в университете. Вместе зубрили.

— Вероятно, он находил, что вы ему полезны, — бросила Кристин с необычной для нее горечью. — Он подружился с вами для того, чтобы вы ему помогали учиться.

Эндрью огорченно запротестовал:

— Не говорите гадостей о людях, Крис.

— Нет, вы, должно быть, слепы! — вспыхнула она, и злые слезы заблестели у нее на глазах. — Надо быть слепым, чтобы не видеть, что он за человек. И он испортил нам все удовольствие от поездки. Все было отлично, пока он не явился и не начал говорить о себе. А в Викториа-холл был чудный концерт, и мы могли пойти туда! Но мы не попали на концерт, а теперь уже слишком поздно идти куда-нибудь — только он не опоздает на свой идиотский бал!

Они шли до станции на некотором расстоянии друг от друга. В первый раз Эндрью видел Кристин рассерженной. И он тоже сердился — на себя, на Хемсона да и на Кристин. Но ведь она права: вечер испорчен. Теперь,

украдкой поглядывая на ее напряженное бледное лицо, он чувствовал, что все вышло прескверно.

Они пришли на станцию. Неожиданно, когда они поднимались на верхнюю платформу, Эндрью увидел на противоположной стороне двух человек, которых узнал сразу: миссис Бремвел и доктора Гэбела. В эту минуту был подан поезд, который шел в Порткоул, на морское побережье. Гэбел и миссис Бремвел сели вместе в этот поезд, улыбаясь друг другу. Раздался свисток паровоза, и поезд отошел. Эндрью овладело вдруг неприятное чувство. Он бегло посмотрел на Кристин, с надеждою, что она не заметила этой пары. Только сегодня утром он встретил Бремвела, и тот, поговорив о хорошей погоде, сообщил, удовлетворенно потирая костлявые руки, что жена уехала на два дня к матери в Шрусбери.

Эндрью стоял молча, опустил голову. Он был так влюблен, что сцена, которой он только что был свидетелем, во всем ее значении мучила его, как физическая боль. Тошно ему стало. Не хватало только такого заключительного аккорда, чтобы завершить тяжелый день. Настроение Эндрью резко изменилось, радость померкла. Он жаждал длинного, ничем не нарушенного разговора с Кристин, жаждал открыть ей душу, уладить эту глупую и пустячную размолвку между ними. А больше всего жаждал быть с ней наедине. Но поезд, шедший в Блэнелли, был битком набит. Им пришлось удовольствоваться местами в вагоне, переполненном шахтерами, которые громко обсуждали подробности футбольного матча.

В Блэнелли приехали поздно, и Кристин казалась очень утомленной. Эндрью был уверен, что она видела миссис Бремвел и Гэбела. Он сейчас не мог говорить с ней. Не оставалось ничего другого, как проводить ее молча до дома миссис Герберт и в унынии пожелать ей доброй ночи.

Х

Было уже около двенадцати часов ночи, когда Эндрью вернулся в «Брингоуэр», но, несмотря на такой поздний час, его ожидал там Джо Морган, расхаживая короткими шагами между запертой амбулаторией и домом. При виде Эндрью широкое лицо бурильщика выразило облегчение.

— Ох, доктор, как хорошо, что вы вернулись! Я тут хожу взад-вперед уже целый час. Моя хозяйка нуждается в вашей помощи — и раньше времени к тому же.

Эндрью, сразу оторванный от размышлений о своих личных делах, попросил Моргана подождать. Он сходил наверх за сумкой, потом они

вместе отправились на Блэйнатеррас. Ночь была прохладна и загадочно-спокойна. Всегда такой впечатлительный, Эндрю теперь ощущал лишь какое-то тупое безучастие ко всему вокруг. Он не предчувствовал, что это ночное посещение будет необычно, более того, что оно будет иметь решающее значение для его будущего в Блэнелли. Оба шагали молча, пока не дошли до дома № 12. Здесь Джо круто остановился.

— Я не войду, — сказал он, и в голосе его чувствовалось большое душевное напряжение. — Но я уверен, доктор, что вы нам поможете.

Внутри узкая лестница вела в тесную спальню, чистенькую, но бедно меблированную и освещенную только керосиновой лампой. Здесь мать миссис Морган, высокая седая старуха лет семидесяти, и пожилая толстая повитуха ожидали у постели роженицы, следя за выражением лица Эндрю, ходившего по комнате.

— Можно вам предложить чашку чаю, доктор? — быстро спросила старая мать через несколько минут.

Эндрю слегка усмехнулся. Он понял, что старая женщина, умудренная опытом, боялась, как бы он не ушел, обещав вернуться попозже, когда начнутся роды.

— Не беспокойтесь, матушка, я не сбегу.

Сойдя вниз, на кухню, он выпил чашку чаю, поданную ею. Он был очень утомлен, но понимал, что даже если и уйдет домой, не урвет и часа на сон. К тому же видел, что этот случай потребует всего его внимания. Какое-то странное душевное оцепенение владело им, и он решил остаться здесь, покуда все не кончится. Час спустя он поднялся наверх взглянуть на больную, вернулся в кухню и сел у огня. В квартире стояла тишина, слышно было только, как сыпалась сквозь решетку зола да медленно тикали стенные часы. Впрочем, раздавались и другие звуки: стук башмаков Моргана, ходившего по улице перед домом. Против Эндрю сидела в своем черном платье старая мать. Она сидела совершенно неподвижно, и глаза ее, удивительно живые и умные, не отрываясь, смотрели в лицо Эндрю, словно изучая его.

Тяжелые, путанные мысли бродили в голове Эндрю. Сцена на кардиффском вокзале все еще стояла перед ним и болезненно волновала. Он думал о Бремвеле, обожавшем женщину, которая гнусно его обманывала, об Эдварде Пейдже, связанном навсегда с строптивой Блодуэн, о Денни, который вел печальную жизнь врозь с женой. Рассудок твердил ему, что все это крайне неудачные браки. Но в нынешнем состоянии его души этот вывод заставлял его хмуриться. Он хотел представлять себе брак идиллией, — да, иначе он не мог себе его

представлять, когда перед ним витал образ Кристин. Ее глаза, сиявшие перед ним, не допускали никакой другой мысли. И борьба между холодными сомнениями ума и переполнявшей сердце любовью вызывала в нем гнев и растерянность. Уткнув подбородок в грудь, вытянув ноги, он задумчиво смотрел в огонь.

Так он сидел долго, и мысли его были настолько заняты Кристин, что он вздрогнул, когда сидевшая напротив женщина заговорила с ним.

Ее занимали вопросы совсем иного свойства.

— Сюзен наказывала, чтобы ей не давали хлороформа, если это может повредить ребенку. Она страх как хочет этого ребенка, доктор. — Старые глаза вдруг потеплели, и она добавила тише: — Да и все мы так же хотим его.

Эндрью с трудом стряхнул с себя рассеянность.

— Наркоз не принесет никакого вреда, — сказал он ласково. — Оба будут живы и здоровы.

С верхней площадки раздался голос повитухи, звавшей его. Эндрью посмотрел на часы: они показывали половину четвертого. Он встал и пошел в спальню. Пора было приступить к делу.

Прошел час. Борьба была длительна и жестока. Наконец, когда первые лучи зари скользнули в комнату из-за неровного края шторы, ребенок родился — бездыханным.

Дрожь ужаса пронизала Эндрью, когда он посмотрел на неподвижное тельце. После всего того, что он обещал родным! Его лицо, разгоряченное от усилий, вдруг похолодело. Он стоял в нерешимости, колеблясь между желанием попробовать оживить новорожденного и необходимостью заняться матерью, которая и сама была в опасном состоянии. Дилемма была так трудна, что он не мог по совести решить ее. Инстинктивно, жестом слепого, передал он ребенка повитухе и занялся Сюзен, которая лежала на боку без сознания, почти без пульса, еще не придя в себя после эфира. Эндрью делал отчаянные усилия, бешено торопился спасти ее.

В одно мгновение он разбил стеклянную ампулу и впрыснул ей под кожу питуитрин. Затем отбросил шприц и начал приводить в чувство лежавшую неподвижно женщину. Несколько минут прошло в лихорадочных усилиях — и сердце ее забилось сильнее. Эндрью видел, что теперь можно отойти от нее, не опасаясь за ее жизнь. Он резко обернулся. Он был без пиджака, волосы прилипли к мокрому лбу.

— Где ребенок?

Повитуха испуганным жестом указала под кровать, куда она положила ребенка.

В одно мгновение Эндрю опустился на колени. Пошарив среди промокших газет под кроватью, он вытащил оттуда ребенка. Это был мальчик, прекрасно сложенный. Вялое, но теплое тельце его было бело и мягко, как сало. Перерезанный впопыхах пупочный канатик висел, как сломанный стебель. Кожа была прелестного оттенка, гладкая и нежная. Головка болталась на тонкой шее. Руки и ноги казались совсем бескостными.

Не вставая с колен, Эндрю смотрел на ребенка, свирепо хмурясь. Мертвенная белизна могла означать только одно: здесь налицо *Asphyxia pallida*^[13]. И, сверхъестественно напрягая память, Эндрю стал лихорадочно припоминать случай, который ему пришлось наблюдать когда-то в Самаритянской больнице, и те средства, которые тогда были применены. В одну секунду он вскочил на ноги.

— Принесите горячей воды и холодной и два таза, — бросил он повитухе. — Живей, живей!

— Но, доктор... — пролепетала она, запинаясь, устремив глаза на мертвенно-белое тельце.

— Скорее! — заорал он.

Схватив одеяло, он положил на него ребенка и начал специальным способом делать ему искусственное дыхание. Принесли тазы, кувшин, большой жестяной чайник. С бешеной быстротой Эндрю налил в один таз холодной воды, в другом смешал холодную с горячей до такой температуры, какую едва могла выдержать его рука. Затем, подобно какому-нибудь сумасшедшему фокуснику, принялся жонглировать ребенком между обоими тазами, окуная его то в ледяную воду, то в горячую, от которой поднимался пар.

Так прошло пятнадцать минут. Пот стекал Эндрю в глаза, мешая ему видеть, один рукав промок и повис, с него текла вода. Дыхание с шумом вылетало из его груди. А в вялом тельце ребенка по-прежнему не замечалось и следа жизни. Отчаяние поражения душило Эндрю, ярость безнадежности. Он чувствовал, что повитуха точно в столбняке наблюдает за ним, а там, в глубине, прижавшись к стене (где она оставалась все время), держась рукой за горло, не издавая ни единого звука и только вперив в него горящие глаза, стояла старая мать Сюзен. Он вспомнил, что она жаждала внука так же горячо, как дочь ее жаждала этого ребенка. И все пропало, все напрасно, ничто не поможет.

На полу был невероятный беспорядок. Наступив на полотенце, Эндрю чуть не уронил ребенка, который скользил у него в руках, словно какая-то белая, мокрая рыба.

— Господь с вами, доктор, — простонала повитуха. — Ведь он родился мертвый!

Эндрью не слушал, не замечал ее. Убитый, теряя надежду после напрасной получасовой возни, он сделал еще одну последнюю попытку — начал растирать ребенка жестким полотенцем, то сдавливая маленькую грудку обеими руками, то отпуская ее, стараясь вызвать дыхание в вялом тельце.

И вдруг — о, чудо! — крохотная грудь под его руками судорожно, коротко дрогнула, поднялась. Потом опять. В третий раз. У Эндрью закружилась голова. Это биение жизни, внезапно возникшее под его пальцами после стольких тщетных усилий, было так чудесно, что от волнения ему чуть не стало дурно. Он лихорадочно удвоил усилия. Ребенок задыхал все глубже и глубже. Пузырек пены выступил из одной крохотной ноздри, красивый, радужный пузырек. Тело не казалось больше бескостным. Головка не валилась назад. Бледная кожа медленно розовела. И вот — о, радость! — раздался крик ребенка.

— Отец небесный! — истерически прорыдала повитуха. — Он... он ожил!

Эндрью отдал ей ребенка. Он был ошеломлен, сразу почувствовал слабость. Вокруг него в комнате царил ужасающий беспорядок: одеяла, полотенца, тазы, испачканные инструменты, шприц, воткнувшийся острием в линолеум, опрокинутый кувшин, чайник, лежавший на боку в луже воды. На разрытой постели мать все еще спокойно спала после наркоза. Старуха все так же стояла у стены. Но руки ее были сложены, губы беззвучно шевелились: она молилась.

Эндрью машинально отжал промокший рукав, надел пиджак.

— Я найду за своей сумкой попозже, — сказал он повитухе.

И сошел вниз, через кухню в посудную. Во рту у него пересохло. Он жадно напился. Взял свою шляпу и пальто.

Выйдя из дома, он наткнулся на Джо, стоявшего на мостовой с напряженно выжидательным видом.

— Все в порядке, Джо, — сказал он охрипшим голосом. — Оба живы.

Было около пяти часов утра и совсем светло. На улицах попадались уже шахтеры: это шла домой первая смена. Измученный, едва передвигая ноги, Эндрью шел рядом с ними, и шаги его звучали в такт их шагам под утренним небом. Забыв обо всей своей прежней работе в Блэнелли, слепой ко всему вокруг, он твердил про себя: «Господи, наконец-то! Наконец-то я сделал что-то настоящее!»

XI

После ванны и бритья (благодаря Энни в его распоряжении имелось всегда достаточное количество горячей воды) он почувствовал себя менее усталым. Но миссис Пейдж, найдя его постель несмятой, саркастически подшучивала над ним за завтраком, подзадоренная молчанием, которым он встречал ее колкости.

— Ха-ха! У вас, доктор, сегодня вид совершенно разбитого человека. Под глазами синяки. Это вы только утром воротились из Суонси, а? И забыли привезти мне пирожные от Перри! Кутнули, небось, мой милый! Та-та-та! Меня не проведете! Я так и думала, что не такой уж вы тихоня, каким кажетесь. Все вы, помощники, на один покррой. Какой ни явится — либо пьяница, либо за ним водятся другие грешки!

После утреннего приема в амбулатории и визитов на дому Эндрью зашел навестить жену Моргана. Было половина первого, когда он свернул на Блэйна-террас. У открытых дверей домиков там и сям стояли, болтая, группы женщин, и, когда он проходил, они, прерывая разговор, улыбались ему и дружески здоровались. Когда он подходил к дому № 12, ему показалось, что кто-то смотрит в окно. Так оно и было. Его ожидали. Не успел он ступить на недавно натертую до блеска ступеньку крыльца, как дверь распахнулась, и старая бабка, сияя ему навстречу всем своим морщинистым лицом, пригласила его войти.

Ей так хотелось принять его получше, что она с трудом находила слова. Сначала предложила ему войти в гостиную и подкрепиться. Когда же Эндрью отказался, она засуетилась:

— Ну, хорошо, хорошо, доктор, пусть будет по-вашему. Но, может быть, у вас перед уходом найдется время выпить капельку бузиновой наливки и съесть кусочек пирога. — И она трясущимися старыми руками ласково подтолкнула его к лестнице, которая вела в спальню.

Он вошел. Маленькая комната, вчера походившая на бойню, была теперь прибрана и вычищена так, что все блестело. Его инструменты, разложенные в полном порядке, сверкали на покрытом лаком деревянном комод. Кожаная сумка была заботливо вытерта гусиным жиром, застежки начищены порошком так, что казались серебряными. Постель преобразилась, застланная чистым бельем, и на ней лежала мать, склонив некрасивое, немолодое лицо, в котором светилось немое счастье, над ребенком, спокойно сосавшим ее полную грудь.

— А, доктор! — Толстая повитуха поднялась со своего места у кровати, вся расплываясь в улыбку. — У них обоих теперь отличный вид, не правда

ли? Они и не знают, сколько хлопот доставили нам с вами. И знать ничего не хотят, ей-Богу!

Кроткие глаза Сюзен Морган говорили что-то горячо и невразумительно. Облизав губы, она пыталась пролепетать слова благодарности.

— Да, да, есть за что благодарить, — закивала головой повитуха. — И не забывайте, голубушка моя, что вам, в ваши годы, уже никогда не родить второй раз. Если бы *этого* не спасли, вам бы никогда не видать другого.

— Мы это знаем, миссис Джонс, — перебила ее внушительно старая бабка, появляясь на пороге. — Мы знаем, что всем обязаны *доктору*.

— Был у вас уже мой Джо? — робко осведомилась Сюзен у Эндрью. — Нет? Ну, значит, еще придет, будьте уверены. Он не помнит себя от радости. Он жалеет только, что в Южной Африке не будет вас, чтобы лечить нас, если понадобится.

Надлежащим образом угостившись пирогом и домашней наливкой из бузины (для старухи было бы тяжкой обидой, если бы он отказался выпить за здоровье ее внука), Эндрью ушел продолжать обход больных. У него было удивительно тепло на душе. «Они меня приняли, словно английского короля», — подумал он самодовольно. Этот эпизод послужил как бы противовесом против впечатления, оставленного встречей на кардиффском вокзале. В пользу брака и семенной жизни говорило то счастье, которым полно было все в доме Морганов.

Недели через две, когда Эндрью закончил визиты в дом № 12, Джо Морган пришел к нему домой. У Джо был необычайно торжественный вид. Он долго и мучительно подыскивал слова, затем выпалил:

— Черт возьми, доктор, я не мастер говорить. Никакими деньгами не заплатишь за то, что вы для нас сделали. Но все-таки мы с хозяйкой хотим отблагодарить вас этим маленьким подарком.

И он стремительно протянул Эндрью бумажку. Это был чек на пять гиней.

Эндрью смотрел на чек. Моргановы были люди зажиточные, но далеко не богатые. Этот дар, особенно теперь, когда им предстояли значительные расходы на переезд, был, должно быть, большой жертвой с их стороны, доказательством благородной щедрости. Эндрью сказал, тронутый:

— Я не могу его принять, Джо, дружище.

— Вы должны принять, — возразил Джо серьезно и настойчиво, положив руку на руку Эндрью. — Иначе моя хозяйка и я будем смертельно обижены. Эти деньги для вас, а не для доктора Пейджа. Он много лет получал то, что с меня вычитали, и ни разу мы до сих пор его не

беспокоили. Он *достаточно* получил. И это наш подарок *вам*, доктор, понимаете?

— Да, понимаю, Джо, — с улыбкой кивнул головой Эндрю.

Он сложил чек, положил его в карман жилета и несколько дней не вспоминал о нем. Но в следующий вторник, проходя мимо Западного банка, остановился, задумался на минуту и затем вошел в банк. Так как миссис Пейдж платила ему всегда наличными деньгами, которые он отсылал по почте в управление Фонда, то он ни разу еще не имел дела с банком. Теперь же, вспомнив с приятным чувством, что у него есть собственные деньги, он решил положить дар Джо в банк на свое имя.

У перегородки он расписался на обороте чека, заполнил необходимые бланки и передал все это молодому кассиру, сказав с улыбкой:

— Здесь немного, но как-никак — начало.

В это время он заметил, что Эньюрин Рис из глубины комнаты наблюдает за ним. И когда он уже повернулся к дверям, длинноголовый директор подошел к перегородке, держа в руках чек. Тихонько его разглаживая, он искоса поглядел на Эндрю через очки.

— Добрый день, доктор Мэнсон. Как поживаете?

Пауза. Директор втянул в себя воздух через желтые зубы.

— Гм... Вам угодно внести эту сумму на свой личный счет?

— Да, — ответил Эндрю с некоторым удивлением. — А что, разве сумма слишком мала, чтобы открыть текущий счет?

— Нет, нет, доктор! Дело не в сумме. Мы очень рады иметь вас в числе клиентов. — Рис замялся, рассматривая чек, затем посмотрел Эндрю в лицо своими маленькими недоверчивыми глазками. — Э... Вы желаете внести это на свое имя?

— Ну, разумеется!

— Прекрасно, прекрасно. — Лицо его внезапно изменило выражение и осветилось бледной улыбкой. — Я только так подумал... Хотел проверить. Какие чудные дни стоят, не правда ли? Будьте здоровы, доктор Мэнсон, будьте здоровы!

Мэнсон вышел из банка озадаченный, спрашивая себя, что нужно было от него этому лысому, застегнутому на все пуговицы субъекту. Но только через несколько дней он получил ответ на этот вопрос.

XII

С тех пор как Кристин уехала на каникулы, прошло уже больше недели. Эндрию так был занят родами Сюзен Морган, что успел зайти к ней только на несколько минут в самый день отъезда. Он не поговорил с нею. А теперь, когда ее не было, он тосковал по ней всем сердцем. Лето в этом городе было ужасно мучительно. Весенняя зелень, увянув от зноя, давно стала грязножелтой. Горы словно пылали в лихорадке, и когда в неподвижном, истомленном зноем воздухе эхом раскатывались из рудника или каменоломни ежедневные взрывы, они, казалось, заключали город в сверкающий купол звуков. Рабочие выходили из шахт с лицами, покрытыми, будто ржавчиной, рудной пылью. Дети играли как ни в чем не бывало. Старый Томас, кучер Пейджей, заболел желтухой, и Эндрию приходилось всех больных обходить пешком. Шагая по раскаленным улицам, он думал о Кристин. Что она думает о будущем, о возможности счастливой жизни вдвоем с ним?

И вдруг, совсем неожиданно, он получил записку от Уоткинса с просьбой зайти в контору копей.

Управляющий принял его любезно, пригласил сесть, пододвинул ему через стол коробку с папиросами.

— Вот что, доктор, — начал он дружеским тоном, — я давно уже хотел поговорить с вами, и давайте обсудим это дело, раньше чем я представлю смету на будущий год. — Он остановился, чтобы снять с языка желтую полоску табака. — Ко мне приходило множество наших ребят, и во главе всех Имрис Хьюз и Эд Вильямс, прося зачислить вас штатным врачом нашего предприятия.

Эндрию выпрямился на стуле, охваченный волнением и радостным удовлетворением.

— Вы хотите передать мне практику доктора Пейджа?

— Не совсем так, доктор, — медленно возразил Уоткинс. — Видите ли, положение создалось трудное. Мне приходится считаться с рабочими. Я не могу исключить из штата доктора Пейджа, так как есть много рабочих, которым это не понравится. Поэтому я в ваших интересах попробую просто как-нибудь ухитриться втиснуть и вас в штат. Тогда те, кто захочет, могут очень легко перейти от доктора Пейджа к вам.

Оживление исчезло с лица Эндрию. Он нахмурился, сидя все в той же напряженной позе.

— Но вы же понимаете, что этого я не могу сделать. Я сюда приехал в качестве помощника Пейджа. Если я выступлю его конкурентом... Нет, ни один порядочный врач не сделает этого!

— Другого выхода нет.

— Но почему вы не хотите передать мне его практику? — настаивал Эндрью. — Я бы охотно уплатил ему за нее часть своих доходов. Это было бы совсем другое дело.

Уоткинс упрямо покачал головой.

— Блoduэн этого не допустит. Я уже раньше говорил с нею. Она знает, что положение ее прочно. Почти все наши старые рабочие, как, например, Инох Дэвис, стоят за Пейджа. Они верят, что он поправится. Попробуй я только его уволить, как вспыхнет забастовка. — Он помолчал. — Обдумайте это дело до завтра. Завтра я буду посылать список новых штатов в наше правление в Суонси. Если список будет отослан, ничего нельзя будет сделать до будущего года.

Эндрью с минуту смотрел в пол, затем медленно сделал отрицательный жест. Его надежды, минуту назад так высоко занесшиеся, теперь были повержены в прах.

— Нечего откладывать до завтра. Я не могу на это согласиться, хотя бы раздумывал целые недели.

Ему горько было принимать это решение и объявлять его Уоткинсу, выказавшему столько участия к нему. Но нельзя было уйти от того факта, что возможность показать себя на работе в Блэнелли он получил в качестве помощника доктора Пейджа. Выступить теперь против последнего, хотя бы и при таких исключительных обстоятельствах, было невысказано. Если бы Пейджу удалось все же вернуться к работе, хорош был бы он, Эндрью, отбивая у старика его пациентов! Нет, нет! Он не может и не должен соглашаться на это предложение.

Все же весь день он был в тяжелом унынии, негодовал на бесстыдные требования Блoduэн, говорил себе, что он попал в невозможное положение и что лучше бы Уоткинс не предлагал ему ничего. Часов в восемь вечера он с горя отправился в гости к Денни. Он не виделся с ним уже довольно давно и чувствовал, что ему станет легче от разговора с Денни, который, может быть, ободрит его уверением, что он поступил правильно. Он добрался до Денни в половине девятого. Как всегда, вошел в дом, не постучав, и направился прямо в гостиную.

Филипп лежал на диване. Сначала, не разглядев его в полумраке, Мэнсон подумал, что он спит после трудного рабочего дня. Но Филипп в этот день ничего не делал. Он лежал на спине, тяжело дыша, закрыв лицо

рукой. Он был мертвецки пьян.

Эндрью, обернувшись, увидел за собой, у самого своего локтя, квартирную хозяйку Денни, встревоженную и озабоченно смотревшую на него.

— Я слышала, как вы вошли, доктор. Вот лежит сегодня весь день! И не ел ничего, ни крошки. Не знаю, как и быть с ним.

Эндрью не знал, что сказать. Он стоял и глядел на бессмысленное лицо Филиппа, вспоминая его циничное замечание в амбулатории при первой с ним встрече.

— Вот уже десять месяцев прошло со дня его последнего запоя, — продолжала хозяйка. — А между запоями он капли в рот не берет. Но уже когда запьет — беда. И на этот раз, как на грех, доктор Николс уехал на праздники. Придется, видно, вызвать его телеграммой.

— Пришлите сюда Тома, — сказал, наконец, Эндрью. — Мы уложим его в постель.

С помощью сына хозяйки, молодого шахтера, который, видимо, отнесся ко всей этой истории, как к чему-то очень забавному, он раздел Филиппа и надел на него пижаму. Затем они снесли его, сонного и валившегося, как мешок, в спальню.

— Главное — смотрите, чтобы он больше не пил. Понимаете? Если понадобится, запирайте его на ключ, — сказал Эндрью хозяйке, когда они с Томом воротились в гостиную. — А теперь не дадите ли вы мне список адресов, куда его вызывали сегодня?

С ученической грифельной доски, висевшей в передней, он списал адреса больных, которых Филипп должен был сегодня навестить, и вышел, рассудив, что, если поспешить, он успеет сделать все визиты до одиннадцати.

На следующее утро, сразу после амбулаторного приема, он пошел на квартиру Денни. Хозяйка вышла ему навстречу, ломая руки.

— Я не знаю, где он достал виски. Я не виновата, я сделала для него все, что могла.

Филипп был еще пьянее вчерашнего, отяжелевший, безучастный ко всему. После того как Эндрью долго пытался его растормошить и подбодрить крепким кофе, которое в конце концов разлилось по всей постели, пришлось опять взять список визитов. Кляня жару, мух, желтуху Томаса и Денни, Эндрью снова в этот день проделал двойное число визитов.

К вечеру он вернулся домой измученный, сердито решив во что бы то ни стало добиться вытрезвления Денни. На этот раз он застал его верхом на

стуле, в пижаме, все еще пьяного. Денни разглагольствовал, обращаясь к Тому и миссис Сиджер. Когда вошел Эндрью, Денни круто оборвал речь и уставился на него с хмурой насмешкой. Потом сказал хрипло:

— А, милосердный самаритянин! Я полагаю, что вы опять сделали вместо меня визиты. Весьма благородно с вашей стороны. Но с какой стати вы это делаете? Почему этот проклятый Николс улизнул, а мы должны работать за него?

— Не знаю. — Терпение Эндрью начинало уже истощаться. — Знаю только одно, что лучше было бы, если бы вы делали свою долю работы.

— Я хирург. Я не какой-нибудь проклятый лекарь, лечащий от всех болезней. «Практикующий врач». Ух! Что это значит? Задумывались вы когда-нибудь над этим вопросом? Нет? Ну, так я вам сейчас объясню. Это самый последний, самый стереотипный анахронизм, самая скверная и глупая система, когда-либо созданная человеком. Милые старые «врачи за все»! И милая старая британская публика! Ха-ха! — Он насмешливо захохотал. — Это она их создала. Она их любит. Она трясется над ними. — Денни раскачивался на стуле, его воспаленные глаза снова приняли злобное и мрачное выражение, он пьяно поучал слушателей:

— Что же может сделать бедняга при таких условиях? Ваш драгоценный «практикующий врач», этот шарлатан и мастер на все руки? Он, может быть, окончил курс двадцать лет тому назад. Откуда же ему знать терапию, и акушерство, и бактериологию, и все современные достижения науки, и хирургию? Да! Да! Не будем забывать о хирургии. Такой врач время от времени пробует свои силы, делая какую-нибудь пустяковую операцию в сельской больнице. Ха-ха! Ну, скажем, мастоидит. Оперирует ровно два с половиной часа. Если найдет гной — он спаситель человечества. Если нет — пациента хоронят. — Денни повысил голос. Он был зол дикой, пьяной злостью. — К черту все, Мэнсон! И это тянется уже сотни лет. Неужели они никогда не захотят изменить систему? Впрочем, что толку? Что толку, я вас спрашиваю? Дайте мне еще виски. Все мы сумасшедшие. А я, кажется, к тому же еще и пьян.

Несколько минут царило молчание, потом Эндрью, подавляя раздражение, сказал:

— Не лучше ли вам теперь опять лечь? Пойдемте, мы вам поможем.

— Оставьте меня в покое, — угрюмо отрезал Денни. — Нечего запирать меня в постель. Я этот способ слишком хорошо знаю — в свое время много раз его применял. — Он резким движением встал, пошатнулся и, ухватив миссис Сиджер за плечо, толкнул ее в кресло, затем, качаясь, грубо имитируя слащавую любезность, обратился к испуганной женщине:

— Как сегодня ваше здоровье, дорогая лэди? Немно-ого лучше, надеюсь? Пульс уже не так слаб. Хорошо ли спали? Гм... В таком случае придется прописать вам что-нибудь для успокоения нервов.

В этой нелепой сцене было нечто пугающее: худая фигура в пижаме и небритая физиономия Филиппа, который, передразнивая светского доктора, склонялся с раболепным почтением перед съезжившейся от страха женой шахтера. Том захлебнулся нервным смехом. Денни тотчас набросился на него и вlepил ему пощечину.

— Вот тебе! Можешь смеяться! Смейся, пока не лопнет твоя дурацкая башка! А я на этом потерял пять лет жизни! О Господи, как подумаю об этом, хочется умереть!

Он обвел всех сверкающими глазами, схватил одну из ваз, стоявших на каминной полке, и с размаху швырнул ее на пол. Через секунду в руках у него очутилась вторая ваза, которую он разбил вдребезги о стену. Он рванулся вперед, в глазах его пылала бешеная жажда разрушения.

— Ради Бога, удержите его, — заплакала миссис Сиджер, — удержите его!

Эндрью и Том бросились на Филиппа, который стал с ними бороться с диким упрямством пьяного. Но затем внезапно ослабел и впал в плаксивую чувствительность.

— Мэнсон, — хныкал он, цепляясь за плечо Эндрью, — вы славный малый. Я люблю вас больше, чем брата. Я и вы, если будем держаться вместе, можем спасти всю проклятую медицинскую профессию.

Он стоял, как потерянный, с блуждающим взглядом. Потом голова его повисла на грудь, все тело обмякло. Он позволил Эндрью свести его в соседнюю комнату и уложить в постель. Когда голова его очутилась на подушке, последнее, что он изрек, была слезливая просьба, обращенная к Эндрью:

— Обещайте мне одно, Мэнсон: ради Христа, не женитесь на знатной даме!

На другое утро он напился еще сильнее прежнего. Эндрью махнул на него рукой. Он отчасти подозревал, что юный Сиджер тайком доставляет Денни виски, несмотря на то, что на его вопрос Том, побледнев, стал клятвенно уверять, что он ничего подобного не делает.

Всю неделю Эндрью вдобавок к своим визитам обходил и пациентов Денни. В воскресенье после завтрака он пошел на Чэпел-стрит. Филипп был уже на ногах, аккуратно одет, выбрит, словом — имел безупречный внешний вид, но осунулся, и руки у него тряслись. Тон его был холоден и трезв.

— Я догадываюсь, что вы делали за меня всю работу, Мэнсон.

Дружеская интимность последних, дней исчезла бесследно. Ее сменили сдержанность, ледяная чопорность.

— Это пустяки, — неловко возразил Эндрью.

— Напротив, это вам, вероятно, причинило много затруднений.

Тон Денни был так неприятен, что Эндрью побагровел. Ни слова благодарности, ничего, кроме этого упрямо-холодного и дерзкого высокомерия!

— Если уж хотите знать правду, мне было черт знает как трудно эту неделю! — буркнул он.

— Будьте уверены, что я постараюсь как-нибудь вознаградить вас.

— За кого вы меня принимаете?! — вскипел Эндрью. — За какого-нибудь кучера, который ждет от вас подачки? Если бы не я, миссис Сиджер телеграфировала бы доктору Николсу и вас бы вышвырнули вон. Вы заносчивый, недопеченный сноб, вот вы кто! И следовало бы хорошенько набить вам морду.

Денни закурил папиросу. Пальцы у него дрожали так сильно, что он едва мог удержать в них спичку. Он сказал иронически:

— Очень деликатно с вашей стороны выбрать такой момент для того, чтобы вызывать меня на драку. Истинно-шотландская тактичность. Как-нибудь в другой раз я вам, может быть, доставлю это удовольствие.

— Заткните глотку! — оборвал его Эндрью. — Вот список ваших больных. Крестиками отмечены те, которых следует навестить в понедельник.

Он в бешенстве выбежал из дома Денни. «А, будь он проклят! — возмущался он мысленно. — Какое право он имеет держать себя так, как будто он — царь и Бог! Можно подумать, что он мне делает одолжение, разрешая вместо него исполнять его обязанности!»

Но, пока он шел домой, возмущение его мало-помалу остывало. Он искренно любил Филиппа, и теперь ему уже была понятна эта сложная душа: стыдливо-замкнутая, чрезмерно впечатлительная, легко уязвимая. Только эти свойства заставляли Денни укрываться в защитную скорлупу жесткости. Воспоминание о недавнем запое, о том, в каком состоянии его видели люди, вероятно, сейчас было для него пыткой.

Не в первый раз удивлялся Эндрью тому, что этот умный и одаренный человек зарылся в такую дыру, как Блэнелли. Филипп был талантливым хирургом. Давая наркоз во время его операций, Эндрью видел, как он на кухонном столе вырезал у больного шахтера желчный пузырь. Пот ручьями тек с его красного лица и волосатых обнаженных рук, но все его

действия были образцом быстроты и точности. Человеку, который так работал, можно было многое простить.

Несмотря на это, Эндрью, придя домой, все еще испытывал жгучую обиду при воспоминании о холодности Филиппа. И когда он, войдя в переднюю и повесив на вешалку шляпу, услышал голос миссис Пейдж, звавшей его, у него совсем не было желания откликнуться на этот зов.

— Это вы, доктор?.. Доктор Мэнсон! Вы *мне нужны!*

Эндрью сделал вид, что не слышит, и хотел было подняться по лестнице в свою комнату. Но, когда он уже взялся рукой за перила, голос Блодуэн донесся снова, еще резче, еще громче прежнего.

— Доктор! Доктор Мэнсон! Вы мне нужны!

Эндрью обернулся и увидел, что миссис Пейдж выплыла из гостиной, лицо ее было необычно бледно, черные глаза так и горели от сильного волнения. Она подошла ближе.

— Вы что, оглохли? Неужели не слышали, как я кричала, что вы мне нужны?

— В чем дело, миссис Пейдж? — спросил он, с раздражением.

— В чем дело? — Она задышала чаще. — Это мне нравится! Он еще спрашивает! Нет, это мне нужно у *вас* кое-что спросить, мой милый доктор!

— Так спрашивайте! — огрызнулся Эндрью.

Лаконичность его реплик, видимо, злила Блодуэн до невозможности.

— Так вот, мой любезный джентльмен, может быть, вы потрудитесь объяснить мне, что означает *это!*..

Она достала из-за корсажа, обтягивающего ее полную грудь, какую-то бумажку и, не отдавая ее Эндрью, угрожающе размахивала ею перед его глазами. Он узнал чек, который дал ему Джо Морган. И, подняв голову, увидел за спиной Блодуэн Рису, укрывшегося за дверь гостиной.

— Да, да, смотрите! — продолжала Блодуэн. — Я вижу, вы узнаете эту бумажку. Так отвечайте же нам немедленно, как вы посмели внести эти деньги в банк на свое имя, когда они принадлежат доктору Пейджу и вам это известно.

Эндрью почувствовал, что кровь стремительной волной бросилась ему в голову.

— Они мои. Джо Морган дал мне их в виде подарка.

— Подарка! Ого! Это мне нравится! К сожалению, его уже нет в Блэнелли, и он не может уличить вас во лжи.

Эндрью ответил сквозь стиснутые зубы:

— Если не верите мне, можете ему написать.

— Как же, у меня только и дела, что рассылать письма по всему свету!
— И, теряя последние остатки сдержанности, она заорала: — Да, я вам не верю. Вы воображаете, что вы очень хитры! Явились сюда и думаете, что вам удастся забрать в свои руки всю практику, тогда как вы обязаны работать за доктора Пейджа! Но вот *это* показывает, кто вы такой. Вы вор, вот вы кто, самый обыкновенный воришка!

Она точно выплюнула ему в лицо это слово, полуобернувшись за поддержкой к Рису, который, стоя в дверях, издавал горлом какие-то неодобрительные звуки и был еще желтее обычного. Эндрию стало ясно, что виноват во всей истории Рис, который, помедлив в нерешительности несколько дней, в конце концов примчался-таки к Блодуэн с этой новостью. Он яростно сжал кулаки. Спустившись со второй ступеньки, на которой стоял, он подошел к ним, не сводя грозного и пристального взгляда с узких бескровных губ Риса. Он был вне себя от злости и жаждал боя.

— Миссис Пейдж, — сказал он с усилием, — вы бросили мне обвинение. Если вы в течение двух минут не возьмете его обратно и не извинитесь, я подам на вас в суд за клевету, порочащую мое имя. На суде будет выяснен источник ваших сведений. И, без сомнения, правлению банка будет интересно узнать, что мистер Рис разглашает служебные тайны.

— Я... я только исполнил свой долг, — пробормотал, заикаясь, директор банка, и лицо его приняло еще более землистый оттенок.

— Итак, я жду, миссис Пейдж. — Слова вырывались стремительно, он точно захлебывался ими. — И если вы не поторопитесь, я задам вашему приятелю такую жуткую трепку, какой ему еще в жизни никто не задавал.

Блодуэн видела, чтохватила через край, сказала больше, гораздо больше, чем хотела. Угроза Эндрию, его зловещая мина испугали ее. Не трудно было уловить быстрый ход ее размышлений: штраф, большой штраф! О, Господи, с нее могут взыскать огромные деньги! Она точно задохнулась, проглотила слюну, пробормотала запинаясь:

— Я... я беру слова свои обратно. Я прошу извинения...

Было почти забавно видеть эту строптивую и наглую толстуху так быстро и неожиданно укрощенной. Но Эндрию почему-то вовсе не было смешно. Он вдруг в приливе горечи почувствовал, что терпению его наступил конец, что он больше не в силах выносить придирки этой надоедливой особы. Он быстро и глубоко перевел дух. Забыл все, кроме своего отвращения к ней. В том, что наконец-то можно дать себе волю, была какая-то дикая, жестокая радость.

— Миссис Пейдж, мне нужно сказать вам два слова. Во-первых, мне достоверно известно, что та работа, которую я здесь выполняю за вашего мужа, дает вам полторы тысячи фунтов в год. Из них вы платите мне жалкие двести пятьдесят да к тому же делаете все, что от вас зависит, чтобы уморить меня голодом. Пожалуй, вам будет небезынтересно узнать, что на прошлой неделе к управляющему рудником приходила депутация от рабочих, и после этого он предложил мне вступить в штат. Но из побуждений морального порядка, которые вам совершенно недоступны, я категорически отказался. А теперь, миссис Пейдж, я вам вот что скажу: вы мне так безмерно надоели, что оставаться здесь я больше не могу. Вы низкая, жадная, продажная тварь. Вы просто патологический тип. Я вам официально заявляю, что через месяц ухожу.

Она смотрела на него, открыв рот, ее круглые, как пуговицы, глазки чуть не выскакивали из орбит. И вдруг она пронзительно закричала:

— Все это враки. Вас и близко не подпустили бы к штату рудника. И не вы уходите, нет. Я вас *увольняю*, вот что! Не было такого случая, чтобы помощник *мне* заявил об уходе. Так разговаривать со мной! Какая наглость! Это я первая вам заявила об увольнении. Вы выгнаны, да, выгнаны вон...

Крик был громкий, противно-истерический. Но когда он достиг самой высокой ноты, он вдруг оборвался: наверху медленно распахнулась дверь из комнаты Эдварда, и через мгновение показался он сам — нелепая худая фигура с торчавшими из-под ночной сорочки костлявыми голенями. Так неожиданно было это появление, что миссис Пейдж замолкла на полуслове. Она смотрела снизу, из передней, на мужа, также как и Эндрью и Рис. А больной, волоча за собой парализованную ногу, медленно, с трудом, подошел к верхней ступени лестницы.

— Неужели нельзя ни на минутку дать мне покой? — Голос его, несмотря на волнение, звучал сурово. — Из-за чего вы тут шумите?

Блодуэн опять разразилась потоком слов, слезливой обличительной речью против Мэнсона. И в заключение объявила:

— Вот поэтому... поэтому я его предупреждаю об увольнении.

Мэнсон, не возражая, слушал эту новую версию происшедшего.

— Значит, он от нас уходит? — спросил Эдвард, дрожа всем телом от волнения и от усилий держаться на ногах.

— Да, Эдвард. — Блодуэн засопела носом. — Ведь ты скоро сам начнешь работать.

Наступило молчание. Эдвард хотел было что-то сказать, но передумал. С немой извинением остановил он глаза на Эндрью, потом перевел их на

Риса, от него торопливо на Блoduэн и, наконец, со скорбным выражением уставился куда-то в пространство. Безнадежная, полная достоинства печаль читалась в его застывшем лице.

— Нет, — промолвил он наконец. — Никогда уж я больше не буду работать. Вы все это знаете.

Ничего больше не сказав, он медленно повернулся и, держась за стену, добрал до своей спальни. Дверь беззвучно закрылась за ним.

XIII

Вспоминая ту бескорыстную радость, тот подъем духа, которые он испытал после спасения жены и ребенка Моргана и которые теперь Блодуэн Пейдж загрязнила несколькими гнусными словами, Эндрью сердито спрашивал себя, предпринять ли ему дальнейшие шаги, не написать ли Джо Моргану, не потребовать ли от Блодуэн чего-нибудь большего, чем простое извинение. Но он сразу отказался от этой мысли, достойной Блодуэн, но не его. Он кончил тем, что выбрал самое бесполезное благотворительное учреждение во всей округе и в припадке горечи отослал секретарю этого учреждения свои пять гиней, прося его квитанцию переслать Эньюрину Рису. После этого настроение его улучшилось. Он жалел только, что не увидит лица Риса, когда тот получит квитанцию.

Так как работа его в Блэнелли должна была прекратиться к концу месяца, он сразу же начал искать нового места, перелистывая последние страницы «Ланцета», предлагая свои услуги всюду, где были подходящие условия. Он нашел множество объявлений в столбце «Требуются помощники врача». Посылал туда заявления, копии своих документов, отзывов и даже, как это часто требовалось в объявлениях, свою фотографическую карточку. Но прошла первая неделя, за ней вторая, а он не получил ни единого предложения. Он был разочарован и поражен. Тогда Денни объяснил ему, в чем дело, одной спокойной фразой: «Вы работали в Блэнелли».

Тут Эндрью с огорчением сообразил, что всему виной его работа в этом отдаленном уэльском городке. Никто не хотел брать врача «из долин» — у них была дурная слава. Прошло две недели, и Эндрью начал серьезно беспокоиться. Что же ему делать? Он все еще должен был больше пятидесяти фунтов «Гленовскому фонду». Ему, конечно, отсрочат уплату. Но независимо от этого, если он не найдет другого места, чем он будет жить? У него имелось наличных денег всего два-три фунта, не больше, и ни приличного платья, ни какого-либо имущества: за все время работы в Блэнелли он даже не купил себе нового костюма, а тот, в котором он приехал, уже и тогда был достаточно потрепан. Бывали минуты настоящего ужаса, когда он уже видел себя впадшим в полную нищету.

Измученный заботами и неизвестностью, он тосковал по Кристин. Писать ей не стоило: он не умел выражать свои чувства на бумагу. Все, что

он написал бы, несомненно произвело бы на нее невыгодное впечатление. А в Блэнелли она должна была вернуться только в первых числах сентября. Эндрию беспокойно и жадно поглядывал на календарь, считая дни, оставшиеся до ее приезда. Их было все еще двенадцать. И с растущим унынием он жаждал, чтобы они поскорее прошли, что бы ни ждало его впереди.

Вечером тридцатого августа, через три недели после его заявления об уходе, когда он в силу горькой необходимости уже подумывал о том, чтобы поискать места фармацевта, он в унынии шел по Чэпел-стрит и встретил Денни. В последнее время отношения между ними были несколько натянутые, и Эндрию удивился, когда Денни остановил его.

Выколотив трубку о каблук сапога, Филипп разглядывал ее так, словно она заняла его все внимание.

— Жаль, что вы уезжаете, Мэнсон. Без вас здесь будет совсем не то. — Он помолчал. — Я сегодня слышал, что Общество медицинской помощи в Эберло ищет младшего врача. Эберло — в тридцати милях отсюда, по ту сторону долины. Врачи там приличные; старший врач Луэллин — дельный человек. А так как это такой же город в долине, как Блэнелли, то вряд ли они будут брезгать врачом «из долины». Почему бы вам не попытаться?

Эндрию нерешительно смотрел на Денни. Надежды его, некогда высоко витавшие, за последнее время были так окончательно сломлены, что он утратил всякую веру в успех.

— Что же, — согласился он как-то вяло, — раз так, надо будет попытаться.

Несколько минут спустя он шел домой под начавшимся проливным дождем, чтобы написать и отослать заявление.

Шестого сентября в Эберло состоялось заседание комитета Общества медицинской помощи в полном составе для выбора врача на место доктора Лесли, недавно уехавшего на каучуковую плантацию на Малайских островах. На его место имелось семь кандидатов, и всех семерых пригласили на заседание комитета.

Был чудесный летний день, и стрелки больших часов над входом в кооперативный универсальный магазин приближались к четырем. Прохаживаясь взад и вперед по тротуару перед домом Медицинского общества на Эберло-сквер и нервно поглядывая на шестерых остальных кандидатов, Эндрию с беспокойством ожидал, чтобы часы пробили четыре. Теперь, когда предчувствие его не оправдалось и он был вызван сюда, когда он считался одним из кандидатов на должность врача, он страстно жаждал удачи.

Эберло, насколько он успел его рассмотреть, понравился ему. Город был расположен на самом краю Джеслейской долины, то есть не столько в долине, сколько над ней. Благодаря такому высокому местоположению, воздух здесь был здоровый, живительный. Город был больше Блэнелли, — по соображениям Эндрью, в нем должно было быть тысяч двадцать жителей, — и весь он, со своими красивыми улицами и магазинами, двумя кинематографами и тем простором, который создавали зеленевшие вокруг поля, казался Эндрью настоящим раем после знойной духоты и тесноты Пенеллийского ущелья.

«Но мне ни за что не достанется это место, — волновался он, шагая назад и вперед. — Никогда, никогда, никогда. Нет, не может быть, чтобы мне так повезло!»

Все другие кандидаты, как ему казалось, имели гораздо большие шансы на успех, — они были так хорошо одеты, держали себя так уверенно. В особенности доктор Эдвардс просто излучал уверенность. Эндрью чувствовал, что ему ненавистен этот Эдвардс, упитанный, цветущий мужчина средних лет, который только что, в общем разговоре у входа, откровенно сообщил, что он продал свою практику в долине, чтобы занять это место врача в Эберло. «Черт бы его побрал, — злился в душе Эндрью, — он, видно, вполне уверен, что это место за ним, иначе он, конечно, не продал бы прежнего».

Назад и вперед, назад и вперед, опустив голову, заложив руки в карманы. Что подумает Кристин, если и тут у него ничего не выйдет? Она должна была возвратиться в Блэнелли либо сегодня, либо завтра — в письме она не указывала точно дня. Школа на Бэнк-стрит открывается в будущий понедельник. Хотя он в письме к ней и словом не обмолвился о месте в Эберло, но если он его не получит, он при встрече будет мрачен или, что еще хуже, искусственно весел, и это как раз тогда, когда ему больше всего на свете хочется произвести на нее хорошее впечатление, заслужить ее спокойную, дружескую, радостно волнуемую улыбку.

Четыре часа. Наконец-то! В то время как Эндрью направился к входу, красивый автомобиль бесшумно проехал по улице и остановился у подъезда. С заднего сиденья встал невысокий, щегольски одетый мужчина, оглядел кандидатов с беглой улыбкой — любезной, но небрежно-самоуверенной. Перед тем как войти на крыльцо, он узнал Эдвардса и мельком поздоровался с ним.

— А, Эдвардс, здорово! — Затем, понизив голос: — Я думаю, все будет в порядке.

— Спасибо, очень вам благодарен, доктор Луэллин, — шепнул Эдвардс

едва слышно, с трепетным почтением.

«Ну, значит, кончено!» — сказал себе с горечью Эндрью.

Приемная наверху, маленькая, бедно обставленная, с кислым запахом, находилась в конце короткого коридора, который вел в комнату комитета. Эндрью вызвали туда третьим по счету. Он вошел в большую комнату комитета с чувством упрямого ожесточения. Если место уже заранее обещано, так не стоит и любезничать с ними, все равно его не получишь. Он с безрадостным видом сел на предложенный ему стул.

В комнате находилось человек тридцать шахтеров. Все сидели, курили и смотрели на него с бесцеремонным любопытством, в котором не было, однако, ничего неприязненного. За маленьким столом сбоку сидел бледный, тихий человек с умным и выразительным лицом, по-видимому, тоже бывший шахтер, судя по синим рябинам на его коже. Это был Оуэн, секретарь. В конце стола сидел, развалился, доктор Луэллин и благосклонно улыбался, глядя на Эндрью.

Начались расспросы. Но прежде всего Оуэн тихим голосом изложил условия работы.

— У нас тут, доктор, такой порядок: рабочие Эберло (в нашем районе имеются два антрацитовых рудника, сталелитейный завод и одна угольная шахта) выплачивают из каждой недельной получки известную сумму нашему обществу. На эти деньги мы организуем необходимую врачебную помощь, содержим прекрасную, хотя и небольшую больницу, амбулатории, выдаем лекарства, протезы и так далее. Кроме того, у Общества состоят на службе врачи: доктор Луэллин, наш главный врач и хирург, четыре младших врача и дантист. Мы им платим, так сказать, с головы — в зависимости от числа постоянных пациентов в их списке, по определенной ставке за каждого. Насколько я знаю, доктор Лесли в последнее время перед отъездом зарабатывал что-то около пятисот фунтов в год. — Оуэн сделал паузу. — В общем мы находим нашу систему разумной.

Со стороны тридцати членов комитета последовал ропот одобрения. Оуэн поднял голову и поглядел на них.

— Ну, а теперь, джентльмены, есть ли у кого вопросы к доктору Мэнсону?

Эндрью начали обстреливать вопросами. Он старался отвечать спокойно, правдиво, без прикрас. Один раз сострил:

— Вы говорите по-валлийски, доктор? — Вопрос исходил от одного особенно назойливого молодого шахтера, по фамилии Ченкин.

— Нет, — сказал Эндрью. — Я с детства говорю только на гэльском

языке^[14].

— Много вам будет от него проку здесь!

— Он мне пригодится, когда я захочу обругать пациентов, — сказал Эндрью сухо, и все засмеялись.

Наконец опрос кончился.

— Очень вам благодарен, доктор Мэнсон, — сказал Оуэн. И Эндрью вышел в ту же маленькую приемную с кислым запахом. Чувствуя себя так, как будто его долго швыряло по бурным волнам, он наблюдал, как остальные кандидаты один за другим уходили в комнату заседаний.

Эдвардс, вызванный последним, отсутствовал долго, очень долго. И вышел, широко ухмыляясь, всем своим видом как бы говоря: «Жаль мне вас, товарищи. Место уже у меня в кармане».

Последовало бесконечное ожидание. Наконец дверь в комнату комитета отворилась, и из клубов табачного дыма вынырнул Оуэн с бумажкой в руке. Его глаза, поискав среди группы ожидавших, в конце концов с выражением искреннего доброжелательства остановились на Эндрью.

— Будьте добры зайти сюда на минутку, доктор Мэнсон! Комитет хочет еще раз поговорить с вами.

Побелев до самых губ, с колотившимся сердцем, Эндрью прошел за секретарем в комнату комитета. «Не может быть, — твердил он себе, — не может быть, чтобы они выбрали меня».

Сидя опять на том же стуле, словно на скамье подсудимых, он увидел обращенные к нему улыбки, ободряющие кивки. Один только доктор Луэллин не смотрел на него.

Оуэн, говоривший от имени всех, начал:

— Доктор Мэнсон, мы будем с вами откровенны: комитет в некоторой нерешимости. Собственно, он, по совету доктора Луэллина, сильно склонялся в пользу другого кандидата, который имеет большой стаж работы в Джеслейской долине.

— Но он слишком разжирел, этот Эдвардс, — вставил седоватый шахтер из задних рядов. — Хотел бы я поглядеть, как он будет карабкаться наверх, к нашим домам на Марди-хилл!

У Эндрью были слишком напряжены нервы, он и не улыбнулся. Затаив дыхание, ожидал он слов Оуэна.

— Но, — продолжал секретарь, — надо вам сказать, сегодня вы произвели на комитет очень хорошее впечатление. Комитету, как минуту тому назад поэтично выразился Том Кетлис, нужны люди молодые и энергичные.

Смех и крики: «Слушайте! Слушайте!», «Молодец, Том!».

— Кроме того, доктор Мэнсон, должен вам сказать, что на мнение комитета сильно повлияли две рекомендации, которые даны были без вашего ведома и поэтому еще ценнее для нас. Они прибыли по почте только сегодня утром. Они — от двух врачей вашего города, то есть из Блэнелли. Одна — от доктора Денни, имеющего звание магистра хирургии, очень высокое звание, как подтвердил и доктор Луэллин, который это должен знать. Другая, вложенная в письмо доктора Денни, подписана доктором Пейджем, помощником которого вы, кажется, теперь состоите? Так вот, видите ли, доктор Мэнсон, мы умеем разбираться в отзывах, а эти два отзыва о вас написаны так искренно, что они произвели на нас очень хорошее впечатление.

Эндрю закусил губу и опустил глаза, только теперь оценив великодушие Денни.

— Остается одно затруднение, доктор. — Оуэн остановился и смущенно потрогал линейку на своем столе. — Комитет сейчас единогласно высказался за вас, но для этого места врача со всеми его... гм... ответственными обязанностями скорее подошел бы человек женатый. Не говоря уже о том, что рабочий всегда предпочитает, чтобы членов его семьи лечил женатый доктор, — мы вместе с этой должностью предоставляем и дом, который у нас здесь называется «Вейл Вью»^[15]. Хороший дом, но он... для холостяка он не совсем подходит.

Беспокойное молчание. Эндрю тяжело перевел дух. В мыслях его встал образ Кристины, словно залитый ярким белым светом. Все, даже доктор Луэллин, смотрели на него, ожидая ответа. И без мыслей, как-то независимо от собственной воли, он заговорил. Он вдруг услышал свой спокойный голос:

— Джентльмены, у меня есть невеста в Блэнелли. Я... я только и ожидал, пока получу приличное место, такое, как здесь у вас, чтобы жениться.

Оуэн от удовольствия треснул линейкой по столу. Остальные выражали свое одобрение, топая тяжелыми сапогами. А неугомонный Кетлис прокричал:

— Вот это отлично, товарищ! Эберло — замечательно подходящее место для медового месяца!

— Итак, я считаю, что вы согласны, джентльмены, — покрыл шум голос Оуэна. — Доктор Мэнсон избран единогласно.

Послышался громкий ропот одобрения. Эндрю испытывал бурный трепет торжества.

— Когда вы сможете приступить к своим обязанностям, доктор Мэнсон? Чем скорее, тем лучше.

— Я могу начать работу с будущей недели, — ответил Мэнсон. И вдруг, холодея от страха, подумал: «А что, если Кристин меня не захочет? Что, если я лишусь и ее и этого чудного места?»

— Значит, решено. Благодарю вас, доктор Мэнсон, вы свободны. Комитет желает вам... и будущей миссис Мэнсон всякого благополучия на новом месте.

Аплодисменты. Все поздравляли его — и члены комитета, и Луэллин, и Оуэн, сердечно пожавший ему руку.

Затем он вышел в приемную, пытаясь не показывать своей радости, не видеть расстроенного и вместе с тем недоверчивого лица Эдвардса. Но, как бы он ни старался, он не мог сдерживаться. Когда он шел с площади на вокзал, сердце его ширилось радостным ощущением победы. Походка стала быстрой и упругой. Спускаясь с холма, он увидел справа от себя зеленевший городской сад с фонтаном и эстрадой для оркестра. Только подумать — эстрада! Когда в Блэнелли единственным возвышением во всей унылой долине была куча шлака! А вот и кино наверху, на холме. Нарядные большие магазины, а под ногами — не горная каменистая тропа, а отличная мощеная дорога. И ведь Оуэн говорил что-то о больнице, о «прекрасной, хотя и небольшой больнице»? О! Подумав о том, как много значит для его работы наличие больницы, Эндрью испустил глубокий вздох радости. Он забрался в пустое купе кардиффского поезда и всю дорогу бурно ликовал.

XIV

От Эберло до Блэнелли расстояние через горы небольшое, но поезд шел кружным путем. До Кардиффа он останавливался на каждой станции, а пенеллийский поезд, в который Эндрью пересел в Кардиффе, не желал, попросту не желал идти быстро. Настроение Эндрью уже изменилось. Забившись в угол дивана, все сильнее раздражаясь, сторя от нетерпения поскорее очутиться в Блэнелли, он терзался мыслями.

Только сейчас он понял, каким был эгоистом все эти месяцы, рассматривая вопрос о женитьбе только с точки зрения своих собственных интересов. Во всех своих сомнениях относительно того, говорить ли ему с Кристин и жениться ли, он исходил только из собственных чувств, как будто согласие Кристин разумелось само собой. А что, если он жестоко

ошибается? Что, если Кристин его не любит? Он уже представлял себе, как, отвергнутый ею, в унынии пишет письмо комитету, объясняя, что «по независящим от него обстоятельствам» не может работать в Эберло. Кристин стояла перед ним, как живая. Как хорошо он изучил ее: эту легкую пытлившую улыбку, манеру братья рукой за подбородок, прямой и твердый взгляд темных глаз. Острое томление по ней охватило его. Милая Кристин! Если она не будет принадлежать ему, то ему все равно, что бы с ним ни случилось.

В девять часов поезд подполз к Блэнелли. Вмиг Эндрью выпрыгнул на платформу и направился по Вокзальной улице в город. Он рассчитывал, что Кристин приедет только завтра, но могло же случиться, что она уже приехала. Вот и Чэпел-стрит. Теперь обогнуть Рабочий клуб. Свет в выходившем на улицу окне ее комнаты пронизал его дрожью надежды. Твердя себе, что не надо терять самообладания, что это просто хозяйка Кристин убирает к приезду ее комнату, он ринулся в дом, влетел в гостиную.

Да, Кристин была здесь! Она стояла на коленях над сваленными в углу книгами, расставляя их на самой нижней полке. Кончив, стала подбирать бечевки и бумагу, валявшиеся на полу. Ее саквояж, жакетка и шляпа лежали на кресле. Видно было, что она недавно приехала.

— Кристин!

Она быстро обернулась, все еще стоя на коленях, и при этом прядь волос свесилась ей на лоб. Затем она вскочила на ноги с легким криком удивления и радости.

— Эндрью! Как мило, что вы пришли!

Подойдя к нему с просиявшим лицом, она протянула ему руку. Но он взял обе ее руки в свои и держал их крепко. Он смотрел на нее во все глаза. Она больше всего нравилась ему именно в этой юбке и блузке. Она казалась в них тоньше, стройнее, они подчеркивали нежную прелесть ее юности. Сердце его снова бурно забилося.

— Крис! Мне надо вам сказать кое-что.

В глазах Кристин засветилось беспокойство. Она всмотрелась с настоящим испугом в его бледное, грязное с дороги лицо. Сказала быстро:

— Что случилось? Опять неприятности с миссис Пейдж? Вы уезжаете?

Он покачал головой, крепче стиснул ее маленькие руки. И вдруг неожиданно выпалил:

— Кристин! Я получил место, чудеснейшее место! В Эберло. Я сегодня ездил туда на заседание комитета. Пять сотен в год и дом. Дом, Кристин! О, дорогая... Кристин!.. Вы... Вы выйдете за меня замуж?

Она сильно побледнела. Глаза ее ярко блестели на бледном лице. Ей как будто перехватило горло. Наконец она сказала тихо:

— А я думала... я думала, что вы пришли с худыми вестями.

— Нет, нет! Новости самые чудесные, дорогая. Ох, если бы вы видели этот город! Весь открытый, чистенький, с зелеными лугами, и приличными магазинами, и дорогами, и парком, и — подумайте, Кристин! — с настоящей больницей! Если только вы выйдете за меня, родная, мы можем сразу уехать туда.

Губы у Кристин дрожали, но глаза смеялись, смеялись, и в них был какой-то новый, странный свет.

— Так это ради Эберло — или ради меня самой?..

— Ради вас, Крис. Вы знаете, что я люблю вас, но... но, может быть, вы не любите меня?

Она издала горлом какой-то тихий звук, подошла к Эндрью так близко, что голова ее очутилась у него на груди. И в то время как его руки обвили ее вокруг нее, она сказала прерывающимся голосом:

— Милый... милый мой... Я люблю тебя с тех пор... — она улыбнулась сквозь счастливые слезы, — с тех самых пор, как увидела тебя в этом дурацком классе.

Часть вторая

I

Дряхлый грузовик Гвильяма Джона Лоссина с шумом и грохотом поднимался по горной дороге. Сзади старый брезент, покрывая разбитый откидной задок, ржавую бляху с номером и керосиновый фонарь, который никогда не зажигали, волочился по пыли, оставляя на ней ровный узор. Расхлябанные боковые крылья хлопали и стучали в такт древнему мотору. А на переднем сиденьи весело жались рядом с Гвильямом Джоном доктор Мэнсон и его жена.

Они поженились только сегодня утром, и это было их свадебное путешествие. Под брезентом была уложена кое-какая мебель, принадлежавшая Кристин, кухонный стол, купленный из вторых рук в Блэнелли за двадцать шиллингов, несколько новых кастрюль и сковородок и чемоданы новобрачных. Так как они были люди не гордые, то решили, что все это грандиозное количество земных благ и их самих доставит в Эберло дешевле и удобнее всего фургон Гвильяма Джона.

День был ясный, дул свежий ветер, полируя до блеска голубое небо. Эндрью и Кристин хохотали, шутили с Гвильямом Джоном, который время от времени, чтобы доставить им удовольствие, исполнял на рожке своего автомобиля «Largo» Генделя. Сделали остановку около уединенной харчевни, стоявшей высоко на горе над ущельем Рутин-пасс, чтобы дать возможность Гвильяму Джону выпить в их честь римиейского пива. Гвильям Джон, рассеянный косоглазый маленький человек, чокнулся с ними несколько раз, а после пива угостил уже сам себя рюмочкой джина. После этого их спуск по Рутину — узкой, как головная шпилька, тропе, проходившей по самому краю пропасти глубиной в пятьсот футов, — происходил с поистине дьявольской быстротой.

Наконец они одолели последний подъем и помчались вниз, в Эберло. Это был момент настоящего экстаза. Город лежал перед ними, как на ладони, со своими длинными, волнистыми рядами крыш, разбежавшимися вверх и вниз по долине, лавками, церквами и учреждениями, сосредоточенными в верхнем конце, и рудниками и заводами внизу.

Трубы дымили, приземистый холодильник изрыгал клубы пара, и все, все сверкало, осыпанное блестками яркого полуденного солнца.

— Смотри, Крис, смотри! — шептал Эндрью, крепко сжимая ее плечо.

Он увлекался ролью чичероне. — Красивое место, правда? А вон там площадь. Мы объезжаем ее сзади. Видишь, здесь уже нет керосиновых фонарей. Вот газовый завод! Надо будет спросить, где находится наш дом.

Они остановили проходившего мимо шахтера, и он указал им дорогу к «Вейл Вью», объяснив, что дом находится на этой самой улице, но на самом краю города. Через минуту они были уже там.

— Вот и дом! — промолвила Кристин. — Он... Он очень мил, не правда ли?

— Да, дорогая... хороший дом.

— Клянусь Богом, — заметил Гвильям Джон, сдвинув шапку на затылок, — престранный домишко!

«Вейл Вью», действительно, представлял собой оригинальное сооружение, на первый взгляд нечто среднее между швейцарским шалэ и охотничьим домиком, какие встречаются на севере Шотландии, грубо оштукатуренное, со множеством коньков на крыше. Оно было окружено полуакром запущенного сада, заросшего сорными травами и крапивой, среди которых тек ручей, пробиваясь между груды самых разнообразных пустых консервных жестянок. Через ручей посередине был переброшен полусгнивший деревянный мостик. Сами того не зная, Эндрью и Кристин впервые познакомились здесь с разнообразием прерогатив и деятельности комитета, который в год подъема промышленности — 1919, — когда в его распоряжение поступали большие отчисления, объявил, расщедрившись, что построит дом, великолепный дом, который сделает ему честь, нечто стильное, настоящий образец красоты. Каждый из членов комитета имел свое собственное убежденное мнение насчет того, что является образцом красоты. А членов было тридцать человек. И результатом их соединенных усилий явилось «Вейл Вью».

Впрочем, каково бы ни было впечатление, произведенное внешним видом дома на Эндрью и Кристин, они быстро утешились, очутившись внутри. Внутри дома все было в исправности и порядке, обои чистые, пол крепкий. Количество апартаментов ошеломило новых жильцов. Оба тотчас подумали, не говоря об этом вслух, что скудной мебели Кристин едва ли хватит, чтобы обставить две такие комнаты.

— Ну-ка, сосчитаем, милый, — сказала Кристин, когда они остановились в передней после того, как, не переводя дыхания, обежали весь дом, и принялись загибать пальцы: — Внизу — столовая, гостиная, библиотека или «утренняя комната» — называй ее, как хочешь — и пять спален наверху.

— Верно, — подтвердил, смеясь, Эндрью. — Не удивительно, что им

требовался женатый врач. — Улыбка его сменилась выражением раскаяния. — Честное слово, Крис, мне ужасно совестно, что у меня нет ничего за душой и я пользуюсь твоей хорошей мебелью. Я себя чувствую каким-то паразитом. Принял от тебя все, как будто так и следует, потащил тебя сюда, не дав опомниться, едва только тебе успели в школе найти заместительницу. Я себялюбивый осел. Мне следовало сперва приехать сюда одному и приготовить для тебя все.

— Эндрию Мэнсон! Попробовал бы только оставить меня в Блэнелли!

— Ну, во всяком случае я намерен как-нибудь загладить свою вину. — Он свирепо нахмурился. — Послушай, Крис...

Но Крис с улыбкой перебила его:

— А я намерена пойти и приготовить тебе омлет по рецепту мадам Пуляр. Во всяком случае то, что называется так в поваренной книге.

Прерванный в самом начале своей декларации, он смотрел на нее с открытым ртом. Но мало-помалу лицо его разгладилось. Уже снова повеселев, он пошел за Кристин на кухню. Он не мог ни на минуту вынести ее отсутствия. Их шаги звучали в пустом доме, как в церкви.

Омлет (Гвильям Джон, раньше чем уехать, был послан за яйцами) появился со сковороды, горячий, аппетитный, нежно-желтый. Они ели его, сидя рядышком на краю кухонного стола. Эндрию энергично воскликнул:

— Клянусь Юпитером, ты умеешь стряпать!.. А знаешь, календарь, который они здесь оставили, неплохо выглядит на стене! Она кажется не такой голой. И потом мне нравится картинка на нем, эти розы. Что, можно мне еще кусочек омлета? А кто эта мадам Пуляр? Забавная фамилия, напоминает курицу. Спасибо, дорогая... ты не можешь представить, как мне не терпится начать работать. Здесь должны быть большие возможности! — Он вдруг замолчал, потому что глаза его упали на лакированный деревянный ящик, стоявший в углу среди их багажа. — Послушай, Крис, что это за ящик?

— Ах, этот... — отозвалась она с деланной небрежностью. — Это свадебный подарок... от Денни.

— Денни! — Эндрию изменился в лице. Когда он примчался к Денни с благодарностью за рекомендацию и сообщением о том, что он женится на Кристин, Филипп обошелся с ним сухо и небрежно. А сегодня утром даже не пришел проводить их обоих. Это больно задело Эндрию, он подумал, что Денни слишком сложный и непонятный человек, чтобы быть ему другом. Медленно, недоверчиво подошел он к ящику, ожидая найти внутри что-нибудь вроде старого башмака. Такая шутка была бы вполне во вкусе Денни. Он открыл ящик. И ахнул от восторга. Там лежал микроскоп

Денни, чудесный микроскоп Цейса, и записка:

«Мне, в сущности, он не нужен: как я уже вам говорил, я костоправ. Желаю успеха».

Что тут было говорить? Задумавшись, почти подавленный, Эндрью закончил свой омлет, не сводя глаз с микроскопа. Потом благоговейно поднял его и, сопровождаемый Кристин, отнес в комнату за столовой. Здесь он торжественно поставил микроскоп посреди комнаты, на ничем не покрытый пол.

— Тут у нас будет не библиотека, Крис, и не... утренняя комната, и не кабинет, ничего подобного. Благодаря нашему доброму другу Филиппу Денни, я окрещу эту комнату лабораторией.

Он только что успел поцеловать Кристин, чтобы освятить церемонию крещения, как из пустой передней донесся дребезжащий звонок телефона, прозвучавший как-то уж очень неожиданно и резко. Они поглядели друг на друга вопросительно и взволнованно.

— Может быть, это уже вызов к больному, Крис! Подумай! Мой первый визит в Эберло! — Он бросился в переднюю.

Но то был не вызов, а доктор Луэллин, который из своего дома на другом конце города поздравлял их с приездом. Голос его доносился по проводу так ясно, что и Крис, стоявшая на цыпочках у плеча Эндрью, отлично слышала его любезные слова.

— Алло, Мэнсон! Как поживаете? Не беспокойтесь, на этот раз я звоню не по делу. Я просто хотел первый приветствовать вас и вашу жену в Эберло.

— Благодарю вас, доктор Луэллин. Очень любезно с вашей стороны. Но я ничего не имел бы и против того, чтобы приступить к делу.

— Ни-ни! И не думайте, пока не устроитесь окончательно, — сыпал словами Луэллин. — И знаете что, если вы сегодня вечером ничем не заняты, приходите с женой к нам обедать, без всяких церемоний, в половине восьмого, мы будем очень рады вам обоим. За обедом мы с вами потолкуем. Значит, решено. Ну, пока до свидания.

Эндрью повесил трубку. Лицо его выражало глубокое удовлетворение.

— Правда, это с его стороны очень мило, Крис? С места в карьер приглашает нас к себе. Ведь он главный врач, имей в виду! И высококвалифицированный, смею тебя уверить. Я смотрел в справочнике. Бывший врач Лондонской больницы, доктор медицины, почетный член Королевского хирургического общества, доктор санитарии и гигиены. Подумай, какие все звания! А как дружески он со мной разговаривал!

Поверьте мне, миссис Мэнсон, нас здесь ждет большое будущее! — И, обхватив Кристин за талию, он, ликуя, принялся кружить ее в вальсе посреди передней.

II

В тот же вечер, в семь часов, они шли по оживленным, кипевшим деловой суетой улицам к дому доктора Луэллина «Глинмор». Им было очень весело: Эндрию с энтузиазмом разглядывал своих новых сограждан.

— Посмотри на того мужчину, что идет нам навстречу, Кристин! Скорее! Вот тот, что кашляет.

— Вижу, мой друг. Но почему ты?..

— Да так, ничего. — Потом небрежно: — Он наверное будет у меня лечиться.

Они без всякого труда разыскали «Глинмор», солидную виллу с аккуратно подстриженными лужайками, потому что у подъезда стоял великолепный автомобиль доктора Луэллина, а на узорных железных воротах сияла ярко начищенная медная дощечка, на которой мелкими четкими буквами перечислены были все звания доктора. Оробев вдруг при виде такого великолепия, они позвонили и были впущены внутрь.

Доктор Луэллин вышел им навстречу из гостиной, еще более элегантный, чем всегда, во фраке и крахмальных манжетах с золотыми запонками, весь сияя радушием.

— Пришли! Вот и прекрасно! Я в восторге, что могу с вами познакомиться, миссис Мэнсон. Надеюсь, Эберло вам понравится. Местечко неплохое, уверяю вас. Входите же! Миссис Луэллин сию минуту сойдет вниз.

Миссис Луэллин появилась тотчас же, такая же сияющая, как супруг. Это была рыжеватая дама лет сорока пяти, с бледным веснушчатым лицом. Поздоровавшись с Мэнсоном, она повернулась к Кристин и восторженно ахнула:

— Ах, вы, моя ми-и-лочка, какая же вы хорошенькая! Я уже успела в вас влюбиться. Непременно должна вас поцеловать. Непременно. Вы ничего не имеете против, моя милочка?

И, не дожидаясь ответа, она обняла Кристин, затем отодвинула ее от себя, продолжая восторженно любоваться ею.

В конце коридора прозвенел гонг. Они отправились в столовую обедать. Обед был превосходный: томатовый суп, две жареные куры с начинкой, сосиски, пуддинг с изюмом. Доктор Луэллин и его жена приветливо беседовали с гостями.

— Вы скоро освоитесь со всем, Мэнсон, — говорил Луэллин. —

Безусловно, справитесь. Я вам буду помогать, чем могу. Кстати, я рад, что это место не досталось Эдвардсу. Я бы ни за что не стал его отстаивать, хотя и пообещал ему замолвить за него словечко... Так о чем же я говорил? А, вспомнил! Вы будете принимать в Западной амбулатории (это ваш участок) вместе с доктором Экхартом, — он именно такой человек, какой вам нужен, — и Геджем, аптекарем. В нашем участке, в Восточной амбулатории, работают доктор Медли и доктор Оксборро. О, все они славные ребята и вам понравятся. Вы играете в гольф? Мы с вами будем ездить иногда на Фернлейское поле, это всего в девяти милях отсюда, внизу, в долине... Разумеется, у меня очень много дел... Да, да, разумеется. Амбулаториями я не занимаюсь. На моих руках больница, я эксперт по выплате пособий рабочим, городской врачесный инспектор, врач газового завода, рабочего дома и заведую прививочным пунктом. На моей обязанности все официальные осмотры и большая часть судебной медицинской экспертизы во всем нашем графстве. Да, я еще следователь к тому же. И, кроме всего этого, — в его ясном взгляде засверкал огонек — я между делом имею изрядное количество частной практики.

— Да, дальше уж некуда, — заметил Мэнсон.

Луэллин широко улыбнулся.

— Что поделаешь, надо сводить концы с концами, доктор Мэнсон. Этот автомобильчик, который вы видели у подъезда, стоит не больше не меньше как тысячу двести фунтов. А что касается... Ну, да, впрочем, это не важно. Вам тоже здесь ничто не помешает устроиться хорошо. Надо рассчитывать, что вам будет оставаться чистых три-четыре сотни, если вы будете усердно работать и соблюдать при этом должную осторожность. — Он помолчал, потом продолжал тоном дружески-интимным и прочувствованно-искренним: — Об одном я считаю нужным вас предупредить. Все здешние младшие врачи по взаимному уговору платят мне пятую часть своего заработка. — Он продолжал торопливо, все с тем же невинным видом: — Это за то, что я помогаю им советами. В трудных случаях они обращаются ко мне. Это для них большое удобство, смею вас уверить.

Эндрью посмотрел на него с некоторым удивлением.

— А разве это не предусмотрено правилами Общества?

— Гм... не совсем, — возразил Луэллин, морща лоб. — Это у нас решено и принято самими врачами очень давно.

— Но...

— Доктор Мэнсон! — любезно обратилась к нему миссис Луэллин с другого конца стола. — Я только что говорила вашей милой женушке, что нам следует как можно чаще встречаться. Я непременно хочу, чтобы она

иногда приходила к нам чай пить. Вы ее будете мне уступать, да, доктор? Мы с ней будем ездить в Кардифф в нашем автомобиле. Это будет превесело, не правда ли, моя милочка?

— Разумеется, — продолжал плавно Луэллин, — вы будете зарабатывать больше Лесли (это тот, что работал здесь до вас), потому что он был настоящий растяпа. Да, никудышный был врач, что-то вроде старого Эдвардса. Он не умел даже как следует давать наркоз! А вы, надеюсь, делаете это хорошо, доктор? Когда у меня сложные операции, мне необходим врач, который хорошо умеет давать наркоз. Однако что же это я! Не будем пока говорить об этом. Вы ведь только что приехали, и не следует вам надоедать деловыми разговорами.

— Идрис! — восторженно воскликнула миссис Луэллин, обращаясь к мужу тоном человека, сообщающего сенсационную новость. — Они только сегодня утром поженились! Миссис Мэнсон сейчас мне это сказала! Она новобрачная! Нет, ты только подумай! Милые дети!

— Это замечательно! — засиял улыбкой Луэллин.

Миссис Луэллин погладила руку Кристин.

— Бедный мой ягненок! Сколько возни вам предстоит сразу же в этом дурацком «Вейл Вью». Придется мне заглядывать к вам иногда и помогать.

Мэнсон слегка покраснел и сидел молча, собирая разбегавшиеся мысли. У него было такое впечатление, точно его и Кристин превратили в какой-то мячик, которым доктор Луэллин и его жена играют, перебрасывая его друг другу. Но последнее замечание было ему на руку.

— Доктор Луэллин, — сказал он вдруг с нервной решимостью, — миссис Луэллин совершенно права. Я как раз думал... мне очень неприятно просить об этом... нельзя ли мне отлучиться на пару дней — съездить с женой в Лондон, чтобы купить мебель для нашего дома и кое-какие другие вещи?

Он видел, что Кристин от удивления широко раскрыла глаза. Но Луэллин милостиво кивнул головой.

— Отчего же нет? Отчего же нет? Когда вы начнете работать, вам будет нелегко выбраться. Считайте себя свободным завтра и послезавтра, доктор. Видите, вот я и оказался вам полезен. Я очень много могу сделать для младших врачей. Я переговорю с комитетом.

Эндрью ничего бы не имел против того, чтобы самому переговорить с комитетом, особенно с Оуэном. Но он не стал возражать.

Кофе пили в гостиной из (как подчеркнула миссис Луэллин) чашек «ручной росписи». Луэллин угощал Эндрью папиросами из своего золотого портсигара: «Взгляните, доктор Мэнсон, это подарок. От

благодарного пациента. Видите, какой массивный? Цена ему двадцать фунтов, никак не меньше!»

Около десяти часов доктор Луэллин посмотрел на свои красивые полузакрытые часы, собственно не столько посмотрел, сколько осиял их улыбкой, так как он умел созерцать даже неодушевленные предметы, в особенности если они принадлежали ему, с присущим ему кротким благоволением. Одну минуту Мэнсон ожидал, что он пустится в подробности насчет происхождения часов. Но он сказал только:

— Я должен ехать в больницу. Сегодня утром я сделал операцию двенадцатиперстной кишки. Не хотите ли прокатиться со мной в автомобиле да кстати посмотреть больницу?

Эндрю так и встрепенулся.

— Ну, конечно, с удовольствием, доктор Луэллин!

Так как приглашение относилось и к Кристин, они простились с миссис Луэллин, которая, стоя в дверях, усиленно махала им вслед рукой, и сели в ожидавший автомобиль. Автомобиль с бесшумным изяществом пронесся по главной улице и, свернув налево, стал подниматься в гору.

— Сильные фары, не правда ли? — заметил Луэллин, зажигая огни для того, чтобы похвастать ими. — Это «люксит», специальный сорт. По особому заказу.

— «Люксит»! — повторила вдруг Кристин тихим голосом. — Они, верно, очень дорого стоят, доктор?

— Еще бы! — внушительно кивнул головой Луэллин, довольный этим вопросом. — Они мне обошлись не больше не меньше как в тридцать фунтов.

Эндрю сидел, съежившись, не смея взглянуть на Кристин.

— Вот мы и приехали, — сказал Луэллин две минуты спустя.

Больница помещалась в красном кирпичном здании, основательной постройки, к которому вела усыпанная гравием аллея, окаймленная лавровыми кустами. Как только они вошли, у Эндрю глаза разгорелись. Больница была небольшая, но великолепно, по-новому оборудованная. В то время как Луэллин показывал им операционную, рентгеновский кабинет, протезную, две красивые палаты, в которых было много воздуха, Эндрю не переставал в экстазе твердить про себя: «Замечательно, замечательно, как не похоже на Блэнелли! Здесь мои больные будут отлично обслуживаться».

По дороге они встретили сестру-хозяйку, высокую костлявую женщину, которая вовсе не удостоила вниманием Кристин, с Эндрю поздоровалась без всякого энтузиазма, зато перед Луэллином вся

расплылась от обожания.

— Мы довольно легко получаем все, что нам здесь требуется. Не правда ли, сестра? — говорил Луэллин. — Нам стоит только заявить комитету... Да, да, они в общем народ неплохой. Как чувствует себя мой оперированный, сестра?

— Очень хорошо, доктор, — пролепетала сестра-хозяйка.

— Отлично, я сейчас зайду к нему.

Он пошел проводить Кристин и Эндрью до вестибюля.

— Да, Мэнсон, должен сознаться, что немного горжусь этой больницей. Я на нее смотрю, как на свою. Никто меня за это не осудит. Вы найдете дорогу домой? Да, послушайте, когда вы вернетесь из Лондона, в среду, позвоните мне, вы мне можете понадобиться для наркоза.

Шагая вдвоем вниз по улице, молодые супруги некоторое время молчали. Потом Кристин взяла Эндрью под руку.

— Итак? — спросила она.

Эндрью угадывал, что она улыбается в темноте.

— Он мне нравится, — сказал он поспешно. — Очень нравится. Ты заметила, как на него смотрела сестра. Словно готова была поцеловать край его одежды. Клянусь Юпитером, чудесная маленькая больница!.. И обедом нас угостили хорошим. Они, видно, люди не скупые. Но только я не понимаю, с какой стати мы должны платить ему пятую часть моего заработка? Это с его стороны некрасиво, просто неэтично! И вообще... у меня было такое впечатление, словно меня все время старались обласкать и уговорить быть пай-мальчиком.

— Ты и есть пай-мальчик, потому что выпросил эти два свободных дня! Но послушай, милый, как мы можем покупать мебель? Ведь у нас нет денег!

— погоди, узнаешь, — отвечал он таинственно.

Огни города остались позади. Эндрью и Кристин приближались к «Вейл Вью». Между ними наступило неловкое молчание. Прикосновение ее руки к его локтю невыразимо радовало Эндрью. Бурная волна нежности захлестнула его сердце. Он думал об этой девушке, с которой обвенчался на скорую руку в шахтерском поселке, потом потащил ее в каком-то полуразвалившемся фургоне через горы, ткнул в полупустой дом, где брачным ложем должна была служить им ее собственная, единственная в доме, кровать. А она переносила все неудобства и невзгоды так бодро, с такой веселой кротостью. Она любила его, верила в него, во всем на него полагалась. В нем росла великая решимость, оправдать ее доверие, доказать ей своей работой, что она не обманулась в нем.

Они прошли к деревянному мостику. Лепет ручейка, чьи замусоренные берега скрыла ласковая темнота ночи, казался им удивительно приятным. Эндрию вынул из кармана ключ, ключ от *их дома*, и вставил его в замочную скважину.

В передней было почти темно. Заперев дверь, он повернулся туда, где, ожидая его, стояла Кристин. Ее лицо слабо белело в темноте, в легкой фигуре было ожидание и что-то беззащитное. Он тихонько обнял ее одной рукой и прошептал странным голосом:

— Как тебя зовут, любимая?

— Кристин, — ответила она, недоумевая.

— Кристин... а дальше?

— Кристин Мэнсон. — Она задышала часто-часто, и Эндрию ощутил теплоту ее дыхания на своих губах.

III

В середине следующего дня их поезд подкатил к Педдингтонскому вокзалу. Отважно, но в глубине души смущенные своей неопытностью и незнакомством с этим большим городом, где ни один из них не бывал еще до сих пор, Эндрью и Кристин сошли на перрон.

— Ты не видишь его? — спросил с беспокойством Эндрью.

— Может быть, он нас встретит у решетки? — предположила Кристин.

Они высматривали человека с каталогом.

По дороге в Лондон Эндрью подробно объяснял Кристин, как он, предвидя их будущие нужды, придумал великолепный, простой и в высшей степени дальновидный план: еще до отъезда из Блэнелли списался с лондонской фирмой «Ридженси Компани». Это не какое-либо колоссальное предприятие, вроде универсальных магазинов с отделами, — нет, просто солидный частный склад, главным образом продававший мебель в рассрочку. Последнее письмо владельца этого склада у него с собой в кармане. И факт тот, что...

— Ага! — воскликнул он радостно, перебивая сам себя. — Вот и он!

Обтрепанный человечек в лоснящемся синем костюме и котелке, с большим зеленым каталогом в руках, похожим на книги, которые выдают в награду ученикам воскресных школ, разыскал Эндрью и Кристин в толпе пассажиров, словно при помощи какого-то непонятого телепатического фокуса, и бочком подобрался к ним.

— Доктор Мэнсон, сэр? И миссис Мэнсон? — Он почтительно приподнял шляпу. — Я представитель фирмы «Ридженси». Мы получили вашу телеграмму сегодня утром, сэр. Автомобиль вас ждет. Разрешите предложить сигару?

Они ехали по незнакомым шумным улицам, и Эндрью с едва заметным беспокойством посматривал уголком глаза на сигару, которую он, не закуривая, держал в руке. Он тихо сказал Кристин:

— Однако мы только и делаем, что разъезжаем в автомобилях последние дни! Но этот, кажется, в порядке. Знаешь, они все берут на себя, включая и бесплатную доставку на вокзал и затем со станции на дом. И оплату нашего проезда тоже.

Однако езда по ошеломляюще запутанным и часто грязным улицам была довольно-таки беспокойной. Но в конце концов они приехали на место. Предприятие оказалось более внушительным на вид, чем оба они

ожидали, фасад украшало изрядное количество зеркального стекла и сверкающей желтой меди. Дверцу автомобиля открыли и гостей с поклонами ввели в склад «Ридженси».

И здесь их тоже ожидали. Пожилой продавец во фраке и высоком воротничке, своей необыкновенно открытой и прямодушной физиономией напомилавший покойного принца Альберта, приветствовал их с царственным величием.

— Сюда пожалуйте, господа. Очень рад служить представителю вашей профессии, доктор Мэнсон. Вы удивились бы, если бы знали, сколько врачей с Харли-стрит я имел честь удовлетворить. И какие отзывы я получил от них! А что угодно будет вам, доктор?

Он стал показывать им мебель, величаво расхаживая по всем отделениям склада. Он называл цены неприемлемо высокие. Он упоминал о стилях «Тюдор», «Жакоб» и «Людовика XVI». А все, что он им показывал, представляло собой мореный, покрытый лаком хлам.

Кристин кусала губы, и лицо ее принимало все более озабоченное выражение. Она очень боялась, как бы Эндрью здесь не надули, как бы он не загромоздил их дома этой рухлядью.

— Милый, — шепнула она быстро, когда принц Альберт повернулся к ним спиной, — ничего тут нет хорошего, ровно ничего.

Эндрью в ответ только едва заметно сжал губы. Они осмотрели еще несколько предметов. Затем Эндрью спокойно, но неожиданно грубо сказал продавцу:

— Послушайте, вы! Мы приехали издалека, чтобы купить мебель. Я сказал — *мебель*. А не такой никуда не годный хлам. — И он сильно надавил большим пальцем на стенку ближайшего к ним шкафа, которая подалась внутрь с зловещим треском, так как это была многослойная фанера.

Продавец чуть не упал в обморок. Выражение его лица говорило, что он не верит своим ушам.

— Но позвольте, доктор, — сказал он, задыхаясь, — я показываю вам и вашей даме самое лучшее, что у нас есть.

— Тогда покажите нам самое худшее! — вскипел Эндрью. — Покажите старые, подержанные вещи, но *настоящие*.

Пауза. Затем, бормоча сквозь зубы: «Хозяин задаст мне, если я ничего не продам!», продавец в безутешном унынии зашлепал прочь. Четыре минуты спустя к ним суетливо подошел другой, низенький, краснолицый и грубый. Он спросил, точно выстрелил:

— Что вам угодно?

— Хорошую подержанную мебель — и дешевую!

Человечек метнул на Эндрию суровый взгляд. Без дальнейших разговоров он повернулся и повел их к лифту в глубине лавки. Они спустились в обширный и холодный подвал, битком набитый до самого потолка старой мебелью.

С час Кристин рылась среди пыли и паутины, находя здесь солидный шкаф, там — простой и хороший стол и небольшое мягкое кресло-качалку под кучей мешков, а Эндрию, следуя за ней, долго и упорно торговался с коротышкой-продавцом.

Наконец список был закончен, и когда они поднимались в лифте, Кристин, вся перепачканная, но сияющая, сжала руку мужа с восхитительным чувством торжества.

— Как раз все то, что нам нужно, — шепнула она.

Краснолицый повел их в контору, где, кладя свою книжку заказов на письменный стол хозяина, объявил с видом человека, который сделал все, что мог:

— Вот и все, мистер Айзекс.

Мистер Айзекс погладил свой нос. Его водянистые глаза на желтом лице приняли печальное выражение, когда он просмотрел заказ:

— Боюсь, что я не смогу предоставить вам рассрочку, доктор Мэнсон. Дело в том, что все это — не новые вещи. — Он с сожалением пожал плечами. — На таких условиях мы их не продаем.

Кристин побледнела. Но Эндрию с угрюмой настойчивостью сел на стул, как человек, который не собирается уходить.

— Нет, продаете, мистер Айзекс. По крайней мере так сказано в вашем письме. Напечатано черным по белому на бланке вашей фирмы: «Новая и старая мебель продается на льготных условиях».

Последовала пауза. Краснолицый продавец, нагнувшись к мистеру Айзексу, что-то быстро забормotal ему на ухо, сопровождая свои слова жестикуляцией. Кристин ясно расслышала неучтивые слова насчет шотландской напористости и дубленой кожи ее супруга.

— Ну, хорошо, доктор Мэнсон, — натянуто усмехнулся мистер Айзекс, — мы идем вам навстречу. Не говорите, что фирма «Ридженси» вас обидела, и не забудьте рекомендовать ее своим пациентам, рассказать им, как хорошо к вам отнеслись. Смит! Приготовьте счет и позаботьтесь о том, чтобы доктору Мэнсону была послана копия завтра же утром.

— Благодарю вас, мистер Айзекс.

Новая пауза. Мистер Айзекс, как бы заканчивая этим переговоры, сказал:

— Ну, так. Значит, все в порядке. Товар будет доставлен в пятницу.

Кристин хотела было уже выйти. Но Эндрию продолжал прочно сидеть на месте. Он медленно произнес:

— А как же насчет оплаты нашего проезда, мистер Айзекс?

Казалось, бомба разорвалась в конторе. Краснолицый Смит имел такой вид, точно у него вот-вот лопнут жилы.

— Боже мой, доктор! — воскликнул Айзекс. — Что вы хотите сказать, не понимаю. Мы не можем так вести дела. Честность есть честность, но я ведь не верблюд. «Оплата проезда»!

Неумолимый Эндрию достал свой бумажник. Голос его хоть немного и дрожал, но звучал размеренно.

— Вот здесь письмо, мистер Айзекс, в котором вы пишете черным по белому, что оплатите проезд из Англии и Уэльса тем покупателям, которые сделают заказ на сумму свыше пятидесяти фунтов.

— Но я же вам говорю, — отчаянно завопил Айзекс, — что раз вы купили всего только на пятьдесят пять фунтов и все подержанные вещи...

— В вашем письме, мистер Айзекс...

— Ничего не хочу больше слышать о письме! — замахал руками Айзекс. — Сделка расторгнута. Никогда в жизни я еще не встречал таких клиентов, как вы. Мы привыкли иметь дело с приятными молодоженами, с которыми можно сговориться. А вы сначала оскорбили моего мистера Клэппа, потом мистер Смит ничего не мог с вами поделаться, потом вы являетесь сюда и расстраиваете меня заявлениями о каких-то расходах на проезд. У нас с вами дело не выйдет, доктор Мэнсон. Можете поискать в других местах более выгодных условий.

Кристин в панике посмотрела на Эндрию глазами, полными отчаянной мольбы. Ей казалось, что все пропало. Ее ужасный муж испортил все то, чего с таким трудом добился. Но Эндрию, словно не замечая ее, угрюмо закрыл бумажник и положил в карман.

— Очень хорошо, мистер Айзекс. Мы с вами распрощаемся. Но имейте в виду, все мои пациенты и знакомые услышат от меня о вашей фирме не слишком хороший отзыв. А практика у меня обширная. И такие вещи живо распространяются. Все узнают, как вы нам предлагали приехать в Лондон, обещав оплатить проезд, а когда мы...

— Стойте, стойте! — завопил Айзекс, как безумный, — Сколько вам стоил проезд? Уплатите им, мистер Смит. Уплатите им, уплатите! И пусть они не говорят, что фирма «Ридженси» не выполняет своих обещаний. Ну вот. Теперь вы довольны?

— Благодарю, мистер Айзекс. Вполне. Итак, мы ждем доставки в

пятницу. Будьте здоровы, мистер Айзекс.

Эндрю важно пожал руку мистеру Айзеку и вместе с Кристин поспешил к выходу. На улице еще дождался древний лимузин, в котором они приехали с вокзала, и Эндрю с таким видом, как будто он сейчас дал фирме «Ридженси» самый крупный заказ за все время ее существования, крикнул:

— Везите нас в «Музеум-отель», шофер!

Автомобиль тотчас двинулся, увозя их без всякой помехи из Ист-Энда по направлению к Блумсбери. Кристин, крепко сжимая руку Эндрю, понемногу приходила в себя.

— Ох, милый, — шепнула она, — ты вел себя замечательно... А я уже было думала...

Он покачал головой, все еще с той же упрямой складкой у рта.

— Они испугались неприятностей, эти людишки. Ведь у меня было в руках их обещание, письменное обещание... — Он обернулся к ней с горящими глазами. — Дело вовсе не в каких-то идиотских расходах на проезд, ты это знаешь. Дело в принципе. Люди должны держать слово. Мне показалось подозрительным уже одно то, как нас встретили; за версту было видно, что они думают: «Ага, пара зеленых новичков, — значит, легкая нажива». Фу, и даже эта сигара, которую мне сунули, все это пахло надувательством!

— Ну, как бы там ни было, а мы достали то, что нам нужно, — примирительно заметила Кристин.

Он кивнул головой. В эту минуту нервы у него были еще слишком напряжены, он слишком кипел негодованием, чтобы видеть забавную сторону всего приключения. Но когда они очутились в номере гостиницы, он уже был способен оценить комизм положения. Растянувшись на кровати с папиросой в зубах и наблюдая, как Кристин причесывается, он неожиданно начал смеяться. Он хохотал так, что заразил и Кристин.

— Какое у этого Айзека было лицо!.. — выкрикивал он, смеясь до колик. — Ох, и умора же!..

— А помнишь... когда ты... когда ты потребовал у него оплатить проезд... — вторила ему Кристин, задыхаясь.

— «Мы не можем так делать дела»... — Новый взрыв смеха. — «Я не верблюду». О Господи! *Верблюду!*..

— Да, милый. — С гребнем в руке, Кристин подошла к постели, плача от смеха, едва выговаривая слова. — Но смешнее всего было то, что ты все время твердил: «Вот здесь у меня письмо, где написано черным по белому», когда я... когда я... — ох, не могу! — когда я знала все время, что

ты оставил письмо дома на камине!

Эндрью, сев, уставился на нее, затем снова опрокинулся навзничь, воя от смеха. Он катался по постели, затыкал рот подушкой, обессилив, потеряв всякую власть над собой, а Кристин, прислонясь к туалетному столу, вся тряслась от хохота, лихорадочно умоляя Эндрью перестать, иначе она сейчас умрет.

Когда они, наконец, успокоились, они оделись и отправились в театр. Выбор был предоставлен Кристин, и она захотела посмотреть «Святую Иоанну», сказав, что всю жизнь мечтала увидеть на сцене какую-нибудь из пьес Шоу.

Сидя рядом с ней в набитом людьми партере, он не столько смотрел на сцену (потом он говорил Кристин, что пьеса чересчур историческая и вообще непонятно, что собственно воображает о себе этот Шоу), сколько любовался слегка порозовевшим от возбуждения лицом увлеченной Кристин. В первый раз они были вместе в театре. «Что же, — говорил он себе, — и не в последний». Глаза его блуждали по переполненному залу. Когда-нибудь они с Кристин снова придут сюда и будут сидеть не в последнем ряду партера, а в одной из вон тех лож. Об этом уж он постарается. Он себя покажет! Кристин будет в открытом вечернем туалете, люди будут глазеть на него, подталкивая друг друга: «Это Мэнсон. Знаете, тот врач, что написал знаменитую книгу о легочных болезнях»... Эндрью вдруг резко одернул себя и в смущении отправился покупать Кристин мороженое, так как наступил антракт.

В этот вечер он тратил деньги с безоглядной щедростью. Выйдя из театра, они совсем растерялись, ошеломленные ярким светом огней, толчеей автобусов, бурлившей вокруг толпой. Но Эндрью повелительно поднял руку. Благополучно водворившись в такси, они доехали до гостиницы, в упоении воображая, что они первые открыли удобство лондонских такси.

IV

После Лондона ветер в Эберло показался им особенно свежим и бодрящим. Выйдя в четверг утром из «Вейл Вью», чтобы в первый раз отправиться на работу, Эндрью ощущал на щеках его крепкую ласку. Радость так и звенела в его душе. Впереди — любимая работа, работа, которую он будет делать хорошо, честно, всегда руководствуясь, согласно своему принципу, научными методами.

Западная амбулатория, находившаяся в каких-нибудь четырехстах ярдах от его дома, представляла собой высокое сводчатое помещение, выложенное белым изразцом. Его главной и центральной частью была приемная. В глубине, отделенная от приемной передвижной решеткой, находилась аптека. Наверху имелись два кабинета: на двери одного было написано имя доктора Экхарта, на двери другого, свежевыкрашенной, красовалась странно поражающая надпись «Доктор Мэнсон».

Эндрью с радостным волнением увидел этот *его собственный* кабинет. Кабинет был невелик, но в нем стояли хороший письменный стол и кожаная кушетка для осмотра больных. Самолюбию Эндрью было приятно и то, что его уже ждало множество людей. Такое множество, что он решил сейчас же начать прием, вместо того чтобы, как он раньше намеревался, пойти знакомиться с доктором Экхартом и аптекарем Геджем.

Сев за стол, он крикнул, чтобы вошел первый в очереди. Это оказался рабочий, который сначала попросил справку о временной нетрудоспособности, потом, точно только что вспомнив, показал колено. Эндрью осмотрел его, нашел у него профессиональную болезнь горнорабочих — воспаление коленных связок — и выдал ему свидетельство.

Вошел второй больной. Он тоже потребовал справку о болезни; он страдал другой болезнью шахтеров — нистагмом^[16]. Третий — опять справку, о бронхите. Четвертый — справку об ушибе локтя.

Эндрью встал, желая поскорее выяснить положение. Эти осмотры для выдачи справок о болезни отнимали очень много времени. Он подошел к двери и спросил:

— Сколько еще человек здесь пришло за свидетельствами? Встаньте, чтобы я мог вас сосчитать.

У кабинета ожидало человек сорок рабочих. Встали все. Эндрью торопливо соображал: на то, чтобы осмотреть их всех как следует, нужно добрую половину рабочего дня. Это невозможно. И он неохотно решил отложить более тщательный осмотр до другого раза.

Даже несмотря на это, он только в половине одиннадцатого отпустил последнего больного.

Он поднял глаза, так как в кабинет, громко топая, вошел пожилой мужчина среднего роста, с широким красным лицом и задорно торчавшей седой бородкой. Он слегка сутулился, так что голова его была наклонена вперед и придавала ему воинственный вид. Одет он был в штаны из полосатой бумажной ткани, гетры и теплую куртку, из туго набитых боковых карманов которой торчали трубка, носовой платок, яблоко,

резиновый катетер. Он распространял вокруг себя запах лекарств, карболки и крепкого табака. Еще раньше, чем вошедший заговорил, Эндрию догадался, что это доктор Экхарт.

— Черт возьми, — начал Экхарт, не здороваясь и не протягивая руки, — где это вы болтались два дня? Мне пришлось работать за вас. Ну, да ладно, ничего. Не будем больше говорить об этом. Слава Богу, вы производите впечатление человека здорового и телом и духом. Трубку курите?

— Курю!

— И за это слава Богу. На скрипке играть умеете?

— Нет, не умею.

— Ну, и я не умею, но зато я отлично умею их делать. И еще я собираю коллекцию фарфора. Обо мне даже в одной книге написали. Как-нибудь, когда придете ко мне, я вам покажу. Я живу у самой амбулатории, вы, наверно, видели мой дом. Ну, а теперь пойдете, я вас познакомлю с Геджем. Жалкий человек, но он свои недостатки сознает.

Эндрию прошел за Экхартом через приемную в аптеку, где Гедж поздоровался с ним угрюмым кивком головы. Это был долговязый, худой мужчина с лицом трупа, лысой головой, кое-где прикрытой прядями угольночерных волос, и уныло свисавшими баками того же цвета. На нем был короткий альпаговый пиджачок, позеленевший от времени и пролитых на него лекарств, из которого торчали костлявые руки и лопатки, как у скелета. Лицо его выражало печаль, усталость, озлобление. Он производил впечатление самого разочарованного человека во всей вселенной. Когда вошел Эндрию, он отпустил последнего посетителя, швырнув ему через решетку коробочку пилюль с таким видом, как будто это отравка для крыс. «Будете ли вы принимать это или не будете — все равно умрете», — казалось, говорил он мысленно.

— Ну, — сказал весело Экхарт, окончив официальное представление, — теперь вы познакомились с Геджем и знаете самое худшее. Предупреждаю вас, он не верит ни во что-разве только в касторку и в Чарльза Брэдли^[17]. Угодно вам еще что-нибудь узнать от меня?

— Меня тревожит, что приходится выдавать такое множество справок о болезни. Некоторые из этих молодцов, которых я сегодня осматривал, по моему, вполне трудоспособны.

— Э, Лесли не мешал им отлынивать от работы, сколько они хотели. У него осмотреть пациента означало пощупать ему пульс в течение ровно двух секунд.

Эндрию возразил быстро:

— Что люди подумают о враче, который выдает направо и налево свидетельства о нетрудоспособности с такой легкостью, как будто это ярлычки с папиросных коробок?

Экхарт бросил на него быстрый взгляд и сказал напрямик:

— Будьте осторожны. Им не понравится, если вы откажетесь выдавать листки о болезни.

В первый и последний раз за все время Гедж вмешался в разговор, сказав мрачно:

— Добрая половина этих проклятых симулянтов совершенно здорова.

Весь остальной день, обходя больных, вызывавших его на дом, Эндрью волновался из-за справок о болезни. Визиты к больным были делом нелегким, так как он еще не знал улиц, не раз приходилось возвращаться и вторично проделывать тот же путь. К тому же его участок (во всяком случае большая его часть) расположен был по склону того самого Марди-хилл, о котором упоминал Том Кетлис, и от одного ряда домов к другому приходилось взбираться по крутому косогору.

Не успело время перейти за полдень, а уже размышления привели Эндрью к неприятному выводу. Он решил, что ни в коем случае не должен выдавать в сомнительных случаях справок о болезни. И в этот вечер отправился на вечерний прием в амбулаторию с тревожной, но упрямой морщинкой между бровей.

У его кабинета толпилось еще больше людей, чем утром, Первым вошел весь заплывший жиром огромный верзила, от которого сильно пахло пивом. По его виду можно было предположить, что он еще в своей жизни ни разу не проработал целого дня. Ему было лет пятьдесят. Сощуриив свиные глазки, он оглядел Эндрью.

— Листок, — сказал он бесцеремонно.

— Для чего? — спросил Эндрью. — Чем больны?

— Стагм. — Он протянул руку. — Мое имя Ченкин. Бен Ченкин.

Уже самый тон его заставил Эндрью вспыхнуть от возмущения. Даже беглый осмотр убедил его, что у Ченкина нет никакого нистагма. Независимо от замечания, брошенного Геджем, он знал хорошо, что некоторые из старых шахтеров симулировали эту болезнь и годами получали пособие, на которое не имели права. Но сегодня вечером он захватил с собой офтальмоскоп. Сейчас он проверит. И с этой мыслью он встал с места.

— Разденьтесь.

На этот раз вопрос: «Для чего?» задал Ченкин.

— Я должен вас осмотреть.

У Ченкина отвисла губа. Он не помнил, чтобы за все семь лет, которые здесь прослужил доктор Лесли, тот хоть раз его осмотрел. Неохотно, сердито стащил он куртку, фуфайку, полосатую — красную с синим — рубаху и обнажил волосатый торс со складками жира.

Эндрью долго и тщательно его осматривал, в особенности глаза, внимательно исследовал обе сетчатки при помощи крошечной электрической лампочки. Затем сказал резко:

— Одевайтесь, Ченкин.

Сел и начал писать свидетельство.

— Ха! — фыркнул иронически старый Бен. — Я же знал, что вы мне его дадите.

— Следующий, пожалуйста, — позвал Эндрью.

Ченкин почти вырвал у него из рук розовую бумажку и, торжествуя, вышел из амбулатории.

Но пять минут спустя он воротился с побагровевшим лицом и, мыча, как бык, протолкался вперед мимо рабочих, сидевших в ожидании на скамьях.

— Глядите, какую штуку он со мной сыграл! Пустите меня к нему! Эй, вы! Что это значит? — Он размахивал листком перед глазами Эндрью.

Эндрью сделал вид, что читает. На бумажке были написано его собственной рукой: *«Сим удостоверяется, что Бен Ченкин страдает от последствий неумеренного употребления спиртных напитков, но вполне трудоспособен. Подписал Э. Мэнсон, бакалавр медицины».*

— Ну-с, что же вам угодно? — спросил он.

— Стагм! — заорал Ченкин. — Давайте свидетельство о стагме. Какого черта вы меня дурачить вздумали? Я пятнадцать лет болею стагмом!

— А сейчас у вас его больше нет, — сказал Эндрью.

У открытых дверей собралась целая толпа. Он заметил голову Экхарта, с любопытством выглядывавшего из соседнего кабинета, Геджа, злорадно наблюдавшего всю эту суматоху сквозь свою решетку.

— В последний раз спрашиваю — дадите вы мне листок или нет? — прокричал Ченкин.

Эндрью вышел из себя.

— Нет, не дам! — заорал он в свою очередь. — И убирайтесь вон отсюда, пока я вас не выставил за дверь.

Грудь Бена ходила ходуном. Он посмотрел на Эндрью, словно хотел его уничтожить. Но затем опустил глаза, повернулся и, бормоча проклятия и угрозы, вышел.

В ту же минуту Гедж вышел из-за перегородки и развинченной

походкой направился к Эндрью. Он с меланхолическим удовольствием потирал руки.

— А знаете, кого вы только что так отбрили? Это Бен Ченкин. Его сын — видный член комитета.

V

История с Ченкиным вызвала огромную сенсацию. Весь участок Мэнсона мигом загудел, как улей. Одни находили, что это «хороший урок», а некоторые даже — что это «чертовски хороший урок Бену, который постоянно плутует». Но большинство было на стороне Бена. Особенно злились на нового доктора те, кто до сих пор умудрялся, будучи здоровым, получать пособие по болезни и не работать. Обходя квартиры больных, Эндрью ощущал направленные на него угрюмые взгляды. А вечером в амбулатории столкнулся с еще более неприятным доказательством своей непопулярности.

Хотя каждому младшему врачу был отведен определенный участок, за рабочими, живущими в этом участке, сохранялось право выбирать себе любого врача. На каждого рабочего имелась карточка, и, чтобы переменить врача, ему нужно было только потребовать свою карточку и передать ее другому врачу. Этот-то позор и пришлось теперь испытать Эндрью. Всю неделю каждый вечер являлись в амбулаторию люди, которых он ни разу в глаза не видел (некоторые, не желая с ним встречаться, даже посылали вместо себя жен), и говорили, не глядя на него:

— Если вы ничего не имеете против, доктор, я возьму свою карточку.

Обида, унижение, когда нужно было доставать эти карточки из ящика, стоявшего у него на столе, были нестерпимы. И каждая отданная карточка означала вычет десяти шиллингов из его жалованья.

В субботу вечером Экхарт позвал его к себе в гости. Старый доктор, всю неделю ходивший с выражением самодовольства на своей желчной физиономии, прежде всего стал показывать гостю сокровища, собранные им за сорок лет практики. Среди них имелось штук двадцать желтых скрипок, все сделанных им самим и развешанных по стенам, но это было ничто в сравнении с его отборной коллекцией старого английского фарфора.

Коллекция была замечательная. Споуд, Веджвуд, Краун, Дерби и главное — старый Суонси. Тарелки, кружки, вазы, чашки и кувшинчики наводняли все комнаты в доме и даже ванную, так что Экхарт, совершая

свой туалет, имел возможность с гордостью любоваться чайным сервизом с настоящим китайским рисунком.

Фарфор был страстью Экхарта, и старик был великий мастер добывать его. Увидав в доме какого-нибудь пациента «хороший экземплярчик», как он выражался, он все ходил и ходил к больному, проявлял неутомимую заботливость и, сидя у постели, с каким-то грустным упорством не сводил глаз с понравившейся ему вещи, пока, наконец, доведенная до отчаяния добрая хозяйка не восклицала:

— Доктор, вам, кажется, уж больно приплась по вкусу эта штука. Не вижу, почему бы мне не подарить ее вам.

Экхарт начинал добродетельно отказываться, затем уносил свой трофей, завернутый в газету, а дома плясал от радости и бережно ставил его на полку.

Старый доктор слыл в городе чудачком. Он говорил, что ему шестьдесят лет, но было ему, вероятно, за семьдесят, а может быть, и немногим меньше восьмидесяти. Крепкий, как китовый ус, признававший лишь один способ передвижения — пешком, он проходил невероятные расстояния, зверски ругал пациентов и умел в то же время быть нежным, как женщина. Он жил один с тех пор, как одиннадцать лет тому назад похоронил жену, и питался почти исключительно консервированным бульоном.

В первый же вечер, с гордостью показывая Эндрью свои коллекции, он неожиданно сказал с оскорбленным видом:

— Черт побери, дружище, не нужны мне ваши пациенты. У меня своих довольно. Но что я могу сделать, когда они приходят и надоедают. Не могут же все они ходить в Восточную амбулаторию, это слишком далеко.

Эндрью покраснел. Он не находил, что сказать.

— Вам следует быть осмотрительнее, — продолжал Экхарт уже другим тоном. — Да, да, я понимаю, понимаю, вы желаете низвергнуть стены Вавилона... Я сам когда-то был молод. И все же действуйте медленно, не горячитесь, смотрите, куда прыгаете. Покойной ночи. Кланяйтесь вашей жене.

С этого вечера слова Экхарта всегда звучали в ушах Эндрью, и он всеми силами старался лавировать осторожнее. Но очень скоро случилась новая, еще большая неприятность.

В следующий понедельник он был вызван к Томасу Ивенсу на Сифенроу. Ивенс, забойщик в угольных копах, обварил себе левую руку, опрокинув чайник с кипятком. Ожог был тяжелый, во всю руку, и особенно болезненный у локтя. Когда Эндрью пришел, ему сказали, что участковая фельдшерница, которая во время этого несчастного случая случайно

оказалась поблизости, сделала Томасу перевязку, положив тряпку с жидкой известковой мазью, и ушла к другим больным. Эндрию осмотрел руку, старательно скрывая свой ужас при виде грязно сделанной перевязки. Уголком глаза он заметил стоящую тут же бутылку, заткнутую комком газетной бумаги и наполненную грязной беловатой жидкостью, в которой он уже мысленно видел кишевших бактерий.

— Сестра Ллойд сделала все как следует, правда, доктор? — спросил тревожно Ивенс. Это был темноглазый, очень нервный молодой человек. Жена его, стоявшая подле него и внимательно следившая за действиями Эндрию, была так же нервна и даже лицом немного походила на мужа.

— Отличная перевязка, — ответил Эндрию, усиленно изображая восхищение. — Я редко видывал более аккуратную работу. Но, конечно, это только первая помощь. Теперь мы, пожалуй, полежим немного пикриновой кислоты.

Он знал, что если не применить сейчас же антисептическое средство, то в руке почти несомненно начнется заражение крови. А тогда беда с локтевым суставом!

Муж и жена смотрели несколько недоверчиво, как он с тщательной осторожностью обмывал руку и накладывал мокрую пикриновую перевязку.

— Ну, вот и готово! — воскликнул он. — Теперь вам полегче, не так ли?

— Не знаю, как вам сказать, — промолвил Ивенс. — А вы уверены, доктор, что все обойдется благополучно?

— Безусловно. — Эндрию ободряюще улыбнулся. — Положитесь на меня и на сестру.

Раньше чем уйти, он написал короткую записку участковой фельдшерице, усиленно выбирая тактичные выражения, стараясь щадить ее самолюбие. Благодарил ее за превосходно оказанную первую помощь и просил во избежание возможного заражения крови продолжать перевязки уже с пикриновой кислотой. Вложив записку, он тщательно заклеил конверт.

Придя на следующее утро к Ивенсам, он увидел, что его пикриновая перевязка брошена в огонь, а рука обернута тряпицей с известковой мазью. Участковая фельдшерица поджидала его, готовая к бою.

— Что все это значит, хотела бы я знать? Так моя работа вас не удовлетворяет, доктор Мэнсон?

Это была широкоплечая, немолодая уже женщина с неопрятными седоватыми волосами, с усталым, изможденным лицом. Она так тяжело

дышала от волнения, что ей трудно было говорить.

У Эндрию сердце упало. Но он сурово себя одернул и притворно улыбнулся. — Что вы, что вы, сестра Ллойд, вы меня не так поняли. Может быть, мы переговорим об этом в соседней комнате?

Но фельдшерица закусил удила. Она поглядела туда, где Ивенс и его жена, за юбку которой цеплялась трехлетняя дочурка, слушали, встревоженные, широко открыв глаза.

— Нет, мы будем говорить здесь. Мне скрывать от людей нечего. Моя совесть чиста. Родилась и выросла в Эберло, здесь и школу окончила, здесь замуж вышла, детей своих родила, здесь похоронила мужа и работаю вот уже двадцать лет фельдшерицей. И никто никогда мне не запрещал применять известковую жидкость при ожогах.

— Послушайте, сестра, — уговаривал ее Эндрию. — Известковая мазь, может быть, и хорошее средство в некоторых случаях. Но здесь имеется серьезная опасность контрактуры. — Он для наглядности вытянул ей руку в локте. — Вот почему я настаиваю на такой перевязке.

— Никогда о таком средстве не слыхивала. Старый доктор Экхарт его не употребляет. Так я и сказала мистеру Ивенсу. Я не сторонница всяких новомодных выдумок, как те, кто здесь и работает-то всего какую-нибудь неделю.

У Эндрию пересохли губы. Ему тошно стало при мысли о предстоящих неприятностях, обо всех пересудах, которые вызовет эта история, так как фельдшерица, переходя из дома в дом, будет повсюду изливать душу. С ней ссориться опасно. Но он не мог, не решался подвергать пациента риску, допустив этот устарелый способ лечения. И сказал, понижая голос:

— Если вы не хотите делать перевязки, сестра, то я буду приходить сюда утром и вечером и делать их сам.

— Ну и перевязывайте, мне какое дело! — объявила Ллойд, и в глазах ее заблестела влага. — Дай Бог, чтобы Тому Ивенсу не пришлось поплатиться жизнью.

И она стремглав выбежала из дому.

Среди мертвого молчания Эндрию опять разбинтовал руку. Он провозился целых полчаса, терпеливо обмывая и накладывая новую повязку. Уходя, обещал прийти вечером, в девять часов.

Но в тот же вечер, когда он начал прием в амбулатории, первой в кабинете появилась миссис Ивенс. Она была очень бледна, и ее темные пугливые глаза избегали взгляда Эндрию.

— Право, доктор, — пробормотала она, запинаясь, — мне ужасно совестно вас беспокоить, но нельзя ли мне получить карточку Тома?

Чувство безнадежности овладело Эндрию. Не говоря ни слова, он встал, отыскал карточку Ивенса и отдал ей.

— Вы понимаете, доктор... Вы... больше визитов не нужно.

Он сказал нетвердым голосом:

— Да, понимаю, миссис Ивенс.

Затем, когда она подошла к двери, спросил, — не мог не спросить:

— Что, опять кладете известковую мазь?

Она поперхнулась ответом, молча кивнула головой и вышла.

После приема Эндрию обычно несся домой карьером. Сегодня же он возвращался в «Вейл Вью» медленно, устало. «Вот так победа научного метода! — думал он с горечью. — Что это с моей стороны — честность или просто неуменье подходить к людям? Нет, я глуп и бестактен, глуп и бестактен!»

За ужином он был очень молчалив. Но после ужина, в гостиной, теперь комфортабельно убранной, когда они с Кристин сидели вместе на кушетке перед весело пылавшим огнем, он прижался головой к ее мягкой молодой груди и сказал со стоном:

— О Крис, дорогая, я уже с самого начала заварил такую кашу!

Когда она, утешая, начала тихонько гладить его голову, он почувствовал, что к глазам его подступают едкие слезы.

VI

Неожиданно рано и сразу наступила зима с большим снегопадом. Была только середина октября, но Эберло расположен так высоко в горах, что жестокие морозы ударили здесь чуть ли не раньше, чем успели облететь деревья. Однажды ночью бесшумно повалил снег, кружась мягкими хлопьями, и когда Кристин и Эндрью проснулись поутру, все было одето его сверкающей белизной. Стадо горных пони, пробравшись сквозь пролом в полуразрушенной изгороди, окружавшей дом, сбилось в кучу у дверей кухни. На просторах горных высот, в лугах, покрытых жесткой травой, вокруг Эберло бродило множество этих диких лошадок с темной шерстью, которые в испуге кидались прочь, завидев приближающегося человека. Но в снежные зимы голод гнал их вниз, к окраинам города.

Всю зиму Кристин подкармливала пони. Сначала они шарахались от нее, спотыкаясь от страха, но в конце зимы уже стали есть из ее рук. Особенно подружилась она с одной черной лошадкой, самой маленькой из всех, не больше шотландского пони, со спутанной гривой и плутовскими глазами, которую они окрестили «Чернышом».

Пони ели все что угодно: хлеб, картофельную шелуху, кожуру от яблок, даже апельсиновые корки. Раз Эндрью для потехи протянул «Чернышу» пустую спичечную коробку. «Черныш» сжевал ее и облизался, как лакомка после пирожного.

Несмотря на то, что они были бедны, что им приходилось терпеть много невзгод, Кристин и Эндрью были счастливы. У Эндрью в кармане бренчали одни только медяки, но долг «Фонду» был почти погашен, деньги за мебель выплачивались аккуратно. Кристин, при всей своей хрупкости и кажущейся неопытности, обладала качеством йоркширских женщин — она была хорошей хозяйкой. С помощью одной только молоденькой служанки Дженни, дочери шахтера с соседней улицы, приходившей к ним ежедневно за несколько шиллингов в неделю, она поддерживала в доме такую чистоту, что все в нем сверкало. Хотя четыре комнаты остались немеблированными и поэтому были заперты, она сумела превратить «Вейл Вью» в уютный семейный очаг. Когда Эндрью приходил домой усталый, почти разбитый после долгого дня работы, у нее уже стоял на столе горячий обед, который быстро восстанавливал его силы.

Работа его была отчаянно тяжела. Делало ее такой, увы, не большое количество пациентов, а снег, необходимость взбираться в высоко

расположенные участки, большие расстояния, которые приходилось делать во время обхода больных. В оттепель дороги превращались в настоящие болота, а потом ночью грязь подмерзала — и ходить было очень трудно и утомительно. Эндрию так часто приходил домой с насквозь промокшими внизу брюками, что Кристин в конце концов купила ему гетры. Когда он вечером, измученный, валился в кресло, она, встав на колени, снимала с него гамаша, потом тяжелые башмаки и приносила ему домашние туфли.

Люди в Эберло продолжали относиться к нему недоверчиво, ладить с ними было трудно. Все родственники Ченкина (а их было много, так как в долинах Уэльса браки между своими — обычное явление) дружно сплотились против него. Сестра Ллойд теперь была его открытым и злобным врагом и, распивая чай в домах, которые посещала, говорила о нем всякие гадости собиравшимся вокруг нее соседкам.

Вдобавок ко всему у Эндрию был еще один повод к раздражению, которое приходилось подавлять. Доктор Луэллин вызывал его для того, чтобы давать наркоз при операциях, гораздо чаще, чем Эндрию считал допустимым. Эндрию терпеть не мог давать наркоз, — эта механическая работа требовала совсем иного склада характера — спокойного темперамента и уравновешенности, которыми он вовсе не обладал. Он, конечно, ничего не имел против того, чтобы делать это для своих собственных больных. Но когда у него отнимали три дня в неделю на обслуживание больных, которых он раньше в глаза не видел, он считал, что ему взваливают на плечи чужое бремя. Однако он не осмеливался протестовать из страха лишиться места.

Однажды, в ноябрьский день, Кристин заметила, что он чем-то необычайно угнетен. В этот вечер он, придя домой, не окликнул ее весело, как всегда, и хотя притворялся спокойным, она слишком его любила, чтобы не заметить по углубившейся морщинке между глаз и целому ряду других мелких признаков, что он пришиблен каким-то новым неожиданным ударом.

За ужином она не спросила ничего, а после ужина, сидя у камина, занялась шитьем. Эндрию с трубкой в зубах подсел к ней и через некоторое время вдруг разразился следующей тирадой:

— Я терпеть не могу брюзжать, Крис! И не люблю тебя тревожить. Видит Бог, я стараюсь хранить свои неприятности про себя!

Так как он каждый вечер изливал перед ней душу, то такое заявление звучало весьма забавно, но Кристин не улыбнулась, и он продолжал;

— Ты видела здешнюю больницу, Крис. Помнишь, мы ее осматривали в первый же вечер нашего приезда? Помнишь, как она мне понравилась,

как я бредил ею, радуясь возможности наладить свою работу. Я так много об этом думал, дорогая! У меня были такие замечательные планы, связанные с этой маленькой больницей в Эберло.

— Да, да, я знаю.

Он сказал с каменным лицом:

— Напрасно я себя обманывал. Это вовсе не городская больница, это больница Луэллина.

Крис молчала с тревогой во взгляде, ожидая от него объяснений.

— Сегодня утром у меня был один пациент, Крис, — заговорил Эндрью быстро, все больше распаляясь. — Заметь, я говорю *«был»!* Типичная верхушечная пневмония, и, главное, больной — бурильщик в антрацитовых копях, а я часто тебе говорил, что меня ужасно интересует состояние легких у людей этой профессии. Я нахожу, что тут большое поле для исследовательской работы. Я и подумал: «Вот первый случай использовать больницу, именно такой случай, когда нужно наблюдение и исследование научными методами». Я позвонил Луэллину, попросил его осмотреть со мной вместе больного, чтобы я мог поместить его в больницу.

Эндрью остановился, чтобы перевести дух, затем стремительно продолжал:

— Ну вот. Явился Луэллин в лимузине, все честь-честью. Любезен, как всегда, и чертовски тщательно осмотрел больного. Он первоклассный врач и свое дело знает великолепно. Подтвердил мой диагноз, указав две-три подробности, которые я упустил, и сразу согласился принять моего пациента в больницу. Я стал его благодарить, выражая свое удовольствие по поводу того, что смогу лечить своего больного в больнице, где имеются прекрасные приспособления для исследования именно такого рода случаев.

Эндрью опять помолчал, стиснув зубы.

— Луэллин посмотрел на меня, Крис, очень ласково и дружелюбно. «Вам незачем утруждать себя хождением в больницу, Мэнсон, — сказал он, — За больным теперь буду следить я. Мы не можем допустить, чтобы младшие врачи ходили по палатам... (он бросил взгляд на мои гамаша) в своих подбитых гвоздями сапожищах» — и, перебивая сам себя, Эндрью отрывисто воскликнул: — Ну да к чему повторять то, что он сказал. Смысл всего этого таков, что я в своих грязных сапогах и плаще, с которого течет вода, могу ходить по кухням шахтеров, осматривать больных при керосиновой лампочке, лечить их в скверных условиях, но когда дело доходит до больницы — о, там я нужен только для того, чтобы давать наркоз!

Его прервал телефонный звонок. Кристин, сочувственно смотревшая на

мужа, через минуту встала, чтобы подойти к телефону. Эндрью слышал, как она говорила в передней, затем она вернулась в комнату очень смущенная.

— Это доктор Луэллин... Мне... мне очень неприятно тебе говорить, милый... Он просит тебя прийти завтра в одиннадцать часов... давать наркоз.

Эндрью ничего не ответил. Он сидел с убитым видом, подпирая голову сжатыми кулаками.

— Что же сказать ему, милый? — шепнула Кристин робко.

— Скажи, чтобы он убирался к черту! — закричал он. — Нет, нет, скажи, что я буду в больнице завтра, — он горько усмехнулся, — ровно в одиннадцать.

Воротясь в гостиную, она принесла ему чашку горячего кофе — одно из верных средств, обычно разгонявших его мрачное настроение.

Выпив кофе, он криво усмехнулся Кристин.

— Я так безмерно счастлив здесь с тобой, Крис. Если бы только работа моя шла на лад! Пожалуй, в том, что Луэллин не пускает меня в больницу, нет ничего необычайного и никакой личной неприязни ко мне. То же самое делается и в Лондоне и повсюду во всех больших клиниках. Такова система. Но с какой стати она такова, Крис? Почему врача лишают возможности лечить его больного, когда тот попадает в больницу? Он теряет возможность исследовать этот случай так же, как если бы потерял пациента. Это результат нашей проклятой системы «практикующих врачей», и это неправильно, неправильно от начала до конца! Боже мой, что это я вздумал читать тебе целую лекцию? Как будто у нас мало своих забот! Подумать только, в каком восторге я был, начиная работу здесь! Чего только я не собирался делать! А вместо этого одна неприятность за другой, все пошло не так!

Но в конце недели к Эндрью явился неожиданный гость. Совсем поздно, когда они с Кристин собирались идти наверх спать, звякнул звонок у дверей. Это пришел Оуэн, секретарь Общества.

Эндрью побледнел. Приход секретаря показался ему самым зловещим из всех событий за эти несчастливые месяцы борьбы. Не предложит ли ему комитет оставить службу? Неужели он будет уволен, выброшен с Кристин на улицу, как жалкий неудачник?

С упавшим сердцем посмотрел он на худое застенчивое лицо секретаря, но тотчас же почувствовал радостное облегчение, когда Оуэн достал из кармана желтую карточку.

— Извините, что я пришел так поздно, доктор Мэнсон, но меня

задержали в конторе, и я не успел зайти к вам в амбулаторию. Я хотел спросить, согласитесь ли вы взять к себе мою лечебную карточку? Ведь это странно, что я, секретарь Общества, до сих пор не потрудился прикрепиться к какой-нибудь амбулатории. В последний раз я обращался к врачу, когда ездил в Кардифф. Но теперь я буду вам очень благодарен, если вы согласитесь включить меня в списки ваших постоянных пациентов.

Эндрью с трудом заговорил. Ему так много уже пришлось отдать этих карточек, — отдать, скрепя сердце, — что *получить* карточку, и от самого секретаря, было чем-то ошеломительным.

— Благодарю вас, мистер Оуэн, я... я буду очень рад иметь вас в своем списке.

Кристин, стоявшая тут же в передней, торопливо вмешалась:

— Не зайдете ли, мистер Оуэн? Пожалуйста!

Секретарь хотя и протестовал, уверяя, что не хочет их беспокоить, но, казалось, был не прочь, чтобы его пригласили в гостиную. Сев в кресло у камина, он задумчиво устремил глаза в огонь. Лицо его дышало удивительным спокойствием. Костюмом и говором он ничуть не отличался от обыкновенного рабочего, но этим созерцательным спокойствием и почти прозрачной бледностью кожи напоминал аскета. Несколько минут он, видимо, собирался с мыслями. Потом заговорил:

— Я рад, что имею случай потолковать с вами, доктор. Не падайте духом, если вначале вам трудно будет ладить с нашими рабочими. Они малость жестковаты, несговорчивы, но, в сущности, народ хороший. Присмотрятся — и начнут ходить к вам, начнут, вот увидите! — И, не давая Эндрью вставить ни слова, Оуэн продолжал: — Слышали насчет Тома Ивенса? Нет? С его рукой совсем дело плохо. Да, это лекарство, против которого вы их предостерегали, сделало как раз то, чего вы боялись. Локоть ему скрючилось, не разгибается, так что рука не действует, и из-за этого Том лишился работы в шахте. И так как он обварил руку не на работе, а дома, то ему не дали ни пенни компенсации.

Эндрью невнятной фразой выразил сожаление. Он не испытывал никакого злорадства, только грусть при мысли о напрасном несчастье, которое так легко было предотвратить.

Оуэн опять помолчал, потом тихим голосом начал рассказывать им о своих мытарствах в юности, о том, как он с четырнадцати лет стал работать в шахте, посещал вечернюю школу и постепенно «выходил в люди», научился писать на машинке и стенографировать и в конце концов был назначен секретарем комитета.

Эндрью стало ясно, что этот рабочий посвятил всю жизнь делу улучшения участи своего класса. Оуэн был доволен работой в комитете, потому что она отвечала этим его стремлениям. Но он хотел дать рабочим не одну только медицинскую помощь. Он мечтал о лучших жилищах для них, лучших санитарных условиях, о лучшей и более безопасной жизни не только для шахтеров, но и для их семей. В разговоре с Эндрью он привел цифры смертности от родов среди жен шахтеров, детской смертности. Он помнил наизусть все цифры, был прекрасно осведомлен обо всех фактах.

Но он не только говорил, он умел слушать. Он улыбался, когда Эндрью рассказывал историю с канализационной трубой во время эпидемии тифа в Блэнелли. Он проявил живейший интерес к утверждению Эндрью, что рабочие антрацитовых копей более подвержены легочным заболеваниям, чем все другие, работающие под землей.

Воодушевленный вниманием Оуэна, Эндрью с большим пылом пустился в обсуждение этого вопроса. После долгих и усердных наблюдений он был поражен высоким процентом легочных заболеваний в самых коварных формах среди рабочих угольных копей.

В Блэнелли у множества бурильщиков, приходивших к нему с жалобами на кашель или на то, что у них «застряло немного мокроты в груди», на самом деле оказывался начальный и даже открытый туберкулезный процесс в легких. И то же самое он наблюдал здесь, в Эберло. Он задавал себе вопрос, нет ли прямой связи между этими заболеваниями и характером работы.

— Понимаете, что я хочу сказать? — говорил он с увлечением. — Эти люди работают целый день в пыли, вредной минеральной пыли, в забоях, и эта пыль набивается в их легкие. Я подозреваю, что она разъедает легочную ткань. Бурильщики, например, которые больше всего глотают пыль, заболевают чахоткой чаще, чем, скажем, откатчики. Конечно, может быть, я на неверном пути. Но мне думается, что я прав. И меня очень привлекает то, что эта область еще мало исследована. В официальной инструкции министерства внутренних дел совершенно не упоминается о таком профессиональном заболевании. Когда рабочие угольных копей сваливаются в чахотке, им не выплачивают ни единого пенни компенсации!

Оуэн восторженно, наклонился вперед, его бледное лицо загорелось волнением.

— Боже мой, доктор, какие интересные вещи вы говорите! Давно не слышал ничего более интересного и важного!

Они начали оживленно обсуждать вопрос. Было уже поздно, когда

секретарь собрался уходить. Извинившись, что так долго просидел у них, он горячо попросил Эндрью продолжать свои исследования, обещал ему помогать, чем только сумеет.

Дверь закрылась за Оуэном, но он оставил после себя впечатление большой теплоты и искренности. И как тогда, когда решался вопрос о его назначении в Эберло, Эндрью сказал себе: «Этот человек мне друг».

VII

Новость о том, что секретарь передал свою лечебную карточку доктору Мэнсону, быстро распространилась по участку и несколько приостановила рост непопулярности нового доктора.

Но, независимо от этой материальной выгоды, визит Оуэна ободрил и Эндрью и Кристин. До сих пор они оставались как-то вне общественной жизни города. Хотя Кристин никогда об этом не говорила, но во время длительного отсутствия Эндрью, обходившего больных, бывали минуты, когда она остро ощущала свое одиночество. Супруги представителей высшей администрации были слишком полны сознанием собственного достоинства, чтобы посещать жен младших врачей. Миссис Луэллин, обещавшая вечную любовь и восхитительные поездки на автомобиле в Кардифф, оставила один раз, в отсутствие Кристин, визитную карточку, и больше о ней не было ни слуху ни духу. А жены доктора Медли и доктора Оксборро из Восточной амбулатории были очень уж непривлекательны: одна — увядшая, напоминавшая белого кролика, другая — нудная святоша, которая в течение целых шестидесяти минут (по купленным у фирмы «Ридженси» дешевым часам) говорила о миссионерстве в Западной Африке. Было очевидно, что и между младшими врачами и между их женами нет никакого единения и они не поддерживают знакомства. По отношению к городу они занимали позицию людей равнодушных, пассивных и даже угнетаемых.

В один декабрьский вечер Эндрью, возвращаясь домой в «Вейл Вью» верхней дорогой, на вершине холма увидел шедшего к нему навстречу молодого человека своих лет, худого, но крепкого и подтянутого, в котором он сразу узнал Ричарда Воона. Первым его побуждением было перейти на другую сторону дороги и уклониться таким образом от встречи с этим человеком. Но в следующее мгновение он подумал упрямо: «А с какой стати? Мне решительно все равно, кто он такой».

Глядя в сторону, он собирался уже пройти мимо Воона, но, к его удивлению, услышал обращенный к себе оклик, дружелюбный и полушутливый:

— Алло! Вы, кажется, тот самый человек, который отправил Бена Ченкина обратно на работу?

Эндрью остановился, настороженно глядя на спрашивавшего, как будто говоря: «Ну, и что же из того? Я это сделал вовсе не затем, чтобы тебе

угодить». Отвечая Воону довольно вежливо, он мысленно говорил себе, что не позволит никому обращаться с собой покровительственно, хотя бы даже и сыну Эдвина Воона. Вооны были фактическими владельцами всех предприятий в Эберло, получали все доходы от окрестных копей, занимали исключительное положение, были богаты и недосыгаемы. Теперь, когда старик Эдвин удалился на покой в свое имение близ Брекена, Ричард, его единственный сын, стал директором-распорядителем компании. Он недавно женился и выстроил себе большой дом в современном стиле, стоявший высоко над городом.

Теребя жидкие усики и рассматривая Эндрью, он сказал:

— Хотел бы я тогда полюбоваться на физиономию старого Бена!

— Мне она не показалась особенно забавной.

Губы Воона под прикрывавшей их рукой дрогнули улыбкой при этой вспышке шотландской заносчивости. Но он непринужденно промолвил:

— Между прочим, вы наши ближайšie соседи. Моя жена (последние несколько недель ее здесь не было, она уезжала в Швейцарию) собирается навестить вашу. Ведь вы уже, верно, устроились окончательно?

— Благодарю, — ответил Эндрью коротко и пошел дальше.

Вечером за чаем он в ироническом тоне рассказал об этой встрече Кристин.

— Что ему от меня нужно, как ты думаешь? Я раз видел как он прошел по улице мимо Луэллина, едва удостоив его кивка. Может быть, он хотел меня задобрить, чтобы я почаще отсылал людей обратно на работу в ею проклятые рудники!

— Да перестань, Эндрью! — возмутилась Кристин. — Всегда у тебя одно на уме. Ты недоверчиво, ужасно недоверчиво относишься к людям!

— Еще бы мне не относиться к нему недоверчиво! Надутое ничтожество, купается в деньгах, а носит старомодный галстук под своей противной физиономией. «Моя жена навестит вашу!» А эта жена отдыхала в Альпах, пока ты тут шлепала по свинской грязи на Марди-хилл. Воображаю, какими глазами она стала бы осматривать все здесь у нас! А если она явится, — Эндрью вдруг расвирепел, — смотри, не допускай покровительственного обращения с собой!

Крис ответила так лаконично и сухо, как никогда еще не отвечала ему за все эти первые месяцы неизменной нежности:

— Полагаю, что я умею держать себя.

Вопреки предсказаниям Эндрью, миссис Воон сделала визит Кристин и оставалась у нее гораздо дольше, чем это требовалось приличиями. Когда Эндрью вечером вернулся домой, Кристин встретила его веселая, слегка

раскрасневшаяся, и видно было, что она очень приятно провела время. На его иронические расспросы она отвечала сдержанно, сказала только, что все вышло очень хорошо.

Эндрью дразнил ее:

— Ты, конечно, вынула все наше фамильное серебро, самый лучший фарфор, золотой самовар? Ну, и, конечно, торт от Перри!

— Нет. Я угощала ее хлебом с маслом, — отвечала она ему в тон. — И чаем из нашего закоптелого чайника.

Он насмешливо поднял брови.

— И ей это поправилось?

— Надеюсь, что да.

После этого разговора Эндрью что-то глодало, — он испытывал странное чувство, в котором, при всем его желании, не способен был разобраться. Через два дня, когда миссис Воон позвонила ему по телефону и пригласила его и Кристин обедать, он растерялся. Кристин в это время на кухне пекла пироги, и говорить по телефону пришлось ему.

— Очень сожалею, — сказал он, — но боюсь, что мы не сможем быть у вас. Я все вечера почти до девяти часов занят в амбулатории.

— Но по воскресеньям вы, конечно, свободны, — сказала она с очаровательной непринужденностью. — Так приходите ужинать в будущее воскресенье. Значит, решено. Мы вас ждем!

Он влетел в кухню и набросился на Кристин.

— Эти твои проклятые чванные друзья таки заставили меня принять приглашение на ужин! Но мы не можем идти! Я глубоко убежден, что в воскресенье мне что-нибудь помешает.

— Послушай, Эндрью Мэнсон! — У Кристин глаза сияли, потому что ее обрадовало приглашение, но она принялась сурово отчитывать мужа. — Пора тебе перестать глупить. Мы бедны, и это всем известно. Ты ходишь обтрепанный, а я сама стряпаю. Но это ничего не значит. Ты врач, и хороший врач к тому же, а я твоя жена. — Выражение ее лица на миг смягчилось. — Ты меня слушаешь? Да, может быть, тебя это удивит, но у меня имеется в комодке брачное свидетельство. Вооны страшно богаты, но это мелочь по сравнению с тем, что они милые, обаятельные и культурные люди. Мы с тобой очень счастливы здесь вдвоем, мой друг, но должны же мы иметь каких-нибудь знакомых. Почему нам не познакомиться с ними поближе, раз они этого хотят? Нечего тебе стыдиться нашей бедности. Забудь о деньгах и о положении в обществе и обо всяких таких вещах, научись ценить в людях то, что в них ценно.

— Да будет тебе!.. — недовольно пробурчал он.

В воскресенье он отправился с ней к Воонам с безучастным видом, внешне покорно, и только когда они поднимались по хорошо вымощенной дорожке мимо новой теннисной площадки, он заметил сквозь зубы:

— Наверное, не примут нас, увидев, что я не в смокинге.

Вопреки его ожиданиям, их приняли очень хорошо. Худое, некрасивое лицо Воона радушно улыбалось им поверх серебряной чайницы, которую он, неизвестно зачем, быстро вертел в руках. Миссис Воон приветствовала их с непринужденной простотой. За столом оказались еще другие гости — профессор Челлис и его жена, приехавшие к Воонам на два свободных дня — субботу и воскресенье.

За первым в его жизни коктейлем Эндрию оглядывал длинную, устланную светлокоричневым ковром комнату, полную цветов, книг, своеобразно красивой мебели. Кристин весело разговаривала с Воонами и миссис Челлис, пожилой дамой с забавными морщинками вокруг глаз. Оказавшись в одиночестве и не желая обращать на себя внимание, Эндрию нерешительно подсел к Челлису, который, несмотря на почтенную седую бороду, весело доканчивал третью порцию крепкого «Мартини»^[18].

— Не желаете ли, молодой медик, заняться одним исследованием? — улыбаясь, обратился он к Эндрию. — Следует выяснить назначение оливкового масла в «Мартини». Имейте в виду, — я вас заранее предупреждаю, что у меня уже есть на этот счет кое-какие предположения, но каково ваше мнение, доктор?

— Я... я, право, не знаю, — пробормотал Эндрию.

— Моя теория заключается вот в чем, — пришел к нему на помощь Челлис, сжалившись над ним. — Тут заговор торговцев и таких негостеприимных хозяев, как наш друг Воон. Использован закон Архимеда. — Он быстро замигал глазами под густыми черными бровями. — Путем простого вытеснения они рассчитывают сэкономить джин!

Эндрию не смеялся, угнетенный сознанием своей неотесанности. Он не отличался светскими талантами и никогда в жизни не был в таком богатом доме. Он не знал, что делать с пустым стаканом, куда девать пепел с папиросы, а главное — собственные руки. Он был рад, когда, наконец, сели ужинать. Но и тут он чувствовал, что производит невыгодное впечатление.

Ужин был простой, но прекрасно приготовлен и сервирован. На тарелке у каждого уже стояла чашка горячего бульона, за нею последовал салат из цыплят, латука и каких-то незнакомых острых приправ. Эндрию сидел рядом с миссис Воон.

— У вас очаровательная жена, доктор Мэнсон, — заметила она тихо,

когда они уселись. Миссис Воон была высокая, тоненькая, элегантная женщина, очень хрупкая на вид, совсем некрасивая, но с большими умными глазами и с изысканно-простыми манерами. Ее подвижной рот с приподнятыми уголками свидетельствовал о живом уме и утонченности.

Она заговорила с Эндрью о его работе, сказав, что ее мужу много рассказывали о его добросовестности. Она любезно старалась втянуть его в разговор, спрашивала с интересом, как, по его мнению, можно было бы улучшить условия работы врачей в городе.

— Как вам сказать... я, право, не знаю... — Он от смущения пролил суп. — Мне думается... я бы хотел, чтобы работа велась более научными методами. — Даже любимая тема не развязала ему язык, а ведь он часами с увлечением говорил об этом Кристин! Он не поднимал глаз от тарелки, пока, наконец, к его облегчению, миссис Воон не вступила в разговор с Челлисом, сидевшим по другую сторону от нее.

Челлис, который, как выяснилось, был профессором металлургии в Кардиффе, читал лекции по тому же предмету в Лондонском университете и состоял членом Горнозаводского комитета патологии труда, был веселый говорун. Он разговаривал всем телом, руками, бородой, спорил, громко хохотал или смеялся журчащим смехом и в то же время забрасывал в себя большие порции еды и питья, как истопник, лихорадочно разводящий пары. Но говорил он хорошо, и все остальные, видимо, слушали его с удовольствием. Один лишь Эндрью не принимал участия в беседе, неодобрительно слушая то, что говорили о музыке, о достоинствах Баха, а затем (благодаря привычке Челлиса перескакивать от одной темы к другой) о русской литературе. Он слышал, как упоминались имена Толстого, Чехова, Тургенева, Пушкина так часто, что они набили ему оскомину. «Чепуха какая-то, — злился он про себя, — сплошная, никому не нужная чепуха... Что воображает о себе этот старый бобер? Посмотрел бы я, как он, скажем, сделал бы трахеотомию в какой-нибудь грязной кухне на Сифен-роу. Немного бы ему там помог его Пушкин!»

Кристин от души наслаждалась. Поглядывая на нее украдкой, Эндрью видел, как она улыбалась Челлису, слышал, как она принимала участие в разговоре. Она держала себя очень естественно, без всякого жеманства и претенциозности. Раза два упомянула вскользь о городской школе, в которой она преподавала. Эндрью удивился, слыша, как толково она спорила с профессором, как быстро, без всякой самонадеянности приводила свои доводы. Жена его начала представляться ему в новом свете, он словно в первый раз ее увидел. «Она, оказывается, хорошо знает всех этих русских писак, а со мной почему-то никогда о них не говорит!»

— с огорчением думал он. А когда Челлис одобрительно погладил руку Кристин, он возмутился: «Почему это старое чучело не может держать свои лапы при себе! Что, у него своей жены нет, что ли?»

Раз-другой он уловил обращенный на него взгляд Кристин, интимно-дружеский, точно предлагавший ему обменяться впечатлениями, и несколько раз она пыталась придать разговору такой оборот, чтобы Эндрию мог принять в нем участие.

— Мой муж очень интересуется рабочими антрацитовых копей, профессор. Он занялся исследованиями насчет вдыхания угольной пыли.

— Так, так, — сказал, отдуваясь, Челлис, с интересом посмотрев на Мэнсона.

— Правда, мой друг? — продолжала Кристин поощрительным тоном. — Помнишь, ты на днях говорил об этом.

— Все это еще мне самому неясно, — проворчал Эндрию. — Вероятно, ничего не добыюсь. У меня еще недостаточно данных. Может быть, они заболевают туберкулезом вовсе не от угольной пыли.

Он, разумеется, ужасно злился на себя. Ведь этот Челлис мог быть ему полезен. Он, конечно, не стал бы просить его помощи в самой работе, но уже одно то, что Челлис — член Комитета труда, открывало большие возможности. И, непонятно почему, гнев Эндрию обратился на Кристин. Когда они в конце вечера шли домой в «Вейл Вью», он всю дорогу сердито молчал. Все так же безмолвно прошел впереди Кристин в спальню и, когда они раздевались, старался не смотреть на жену, тогда как обычно они в это время весело делились впечатлениями, и он с расстегнутыми болтавшимися подтяжками и зубной щеткой в руке стоял перед Кристин, рассказывая подробно обо всем, что делал днем.

Когда Кристин спросила умоляющим тоном: «Правда, сегодня было весело, милый?», он ответил очень вежливо: «О, да, отлично провели вечер».

Улегшись в постель, отодвинулся на самый край, подальше от Кристин, и когда почувствовал, что она сделала легкое движение по направлению к нему, он притворным храпом, долгим и громким, остановил ее.

На следующее утро все еще не исчезла эта натянутость между ними. Эндрию ушел на работу угрюмый, на себя не похожий. Около пяти, когда они сидели за чаем, у дверей раздался звонок. Это шофер Воона привез целую пачку книг и большой букет нарциссов «павлиний глаз».

— От миссис Воон, — сказал он, улыбаясь, и ушел, дотронувшись до своей остроконечной шапочки.

Кристин воротилась в гостиную, обеими руками неся книги и цветы.

Лицо ее пылало.

— Смотри, милый! — воскликнула она взволнованно. — Ну, не мило ли с ее стороны? Прислала мне всего Троллопа. Мне всегда хотелось познакомиться получше с его сочинениями. И какие чудесные цветы!

Эндрью встал и сказал с холодной насмешкой:

— Прелестно! Цветы и книги от супруги феодала! И присланы, я полагаю, для того, чтобы немного усладить тебе жизнь со мной! Я для тебя слишком скучный муж! Я не принадлежу к тем блестящим краснобаям, которые тебе, видимо, так пришились по душе вчера. Я только самый обыкновенный, рядовой младший врач, будь оно все проклято!

— Эндрью! — Вся краска сбежала с лица Кристин. — Как тебе не стыдно!

— А что, не правда? Я все отлично видел, пока сидел остолопом за этим проклятым ужином. У меня глаза есть. Я вижу, что я тебе уже надоел. Я гожусь только на то, чтобы целый день шлепать по грязи, заглядывать под грязные одеяла да набирать блох. Теперь тебе уже не по вкусу такой неотесанный деревенщина, как я!

Глаза Кристин, полные жалости, темнели на бледном лице. Но она сказала ровным голосом:

— Как ты можешь говорить такие вещи! Я оттого и люблю тебя, что ты таков, как есть. И никогда никого другого не люблю.

— Так я тебе и поверил! — огрызнулся Эндрью и вышел, хлопнув дверью.

Целых пять минут он укрывался в кухне, шагая из угла в угол и кусая губы. Потом резко повернулся, бросился в гостиную, где Кристин стояла, в отчаянии поникнув головой и рассеянно глядя в огонь. Он налетел на нее, как бешеный, и обнял ее.

— Крис, родная! — прокричал он в пылком раскаянии. — Милая ты моя! Прости меня! Ради Бога, прости. Все, что я говорил, только слова, я этого не думаю. Я просто-напросто сумасшедший ревнивый осел. Я тебя обожаю!

Они порывисто, крепко обнялись. В комнате пахло нарциссами.

— Разве ты не знаешь, что я бы умерла без тебя? — всхлипывала Кристин.

Потом, когда она сидела, прижимаясь щекой к его щеке, он, потянувшись за книгой, спросил сконфуженно:

— А кто такой, собственно, этот малый... Троллоп? Ты бы мне объяснила, родная. Я ведь невежественный болван!

VIII

Прошла зима. У Эндрью прибавилась новая работа — его исследования результатов вдыхания каменноугольной пыли, которые он начал с систематического наблюдения всех шахтеров угольных копей, состоявших в списке его пациентов. Вечера они с Кристин проводили вдвоем и были счастливее прежнего. Кристин помогала ему переписывать заметки, сидя у веселого огня в камине (единственной привилегией врачей этого района было то, что у них всегда имелся большой запас дешевого угля), когда он возвращался с вечернего приема в амбулатории. Они часто вели долгие беседы, и во время этих бесед Эндрью просто поражался образованности и начитанности Кристин, хотя она никогда не выставляла их напоказ. Кроме того, он только теперь разглядел в ней ту утонченность инстинктов, ту внутреннюю интуицию, благодаря которой она так хорошо разбиралась в литературе, в музыке, так верно судила о людях.

— Черт побери, а ведь я только теперь начинаю узнавать свою жену! — говорил он шутливо. — Чтобы ты не слишком возгордилась, мы сейчас урвем полчаса на пикет, и я тебя обыграю. — Играть в пикет они научились у Воонов.

Когда дни стали длиннее, Кристин, ничего не говоря мужу, принялась расчищать сад вокруг дома. У Дженни, их служанки, имелся единственный родственник, которым она весьма гордилась, — старый инвалид-шахтер, который за плату десять пенсов в час согласился помогать Кристин. Однажды, в мартовский день, переходя через ветхий мостик, Мэнсон увидел их внизу у ручья, где они энергично штурмовали засорившие его груды ржавых консервных банок.

— Эй, вы, там, внизу! — крикнул он с мостика. — Что вы делаете? Распугаете мне всю рыбу!

Кристин в ответ на его насмешки только тряхнула головой:

— Погоди, увидишь!

Через две-три недели вся сорная трава была выполота, запущенные дорожки расчищены. Дно ручейка было чисто, берега приведены в порядок. У входа в долину были сложены из валявшихся вокруг камней искусственные скалы. Садовник Воонов, Джон Роберте, часто приходил в «Вейл Вью», принося луковицы и черенки, давая советы. Кристин с настоящим торжеством привела Эндрью за руку к грядкам, чтобы показать первый нарцисс.

В последнее воскресенье марта неожиданно, без предупреждения, приехал их навестить Денни. Они приняли его с распростертыми

объятиями, осыпав градом восторженных приветствий. Видеть опять эту приземистую фигуру, это красное лицо со светлыми бровями доставляло Мэнсону давно не испытанную радость. Показав ему свои владения, накормив всем, что только у них имелось, они усадили его в самое мягкое кресло и настойчиво потребовали новостей.

— Пейджа уже нет, — сообщил Денни. — Бедняга умер месяц тому назад, после второго кровоизлияния. И хорошо сделал, что умер.

Он достал свою трубку, щуря глаза с привычным выражением циничной насмешки.

— А Блодуэн и ваш приятель Рис, невидимому, намерены сочетаться законным браком.

— Подходящая пара, — сказал Эндрю с необычной для него горечью. — Бедный Эдвард!

— Да, Пейдж был славный малый. Хороший старый врач-практик, — сказал задумчиво Денни. — Вы знаете, я ненавижу самое это название и все, что с ним связано. Но Пейдж делал честь своей профессии.

Наступило молчание. Все трое думали об Эдварде Пейдже, который все те годы тяжелого труда, что он провел в Блэнелли, среди куч шлака, мечтал о Капри, о его птицах и жарком солнце.

— А у вас какие планы, Филипп? — спросил, наконец, Эндрю.

— Право, еще не знаю... Я что-то заскучал, — сухо усмехнулся Денни. — В Блэнелли все кажется иным с тех пор, как вы оба оттуда сбежали. Пожалуй, прокачусь за границу. Поищу места судового врача, если только меня захочет взять какой-нибудь паршивый грузовой пароходишко.

Эндрю молчал, опечаленный мыслью о том, что этот способный человек, подлинно талантливый хирург, сознательно тратит понапрасну свою жизнь, с каким-то садизмом разрушая самого себя. Но действительно ли жизнь его разрушена? Кристин и Эндрю часто говорили о Филиппе, пытаясь разрешить эту загадку. Они смутно слыхали, что Денни был женат на женщине, принадлежавшей к более высокому кругу, чем он, и она пыталась заставить его приноровиться к условиям врачебной практики в той среде, где не создашь себе репутации, делая блестящие операции четыре дня в неделю, если не будешь охотиться остальные три дня. После того как Денни ради жены пять лет терпел эту жизнь, она отплатила ему тем, что бросила его ради случайной связи с другим. Неудивительно, что Денни зарылся в глуши, презирал условности и ненавидел ортодоксальный уклад жизни. Но, может быть, наступит день, когда он вернется к культурному существованию.

Они проговорили до вечера, и Филипп остался до последнего поезда.

Он с интересом слушал рассказ Эндрию об условиях работы в Эберло. Когда Эндрию, негодуя, заговорил о вычетах из заработка младших врачей в пользу Луэллина, он сказал со странной усмешкой:

— Думаю, что вы недолго с этим будете мириться.

После отъезда Филиппа Эндрию день за днем все более чувствовал, что ему чего-то не хватает, что в работе его есть какой-то непонятный пробел. В Блэнелли рядом был Филипп, и он постоянно ощущал крепкую связь с ним, их объединяло общее дело. В Эберло же у него не было ни с кем такой связи, не было товарищеского единения с другими врачами.

Доктор Экхарт, его коллега по Западной амбулатории, несмотря на бурный характер, был человек приятный. Но он был стар, жил как-то автоматически, работал без капли воодушевления. Правда, благодаря долгому опыту он, по его собственному выражению, «чувял воспаление легких, как только сунет нос в комнату больного», очень ловко накладывал гипс или лубки и был большой мастер вскрывать нарывы. Правда, иногда он любил блеснуть умением делать небольшие операции, тем не менее он во многих отношениях был человек отсталый. Эндрию находил, что он типичный представитель «добрых старых домашних врачей» (как называл их Денни), проникательных, добросовестных, опытных, обожаемых пациентами и широкой публикой, но в течение двадцати лет не открывавших ни единой медицинской книги и почти опасных своей отсталостью. Эндрию всегда готов был потолковать с Экхартом о деле, но у старика не было на это времени. По окончании рабочего дня он съедал свой суп из консервов, — любимым его блюдом был томатовый суп, — начищал наждаком новую скрипку, осматривал свой фарфор, потом тасился в клуб масонов играть весь вечер в шашки и курить трубку.

В обоих врачах Восточной амбулатории было также мало обнадеживающего. Доктор Медли, старший из них, человек лет пятидесяти, с умным и выразительным лицом, был глух, как пень. Если бы не это несчастье, над которым пошляки почему-то всегда потешаются, Чарльз Медли достиг бы гораздо большего, чем должность младшего врача в глуши Уэльса. Он, как и Эндрию, интересовался главным образом внутренними болезнями. Диагност он был замечательный. Но когда пациенты разговаривали с ним, он не слышал ни слова. Разумеется, он научился понимать их по движению губ. Но он был очень робок, так как часто при этом делал пресмешные ошибки. Мучительно было видеть, как его полные тревоги глаза с отчаянно-вопросительным выражением непрерывно следили за движением губ того, кто обращался к нему. Он так боялся сделать серьезную ошибку, что прописывал лекарства в самых

ничтожных дозах. Жилось ему трудно, так как взрослые дети требовали и забот и больших расходов, и он, как и его увядшая жена, превратился в беспомощное, странно трогательное существо, трепетавшее перед доктором Луэллином и комитетом, жившее в вечном страхе, что его вдруг лишат места.

Второй врач, Оксборро, был человек совершенно другого склада, чем бедный Медли, и меньше нравился Эндрью. Оксборро был высокий, рыхлый мужчина с толстыми пальцами и шумной показной сердечностью. Эндрью часто думал, что, будь у Оксборро больше крови в жилах, из него бы вышел отличный букмекер. Как бы там ни было, а Оксборро в сопровождении жены, игравшей на переносном гармониуме, отправлялся каждое воскресенье в ближайший городок Фернлей (делать это в Эберло ему запрещал этикет), там, среди базара, ставил свою небольшую, покрытую ковриком кафедру и открывал религиозное собрание. Оксборро был евангелист и, увы, невероятно чувствителен. Он вдруг начинал рыдать и молиться так, что приводил окружающих в смятение. Раз, присутствуя при трудных родах, перед которыми оказалось бессильным его искусство, он внезапно повалился на колени у постели роженицы и стал молить Бога сотворить чудо с бедной женщиной. Об этом случае рассказал Эндрью ненавидевший Оксборро доктор Экхарт, который, приехав вовремя, ввалился в комнату к больной прямо в сапогах и помог ей благополучно разрешиться, пустив в ход щипцы.

Чем больше Эндрью узнавал своих товарищей и систему их работы, тем сильнее желал объединить их. Между ними до сих пор не было никакой общности интересов, никакого чувства товарищества, и отношения были далеко не дружеские. Они были просто-напросто конкурентами, и такая точно конкуренция существовала между практикующими врачами по всей стране: каждый стремился перетянуть к себе как можно больше пациентов. Нескрываемая подозрительность и вражда часто бывали результатом такого положения вещей. Эндрью, например, видывал, как Экхарт, когда какой-нибудь пациент доктора Оксборро переходил к нему и приносил ему свою лечебную карточку, брал из рук пациента полувыпитую бутылку с микстурой, открывал ее, нюхал и с презрительной миной заявлял:

— Так этим вас лечил Оксборро? Черт возьми! Да он вас медленно отравлял!

Младшие врачи враждовали между собой, а Луэллин тем временем преспокойно вычитал свою долю из каждой их полочки. Эндрью кипел негодованием и жаждал создать новый порядок, объединить младших

врачей, чтобы они дружно отказались платить Луэллину. Но личные его заботы, сознание, что он здесь человек новый, а главное — воспоминание о всех тех промахах, которые он уже сделал вначале на своем участке работы, побуждали его быть осторожным, и, только познакомившись с Коном Болендом, он решил сделать решительный шаг.

IX

Как-то в начале апреля Эндрию обнаружил у себя испорченный зуб и на следующей неделе, урвав свободный час, отправился разыскивать зубного врача Медицинского общества. Он еще ни разу не встречался с Болендом и не знал, в какое время тот принимает. Когда он пришел на площадь, где находилась маленькая приемная Боленда, он нашел дверь запертой, и на ней была приколата бумажка с надписью красными чернилами: *«Ушел на операцию. В случае спешной надобности обращаться на квартиру»*. После минутного раздумья Эндрию решил, раз он уже здесь, зайти к Боленду хотя бы для того, чтобы уговориться относительно лечения зуба. Расспросив о дороге компанию молодых людей, празднично болтавшихся у входа в лавку мороженщика, он отправился к Боленду.

Зубной врач жил в маленькой даче, стоявшей несколько на отлете, в высоко расположенном предместье восточной части города. Подходя к дому по запущенной дорожке, Эндрию услышал громкий стук молотка и, заглянув в открытую настежь дверь ветхого деревянного сарая, приютившегося сбоку у самого дома, увидел рыжего плотного мужчину без пиджака, который с молотком в руке энергично атаковал разобранный кузов автомобиля. Он заметил Эндрию в то самое мгновение, когда тот увидел его.

— Алло! — крикнул он.

— Алло! — откликнулся Эндрию чуточку выжидательно.

— Вам кого?

— Я хотел сговориться с зубным врачом насчет того, когда прийти лечиться. Я доктор Мэнсон.

— Входите, — сказал рыжий, приветственно помахивая молотком. Это и был Боленд.

Эндрию вошел в сарай, загроможденный частями невероятно древнего автомобиля. Посредине стоял кузов, поставленный на деревянные ящики из-под яиц и распиленный на две части. Эндрию поглядел сначала на эту необычайную картину, затем на Боленда.

— Так вот на какую операцию вы ушли из амбулатории?

— Совершенно верно, — подтвердил Кон. — Когда я не расположен принимать больных, я забираюсь к себе в гараж, чтобы повозиться немножко с моим автомобилем.

Он говорил с резким ирландским акцентом, а слова «гараж» (так он

называл свой полуразвалившийся сарай) и «автомобиль» (это относилось к уже окончательно развалившемуся кузову) произносил с явной гордостью.

— Вы ни за что не угадаете, чем я сейчас занят, — продолжал он, — разумеется, если вы не такой же механик-любитель, как я. Этот автомобильчик служил мне пять лет, а куплен был тоже уже не новый, после трехлетнего употребления. Вы, пожалуй, не поверите сейчас, когда он в таком растерзанном виде, но уверяю вас, он мчится, как заяц. Только он слишком мал, знаете ли, слишком мал для моей семьи. Так что я хочу его сделать побольше. Видите, я его распилил как раз посередине и вставлю кусок шириной в добрых два фута. Погодите, пока все будет готово, тогда увидите, Мэнсон. — Кон потянулся за своей курткой. — Он будет у меня такой длины, что в нем поместится целый полк. Ну, пойдете в амбулаторию, я запломбирую ваш зуб.

В своем кабинете, где царил почти такой же беспорядок, как в «гараже», и, надо прямо сказать, почти такая же грязь, Кон запломбировал Эндрью зуб, не переставая все время болтать, Кон говорил так много и с такой живостью, что на его косматых рыжих усах всегда пузырилась слюна. Копна его каштановых волос, сильно нуждавшихся в стрижке, непрестанно лезла Эндрью в глаза, когда Кон наклонялся над ним, пломбуя ему зуб серебряной амальгамой, которую держал под ногтем жирного пальца. Он даже не потрудился вымыть руки — такими пустяками Кон не занимался. Это был беспечный, добродушный малый, стремительная и широкая натура. Чем больше Эндрью впоследствии узнавал Кона, тем больше его пленяли в нем юмор, простодушие, необузданность и непрактичность. Прожив шесть лет в Эберло, Кон не отложил ни единого пенни. Зато он извлекал из жизни массу удовольствия. Он был помешан на механике, постоянно возился с какими-то частями машин и боготворил свой автомобиль. То, что Кон являлся обладателем автомобиля, уже само по себе было курьезом. Но Кон любил шутки, даже если они были направлены против него самого. Он рассказывал Эндрью об одном случае, когда его позвали к видному члену комитета рвать зуб; он отправился туда в полной уверенности, что положил в карман щипцы, и вдруг оказалось, что он сунул в рот больного не щипцы, а шестидюймовый гаечный ключ.

Окончив пломбировать, Кон бросил инструменты в банку от варенья, наполненную лизолом (таково было его легкомысленное представление об асептике), и потребовал чтобы Эндрью пошел к нему пить чай.

— Пойдемте, — радушно уговаривал он. — Надо же вам познакомиться с моим семейством. И мы придем как раз к чаю. Сейчас

ровно пять.

Семейство Кона действительно было занято чаепитием, когда они пришли. В доме, очевидно, все привыкли к странностям Кона и не смутились, когда он неожиданно привел к чаю незнакомого человека. В теплой неприбранной комнате миссис Боленд сидела во главе стола, кормя грудью ребенка. Рядом с ней — Мэри, пятнадцатилетняя дочь, тихая, застенчивая, «единственная брюнетка в семье и папина любимица» — так представил ее Кон, — которая уже служила секретарем в конторе Джо Ларкинса, букмекера на площади, и получала приличное жалованье. Кроме Мэри, имелся еще Теренс, двенадцати лет отроду, и трое младших, которые вертелись тут же и криками старались обратить на себя внимание отца.

Все семейство, за исключением, может быть, одной только застенчивой и робкой Мэри, отличалось беззаботной веселостью, очаровавшей Эндрью. Кажется, сама комната говорила на сочном ирландском жаргоне. Над камином, под раскрашенным портретом папы Пия X, за который воткнута была пальмовая ветвь, сушились на веревке пеленки малыша. Нечищенная клетка, в которой заливалась канарейка, стояла на шкафу, подле свернутого в трубку корсета миссис Боленд (она для удобства сняла его перед чаем) и надорванного пакета сухарей. Шесть бутылок портера, только что принесенных из лавки, выстроились на комод; рядом лежала флейта Теренса. А по углам валялись сломанные игрушки, непарные башмаки, один заржавленный конек, японский зонтик, два слегка потрепанных молитвенника и номер журнала «Фото».

Во время чая Эндрью, как зачарованный, смотрел на миссис Боленд — он просто глаз от нее не мог отвести. Бледная, безмятежная, с мечтательным взглядом, она сидела молча, поглощая чашку за чашкой крепкого до черноты чая, в то время как дети вокруг нее ссорились из-за каких-то пустяков, а младенец, не стесняясь, сосал полную грудь, утоляя голод. Она улыбалась, кивала головой, нарезала детям хлеб, наливала чай, пила сама и кормила ребенка — все это с той же рассеянной кротостью. Казалось, годы шума, грязи, унылых будней и необузданность Кона в конце концов привели ее в состояние блаженного безумия, в котором она замкнулась, от всего отрешенная, неуязвимая. Эндрью чуть не опрокинул свою чашку, когда она вдруг, глядя вверх его головы, обратилась к нему мягким, извиняющимся голосом:

— Я собиралась навестить миссис Мэнсон, доктор, но я всегда так занята...

— О Господи! — Кон так и покатился со смеху. — Занята, подумаешь!

У нее нет нового платья — вот из-за чего она не пошла. Деньги на платье были у меня отложены, но для Теренса или кого-то из остальных понадобилось купить башмаки. Ничего, мать, не унывай, вот увеличу наш автомобиль и отвезу тебя к миссис Мэнсон с шиком, как полагается.

Он повернулся к Эндрью и сказал с подкупающей простотой:

— Туговато нам приходится, Мэнсон. Это черт знает что! Жратвы, слава Богу, хватает, но насчет тряпья плохо. Комитетчики наши народ скупой. Ну, и, разумеется, главный отнимает свою долю.

— Кто? — спросил Эндрью с удивлением.

— Луэллин. Он берет у меня пятую часть моего заработка, так же как и у всех вас.

— Господи, но за что?

— Ну... я иногда обращаюсь к нему за советом. За те шесть лет, что я здесь, он раза два вырезал моим пациентам зубную кисту. И когда нужен рентгеновский снимок, он является экспертом. Но, конечно, это гнусно с его стороны!

«Семейство» Кона высыпало в кухню поиграть, так что он мог говорить свободно.

— Чванится своим большим лимузином. Эта проклятая штука у него вся раскрашена. Знаете, Мэнсон, раз я вслед за ним поднимался на Марди-хилл в своем автобусике, и вздумалось мне его обогнать. Черт возьми, вам надо было видеть его физиономию, когда пыль от моего автомобиля поднялась перед его носом!

— Послушайте, Боленд, — быстро сказал Эндрью, — эти вычеты в пользу Луэллина — возмутительный грабеж. Почему мы не боремся с этим?

— Что?

— Почему нам не восстать против этого? — повторил Эндрью громче. В нем уже закипела кровь. — Это дьявольски несправедливо. Мы боремся с нуждой, хотим пробить себе дорогу... Слушайте, Боленд, вы как раз такой человек, какого я искал. Согласны вы в этом деле меня поддержать? Давайте примемся за остальных врачей. Общими силами попробуем.

В глазах Кона медленно разгорался огонек.

— То есть вы хотите выступить против Луэллина?

— Да.

Кон внушительным жестом протянул руку.

— Мэнсон, дружище, мы выступаем вместе, — объявил он важно.

Эндрью примчался домой к Кристин окрыленный, жаждущий боя.

— Крис! Крис! Я нашел настоящую жемчужину! Рыжий дантист, прямо

сумасшедший человек... да, да, такой же сумасшедший, как я, — знал, что ты это сейчас скажешь. Но послушай, девочка, мы поднимаем восстание! — Он весело захохотал. — Ох Господи! Если бы старый Луэллин только знал, какой ему готовится сюрприз!

Эндрью не нуждался в предостережении Кристин, чтобы быть осмотрительным. Он и сам решил на этот раз действовать осторожно. Поэтому он начал с того, что на следующий день отправился к Оуэну.

Секретарь выслушал его с интересом и сочувствием. Он сказал, что вычеты делались по добровольному соглашению между старшим врачом и младшими. Все это комитета не касается.

— Видите ли, доктор Мэнсон, — заключил Оуэн, — доктор Луэллин человек очень дельный и врач высокой квалификации. Мы считаем большой удачей то, что он у нас работает, но он получает от нашего Общества достаточно крупное вознаграждение за обязанности старшего врача. Это только вы, его помощники, считаете, очевидно, что ему следует еще доплачивать...

«Черта с два мы это считаем!» — подумал Эндрью.

Он ушел от Оуэна довольный, позвонил Оксборро и Медли, убедил их прийти к нему в тот же вечер. Экхарт и Боленд еще раньше обещали прийти. Из прежних разговоров Эндрью знал, что всех четверых возмущает необходимость отдавать пятую часть заработка. Если он их объединит, дело сделано.

Следующим его шагом был разговор с Луэллином. Поразмыслив, он решил, что следует честно предупредить Луэллина заранее, а не действовать тайком за его спиной. Днем ему пришлось быть в больнице на операции, где он давал наркоз. Наблюдая, как Луэллин делает длительную и сложную операцию брюшной полости, он не мог подавить в себе невольное восхищение. Оуэн был совершенно прав: Луэллин изумительно способный человек, и не только способный, но гибкий, многосторонний. Он являлся тем исключением, тем единственным исключением, которое — как сказал бы Денни — подтверждает правило. Ничто от него не ускользало, ничто его не смущало. Начиная от обязанностей санитарного надзора, все правила которого он знал наизусть, и кончая новейшей техникой рентгенологии, — весь круг его многочисленных обязанностей Луэллин выполнял с полным знанием дела.

После операции, когда Луэллин мыл руки, Эндрью подошел к нему, нетерпеливо сдергивая с себя халат.

— Извините, доктор Луэллин, но мне хочется вам сказать, что я следил, как вы вырезали эту опухоль, — замечательная работа!

Смуглое лицо Луэллина покраснело от удовольствия. Он слащаво улыбнулся.

— Очень рад, что вы так думаете, Мэнсон. К слову сказать, и вы все больше совершенствуетесь в искусстве хлороформирования.

— Нет, нет, — пробормотал Эндрью, — я никогда не сумею этого делать, как следует.

Последовала пауза. Луэллин продолжал намывать руки. Эндрью, стоя сбоку, нервно откашлялся. Теперь, когда наступило время, он чувствовал, что не может заговорить. Но все же заставил себя. И выпалил, не переводя дыхания:

— Доктор Луэллин, вот что я нахожу нужным вам сказать... Все мы, ваши помощники, считаем неправильными эти вычеты из нашего заработка в вашу пользу. Мне неприятно говорить вам это, но я... я намерен их убедить отказаться... Сегодня все соберутся у меня. Я предпочитаю, чтобы вы узнали об этом раньше, а не после нашего решения. Я... я бы желал, чтобы вы приняли во внимание, что я во всяком случае честно поступил в отношении вас.

Не дав Луэллину времени ответить и не глядя ему в лицо, Эндрью круто повернулся и вышел из операционной. «Как нехорошо это у меня вышло», — думал он. Но как бы там ни было, а он сказал то, что нужно. Когда они предъявят Луэллину ультиматум, Луэллин не сможет обвинить его, Эндрью, в том, что он нанес ему удар в спину.

Собрание в «Вейл-Вью» назначено было на девять часов вечера. Эндрью принес из погреба несколько бутылок пива и попросил жену приготовить сэндвичи. Сделав это, она накинула пальто и ушла к Воонам. А Эндрью в нетерпении ходил по передней, собираясь с мыслями. Наконец гости явились: первым Боленд, за ним Экхарт, а Оксборро и Медли вошли вместе.

В гостиной, разливая по стаканам пиво и угощая гостей сэндвичами, Эндрью пытался установить сердечный тон.

Именно потому, что он едва выносил доктора Оксборро, он обратился к нему первому:

— Пейте, Оксборро. В погребе найдется еще.

— Спасибо, Мэнсон. — Голос евангелиста звучал суховато. — Я не употребляю алкоголя ни в каком виде. Это против моих принципов.

— Господи, твоя воля! — сказал Кон сквозь пену на усах.

Начало не предвещало ничего доброго. У Медли, жевавшего сэндвичи, глаза все время были начеку, лицо же сохраняло застывшее выражение тревоги, как у всех глухих. Но пиво уже начинало разогревать природную

воинственность Экхарта. В течение нескольких минут он пристально смотрел на Оксборро и вдруг выпалил:

— Раз я уже нахожусь и в вашем обществе, доктор Оксборро, быть может, вы найдете возможным объяснить мне, каким образом Тюдор Ивенс, с Глин-террас, номер семнадцать, попал из моего списка в ваш?

— Я что-то не припоминаю такого больного, — хладнокровно сказал Оксборро, соединяя кончики пальцев.

— Зато я помню! — разразился Экхарт. — Это один из тех больных, которых вы у меня украли, ваше медицинское преподобие! И больше того...

— Господа! — закричал в ужасе Эндрью. — Позвольте! Позвольте! Как же мы сможем добиться чего-нибудь сообща, если будем ссориться между собой? Не забывайте, зачем мы здесь собрались.

— А зачем собственно мы здесь собрались? — спросил Оксборро капризно. — Мне нужно к больному.

Эндрью, с серьезным и напряженным выражением лица, стоя на коврике перед камином, пытался овладеть положением.

— Вот в чем дело, господа. — Он тяжело перевел дух. — Я самый молодой из вас и работаю здесь недавно, но я надеюсь, что вы извините мою смелость. Может быть, именно потому, что я здесь новый человек, мне некоторые вещи виднее... вещи, с которыми вы мирились слишком долго. Прежде всего, я полагаю, что принятый здесь порядок в корне неправилен. Мы впрягаемся в работу, как наемные клячи, лечим кое-как, допотопными способами, как будто мы обыкновенные городские или деревенские лекари, конкурирующие между собой, а не члены одного медицинского общества, которым предоставлена чудесная возможность дружно работать. Сколько я ни встречал врачей, все они клянут свою участь, называя ее собачьей. Каждый из них вам скажет, что он работает, как вол, валится с ног, не может урвать для себя свободной минуты, нет времени пообедать, вечно спешит на вызовы! А почему это так? Потому что никто из людей нашей профессии не пытается создать среди нас какую-то организованность. Я бы мог привести вам десятки примеров, но возьмем хотя бы один: ночные вызовы. Все мы ложимся спать каждый вечер, боясь, что нас вот-вот поднимут с постели и позовут к больному. Мы не знаем спокойных ночей только уж потому, что нас могут разбудить каждую минуту. А что, если мы будем *уверены*, что нас не могут вызвать? Если мы для начала организуем кооперативную систему ночной работы? Один врач будет брать на себя все ночные визиты одну неделю, а затем будет три недели *свободен* от всяких ночных визитов, и так каждый по

очереди будет дежурным. Не замечательно ли это? Подумайте, какими бодрыми и свежими мы будем приступать утром к работе...

Он остановился, заметив, что у всех безучастные лица.

— Ничего не выйдет! — отрезал Экхарт. — Черт возьми, да я скорее согласен вставать каждую ночь, чем доверить хоть одного своего больного старому Фоксборро.^[19] Ха-ха! Если он берет займы, он никогда не отдает!

Эндрю торопливо вмешался:

— Оставим пока этот вопрос — во всяком случае до следующего собрания, раз мнения наши расходятся. Но есть и другой вопрос, который не вызовет разногласий. Для того чтобы его решить, мы и собрались сегодня. Это вопрос об отчислении пятой части нашего заработка в пользу доктора Луэллина.

Он остановился. Все смотрели на него, заинтересованные, так как дело касалось их кармана.

— Мы все согласны, что это несправедливо. Я говорил с Оуэном. Он заявляет, что это не касается комитета, что это добровольное соглашение между врачами.

— Он прав, — бросил Экхарт. — Я помню, когда это постановили. Девять лет тому назад у нас тут было два злосчастных неуча: один работал в Восточной амбулатории, другой — в моем участке. Они очень часто обращались к Луэллину за советами насчет своих больных. И вот в один прекрасный день он всех нас созвал и объявил, что не может даром терять время и мы должны как-нибудь его вознаграждать за это. Так оно началось. И так продолжалось все время.

— Но жалованье, которое он получает от комитета, окупает *всю* его работу для Общества. Да и за всякие другие свои обязанности он загребает немалые суммы. Он просто купается в деньгах!

— Знаю, знаю, — сказал нетерпеливо Экхарт. — Но имейте в виду, Мэнсон, он нам чертовски полезен, этот самый Луэллин. И знает это. Если он затаит против нас злобу, нам солоно придется.

— Но с какой стати мы ему должны платить? — не сдавался Эндрю.

— Слушайте, слушайте! — вставил Кон, снова наполняя свой стакан.

Оксборро метнул взгляд на дантиста.

— Разрешите мне высказаться. Я согласен с доктором Мэнсоном, что несправедливо отнимать у нас часть дохода. Но доктор Луэллин — человек, занимающий высокое положение, замечательный врач, которым Общество в праве гордиться. Кроме того, он делает то, чего делать не обязан: дает нам возможность сбывать с рук трудных больных.

Эндрю уставился на говорившего, широко раскрыв глаза.

— А вы *хотите* сбывать с рук трудных больных?

— Ну, конечно, — раздраженно подтвердил Оксборро.

— А я не хочу! — крикнул Эндрью. — Я хочу сам изучать их болезни и вылечивать их.

— Оксборро прав, — неожиданно пробурчал Медли. — Это первое правило врачебной практики, Мэнсон. Вы с годами придете к тому же. Скверные случаи надо сбывать с рук, избавляться, избавляться от них!

— Нет, черт возьми! — пылко возразил Эндрью.

Спор продолжался три четверти часа. В конце концов Эндрью, сильно раздраженный, воскликнул:

— Нам необходимо решить этот вопрос. Слышите, попросту необходимо! Луэллин знает, что мы против вычетов. Я с ним говорил сегодня.

— Что?! — закричали разом Оксборро, Экхарт и даже Медли.

— Правильно ли я вас понял, доктор? Вы сказали Луэллину, что... — И Оксборро, привстав, устремил испуганный взгляд на Эндрью.

— Конечно, сказал! Должен же он когда-нибудь узнать. Как вы не понимаете, что нам стоит только сплотиться, выступить единым фронтом — и мы *непреренно* победим!

— К черту! — Экхарт весь побагровел. — Ну, и много же вы на себя берете! Вы не знаете, каким влиянием пользуется Луэллин! Он всем решительно распоряжается. Счастье наше, если нас всех не уволят! Подумайте, каково было бы мне в мои годы искать другого пристанища. — Он, тяжело переваливаясь, пошел к двери. — Вы хороший парень, Мэнсон, но вы слишком *молоды*. Покойной ночи!

Медли тоже поспешно встал. По глазам его было видно, что он сразу кинется к телефону, чтобы умиловить доктора Луэллина, сказать ему, что он, Луэллин, замечательный врач. Оксборро уже обратился в бегство. Через две минуты в комнате остались только Кон, Эндрью и остатки пива.

Они молча допили эти остатки. Эндрью вспомнил, что в кладовой есть еще шесть бутылок. Они покончили и с этими шестью. Потом разговорились. Помянули в подходящих выражениях происхождение, родню и нравственные качества Оксборро, Медли и Экхарта. Особенно усердно поминали Оксборро и его гармониум. Они не заметили, как пришла Кристин и ушла наверх. Они все говорили, отводя душу, как люди, которых постыдно предали.

На другое утро Эндрью обходил больных пасмурный, с мучительной головной болью. На площади мимо него проехал в своем лимузине Луэллин. Когда Эндрью пристыженно и вместе с тем вызывающе вскинул

голову, Луэллин подарил его сияющей улыбкой.

Х

Всю неделю Эндрью ходил взбешенный своим провалом, охваченный горьким унынием. В воскресенье утром, когда они еще лежали в постели (воскресенье для них было днем долгого и мирного отдыха), его вдруг прорвало:

— Дело не в деньгах, Крис! Дело в принципе! Мысль об этом сводит меня с ума! Почему я не могу с этим примириться? Почему я не люблю Луэллина? Вернее — почему он мне то нравится, то я его ненавижу? Скажи мне честно, Крис. Почему я не могу перед ним преклоняться? Завидуя ему, что ли? В чем тут дело?

Ответ Кристин поразил его в самое сердце.

— Да, мне думается, завидуешь.

— Что?!

— Не кричи так, мой друг, у меня лопнут барабанные перепонки. Ты ведь просил меня честно высказать свое мнение. Так вот: ты завидуешь Луэллину, ужасно завидуешь. Почему бы и нет? Я вовсе не жажду иметь мужа — святого. Недоставало еще, чтобы ты ходил в венце! У меня и без того есть что чистить в этом доме.

— Продолжай, не стесняйся! — закричал Эндрью. — Выложи мне все мои недостатки, раз ты уже начала! Подозрителен! Завистлив! Уж кому же знать меня, если не тебе! Да и еще один грех — я слишком *молод*, не так ли? Восьмидесятилетний Экхарт уже поставил это мне на вид.

Пауза. Эндрью ожидал, что Кристин будет продолжать спор. Но, не дождавшись, спросил раздраженно:

— А почему мне, собственно, завидовать Луэллину?

— Потому что он такой мастер своего дела, так много знает... ну, и больше всего потому, что у него столько всяких высоких званий.

— В то время как я только ничтожный бакалавр медицины шотландского университета! О Господи! Теперь я знаю твое истинное мнение обо мне! — Он в гневе соскочил с постели и, как был, в пижаме, принялся ходить по спальне. — Но какое значение имеют эти почетные звания и степени? Чистейшая мишура! Важен метод, способности к клинической работе. Я не верю во всю эту чепуху, которую нам подносят в учебниках. Я верю только в то, что слышу при помощи моего стетоскопа. А это — очень много, имей в виду, если ты этого не знала. Мои наблюдения над больными углекопами начинают открывать мне важные

вещи. Может быть, я в один прекрасный день очень вас удивлю, миледи! Черт возьми, недурное положение вещей, когда человек просыпается в одно воскресное утро, и его жена ему заявляет, что он невежда!

Сидя в постели, Кристин достала свои принадлежности для маникюра и принялась полировать ногти, ожидая, пока Эндрью кончит.

— Ничего подобного я не говорила, Эндрью. — Ее спокойный тон еще больше разозлил Эндрью. — Просто ты, мой друг, не желаешь всю жизнь оставаться в ассистентах. Ты хочешь, чтобы люди тебя слушали, обратили внимание на твою работу, твои идеи... ну, ты понимаешь, что я хочу сказать. Будь у тебя какая-нибудь действительно солидная ученая степень — доктора медицины или... ну, хотя бы члена Королевского терапевтического общества, это бы создало тебе положение.

— Члена Королевского терапевтического общества, — повторил он машинально. — Так вот что самостоятельно придумала эта маленькая женщина!.. Недурно после практики в шахтерском поселке! — Он говорил с убийственной иронией. — Как ты не понимаешь, что это звание дается только венценосцам Европы!

Он хлопнул дверью и ушел в ванную бриться. Но через пять минут опять появился в спальне с покаянным и взволнованным видом. Подбородок был выбрит только наполовину, другая половина намылена.

— Так ты думаешь, что я бы мог этого добиться, Крис? Ты совершенно права. Не хватает только нескольких новых званий на дощечке с моей фамилией, и наше дело в шляпе! Но экзамен на Ч.К.Т.О. — самый трудный из всех экзаменов на медицинскую степень. Это... это просто убийственная штука! И все же... я думаю... погоди, я разыщу все подробности в справочнике.

Он помчался вниз за медицинским справочником. Когда он воротился, лицо его выражали сильнее разочарование.

— Безнадежнее дело! — пробурчал он огорченно. — Придется на него махнуть рукой. Я тебе говорил, что это немыслимый экзамен. Предварительно дается письменная работа на иностранных языках. На четырех языках — латинском, французском, греческом и немецком — и два из них обязательны! А я языков не знаю. Мне знакома только кухонная латынь — *misce, alba, mitte decem*. Что касается французского...

Кристин не отвечала. Наступило молчание. Эндрью стоял у окна, мрачно глядя на пустынную дорогу. Наконец он обернулся, хмурый, взволнованный, не в силах расстаться с заманчивой мыслью.

— Черт возьми, Крис, а почему бы мне не изучить эти языки для экзамена?

Маникюрные ножницы и пилочки полетели на пол. Кристин вскочила с постели и стиснула мужа в объятиях.

— Вот этого самого я и ждала от тебя, милый! Вот теперь заговорил настоящий Эндрю. Я... я, пожалуй, могла бы тебе помочь, не забывай, что твоя старушка — отставная учительница!

Они весь день возбужденно строили планы. Троллоп, Чехов и Достоевский были перетащены в запасную спальню, а гостиная очищена для предстоящих занятий. И в этот же вечер Кристин приступила к обучению мужа. То же самое было и на другой и на третий день...

Порой Эндрю это представлялось в высшей степени комичным. Он, казалось, слышал издали насмешливый хохот богов. Сидя за столом подле жены в глухом уэльском городке шахтеров, бормоча за ней «сарут, caritis» или «Madame, est il possible, que...», продираясь сквозь гущу склонений, неправильных глаголов или читая вслух Тацита и какую-то патриотическую хрестоматию «Pro Patria», откопанную ими, он иногда вдруг болезненно вздрагивал и откидывался на стуле при мысли: «Что, если бы Луэллин мог нас увидеть сейчас — то-то посмеялся бы! А ведь это еще только начало, еще предстоят все медицинские предметы!»

К концу второго месяца в «Вейл Вью» стали периодически прибывать целые пачки книг из лондонского отделения Интернациональной медицинской библиотеки. Эндрю начал с того, на чем он остановился, выйдя из колледжа. Очень скоро он обнаружил, что слишком многому не доучился. Он был ошеломлен открытием, как далеко за это время ушла вперед биохимия в ее применении к терапии.

Он узнавал о существовании почечных порогов, мочевины крови, об основном обмене веществ, об ошибочности пробы на белок. И когда обрушился этот краеугольный камень его студенческих лет, он простонал вслух:

— Крис! Я ничего не знаю. Это меня убивает!

Практика отнимала весь день. Для занятий оставались лишь долгие ночи. Подбадривая себя черным кофе и мокрым полотенцем на голове, Эндрю упорно трудился, читая до рассвета. Когда же, наконец, измученный, валился па постель, он часто не мог уснуть. А порой, уснув, просыпался весь в поту от ночного кошмара, и голова его пылала, как в огне, от формул, научных терминов и какой-то идиотской мешанины французских слов, которые давались ему с трудом.

Он курил слишком много, терял в весе, осунулся. А Кристин была с ним, неизменно, безмолвно, не мешая ему говорить, чертить диаграммы, объяснять словами, от которых язык сломаешь, поразительные,

необычайные, увлекательно-интересные избирательные функции почечных канальцев. Она не мешала ему кричать, жестикулировать, а когда нервы у него развинтились, то и осыпать ее оскорблениями. К одиннадцати часам, когда она приносила ему свежего кофе, у него появлялась потребность ворчать:

— Почему ты не можешь оставить меня в покое? Для чего мне это пошло? Кофеин — дрянной наркотик... Ты знаешь, что я себя убиваю, не так ли? И все это ради тебя. А ты настойчива. Ты, как тюремщица,ходишь и выходишь, принося заключенному похлебку. Никогда я не получу этого проклятого звания. Сотни людей пытаются, его получить, работая в Вест-Энде Лондона, в больших клиниках, а я являюсь из Эберло, ха-ха! — истерический смех, — от милейшего Общества врачебной помощи! О Боже! Я так устал и уверен, что меня сегодня ночью вызовут на роды в Сифен-роу...

Кристин была более стойким борцом, чем он. Она отличалась душевной уравновешенностью, которая помогала им обоим переносить любой кризис. Она тоже была вспыльчива, но умела сдерживаться. Она вела себя самоотверженно: отказывалась от всех приглашений Воонов, перестала посещать концерты в зале Общества трезвости. Как бы плохо они ни спали, она неизменно вставала рано, одевалась аккуратно, и завтрак у нее попевал как раз к тому времени, когда Эндрью сходил вниз, волоча ноги, небритый и с первой утренней папиросой в зубах.

Так прошло полгода. И вдруг неожиданно тетка Кристин, жившая в Бридлингтоне, заболела. Кристин получила от нее письмо с просьбой приехать. Показывая это письмо мужу, она сразу же объявила, что не может его оставить. Но Эндрью, угрюмо согнувшись над своей ветчиной, пробормотал:

— А я хочу, чтобы ты поехала, Крис. Я буду заниматься лучше без тебя. В последнее время мы начали действовать друг другу на нервы. Ты меня извини... но это будет самое лучшее.

И в конце недели Кристин неохотно уехала. Не прошло и суток с ее отъезда, как Эндрью понял свою ошибку. Без нее жизнь стала мучением. Дженни, несмотря на то, что делала все по подробно разработанной Кристин инструкции, постоянно его раздражала. Но настоящей причиной этого раздражения была не стряпня Дженни, не остывший кофе, не плохо постланная постель — причиной было отсутствие Кристин, сознание, что ее нет в доме, невозможность кликнуть ее, тоска по ней. Он ловил себя на том, что теряет напрасно целые часы, тупо глядя на книги и думая о жене.

Через две недели она известила его телеграммой, что возвращается.

Эндрью бросил занятия и стал готовиться к ее приезду. Все казалось ему недостаточно хорошо, недостаточно нарядно для того, чтобы отметить их свидание. Времени у него оставалось немного, но он быстро все обдумал и поспешил в город за покупками. Прежде всего купил букет роз. В рыбной лавке Кендрика ему посчастливилось найти свежего омара, только этим утром пойманного. Он поторопился купить его, боясь, как бы миссис Воон (для которой Кендрик в первую очередь оставлял такие деликатесы) не позвонила и не предупредила его. Потом он купил большой запас льда, сходил к зеленщику за салатом и, наконец, с трепетом заказал бутылку мозельвейна, за качество которого ручался Ламперт, хозяин бакалейной лавки на площади.

После чая он отпустил Дженни, потому что чувствовал на себе любопытные взгляды ее юных очей. Когда она ушла, он принялся за работу: с любовной старательностью приготовил салат из омара; цинковое ведро, принесенное из чулана, наполнил льдом и поставил туда вино. Цветы причинили ему неожиданное затруднение, так как Дженни заперла шкаф под лестницей, где хранились все вазы, и спрятала ключ. Но Эндрью справился и с этим затруднением, поставив часть роз в кувшин, а остальные — в стаканчик для зубной щетки из туалетного прибора Кристин. Это внесло даже некоторое разнообразие.

Наконец, все приготовления были окончены: ужин, цветы, вино во льду, и он, сияя, осмотрел все в последний раз. После вечернего приема больных, в половине десятого он помчался встречать Кристин на Верхнюю станцию. Это было похоже на первую влюбленность, — все было так ново, так изумительно. Он нежно вел Кристин на пир любви. Вечер был жаркий и тихий. Луна сияла над ними. Эндрью забыл о сложных случаях нарушения основного обмена веществ. Он говорил Кристин, что хотел бы очутиться с нею в Провансе или другом таком месте, в большом замке над озером. Он называл ее своей чудесной, милой девочкой. Он говорил, что вел себя по отношению к ней как грубое животное, но зато теперь, на весь остаток жизни, ляжет ей под ноги ковром — только не красным, так как она возражала против этого цвета. Еще многое он говорил ей. А к концу недели он уже требовал, чтобы она принесла ему ночные туфли.

Наступил август, пыльный и знойный. Теоретическая подготовка кончилась, и Эндрью стал лицом к лицу с необходимостью заняться лабораторной работой — главным образом по гистологии. Это казалось непреодолимой трудностью при тех условиях, в которых он находился. Кристин и тут помогла: она первая вспомнила о профессоре Челлисе и его связи с Кардиффским университетом. Когда Эндрью ему написал, Челлис

немедленно ответил, многословно выражая готовность использовать для него свои знакомства в Отделе патологии. Он уверял, что Мэнсону очень понравится доктор Глин-Джонс, отличный малый. Челлис кончал письмо восторженным приветствием Кристин.

— Этим я обязан тебе, Крис. Вот что значит иметь знакомства. А я чуть-чуть не увильнул от встречи с Челлисом в тот вечер у Воонов. Этот попрыгун, оказывается, славный малый. Но все же терпеть не могу просить чьих-либо услуг. И потом — чего это он вздумал посылать тебе нежные приветы?

В середине августа в «Вейл Вью» появился старый красный мотоциклет — низенькая машина до ужаса непрофессионального вида, которую в объявлении о продаже ее владелец называл «слишком даже быстрой». В жаркие летние месяцы Эндрью мог выкроить для своих личных нужд три дневных часа. И каждый день, сразу после завтрака, вниз по долине, к Кардиффу, до которого было тридцать миль, с шумом летела красная полоска мотоцикла. А около пяти часов та же красная полоска, но уже более пыльная, мчалась обратно к «Вейл Вью».

Шестьдесят миль по палящей жаре, а в промежутке — час работы над препаратами и образцами Глин-Джонса, когда руки, устанавливавшие микроскоп, часто дрожали еще после управления рулем, — все это за несколько недель очень утомило Эндрью. Для Кристин самым волнующим моментом всей безумной авантюры бывал его отъезд, сопровождавшийся треском мотоцикла, потом тревожное ожидание первого слабого шума, возвещавшего его возвращение. Она все время боялась, как бы с Эндрью не случилось чего дорогой, когда он несется на этой адской машине.

Несмотря на вечную спешку, Эндрью иногда привозил ей из Кардиффа землянику. Они оставляли ее к ужину после вечернего приема. За чаем же Эндрью сидел с красными глазами и пересохшей от пыли глоткой, мрачно удивляясь, как у него не оборвались кишки от тряски, и спрашивая себя, успеет ли он до амбулаторного приема сделать те два визита, куда его вызвали во время отсутствия.

Но, наконец, наступил день последней поездки в Кардифф. Глину-Джонсу нечего было больше показывать. Эндрью знал уже на память каждый препарат. Оставалось только зарегистрироваться и внести крупную сумму за разрешение держать экзамен.

Пятнадцатого октября Эндрью один уехал в Лондон. Кристин проводила его на станцию. Теперь, когда событие было так близко, удивительное спокойствие сошло на Эндрью. Казалось, все его нетерпение, напряжение, почти истерические взрывы гнева давно позади и не вернутся.

Мозг его был в каком-то отупении. Ему казалось, что он ничего не помнит.

Однако на следующий день, когда начались письменные испытания в Терапевтическом институте, он принялся писать с какой-то слепой автоматичностью. Он писал, писал, ни разу не взглянув на часы, исписывая страницу за страницей, пока голова у него не пошла кругом.

Он снял номер в «Музеум-отеле», где они с Кристин останавливались во время их первой поездки в Лондон. Здесь было очень дешево. Но кормили скверно, и это окончательно испортило его и без того расстроенное пищеварение. Пришлось перейти на диету, состоявшую из одного только горячего молока с солодом. стакан молока в кафе составлял его завтрак. Занятый только экзаменами, он жил, как во сне. Ему и в голову не приходило сходить куда-нибудь развлечься. Он вряд ли замечал людей на улицах. Иногда, чтобы проветриться, он ездил куда-нибудь на верхней площадке омнибуса.

После письменных испытаний начались практические и устные, а их Эндрию боялся больше всего. Экзаменовалось человек двадцать, все старше его и все люди солидные, уверенные в себе. Например, его сосед, некто Гаррисон, с которым он раз-другой беседовал, был бакалавром хирургии Оксфордского университета, работал в амбулатории больницы Ст.-Джонс и имел свой кабинет на Брукстрит. Сравнивая изысканные манеры Гаррисона и его внушительный вид человека, занимающего прочное положение, со своей провинциальной неуклюжестью, Эндрию чувствовал, что у него очень мало шансов произвести на экзаменаторов благоприятное впечатление.

Практические испытания в Южнолондонской больнице прошли, как ему казалось, довольно хорошо. Ему достался случай бронхоэктаза^[20] у мальчика лет четырнадцати, и так как он долго занимался легочными болезнями, то счел это удачей. Он сознавал, что написал хороший отчет. Но когда дошло до устных экзаменов, счастье, казалось, круто ему изменило. Устные экзамены в Терапевтическом институте имели свои особенности. Два дня подряд каждого кандидата по очереди экзаменовали два разных экзаменатора. Если к концу первой сессии кандидат признавался неподходящим, ему вручалось вежливое письменное сообщение, что он может больше не являться. К своему ужасу, Эндрию увидел, что первым его будет экзаменовать человек, о котором Гаррисон говорил со страхом, — доктор Морис Гэдсби.

Гэдсби представлял собой щуплого и малорослого человека с растрепанными черными усиками и маленькими противными глазками. Недавно избранный членом коллегии, он не обладал снисходительностью

более старых экзаменаторов и как будто нарочно старался провалить тех, кто у него экзаменовался. Высоко подняв брови, он оглядел Эндрью и положил перед ним шесть препаратов. Пять из них Эндрью определил верно, а шестого не узнал. И Гэдсби сосредоточил свое внимание именно на этом шестом. В течение пяти минут он терзал Эндрью этим препаратом, который оказался яйцом какого-то малоизвестного африканского паразита. Потом вяло, безучастно отослал его к следующему экзаменатору, сэру Роберту Эбби.

Эндрью встал и перешел через комнату, бледный, с громко стучавшим сердцем. Исчезла вся та усталость, инертность, которые владели им в начале экзаменационной недели. Ему до отчаяния хотелось выдержать экзамен. Но он был убежден, что Гэдсби его «срезал». Он поднял глаза и увидел, что Роберт Эбби смотрит на него с дружелюбной, полунасмешливой улыбкой.

— Что такое с вами? — спросил Эбби неожиданно.

— Ничего, сэр, — замялся Эндрью. — Я, кажется, плохо отвечал доктору Гэдсби, вот и все.

— Это не имеет значения. Просмотрите вот эти препараты. Потом скажите, что вы о них думаете.

И Эбби ободряюще улыбнулся. Это был гладко выбритый краснолицый мужчина лет шестидесяти пяти, с высоким лбом и насмешливо выдвинутой верхней губой. Эбби был теперь одним из наиболее известных в Европе врачей, в молодости же он знал нужду, и ему пришлось вести упорную борьбу, когда, приехав в Лондон из родного Лидса и не имея ничего за душой, кроме доброго имени, которое он заслужил у себя в провинции, натолкнулся в столице на предубеждение и вражду. Незаметно поглядывая на Эндрью, он заметил его плохо сшитый костюм, мягкие воротничок и сорочку, дешевый, неумело завязанный галстук, а главное — напряженно-сосредоточенное, стремительное выражение его серьезного лица, и вспомнил дни своей собственной молодости. Сердце его инстинктивно протянулось навстречу этому не похожему на других кандидату, и, просмотрев лежавший перед ним лист, он с удовольствием убедился, что отметки Эндрью, в особенности последняя, за практическую работу, были выше среднего.

Тем временем Эндрью, устремив глаза на поставленные перед ним стеклянные банки, кое-как, с запинками, давал объяснения относительно их содержимого.

— Хорошо, — прервал его неожиданно Эбби. Он взял в руки один из препаратов — аневризм восходящей аорты — и стал дружеским тоном

спрашивать о нем Эндрью. Его вопросы, сначала простые, постепенно захватывали все более широкую область, пока, в конце концов, не коснулись новейшего специфического лечения путем прививки малярии. Эндрью, ободренный доброжелательным обращением с ним Эбби, развернулся и отвечал хорошо.

Наконец Эбби сказал, ставя обратно банку:

— А известно вам что-нибудь об истории аневризма?

— Амбруаз Паре^[21], — начал Эндрью, и Эбби уже было одобрительно закивал головой, — Амбруаз Паре считается первым, открывшим эту болезнь.

Лицо Эбби выразило удивление:

— Почему «считается», доктор Мэнсон? Паре действительно открыл аневризм.

Эндрью покраснел, потом побледнел, но, очертя голову, ринулся в спор:

— Да, сэр, так говорят учебники. Вы найдете это в каждой книге, я сам видел это в шести, нарочно подсчитал. — Он торопливо перевел дух. — Но мне случилось читать Цельса^[22], когда я повторял латынь, и я встретил у него слово «aneurismus». Цельс знал о существовании такого явления. И описал его подробно. А это было за тринадцать столетий до Амбруаза Паре.

Последовала пауза, Эндрью поднял глаза, ожидая добродушно-иронической реплики, но Эбби смотрел на него со странным выражением.

— Доктор Мэнсон, — сказал он наконец, — вы первый человек в этом экзаменационном зале, от которого я услышал нечто не шаблонное, верное и новое для меня. Поздравляю вас!

Эндрью снова густо покраснел.

— Скажите мне еще одно — просто чтобы удовлетворить мое личное любопытство, — продолжал Эбби. — Что является вашим принципом, так сказать, основным правилом, которым вы руководитесь в своей профессиональной практике?

Наступило молчание, во время которого Эндрью усиленно размышлял. Наконец, чувствуя, что этим молчанием он портит благоприятное впечатление, которое произвел, он несвязно пробормотал:

— Я думаю... я всегда твержу себе: ничего не считать аксиомой.

— Благодарю вас, доктор Мэнсон.

Когда Эндрью вышел, Эбби потянулся за пером. Он чувствовал себя снова молодым и в подозрительно-сентиментальном настроении. Он

думал: «Скажи он мне, что он стремится исцелять людей, помогать страждущему человечеству, — я бы его провалил уже просто, чтобы отомстить за свое разочарование».

Как бы там ни было, а Эбби поставил неслыханно высокую отметку, 100, против имени Эндрью Мэнсона. Разумеется, если бы он мог, поставив отметку, сбежать (как он красноречиво размышлял про себя), эта цифра была бы удвоена.

Несколько минут спустя Эндрью сошел вниз вместе с остальными кандидатами. Внизу у лестницы стоял швейцар в ливрее с пачкой конвертов в руках. Когда кандидаты проходили мимо, он вручал каждому конверт с его именем. Гаррисон, шедший перед Эндрью, торопливо вскрыл свой. Он изменился в лице и сказал быстро: «Оказывается, я завтра могу не являться! — Затем с вымученной улыбкой: — А как вы?» У Эндрью дрожали пальцы. Он едва мог прочитать бумажку. Ошеломленный, он слышал, как Гаррисон его поздравляет. Значит, у него еще есть надежда. Он пошел в кафе и выпил молока с солодом. Нервы его были сильно взвинчены, он твердил про себя: «Если я теперь, после всего, не выдержу экзаменов, я... я брошусь под автобус».

Прошел еще один мучительный день. Осталось меньше половины экзаменующихся, и поговаривали, что из этих оставшихся добрая половина будет провалена. Эндрью не имел представления, какие у него отметки — хорошие или плохие. Он знал одно — что голова у него болит невыносимо, что ноги — ледяные, а внутри — пустота.

Наконец все кончилось. В четыре часа Эндрью вышел из раздевалки, измученный и расстроенный, падевая на ходу пальто. Вдруг он увидел Эбби, стоявшего перед большим камином в вестибюле. Он хотел пройти мимо. Но Эбби почему-то протянул ему руку, улыбнулся и заговорил с ним, сказав... сказав, что он выдержал экзамены.

О Боже, так, значит, победа! Он добился своего! Он сразу ожил, чудесным образом ожил, головную боль как рукой сняло, вся усталость была забыта. Он мчался к ближайшему почтовому отделению, а сердце в нем пело, ликовало, как безумное. Выдержал, победил, он, пришедший сюда не из Вест-Энда, и из поселка шахтеров в далекой глуши. Его подхватила бурная волна восторга. Значит, не напрасны были долгие ночи, сумасшедшая скачка в Кардифф, изнурительные часы зубрежки!

Он летел, как пуля, продираясь сквозь толпу, лавируя между колесами такси и автобусов. Глаза его сияли. Он мчался телеграфировать Кристин весть о чуде.

XI

Поезд из Лондона, опоздав на полчаса, прибыл около полуночи. Всю дорогу вверх по ущелью паровоз боролся с резким встречным ветром, и в Эберло, когда Эндрью вышел из вагона на платформу, ураган чуть не сбил его с ног. Вокзал был безлюден. Молодые тополя, высаженные в ряд у входа, при каждом порыве ветра гнулись со свистом, как лук. Звезды над головой сверкали ярким блеском, точно отполированные.

Эндрью пошел по Вокзальной улице. Борьба с ветром бодрила тело, пьянила душу весельем. Он был полон сознанием своего успеха, своей связи отныне с миром великих и мудрых столпов медицины, в ушах его звучали слова сэра Роберта Эбби; ему не терпелось поскорее увидеть Кристин, чтобы рассказать ей обо всем, обо всем решительно. Из телеграммы она уже знает радостную новость. Но теперь ему хотелось поделиться с нею своими впечатлениями, сообщить все подробности. Шагая с опущенной головой по Толгартстрит, он вдруг услышал, что за ним бежит кто-то. Человек догонял его, тяжело дыша, но громкий топот его сапог по мостовой совершенно терялся в реве урагана, так что он казался бегущей тенью. Эндрью инстинктивно остановился.

Когда человек подошел ближе, он узнал Франка Дэвиса, санитаря из антрацитовых шахт № 3, который прошлой весной вместе с другими проходил у него на участке курс первой помощи. И в то же самое мгновение Дэвис увидел Эндрью.

— А я шел за вами, доктор. К вам домой. Ветер начисто снес провода, так что... — Порыв ветра унес остальные его слова.

— Что случилось? — прокричал Эндрью.

— Обвал в номере третьем. — Дэвис сложил ладони трубкой у самого уха Мэнсона. — Одного из наших парней почти засыпало там. Его, видно, не могут вытащить. Это Сэм Бивен, он в вашем списке. Идите скорее к нему, доктор, да смотрите, будьте осторожны.

Эндрью прошел несколько шагов рядом с Дэвисом, но вдруг остановился под влиянием внезапной мысли.

— Мне нужна моя сумка, — прокричал он в ухо Дэвису. — Сбегайте ко мне домой и принесите ее. А я пойду в шахту номер три. И вот что, Франк, — скажите моей жене, куда я пошел.

Пройдя по запасным железнодорожным путям и по Рос-лейн, подгоняемый ветром в спину, он за четыре минуты добрался до шахты №

3. На спасательной станции его дожидались помощник смотрителя и трое рабочих. При виде его озабоченное лицо помощника смотрителя немного прояснилось.

— Слава Богу, вы пришли, доктор. Наделала нам хлопот эта буря. А в довершение всего — скверный обвал. Никто, к счастью, не убит, но одному парню пригвоздило руку. Мы не можем его вытащить ни на дюйм. А кровля совсем ненадежна.

Они пошли к подъемной шахте. Двое рабочих несли носилки с привязанными к ним лубками, а третий — деревянный ящик со всем необходимым для подачи первой помощи. Когда они входили в клеть, через двор перебежал еще кто-то. Это был Дэвис, запыхавшийся, с сумкой Эндрью в руках.

— Быстро же вы сбегали, Франк, — сказал Мэнсон, когда Дэвис присел подле него на корточках в клетке.

Дэвис только головой кивнул: он не мог вымолвить ни слова. Раздался лязг, одно мгновение клетка качалась, точно в нерешимости, потом полетела вниз, на дно шахты.

Все вышли и потянулись гуськом: помощник смотрителя впереди, за ним Эндрью, Дэвис, все еще несший сумку, и трое рабочих.

Эндрью уже бывал в копиях, он привык к высоким сводчатым пещерам в рудниках Блэнелли, где гулко раскатывается эхо, к длинным темным коридорам глубоко под землей, которые образуются там, где руду вынимают из ее ложа, долбя и взрывая ее. Но шахта № 3 была старая, с длинной, извилистой откаточной дорогой, ведущей к выработкам. Откаточный путь представлял собой не столько проход, сколько нору с низко нависшей липкой кровлей, с которой текла вода. Сквозь эту-то нору они сейчас пробирались ползком, часто на четвереньках, на протяжении почти полумили. Вдруг лампа, которую нес помощник смотрителя, остановилась в воздухе как раз перед глазами Эндрью, и он понял, что они пришли.

Медленно пополз он вперед. Трое рабочих, лежа на животе в тупике этого подземного коридора, старались, как могли, привести в чувство своего товарища, который лежал бесформенной кучей: тело откатилось в сторону, а одно плечо было отогнуто назад и скрыто среди массы обломков породы, разбросанных вокруг. Рядом с засыпанным рабочим валялись его инструменты, две перевернутые жестянки с едой, сброшенные куртки.

— Ну, что там, ребята? — спросил помощник смотрителя, понизив голос.

— Никак его не сдвинуть с места, — говоривший повернул к ним

грязное вспотевшее лицо. — Мы уже всячески пробовали.

— А вы больше не пробуйте, — сказал помощник, метнув быстрый взгляд на кровлю. — Здесь доктор. Отодвиньтесь немного назад, ребята, дайте нам подойти. Я бы на вашем месте отполз как можно дальше.

Трое рабочих отползли из тупика, и когда они с трудом протиснулись мимо Эндрию, он шагнул вперед. На один короткий миг в голове его промелькнуло воспоминание о недавнем экзамене, он подумал об успехах биохимии, звучной терминологии, ученых фразах. Таких случаев, как этот, они не предусматривали.

Сэм Бивен был уже в полном сознании, но лицо у него под слоем пыли было измученное. Он сделал слабую попытку улыбнуться Мэнсону.

— Что, доктор, опять практикуетесь на мне в подаче первой помощи? — Бивен также учился на курсах скорой помощи, и часто его использовали в качестве манекена, на котором все учились делать перевязки,

Эндрию подошел к нему. При свете лампочки, которую помощник зрителя держал над его плечом, он ощупал пострадавшего. Все тело Бивена было свободно, за исключением левого предплечья, которое было придавлено и разможено громадной тяжестью обвалившейся глыбы, державшей его в плену.

Эндрию сразу увидел, что единственный способ освободить Бивена — ампутировать руку. И Бивен, напрягая помутившиеся от боли глаза, прочел это решение на лице Эндрию в тот самый миг, когда оно было принято.

— Делайте, что надо, доктор, — пробормотал он. — Только поскорее вытащите меня отсюда.

— Не беспокойтесь, Сэм, — сказал Эндрию. — Я вас сейчас усыплю. А когда вы проснетесь, вы уже будете у себя дома в кровати.

Лежа плашмя в луже грязи, под двухфутовой кровлей, он сбросил пальто, свернул его и положил Бивену под голову. Потом засучил рукава и попросил, чтобы ему подали его сумку. Помощник зрителя протянул ее ему и при этом шепнул на ухо.

— Ради Бога, поторопитесь, доктор. Эта кровля нас задавит раньше, чем мы успеем опомниться.

Эндрию раскрыл сумку и тотчас почувствовал запах хлороформа. Еще раньше, чем он сунул руку внутрь и нащупал острый край разбитого стекла, он уже знал, в чем дело. Франк Дэвис, спеша на рудник, впопыхах уронил сумку, Склянка с хлороформом разбилась, содержимое ее разлилось.

Дрожь пробежала по телу Эндрию. Послать наверх за хлороформом не оставалось времени. Усыпить Сэма было нечем.

На каких-нибудь полминуты он точно окаменел. Затем машинально нащупал в сумке шприц, наполнил его и впрыснул Бивену максимальную дозу морфия. Ожидать, пока морфий окажет полное действие, он не мог. Отложив сумку в сторону, так, чтобы инструменты были у него под рукой, он снова нагнулся над Бивеном. Зажимая вокруг руки турникет^[23], сказал:

— Закройте глаза, Сэм.

Лампочка светила тускло, тени колебались вокруг, мелькая в беспорядке. При первом надрезе Бивен застонал сквозь стиснутые зубы. Застонал опять. Потом, к счастью, когда нож заскрежетал по кости, он лишился чувств.

Холодная испарина выступила на лбу Эндрью, пока он зажимал щипцами среди растерзанного мяса артерию, из которой струей била кровь. Он делал все не видя. Он чувствовал, что задыхается здесь, в этой крысиной норе глубоко под землей, лежа в грязи. Ни наркоза, ни операционной, ни сестер милосердия, выстроившихся в ряд, готовых броситься на его зов. Он не хирург. Он невероятно копается. Он никогда не доведет до конца операцию! Кровля обрушится и раздавит всех их!

За его спиной учащенно дышит помощник смотрителя. С кровли медленно каплет на затылок холодная вода. Его пальцы, испачканные теплой кровью, работают лихорадочно, Визжит пила, откуда-то издалека — голос сэра Роберта Эбби: «возможность работы по научному методу...» О Господи! Кончит он когда-нибудь?!

Наконец! Он чуть не заплакал от облегчения. Наложил подушечку марли на кровавую рану. Пытаясь встать на колени, сказал;

— Вытаскивайте его!

Когда они отошли на пятьдесят ярдов назад и очутились на откаточном штреке, где можно было стоять во весь рост, Эндрью при свете уже четырех лампочек закончил операцию. Тут сделать это было легче. Он обмыл рану, перевязал кровеносные сосуды, пропитал марлю антисептическим раствором. Теперь трубка. Потом наложить пару швов! Бивен все еще был в обмороке. Но пульс его, хотя и слабый, бился ровно. Эндрью провел рукой по лбу. Конец.

— Осторожно идите с носилками. Укройте его одеялом. Как только выйдем наверх, понадобятся горячие бутылки.

Медленно двигавшиеся люди, сгибаясь пополам в низких переходах, спугивали тени, колебавшиеся на откаточной дороге. Не прошли они и шестидесяти шагов, как во мраке за ними прокатился грохот обвала. Это было похоже на последнее глухое гремяние поезда, входящего в туннель. Помощник смотрителя не обернулся. Он только сказал Эндрью с

мрачным хладнокровием:

— Слыхали? Это остаток кровли.

Путешествие наверх заняло почти целый час. Приходилось в неудобных местах продвигать носилки боком. Эндрию не мог определить, сколько времени они уже пробыли под землей. Но в конце концов они пришли к дну шахты.

Вверх, вверх стремглав летела клеть из глубины. Ветер встретил их острыми укусами, когда они ступили из клетки на землю. Эндрию в каком-то экстазе вздохнул всей грудью.

Он стоял у нижней ступеньки, держась за перила. Было еще темно, но во дворе рудника повесили большой факел, который шипел и плевался множеством языков пламени. Вокруг факела стояла группа ожидавших. Среди них были и женщины в накинутых на голову шалях.

Вдруг, когда носилки медленно двигались мимо него, Эндрию услышал, как кто-то неистово выкрикнул его имя, и в следующее мгновение руки Кристин обхватили его шею. Истерически рыдая, она припала к нему. Простоволосая, в одном только пальто, накинутом на ночную сорочку, в напыленных на босу ногу кожаных туфлях, она казалась беспомощной и хрупкой на этом ветру, во мраке.

— Что случилось? — спросил Эндрию с испугом, пытаясь разнять ее руки и заглянуть ей в лицо.

Но она не выпускала его. Цепляясь за него, как обезумевшая, как утопающая, она с трудом произнесла:

— Нам сказали, что кровля обвалилась... что ты не... не выйдешь оттуда больше.

Она вся посинела, зубы у нее стучали от холода. Эндрию повел ее к огню на спасательную станцию, сконфуженный, но глубоко тронутый. На спасательной станции им дали горячего какао. Они пили из одной чашки, и прошло много времени, раньше чем они вспомнили о том, что Эндрию получил высокую ученую степень.

XII

Спасение Сэма Бивена прошло незаметно в городе, который в прошлом не раз переживал ужасы и несчастья больших обвалов в копиях. Но в его участке этот случай сослужил Эндрью большую службу. Успех в Лондоне сам по себе вызвал бы только новые насмешки над «разными новомодными глупостями». А теперь ему кланялись и даже улыбались люди, которые раньше, казалось, и не замечали его. Подлинные размеры своей популярности врач в Эберло может определить, проходя по улицам рабочего квартала. И там, где Эндрью до сих пор встречал лишь ряд наглухо закрытых дверей, он находил их сейчас открытыми. Отработавшие свою смену мужчины курили, стоя без курток на пороге, и всегда готовы были перекинуться с ним несколькими словами. Их жены приглашали его зайти, когда он проходил мимо, а дети весело окликали по имени.

Старый Гас Пэрри, мастер-бурильщик из копи № 2, и староста западного участка, как-то, глядя вслед уходившему Эндрью, резюмировал за всех новое мнение о нем:

— Знаете что, ребята: он, конечно, книгоед, но он умеет и дело делать, когда это требуется.

Лечебные карточки начали возвращаться к Эндрью — сначала понемногу, а потом, когда оказалось, что он не издевается над вернувшимися ренегатами, они толпой повалили обратно. Оуэн был рад тому, что список пациентов Эндрью все увеличивается. Встретив его как-то раз на площади, он сказал смеясь:

— Ну, что я вам говорил?

Луэллин изобразил величайший восторг по поводу результатов экзаменов. Он поздравил Эндрью по телефону, рассыпаясь в любезностях, потом со своим неизменным кротким благоволением навалил на него вдвое больше работы в операционной.

— Да, между прочим, — спросил он у Эндрью после одной длительной операции, во время которой Эндрью давал эфир, — говорили вы экзаменаторам, что работаете младшим врачом в Эберло?

— Я назвал им ваше имя, доктор Луэллин, — ответил Эндрью любезно. — И этого было достаточно.

Оксборро и Медли не обратили никакого внимания на успех Эндрью. Экхарт же был искренно доволен, но удовольствие это выразил залпом ругани:

— Ах, Мэнсон, чтоб вам пусто было! Что ж вы это делаете, а? Хотите мне ножку подставить?

Желая польстить отличившемуся коллеге, он пригласил Эндрью на консилиум к своей пациентке, больной воспалением легких, и захотел узнать его мнение.

— Она поправится, — сказал Эндрью, приводя научные доводы.

Но старый Экхарт с сомнением покачал головой.

— Я никогда не слыхивал о вашей поливалентной сыворотке да антителах. Я знаю только, что она — урожденная Пауэл, а когда кто-нибудь из этой семьи заболит воспалением легких и начинает пухнуть, то не проходит и недели, как он умирает. У нее пухнет живот, вы видели, правда?

И когда больная на седьмой день умерла, старик угрюмо торжествовал, что посрамил ученую мудрость своего коллеги.

Денни был за границей и ничего не знал о новом успехе Эндрью. Зато несколько неожиданно пришло длинное письмо с поздравлением от Фредди Хемсона. Фредди, прочитав в «Ланцете» о результате испытаний, кисло поздравлял Эндрью с успехом, приглашал приехать в Лондон и подробно описывал свои собственные головокружительные триумфы на улице Королевы Анны, где, как он и предсказывал в тот вечер в Кардиффе, у него уже был кабинет с новенькой, сверкающей медной дощечкой на дверях.

— Просто стыд, что мы с Фредди совсем потеряли друг Друга из виду, — объявил Мэнсон. — Надо будет писать ему почаще. Я предчувствую, что мы еще с ним опять очутимся вместе. Милое письмо, правда?

— Да, очень милое, — ответила Кристин довольно сухо. — Но больше всего он пишет о себе.

К Рождеству погода стала холоднее, стояли бодрящие морозные дни и безветренные звездные ночи. Твердая земля звенела под ногами Эндрью. Чистый воздух пьянил, как вино. В голове у Эндрью рождался план новой энергичной атаки на проблему вдыхания пыли в коях. Открытия, сделанные им при наблюдении пациентов, окрылили его, и к тому же он получил от Воона разрешение периодически осматривать всех рабочих в трех антрацитовых коях, что давало чудесную возможность расширить сферу исследований. Он хотел провести сравнение между шахтерами и людьми, работавшими на поверхности земли, и собирался приступить к этому после Нового года.

В рождественский сочельник он шел домой из амбулатории с удивительным ощущением радостного ожидания чего-то и физического

благополучия. Проходя по улицам, он не мог не заметить признаков наступающего праздника. В горах Уэльса шахтеры очень весело празднуют Рождество. Всю предрождественскую неделю парадная комната в каждом доме заперта, чтобы туда не проникли дети. Она разукрашена гирляндами бумажных лент, в ящиках комода спрятаны игрушки, а на столе разложен солидный запас разных вкусных вещей — апельсинов, пряников, сладкого печенья, купленных на деньги, выдаваемые клубом к Рождеству.

Кристин, весело готовясь к празднику, заранее уже убрала дом ветками остролистника и омелы. Но в этот вечер Эндрию, придя домой, сразу увидел по ее лицу, что она чем-то особенно взволнована.

— Не говори ни слова! — сказала она быстро, беря его за руку. — Ни единого слова! Только закрой глаза и иди за мной!

Он позволил ей вести себя в кухню. Там на столе лежали какие-то свертки, неуклюже завернутые, некоторые просто в газетную бумагу, и к каждому свертку была привязана записочка. Эндрию сразу догадался, что это рождественские подарки от пациентов. Некоторые из этих даров были и вовсе не завернуты.

— Смотри, Эндрию! — выкрикивала Кристин. — Гусь! И две утки! И чудесный торт с сахарной глазурью! И бутылка бузиновой наливки. Ну, не великолепно ли это с их стороны? Не чудесно ли, что им захотелось подарить тебе все это!

Эндрию не мог вымолвить ни слова. Он был растроган этим доказательством того, что люди, среди которых он жил, наконец-то его оценили, полюбили. Он вместе с Кристин, жавшейся к его плечу, принялся читать записки, безграмотные, написанные неумелой рукой, иногда нацарапанные карандашом на старых конвертах, вывернутых наизнанку. «От благодарного пациента с Сифен-роу № 3», «С благодарностью от миссис Вильямс». Драгоценное, криво написанное послание от Сэма Бивена: «Спасибо, доктор, за то, что выволокли меня на свет Божий к Рождеству», и так далее.

— Мы непременно все их сохраним, милый, — сказала Кристин тихо. — Я унесу их наверх.

Когда к Эндрию вернулась обычная словоохотливость — этому способствовал стакан присланной в дар бузиновой наливки, — он шагал по кухне взад и вперед, пока Кристин начиняла гусей, и восторженно говорил;

— Вот как следовало бы платить врачам, Крис. Не деньгами за каждый визит, не по счетам — черт их побери, эти счета! — не жалованьем подушно, по числу пациентов. Хорошо было бы, если бы, вместо того чтобы стараться нахватать побольше гиней, врач получал плату натурой.

Ты меня понимаешь, дорогая? Вот я вылечиваю больного, и он посылает мне что-нибудь из продуктов его собственного производства. Ну, например, уголь, мешок картошки с его огорода, яйца, может быть, если он держит кур, — пойми мою мысль. И вот тебе идеал этики!.. Кстати, знаешь: эту миссис Вильямс, что прислала нам уток, Лесли пять лет пичкал микстурами и пилюлями, а я вылечил ее от язвы желудка, продержав пять недель на диете. Но о чем я говорил? Ах, да! Так видишь ли, если бы врачи покончили с погоней за гонораром, вся система стала бы морально чище...

— Да, мой друг, понимаю. Достань-ка мне, пожалуйста, коринку. Она на верхней полке в буфете!

— Черт возьми, Кристин, да ты не слушаешь меня!.. А начинка, кажется, будет вкусная!

На следующий день, первый день Рождества, погода стояла солнечная и ясная. Вершины Теллин Биконс в голубой дали были жемчужно-серы и покрыты белой глазурью снега. После утреннего приема Эндрью, заранее радуясь, что вечером приема в амбулатории не будет, отправился в обход квартир. Сегодня список адресов был невелик. Во всех домиках готовили праздничный обед. В «Вейл Вью» Кристин была занята тем же. Он всю дорогу выслушивал поздравления с праздником и без усталости поздравлял сам. Он невольно сравнил свое нынешнее радостное настроение с унынием, в котором ходил по тем же самым улицам всего только год тому назад.

Быть может, под влиянием этой мысли он вдруг остановился с какой-то странной нерешительностью у дома № 18 на Сифен-роу. Из всех ушедших от него пациентов (не считая Ченкина, которого он сам отказался принять обратно) не вернулся к нему один только Том Ивенс. И сегодня Эндрью, необычно растроганный, быть может, слишком восторженно уверовав в братство всех людей, ощутил внезапное желание зайти к Ивенсу и пожелать ему веселого Рождества.

Постучав один раз, он открыл дверь и прошел в кухню. Здесь остановился, пораженный. Кухня была убогая, почти пустая. На очаге тлели последние искры. Том Ивенс сидел перед огнем на сломанном деревянном стуле, выгнув скрюченную руку наподобие крыла. В сгорбленных плечах чувствовалось безнадежное отчаяние. На колене у него примостилась четырехлетняя дочка. Оба были погружены в безмолвное созерцание еловой ветви, вставленной в старое ведро. На этой миниатюрной рождественской елке, за которой Ивенс ходил за две мили через гору, висели три сальные свечки, еще не зажженные, а под ней лежало рождественское угощение для всего семейства — три маленьких

апельсина.

Ивенс вдруг обернулся и увидел Эндрю. Он вздрогнул, и по лицу его разлилась краска стыда и гнева. Эндрю понял, как мучительно для Тома, что врач, советом которого он пренебрег, застает его безработным калекой, видит, что половина мебели уже заложена. Эндрю слышал, что Ивенсам живется теперь трудно, но он не ожидал увидеть такую печальную картину. Он огорчился, почувствовал себя неловко и хотел уже уйти. Но в эту минуту в кухню вошла с черного хода миссис Ивенс с пакетом подмышкой. Увидев Эндрю, она так растерялась, что уронила сверток, который, упав на каменный пол, раскрылся. В бумаге оказались две бычьи печенки, самое дешевое мясо в Эберло. Девочка, взглянув в лицо матери, неожиданно заплакала.

— В чем дело, сэр? — решила, наконец, спросить миссис Ивенс, прижимая руку к груди. — Том ничего не сделал?

Эндрю стиснул зубы. Он был так взволнован и удивлен всем тем, чему нечаянно был свидетелем, что ему казался возможным только один выход.

— Миссис Ивенс! — Он упорно не поднимал глаз. — Между мной и Томом было маленькое недоразумение. Но сегодня Рождество и... ну, я хочу, — он беспомощно остановился, — я буду ужасно рад, если вы все трое придете к нам и разделите с нами рождественский обед.

— Но, доктор, право... — замялась миссис Ивенс.

— Помолчи, девочка, — перебил ее Том свирепо. — Никуда мы не пойдем обедать. Если мы не в состоянии ничего купить, кроме печенки, то мы ее и будем есть. Не нуждаемся ни в какой мерзкой благотворительности.

— Что вы болтаете! — в ужасе воскликнул Эндрю. — Я вас приглашаю как друг.

— А, все вы одинаковы! — ответил Ивенс с горечью. — Доводите человека до нужды и потом знаете только одно — швыряете ему в лицо какую-нибудь жратву. Ешьте сами свой проклятый обед. Не нужен он нам.

— Перестань, Том, — робко унимала его жена.

Эндрю обратился к ней, расстроенный, но все еще непременно желая поставить на своем.

— Уговорите его, миссис Ивенс. На этот раз я действительно обижусь, если вы не придете. В половине второго. Мы будем ждать.

И, раньше чем кто-либо из них успел сказать слово, он круто повернулся и вышел.

Кристин ничего не сказала, когда он рассказал ей, что сделал. Если бы Вооны не уехали в Швейцарию кататься на лыжах, они наверно сегодня

пришли бы в «Вейл Вью». А он пригласил безработного шахтера с семьей. Вот о чем думал Эндрию, стоя спиной к огню и наблюдая, как жена ставит на стол еще три прибора.

— Ты сердишься, Крис? — спросил он наконец.

— Я полагала, что вышла замуж за доктора Мэнсона, а не за доктора Бернардо^[24], — ответила она чуточку резко. — Право, мой друг, ты неисправимо сентиментален.

Ивенсы явились точно в указанное время, умытые, приодетые, ужасно смущенные и гордые и вместе с тем испуганные. Эндрию, стараясь быть радушным хозяином, чувствовал, что Кристин права и обед будет ужасно неудачен. Ивенс все время странно поглядывал на него. Искалеченная рука не действовала, и жене приходилось разрезать и намазывать ему маслом хлеб. К счастью, когда Эндрию взял в руки перечницу, крышка ее упала, и все содержимое — пол-унции белого перца — угодило в его тарелку с супом. Наступило минутное молчание, затем Агнес, дочка Ивенсов, вдруг весело расхохоталась. Онемев от ужаса, мать наклонилась к ней, чтобы ее побранить, но выражение лица Эндрию успокоило ее. В следующую минуту хохотали уже все. Не опасаясь больше, что к нему отнесутся покровительственно, Ивенс развернулся и, оказалось, что он усердный футболист и большой любитель музыки. Три года тому назад он ездил в Кардиген петь в Эйстедфодде. Гордясь тем, что может блеснуть знаниями, он беседовал с Кристин об ораториях Эльгара, пока Агнес и Эндрию забавлялись хлопучками.

Затем Кристин увела к себе миссис Ивенс и девочку. Как только Эндрию и Ивенс остались вдвоем, наступило неловкое молчание. Одна и та же мысль занимала обоих, но ни тот, ни другой не знали, как заговорить об этом. Наконец Эндрию с каким-то отчаянием сказал:

— Очень обидно, что у вас вышла такая неприятность с рукой, Том. Я знаю, что вы из-за этого лишились работы в руднике. Не думайте, что я способен злорадствовать... я черт знает как огорчен...

— Не больше, чем я, — ответил Ивенс.

Последовала новая пауза, затем Эндрию dokonчил:

— Я хотел спросить, разрешите ли вы мне поговорить насчет вас с мистером Вооном. Если вам мое вмешательство неприятно, скажите прямо... Дело в том, что я имею на него некоторое влияние и уверен, что смогу выхлопотать для вас какую-нибудь службу наверху... Место табельщика или что-нибудь в этом роде...

Он остановился, не смея взглянуть на Тома. На этот раз молчание тянулось долго. Наконец Эндрию поднял глаза, но тотчас же снова потупил

их. Но лицу Ивенса катились слезы, все его тело тряслось от усилий сдерживать рыдания. Но усилия были напрасны. Он положил здоровую руку на стол, уткнулся в нее головой.

Эндрю встал и отошел к окну, где оставался несколько минут. Ивенс за это время успел овладеть собой. Он не сказал ничего, ровно ничего, и глаза его избегали глаз Эндрю. Но его молчание было выразительнее слов.

В половине четвертого Ивенсы ушли в совсем другом настроении, чем пришли. Кристин и Эндрю вернулись в гостиную.

— Знаешь, Крис, — философствовал Эндрю, — в несчастье этого бедняги, то есть в том, что у него рука не сгибается в локте, виноват вовсе не он. Он мне не доверял как новому человеку. Нельзя же от него требовать, чтобы он знал то, что знаю я относительно проклятой известковой мази. Но приятель Оксборро, который принял от него лечебную карточку, — ему это знать следовало. Полнейшее невежество, проклятое невежество!.. Следовало бы издать закон, обязывающий врачей идти в ногу с наукой. Во всем виновата наша гнилая система. Нужны принудительные курсы повышения квалификации, и нужно обязать врачей проходить их через каждые пять лет...

— Послушай, милый, — запротестовала Кристин, улыбаясь ему с дивана, — я весь день терпела твою филантропию. Любовалась, как ты, вроде архангела, осеняешь людей своими крылами. А в довершение всего ты начинаешь ораторствовать! Поди сюда, сядь ко мне. Сегодня мне весь день хотелось остаться с тобой наедине, потому что у меня есть на то серьезная причина.

— Вот как? — усомнился Эндрю. Потом, негодуя: — Надеюсь, это не жалоба? Мне кажется, я вел себя как порядочный человек. В конце концов... сегодня Рождество.

Кристин неслышно рассмеялась.

— Ах, мой друг, как ты мил! Если через минуту поднимется метель, ты, верно, выйдешь с сен-бернардом, закутанный по уши, чтобы привести с гор какого-нибудь заблудившегося путника, поздно-поздно ночью...

— Я знаю одну особу, которая примчалась к шахте номер три поздно-поздно ночью, — ворчливо ответил ей в тон Эндрю. — И даже не закутавшись.

— Сядь сюда, — Она протянула руку. — Мне надо тебе сказать одну вещь.

Он только что подошел к дивану, чтобы сесть рядом с нею, как вдруг перед домом громко заревел чей-то клаксон.

«Крр-крр-ки-ки-ки-крр!»

— А, черт!.. — отрывисто выбранилась Кристин. Только единственный автомобильный рожок в Эберло издавал такой звук. Это был рожок Кона Боленда.

— Разве ты им не рада? — спросил несколько удивленный Эндрью. — Кон мне вскользь говорил, что они, может быть, заедут к чаю.

— Ну что ж! — только и сказала Кристин, вставая и идя за ним в переднюю.

Они вышли за ворота встретить Болендов, восседавших в реконструированном Коном автомобиле. Кон сидел за рулем очень прямо, в котелке к громадных новых рукавицах, подле него — Мэри и Теренс, а трое младших были кое-как запиханы на заднее сиденье подле миссис Боленд, державшей на руках ребенка. Несмотря на то, что Кон удлинил автомобиль, все теснились в нем, как сельди и бочке. Вдруг рожок начал снова: «Крр-крр-крр», — это Кон нечаянно, выключая, нажал кнопку, и она так и осталась зажатой. Клаксон не желал умолкнуть. «Крркрр-крр», кричал он, пока Кон суетился и сыпал проклятиями. В домах напротив стали открываться окна за окном, миссис Боленд сидела с мечтательным видом, невозмутимая, рассеянно прижимая к груди младенца.

— Господи Боже! — закричал Кон, усы которого топорщились из-за автомобильного щита. — Я трачу даром бензин. Что случилось? Короткое замыкание, что ли?

— Это кнопка, папа, — сказала Мэри спокойно и ногтем мизинца вытащила ее. Шум сразу прекратился.

— Ну, наконец-то, — вздохнул Кон. — Как поживаете, Мэнсон, дружище? Как вам теперь нравится моя старая машина? Я ее удлинил на добрых два фута. Великолепно, не правда ли? Вот только еще с передачей не совсем хорошо. Никак не удавалось взять подъем.

— Мы застряли только на несколько минут, папа, — вступилась за автомобиль Мэри.

— Ну, да ничего, — продолжал Кон. — Я и это скоро налажу. Здравствуйте! миссис Мэнсон! Вот мы и приехали все поздравить вас с Рождеством и выпить у вас чаю.

— Входите, Кон, — улыбнулась Кристин. — А перчатки у вас какие красивые!

— Рождественский подарок жены, — пояснил Кон, любуясь своими рукавицами с большими крагами. — Военного образца. Их до сих пор выпускают массажи, можете себе представить! Ох, что такое случилось с дверцей?

Не сумев открыть дверцу, он перекинул через нее свои длинные ноги, вылез, помог сойти с заднего сиденья детям и жене, осмотрел автомобиль (заботливо сняв со стеклянного щита комок грязи) и, с трудом оторвавшись от созерцания его, пошел вслед за остальными в дом.

Чаепитие прошло очень весело. Кон был в превосходном настроении и весь полон мыслями о своем сооружении: «Вы его не узнаете, когда я его еще немного подкрашу». Миссис Боленд рассеянно выпила шесть чашек крепкого черного чая. Дети начали с шоколадных пряников, а кончили дракой из-за последнего кусочка хлеба. Они очистили все тарелки на столе.

После чая Мэри ушла мыть посуду, — она настояла на этом, уверяя, что у Кристин усталый вид, — а Эндрью отнял у миссис Боленд малыша и стал играть с ним на коврике у камина. Это был самый толстый ребенок из всех виденных им когда-либо, настоящий рубенсовский младенец, с подушечками жира на ножках и ручках и громадными глазами, с священной серьезностью глядевшими на мир Божий. Он упрямо пытался сунуть палец себе в глаз, и всякий раз, когда ему это не удавалось, на его личике появлялось выражение глубокого удивления. Кристин сидела, праздно сложив руки на коленях, и смотрела, как муж играет с малышом.

Но Кон и его семейство не могли оставаться долго в «Вейл Вью». На дворе уже темнело, а Кона беспокоил недостаточный запас бензина, и он питал некоторые сомнения (которые предпочел не высказывать вслух) относительно исправности своих сигнальных фонарей. Когда они собрались уходить, он предложил хозяевам:

— Выйдите и посмотрите, как мы будем отъезжать.

Снова Эндрью и Кристин стояли у ворот, а Кон упаковывал в автомобиль свое потомство. Несколько раз покачнувшись, машина, наконец, поддалась, и Кон, победоносно кивнув Эндрью и Кристин, натянул рукавицы и лихо заломил котелок. Затем гордо воссел на переднем месте.

В этот момент сооружение Кона треснуло, и кузов, кряхтя, расселся. Перегруженный семейством Боленд, автомобиль медленно свалился на землю, подобно выючному животному, издыхающему от переутомления. На глазах у ошеломленных Эндрью и Кристин колеса вывернулись наружу, послышался шум разлетающихся частей, ящик изверг из себя все инструменты — и корпус, как лишенное конечностей тело, упокоился на мостовой. Минуту назад это был автомобиль, теперь — ярмарочная гондола. В передней половине остался Кон, все еще сжимавший руль, в задней — его жена, прижимавшая к себе ребенка. Рот миссис Боленд широко раскрылся, ее мечтательные очи загляделись в вечность. На

ошеломленное лицо Кона без смеха невозможно было смотреть.

Эндрю и Кристин так и прыснули. Раз начав, они уже не могли остановиться. Они хохотали до упаду.

— Господи, твоя воля! — произнес Кон, потирая голову, и выбрался из автомобиля. Убедившись, что никто из детей не пострадал, что миссис Боленд, бледная, но, как всегда, безмятежная, сидит на месте, он принялся осматривать повреждения, оторопело размышляя вслух.

— Саботаж! — объявил он наконец, осененный неожиданной идеей, уставясь на окна напротив. — Ясно, что кто-нибудь из этих чертей мне ее испортил.

Но вслед затем лицо его просияло. Он взял ослабевшего от смеха Эндрю за плечо и с меланхолической гордостью указал на смятый кожух, под которым мотор все еще слабо и конвульсивно бился:

— Видите, Мэнсон? Он еще работает!

Они кое-как сволокли обломки на задний двор, и семейство Боленд отправилось домой пешком.

— Ну и денек! — воскликнул Эндрю, когда они, наконец, обрели покой. — Я до смерти не забуду, какое лицо было у Кона!

Оба некоторое время молчали. Потом Эндрю, повернувшись к Кристин, спросил:

— Весело тебе было?

Она ответила странным тоном:

— Мне было приятно смотреть, как ты возился с малышом Болендов.

Он посмотрел на нее в недоумении.

— Почему?

Но Кристин не смотрела на него.

— Я пыталась весь день сказать тебе... Ох, милый, неужели ты не можешь догадаться?.. Я нахожу в конце концов, что ты вовсе уж не такой замечательный врач!

XIII

Снова весна. За ней начало лета. Садик в «Вейл Вью» походил на сплошной ковер нежных красок, и шахтеры, возвращаясь с работы домой, часто останавливались полюбоваться на него. Украшали садик больше всего цветущие кусты, посаженные Кристин прошлой осенью. Теперь Эндрью не позволял ей работать в саду.

— Ты создала этот уголок, — говорил он ей внушительно, — и теперь сиди себе в нем спокойно.

Больше всего Кристин любила сидеть на краю маленькой долины, куда долетали брызги и слышен был успокоительный говор ручья. Росшая над лощинкой ива закрывала ее от домов наверху. Сад же в «Вейл Вью» имел тот недостаток, что он был весь открыт взорам соседей. Стоило только Кристин и Эндрью усесться где-нибудь подле дома, как во всех выходивших на улицу окнах напротив появлялись головы и начиналось громкое перешептывание: «Эге! Как мило! Поди сюда, Фанни, посмотри: доктор и его миссис греются на солнышке!» Раз как-то, в первые дни после их приезда сюда, когда они сидели на берегу ручья и Эндрью обнял рукой талию Кристин, он увидел блеск стекол бинокля, направленного на них из гостиной старого Глина Джозефа... «А, черт возьми! — гневно выругался Эндрью. — Старый пес наставил на нас свой телескоп!»

Но под ивой они были совершенно укрыты от чужих глаз, и здесь Эндрью излагал свои взгляды:

— Видишь ли, Крис, — говорил он, вертя термометром (ему только что, от избытка заботливости, вздумалось измерить ей температуру), — нам следует сохранять хладнокровие. Мы ведь не то, что другие люди. В конце концов ты — жена врача, а я... я врач. На моих глазах *это* происходило сотни... во всяком случае десятки раз. Это *самое* обыкновенное явление. Закон природы, продолжение рода и все такое! Но ты не пойми меня превратно, дорогая, — это, конечно, для нас чудесно. По правде сказать, я уже начинал спрашивать себя, не слишком ли ты хрупка, слишком по-детски сложена, чтобы когда-нибудь... и теперь я в восторге. Но мы с тобой сентиментальничать не будем. То есть я хочу сказать — слюни пускать не будем. Нет, нет. Это мы предоставим разным мистерам и миссис Смит. Было бы идиотством, не правда ли, если бы я, врач, начал... ну, хотя бы умиляться над этими маленькими вещицами, которые ты вяжешь и вышиваешь, и все такое. Нет! Я просто смотрю на них и ворчу:

«Надеюсь, они будут достаточно теплыми». И весь этот вздор насчет того, какого цвета глаза будут у нее или у него и какое розовое будущее его ждет, — все это совершенно исключается! — Он помолчал, строго хмурясь, но потом по лицу его медленно поползла задумчивая улыбка. — Слушай, Крис, а все-таки интересно, будет ли это девочка или нет!

Она хохотала до слез. Хохотала так, что Эндрью встревожился.

— Да перестань же, Крис! Ты... ты можешь наделать себе какую-нибудь беду.

— Ох, милый мой! — Кристин отерла глаза. — Когда ты — сентиментальный идеалист, я тебя обожаю. Когда же ты превращаешься в закоренелого циника, я готова выгнать тебя вон из дому!

Эндрью не совсем понял, что она хотела сказать. Он находил, что ведет себя, как полагается человеку выдержанному, деятелю науки...

Находя, что Кристин необходим моцион, он днем водил ее гулять в городской парк. Подниматься на горы ей было строго запрещено. Они бродили по парку, слушали оркестр, смотрели на игры шахтерских детей, приходивших сюда, как на пикник, с бутылками лакричной воды и шербетом.

Как-то раз, в мае, ранним утром, когда они с Кристин еще лежали в постели, он в полусне ощутил подле себя какое-то слабое движение. Он проснулся и снова почувствовал эти тихие толчки — первое движение ребенка в теле Кристин. Он вытянулся, едва смея поверить, задыхаясь от волнения, от восторга. «О черт! — подумал он минуту спустя. — В конце концов я, быть может, ничем не лучше любого Смита! Вот почему, вероятно, принято за правило, что врач не может лечить собственную жену».

На следующей неделе он подумал, что пора переговорить с доктором Луэллином, так как у них с Кристин было с самого начала решено, что именно Луэллин будет присутствовать при родах, Луэллин, с которым Эндрью поговорил по телефону, был очень польщен и доволен.

Он сразу же приехал к ним, чтобы предварительно осмотреть Кристин. Сделав это, он перед уходом поболтал с Эндрью в гостиной.

— Я рад, что могу быть вам полезен, Мэнсон. — Затем, принимая от Эндрью папиросу: — Я всегда полагал, что вы недостаточно ко мне расположены, чтобы обратиться ко мне за такого рода услугой. Поверьте, я сделаю все, что в моих силах. Между прочим, в Эберло теперь здорово жарко. Не думаете ли вы, что вашей женушке следовало бы съездить куда-нибудь отдохнуть, пока она еще может ехать?

— Что такое со мной? — спрашивал себя Эндрью, когда Луэллин ушел.

— Мне этот человек нравится! Он вел себя благородно, чертовски благородно! Проявил и сочувствие и такт. И в своем деле он просто маг и волшебник. А ведь год тому назад я готов был перегрызть ему горло. Я просто завистливый, злобный, упрямый шотландский бык!

Кристин не хотела уезжать, но он ласково настаивал.

— Я знаю, что тебе не хочется меня оставлять, Крис. Но ведь это тебе принесет пользу. Мы должны подумать о... Ну, обо всем. Куда ты предпочитаешь ехать — к морю или, может быть, на север, к тетке? Черт возьми, мне теперь средства позволяют послать тебя куда-нибудь, Крис. Мы достаточно богаты!

Они уже выплатили весь долг «Гленовскому фонду» и последние взносы за мебель, и, кроме того, у них было отложено около ста фунтов в банке. Но не об этом думала Кристин, когда, сжав руку мужа, ответила серьезно:

— Да! Мы богаты, Эндрю.

Она решила, что если уж непременно надо ехать куда-нибудь, то она навестит свою тетку в Бридлингтоне, и неделю спустя Эндрю проводил ее на Верхнюю станцию, крепко обнял на прощанье и дал на дорогу корзинку с фруктами.

Он никогда не думал, что будет так скучать по ней, что постоянное общение с ней стало такой необходимой частью его жизни. Их беседы, споры, пустячные размолвки, молчание вдвоем, привычка окликать ее, как только он входил в дом, и настороженно ожидать ее веселого ответа, — только теперь он понял, как все это ему необходимо. Без Кристин их спальня была как незнакомый номер в гостинице. Обеды, которые Дженни добросовестно готовила по расписанию, оставленному Кристин, он съедал на скорую руку, скучая, заглядывая во время еды в какую-нибудь книгу.

Бродя по саду, созданному руками Кристин, он как-то вдруг обратил внимание на ветхость мостика, переброшенного через ручей. Это его возмутило, показалось обидой для отсутствующей Кристин. Он и раньше несколько раз обращался к комитету, заверял, что мост разваливается, но комитет всегда трудно бывало расшевелить, когда дело касалось какого-либо ремонта в домах младших врачей. На этот раз, в приливе нежности к жене, он позвонил в управление и решительно настаивал на своем требовании. Оуэн уехал на несколько дней в отпуск, но клерк уверил Эндрю, что вопрос уже рассмотрен комитетом, ремонт поручен подрядчику Ричардсу. И только потому, что Ричардс занят сейчас другим подрядом, работа им еще не начата.

По вечерам Эндрю ходил к Болендам, два раза побывал у Воонов,

которые уговорили его остаться на бридж, а раз даже, совсем неожиданно для себя самого, играл в гольф с Луэллином. Он переписывался с Хемсоном и с Денни, который, наконец, выбрался из Блэнелли и в качестве судового врача совершал путешествие в Тампико на нефтеналивном судне. Писал Кристина письма — образец бодрости и выдержки. Но больше всего помогала ему коротать время работа.

До этих пор его клинические исследования в антрацитовых копях плохо подвигались вперед. Ему не удавалось их ускорить, так как, не говоря уже о необходимости заниматься собственными пациентами, он имел возможность осматривать рабочих только тогда, когда они по окончании смены приходили в баню, и немисливо было их задерживать надолго, так как они торопились домой обедать. В среднем Эндрию осматривал не более двух человек в день, однако, несмотря на это, он был доволен результатами. Не торопясь делать выгоды, он видел все же, что легочные болезни среди работающих в антрацитовых копях, несомненно, распространены больше, чем среди рабочих других угольных копей.

Хотя он и не доверял учебникам, но из чувства самозащиты (так как боялся, чтобы впоследствии не оказалось, что он попросту шел по чужим следам), принялся изучать литературу по этому вопросу. Его поразила скудость этой литературы. Видимо, очень немногие исследователи серьезно интересовались профессиональными легочными заболеваниями. Ценкер ввел звучный термин «пневмокониоз», обозначая им три формы фиброза легких вследствие вдыхания пыли. «Антракоз», то есть наблюдаемое у углекопов присутствие в легких угольной пыли, был давно известен, но Гольдман в Германии и Троттер в Англии находили его безвредным. Эндрию отыскал несколько статей относительно распространения легочных заболеваний среди рабочих, точивших жернова, в особенности жернова из французского песчаника, среди точильщиков ножей и топоров и среди каменотесов. Приводились данные, большей частью противоречивые, относительно чахотки, свирепствовавшей в Южной Африке среди рабочих золотых приисков и, несомненно, вызываемой вдыханием пыли. Известно было также, что у рабочих льняной и хлопчатобумажной промышленности и ссыпщиков зерна наблюдаются хронические изменения в легких. И больше ничего!

Когда Эндрию покончил с просмотром литературы, у него весело блестели глаза. Он видел, что наткнулся на действительно неисследованную область. Он думал об огромном количестве людей, работавших под землей, в больших антрацитовых копях, о неясности и расплывчатости законов относительно нетрудоспособности, грозившей им

вследствие условий работы, о громадном социальном значении этого вопроса. Какой случай проявить себя, какой случай! Холодный пот прошиб его при мысли, что кто-нибудь может его опередить. Но он отогнал эту внезапную мысль. Шагая по гостиной из угла в угол далеко за полночь, он вдруг остановился перед потухшим камином и схватил фотографию Кристин, стоявшую на полке.

— Крис! Я, право, верю теперь, что *сделаю* что-нибудь в жизни!

Он начал старательно заносить на картотеку, специально для этой цели приобретенную, результаты своих исследований. Он и сам не сознавал, какой блестящей клинической техники достиг за это время. В комнате, где рабочие передевались, выйдя из шахты, они стояли перед ним, оголенные по пояс, а он при помощи пальцев и стетоскопа чудесным образом проникал в тайны патологических изменений этих живых легких: здесь — участок фиброза, у следующего — эмфизема, у третьего — хронический бронхит, который сам он снисходительно именуется «пустяковым кашлем». Эндрию аккуратно отмечал все недуги в диаграммах, напечатанных на обороте каждой карточки.

Одновременно с этим он брал у каждого больного мокроту на исследование и, сидя до двух-трех часов ночи над микроскопом Денни, заносил полученные данные на карточки. Оказалось, что в большинстве случаев эта гнойная слизь, которую больные называли здесь «белыми плевками», содержала блестящие острые частички кремнезема. Эндрию поражало количество альвеолярных клеток в легких и частое нахождение в них туберкулезных бацилл. Но более всего приковывало его внимание присутствие почти всегда и повсюду кристаллов кремния. Неизбежно напрашивался потрясающий вывод, что изменения в легких, а возможно даже и сопутствующая им инфекция, происходят от этой именно причины.

Таковы были успехи Эндрию к тому дню в конце июня, когда Кристин воротилась и бросилась к нему на шею.

— Как хорошо опять очутиться дома!.. Да, я хорошо провела время, но... право, не знаю... и ты так побледнел, милый! Наверное, Дженни тут морила тебя голодом!

Отдых принес ей пользу, она чувствовала себя хорошо, и на щеках ее цвел нежный румянец. Но ее тревожил Эндрию: у него не было аппетита, он каждую минуту лез в карман за папиросами.

Она спросила серьезно:

— Сколько времени будет продолжаться эта твоя исследовательская работа?

— Не знаю. — Это было на следующий день после ее приезда; шел

дождь, и Эндрью был в неожиданно дурном настроении. — Может быть, год, а может быть, и пять.

— Так слушай, Эндрью. Я вовсе не собираюсь читать тебе проповедь, — хватит и одного проповедника в семье, — но не находишь ли ты, что раз эта работа так затягивается, тебе следует работать планомерно, вести правильный образ жизни, не засиживаться по ночам и не изводить себя?

— Ничего со мной не будет.

Но в некоторых случаях Кристин бывала удивительно настойчива. Она велела Дженни вымыть пол в «лаборатории», поставила туда кресло, разостлала коврик перед камином. В жаркие ночи здесь было прохладно, от сосновых половиц в комнате стоял приятный смолистый запах, к нему примешивался запах эфира, который Эндрью употреблял при работе. Здесь Кристин сидела с шитьем или вязаньем, пока Эндрью работал за столом. Согнувшись над микроскопом, он совершенно забывал о ней, но она была тут и поднималась с места ровно в одиннадцать часов.

— Пора ложиться.

— Ох, уже! — восклицал он, близоруко щурясь на нее из-за окуляра. — Ты ступай наверх, Крис. Я приду через минуту.

— Эндрью Мэнсон, если ты полагаешь, что я пойду наверх одна... *в моем положении...*

Последняя фраза превратилась у них в излюбленную поговорку. Оба шутя употребляли ее при всяком удобном случае, разрешая ею все споры. Эндрью не в силах был противостоять ей. Он вставал смеясь, потягивался, убирал стекла и препараты.

В конце июля сильная вспышка ветряной оспы в Эберло прибавила ему работы, и третьего августа у него оказался особенно длинный список больных, которых нужно было навестить, так что он начал обход сразу после утреннего амбулаторного приема, а в четвертом часу дня, когда он поднимался по дороге к «Вейл Вью», утомленный, торопясь поесть и выпить чаю, так как сегодня пропустил завтрак, он увидел у ворот своего дома автомобиль доктора Луэллина.

Присутствие здесь этого неподвижного предмета заставило его внезапно вздрогнуть и поспешить к дому. Сердце его сильно забилося от мелькнувшего подозрения. Он взбежал по ступеням крыльца, рванул входную дверь и в передней наткнулся на Луэллина. С нервной стремительностью посмотрев ему в лицо, он проговорил, заикаясь:

— Алло, Луэллин. Я... я не ожидал увидеть вас здесь так скоро.

— Да, и я тоже, — ответил Луэллин.

Эндрью улыбнулся.

— Так почему же?..

От волнения он не мог найти других слов, по вопросительное выражение его веселого лица говорило достаточно ясно.

Но Луэллин не улыбнулся в ответ. После очень короткого молчания он сказал:

— Войдемте сюда на минутку, мой дорогой. — Он потянул Эндрию за собой в гостиную. — Мы все утро пытались вас разыскать.

Поведение Луэллина, его нерешительный вид, непонятное сочувствие в голосе пронизали Эндрию холодом. Он пролепетал:

— Что-нибудь случилось?

Луэллин посмотрел в окно, на мост, словно ища самых осторожных, добрых слов для объяснения. Эндрию не мог больше выдержать. Он едва дышал, ему давила сердце жуткая неизвестность.

— Мэнсон, — начал Луэллин мягко, — сегодня утром... когда ваша жена проходила по мосту, одна гнилая доска сломалась. С ней все благополучно, вполне благополучно. Но, к сожалению...

Эндрию понял все раньше, чем Луэллин кончил. Острая боль резнула его по сердцу.

— Вам, может быть, будет приятно знать, — продолжал Луэллин тоном спокойного сострадания, — что мы сделали все необходимое. Я сразу же приехал, привез сестру из больницы, и мы пробыли здесь весь день...

Наступило молчание. Эндрию всхлипнул раз, потом другой, третий. Закрыв лицо рукой.

— Полноте, дорогой друг, — уговаривал его Луэллин. — Кто мог предвидеть такой случай? Ну, прошу вас, перестаньте. Подите наверх и утешьте жену.

С опущенной головой, держась за перила, Эндрию пошел наверх. Перед дверью спальни он остановился, едва дыша, потом, спотыкаясь, вошел.

XIV

К 1927 году у доктора Мэнсона в Эберло была уже достаточно солидная репутация. Практика у него была не слишком большая, список пациентов численно не очень увеличился с тех первых тревожных дней его появления в городе. Но каждый человек из этого списка глубоко верил в своего доктора. Он прописывал мало лекарств. Он имел даже неслыханную привычку отговаривать больных принимать лекарства, но уж если он какое-нибудь лекарство рекомендовал, то прописывал его в потрясающих

дозах. Нередко можно было видеть, как Гедж, горбясь, шел через приемную с каким-нибудь рецептом в руках.

— Как это понять, доктор Мэнсон? *Шестьдесят* гран бромистого калия Ивену Джонсу! А в фармакопее указана доза в *пять* гран!

— Ваша фармакопея — тот же «Сонник тети Кэти». Приготовьте шестьдесят, Гедж. Вы же сами рады отправить Ивена Джонса на тот свет.

Но Ивен Джонс, эпилептик, на тот свет не отправился. Неделю спустя припадки стали реже, и его видели гуляющим в городском парке.

Комитет должен был бы особенно ценить доктора Мэнсона, так как он выписывал лекарств (за исключением экстренных случаев) вдвое меньше, чем всякий другой врач. Но, увы, Мэнсон обходился комитету втрое дороже, так как требовал постоянно другого рода затрат, и часто из-за этого между ним и комитетом шла война. Он, например, выписывал вакцины и сыворотки — разорительные вещи, о которых, как с возмущением заявлял Эд Ченкин, никто раньше здесь и не слыхивал. Раз Оуэн, защищая Мэнсона, привел в пример тот зимний месяц, когда Мэнсон с помощью вакцины Борде и Женгу прекратил свирепствовавшую в его участке эпидемию коклюша, в то время как все остальные дети в городе погибали от него, но Эд Ченкин возразил:

— Откуда вы знаете, что помогли именно эти новомодные затеи? Когда я хорошенько взялся за вашего доктора, он сам сказал, что это никто не может знать наверное.

У Мэнсона было много преданных друзей, но были и враги. Некоторые члены комитета не могли ему простить его вспышки, тех рожденных душевной мукой слов, которые он бросил им в лицо три года тому назад на заседании после случая с мостом. Они, конечно, жалели и его и миссис Мэнсон, понесших такую тяжелую потерю, но не считали себя ни в чем виноватыми. Комитет никогда ничего не делает второпях! Оуэн тогда был в отпуску, а Лен Ричардс, заменявший его, занят новыми домами на Повис-стрит. Значит, обвинять комитет было просто нелепо.

За это время Эндрью имел много стычек с комитетом, так как он упрямо желал идти своей дорогой, а комитету это не нравилось. К тому же против него были клерикалы. Жена его часто ходила в церковь, его же там никогда никто не видывал (это первый указал доктор Оксборро), и передавали, будто он смеялся над идеей крещения путем погружения в воду. Среди пресвитериан у Эндрью был смертельный враг — такая важная особа, как сам преподобный Эдуал Перри, пастор Синайской церкви.

Весной 1926 года достойный Эдуал, недавно женившийся, поздно

вечером бочком вошел в амбулаторию Мэнсона с миной ревностного христианина, но вместе с тем и вкрадчивой любезностью светского человека.

— Как поживаете, доктор Мэнсон? А я зашел случайно, проходя мимо... Собственно, я постоянный пациент доктора Оксборро, — он ведь принадлежит к моей пастве, и, кроме того, Восточная амбулатория, где он принимает, у нас под рукой... но вы, доктор, такой во всех отношениях передовой человек, вы, так сказать, в курсе всего нового, и мне бы хотелось... я, конечно, уплачу вам за это приличный гонорар, — чтобы вы мне посоветовали... — Эдуал прикрыл демонстративной светской непринужденностью легкое смущение служителя церкви. — Видите ли, мы с женой не хотим иметь детей — пока во всяком случае. При моем жалованьи, знаете ли...

Мэнсон с холодным отвращением смотрел на этого священника. Он сказал уклончиво:

— А вы знаете, что есть люди, зарабатывающие четверть того, что вы получаете, и между тем готовые отдать правую руку за то, чтобы иметь ребенка? Зачем же вы женились? — И вдруг гнев его вспыхнул ярким пламенем. Уходите отсюда, живо! — Вы... вы, грязный служитель Бога!

Перри, странно дергая щекой, выбрался поскорее из кабинета. Может быть, Эндрию поступил слишком грубо. Но объяснялось это тем, что Кристин после того рокового падения не могла больше иметь детей, а оба они жаждали их всей душой.

В этот день, 15 мая 1927 года, Эндрию, возвращаясь домой от больного, спрашивал себя, почему они с Кристин остались в Эберло после смерти их ребенка. Ответ был прост: из-за его исследований. Работа эта захватила его, поглотила всего, привязала к копям.

Обозревая все, сделанное им, вспоминая трудности, с которыми приходилось бороться, он удивлялся тому, что за такое время успел закончить свои исследования. Те первые опыты — какими они казались далекими и технически несовершенными!

После того, как он провел полное клиническое наблюдение над состоянием легких у всех шахтеров его участка и на основании полученных данных составил таблицы, он доказал несомненную склонность к легочным заболеваниям у рабочих антрацитовых копей. Например, оказались, что девяносто процентов его пациентов, больных фиброзом легких, работает в антрацитовых копиях. Он установил также, что смертность от легочных болезней среди старых рабочих антрацитовых копей почти в три раза больше, чем среди шахтеров всех угольных копей.

Он составил ряд таблиц, указывающих процент легочных заболеваний у шахтеров различных специальностей.

Затем он задался целью доказать, что кремнеземная пыль, которую он нашел, исследуя мокроту рабочих, имеется в забоях антрацитовых копей. И он доказал это не только теоретически: продержав в различное время и в различных участках шахты стеклышки, намазанные канадским бальзамом, он получил таким путем данные относительно различных концентраций пыли. Цифры эти резко повышались там, где происходило бурение, и у доменных печей.

Таким образом Эндрью получил ряд очень интересных уравнений, устанавливающих зависимость между избытком кремнеземной пыли в воздухе и высоким процентом легочных заболеваний. Но это было еще не все. Ему нужно было *доказать*, что пыль эта вредна, что она разрушает ткань легких, а не является просто невинным побочным фактором. Надо было провести ряд патологических экспериментов над морскими свинками, изучить действие кремнеземной пыли на их легкие.

Вот тут-то, в самый разгар его воодушевления, начались наиболее серьезные неприятности. Комната для опытов у него имелась. Достать несколько морских свинок было не трудно, а организовать опыты просто. Но при всей изобретательности своего ума он не был патологом и никогда им быть не мог. Сознание это его сердило и только укрепляло его решимость. Он ругал систему, виновную в том, что приходится работать одному, и заставлял Кристин помогать ему, учил ее делать срезы и готовить препараты. Очень скоро она постигла технику этого дела лучше, чем он.

Потом он соорудил очень простую пылевую камеру. Одни свинки в этой камере по несколько часов в день подвергались действию пыли, в то время как другие ему не подвергались вовсе и служили для сравнения. Это была кропотливая работа, требовавшая больше терпения, чем было у Эндрью. Дважды ломался его маленький электрический вентилятор. В самый критический момент опыта он испортил всю контрольную систему, и пришлось начинать все сначала. Но, несмотря на промахи и задержки, он добился нужных препаратов, показал в них прогрессивные стадии разрушения легких и образования фиброза благодаря вдыханию пыли.

Удовлетворенный, он сделал передышку, перестал ворчать на Кристин и в течение нескольких дней вел себя сносно. Затем его осенила новая идея, и он опять с головой окунулся в работу.

Во всех своих исследованиях он исходил из предположения, что к разрушению легких ведут механические повреждения их твердыми и

острыми кристаллами кремнезема, попадающими туда при вдыхании пыли в коях. Но теперь ему вдруг пришел в голову вопрос, не кроется ли какое-нибудь химическое воздействие за этим чисто физическим раздражением легочной ткани твердыми частицами. Он не был химиком, но эта работа настолько его увлекла, что он не желал признать себя побежденным. И начал новую серию экспериментов.

Он достал кремнезем в коллоидальном растворе и впрыснул его под кожу одной из свинок. Результатом был нарыв. Оказалось, что такие же нарывы можно вызвать путем впрыскивания водных растворов аморфного кремния, который не вызывал никакого физического раздражения. Эндрию с торжеством убедился, что впрыскивание вещества, вызывающего механические раздражение, например частиц угля, не дает нарывов. Значит, кремнеземная пыль оказывает какое-то химическое действие, разрушая легкие.

От возбуждения и неистовой радости он чуть не помешался. Он достиг даже большего, чем рассчитывал. Лихорадочно собирал он данные, суммировал результаты трехлетней работы. Уже за много месяцев перед тем у него было решено не только опубликовать свои исследования, но и взять их темой для диссертации на звание доктора медицины. Когда работа его, переписанная на машинке, вернулась из Кардиффа, красиво переплетенная в бледно-голубую обложку, он с восторгом перечел ее. Потом в сопровождении Кристин пошел на почту и отправил ее в Лондон. После этого он впал в беспросветное отчаяние.

Он был измучен, ко всему безучастен. Он сознавал яснее, чем когда-либо, что он вовсе не кабинетный ученый, что самая лучшая, самая ценная часть его работы заключалась в первой фазе клинического исследования. Он вспоминал с острым раскаянием, как часто обрушивался на бедную Кристин. Много дней он ходил унылый, ко всему равнодушный. И все же бывали счастливые мгновения, когда он сознавал, что в конце концов что-то сделал.

XV

Та озабоченность, то странное состояние отрешенности от всего, в котором Эндрию находился с тех пор, как отослал свою работу, помешали ему обратить внимание на расстроенное лицо Кристин, когда он однажды в майский день вернулся домой. Он рассеянно поздоровался с ней, пошел наверх умываться, затем вернулся в столовую пить чай.

Но когда он кончил и закурил папиросу, он вдруг заметил это выражение лица Кристин. И спросил, потянувшись за вечерней газетой:

— Что это ты? В чем дело?

Кристин с минуту внимательно рассматривала свою чайную ложку.

— У нас сегодня побывали гости... вернее — у меня, когда тебя не было дома.

— О! Кто же?

— Депутация от комитета, целых пять человек. Среди них Эд Ченкин, а сопровождал их Перри — знаешь, синайский священник, и какой-то Дэвис.

Напряженное молчание. Эндрию затянулся папиросой и опустил газету, чтобы посмотреть на Кристин.

— А что им было нужно?

Только теперь Кристин ответила на его пытливый взгляд, не скрывая больше своего раздражения и тревоги. Она быстро заговорила:

— Они пришли часа в четыре... спросили тебя. Я им сказала, что тебя нет дома. Тогда Перри сказал, что это не имеет значения, что они все равно войдут. Конечно, я совсем растерялась. Я не поняла, хотят ли они тебя дождаться или нет. Тут Эд Ченкин сказал, что этот дом принадлежит комитету и они как представители комитета имеют право войти и войдут. — Она замолчала и торопливо пересела дух. — Я не сдвинулась с места. Я разозлилась, огорчилась. Но не показала виду и спросила, для чего они хотят войти в дом. Тогда выступил Перри. Он сказал, что и до него и до комитета дошло, и вообще весь город говорит, что ты делаешь какие-то опыты над животными, — они имели наглость назвать это вивисекцией. И поэтому они пришли осмотреть твою рабочую комнату и привели с собой мистера Дэвиса, члена Общества защиты животных.

Эндрию не шевелился и не сводил глаз с лица Кристин.

— Рассказывай дальше, дорогая, — сказал он спокойно.

— Ну, я пыталась их не пустить, но ничего из этого не вышло. Они просто протиснулись мимо меня, все семеро, в переднюю, а оттуда — в

лабораторию. Когда они увидели морских свинок, Перри завопил: «О бедные бессловесные твари!» А Ченкин указал на пятно на полу — там, где я уронила бутылку с фуксином, помнишь? — и закричал: «Посмотрите-ка сюда! Кровь!» Они все перешарили, осмотрели наши прекрасные срезы, микротом^[25], все решительно. Потом Перри сказал: «Я не оставлю здесь этих бедных животных, чтобы их подвергали мучениям. Я предпочту избавить их разом от страданий». Он схватил мешок, принесенный Дэвисом, и закинул туда всех свинок. Я пыталась ему объяснить, что никаких мучений, вивисекции и тому подобной ерунды и в помине не было. И что во всяком случае эти пять морских свинок вовсе не для опытов, что мы их собирались подарить детям Боленда и маленькой Агнес Ивенс. Но они не хотели меня слушать. Забрали свинок и ушли.

Эндрю густо покраснел. Он выпрямился на стуле.

— Никогда в жизни не слыхивал о такой гнусной наглости! Безобразие, что тебе пришлось терпеть это, Крис. Но они у меня поплотятся!

Он с минуту размышлял, потом бросился в переднюю к телефону. Сорвал трубку с рычага.

— Алло! — сказал он сердито, потом голос его слегка изменился — у телефона оказался Оуэн.

— Да, это Мэнсон говорит. Послушайте, Оуэн...

— Знаю, знаю, доктор, — быстро перебил его Оуэн. — Я весь день пытался вас поймать. Слушайте. Нет, нет, не перебивайте меня. Не надо терять голову. Заварилось пренеприятное дело, доктор. По телефону об этом говорить не будем. Я сейчас иду к вам.

Эндрю воротился к Кристин.

— Что он хотел сказать, не понимаю, — кипятился он, передавая ей разговор с Оуэном. — Можно подумать, что мы в чем-нибудь виноваты.

Они дожидались прихода Оуэна: Эндрю — шагая из угла в угол в приливе нетерпения и гнева, Кристин — сидя за шитьем и беспокойно поглядывая на мужа.

Пришел Оуэн. Но в лице его не было ничего успокоительного. Раньше чем Эндрю успел открыть рот, он сказал:

— Скажите, доктор, у вас имеется патент?

— Что? — Эндрю широко открыл глаза. — Какой патент?

Оуэн еще больше нахмурился.

— Вам следовало взять патент от министерства внутренних дел на экспериментальную работу с животными. Вы этого не знали?

— Какой еще к черту патент? — горячо запротестовал Эндрю. — Я не патолог и не собираюсь им быть. И я не открывал собственной

лаборатории. Мне просто нужно было проделать несколько опытов, связанных с моей клинической работой. У нас за все время было не больше какого-нибудь десятка животных — правда, Крис?

Оуэн избегал его взгляда.

— Вы должны были взять патент, доктор. В комитете есть люди, которые сильно хотят вам насолить и воспользуются этим. — Он торопливо продолжал: — Видите ли, доктор, такой человек, как вы, который делает работу пионера, который настолько честен, что открыто высказывает свои взгляды, должен... ну, одним словом, я считаю нужным вас предупредить, что здесь есть компания, которая спит и видит, как бы всадить вам нож в спину. Но ничего, не унывайте, все обойдется. В комитете будет немалая кутерьма, придется вам давать объяснения, но, впрочем, у вас уже бывали с ними стычки раньше, вы и на этот раз победите.

— Я подам встречную жалобу, — разбушевался Эндрью. — Я заставлю их отвечать за... за незаконное вторжение ко мне в дом. Нет, провались они, я подам на них в суд за кражу моих морских свинок. Я потребую, чтобы их во всяком случае вернули,

Легкая усмешка пробежала по лицу Оуэна.

— Вам их обратно не получить, доктор. Преподобный Перри и Эд Ченкин объявили, что они сочли нужным избавить свинок от страданий. Во имя милосердия они их утопили своими собственными руками.

Оуэн ушел огорченный. А на следующий день Эндрью получил повестку с предложением не позднее чем через неделю явиться в комитет.

Тем временем вся эта история получила широкую огласку, сплетня пожаром охватила город. В Эберло не слыхивали ничего столь скандального, возбуждающего, отдающего прямо черной магией, с того времени, как Тревор Дей, адвокат, был заподозрен в отравлении своей жены мышьяком. Образовались различные партии, яростно защищавшие каждая свою точку зрения. Эдуал Перри с кафедры Синайской церкви метал громы и грозил небесной карой на этом и на том свете тем, кто мучает животных и детей. В другом конце города преподобный Дэвид Уолпол, круглолицый священник государственной церкви, для которого Перри был то же, что свинья для набожного магометанина, блеял о прогрессе и о вражде между свободной церковью и наукой.

Даже женщины всполошились. Мисс Майфенви Венсюзен, председательница местного отделения Лиги уэльских женщин, выступила на многолюдном собрании в зале общества трезвости. Правда, Эндрью когда-то обидел Майфенви, отказавшись открыть заседание ежегодного

съезда лиги. Но независимо от этого, выступление Майфенви было продиктовано, несомненно, бескорыстными мотивами. После собрания и в последующие вечера молодые девицы, члены лиги, обычно приурочивавшие свои уличные выступления только к календарным праздникам, распространяли жуткого вида листовки против вивисекции, с изображением наполовину выпотрошенной собаки.

В среду вечером Кон Боленд позвонил Эндрью, чтобы рассказать забавную историю.

— Как поживаете, Мэнсон, дружище? По-прежнему не гнете шеи, а? Очень хорошо! Вам, пожалуй, будет интересно то, что я вам сейчас расскажу. Сегодня, когда наша Мэри шла домой со службы, одна из этих вертихвосток с флагами остановила ее и сунула ей листовку — знаете, воззвания, которые они распространяют против вас. И что вы думаете... ха-ха-ха!.. как вы думаете, что сделала наша храбрая Мэри? Схватила листок и разорвала на мелкие клочки. Потом-бац! — дала оплеуху этой флажнице, сорвала у нее с головы шляпу и говорит... ха-ха-ха!.. Как бы вы думали, что она сказала? «Вы протестуете против жестокости? Так вот я вам покажу, что такое жестокость!»

Такое физическое воздействие применяли и другие, столь же преданные, как Мэри, сторонники Эндрью.

Весь участок Эндрью крепко стоял за него, но зато вокруг Восточной амбулатории сплотился блок тех, кто был против него. В трактирах происходили драки между приверженцами Эндрью и его врагами. Франк Дэвис в четверг вечером пришел в амбулаторию избитый, чтобы сообщить Эндрью, что он «расшиб башку двум пациентам Оксборро за то, что они назвали нашего доктора кровожадным мясником».

После этого доктор Оксборро проходил мимо Эндрью подпрыгивающей походкой, устремив глаза куда-то вдаль. Было известно, что он открыто выступает против нежелательного ему коллеги вместе с преподобным Перри.

Экхарт, вернувшись как-то из масонского клуба, пересказал Эндрью изречения этого жирного христианина, из которых самым глубокомысленным было следующее: «Как может врач убивать живых Божьих тварей?»

Экхарт говорил мало. Но раз как-то, покосившись на напряженное, замкнутое лицо Эндрью, объявил:

— Черт побери, в ваши годы и я наслаждался такого рода скандалами. Ну, а теперь... видно, стар становлюсь.

Эндрью невольно подумал, что Экхарт неверно судит о нем. Он был

далек от того, чтобы «наслаждаться скандалами». Он был озабочен, утомлен, раздражен. Он с озлоблением спрашивал себя, неужели ему всю жизнь предстоит биться головой о каменную стену? Но душевная подавленность не мешала ему страстно желать своей реабилитации перед всем взбудораженным городом.

Наконец прошла эта неделя, и в субботу днем собрался комитет, как было сказано в повестке, для «дисциплинарного допроса доктора Мэнсона». В комнате заседаний не было ни одного свободного места, и даже перед домом на площади слонялись группы людей. Эндрью вошел в дом и поднялся по узкой лестнице наверх, чувствуя, что сердце у него сильно бьется. Он говорил себе, что надо быть спокойным и твердым. Но когда он сел на тот самый стул, на котором сидел в качестве кандидата пять лет назад, он точно оцепенел, во рту пересохло, нервы были напряжены.

Заседание началось не молитвой, как можно было бы ожидать от ханжей, которые подняли кампанию против Эндрью, а пламенной речью Эда Ченкина.

— Я сейчас изложу все факты товарищам по комитету, — начал Ченкин, вскочив с места, и в громкой и нескладной речи перечислил все обвинения, выдвинутые против Эндрью. Он говорил, что доктор Мэнсон не имел права заниматься тем, чем занимался. Он работал для себя в служебное время, за которое комитет платил ему, причем делал это, пользуясь комитетским имуществом. Кроме того, он делал вивисекции или нечто в этом роде. И все это — без обязательного официального разрешения, что является очень серьезным нарушением законов!

Тут поспешно вмешался Оуэн:

— Что касается последнего пункта, я должен предупредить комитет вот о чем: если он донесет, что доктор Мэнсон работал без патента, отвечать за это будет все наше Общество в целом.

— Что вы хотите сказать, не понимаю, — сказал Ченкин.

— Так как он у нас на службе, — пояснил Оуэн, — то мы, по закону, несем ответственность за доктора Мэнсона!

Среди членов комитета пробежал шепот согласия и раздались крики: «Оуэн прав! Нечего навлекать на Общество неприятности! Это должно остаться между нами».

— Ну, ладно, наплевать на этот патент! — рявкнул Ченкин, все еще не сядясь. — И остальных обвинений достаточно, чтобы его повесить.

— Слушайте, слушайте! — выкрикнул кто-то из задних рядов. — Сколько раз он потихоньку удирал в Кардифф на своем мотоцикле тогда

летом, три года тому назад!

— Он лекарств не дает, — подал, голос Лен Ричардс. — Можно прождать битый час перед его кабинетом и уйти с пустой бутылкой.

— К порядку! К порядку! — орал Ченкин. Уняв их, он перешел к заключительной части своей речи:

— Все эти обвинения достаточно серьезны. Они показывают, что доктор Мэнсон никогда не служил добросовестно нашему Обществу медицинской помощи. К этому я еще могу добавить, что он дает рабочим неправильные свидетельства о болезни. Но не будем уклоняться от главного вопроса. Перед нами врач, который вооружил против себя весь город тем, за что его, собственно, можно было бы передать в руки полиции. Человек, который превратил наш комитетский дом в бойню. Клянусь Богом, товарищи, я видел собственными глазами кровь на полу! Этот человек просто какой-то фантазер и экспериментатор. Я вас спрашиваю, товарищи, согласны ли вы терпеть подобные вещи? — «Нет» — отвечу я за вас. «Нет» — скажете вы. Я знаю, что все вы со мной согласитесь, когда я заявлю, что мы требуем увольнения доктора Мэнсона.

Ченкин оглянулся на своих друзей и сел под громкие аплодисменты.

— Может быть, вы дадите высказаться доктору Мэнсону? — негромко сказал Оуэн и повернулся к Эндрию.

Наступила тишина. Минуту-другую Эндрию сидел неподвижно. Положение было даже хуже, чем он ожидал. «Вот и верьте после этого в комитеты», — подумал он с горечью. Неужели это те самые люди, которые одобрительно улыбались ему в тот день, когда ему предоставили службу? Сердце в нем раскипелось. Нет, он не уйдет — вот и все.

Он поднялся с места. Оратор он был плохой и знал это. Но он злился, нервное состояние сменилось все растущим возмущением против невежества, против нестерпимой глупости обвинения, брошенного Ченкиным, против шумного одобрения, которым поддержали его остальные. Он начал:

— Никто не сказал здесь ничего о животных, которых утопил Эд Ченкин. Вот это, если угодно, жестокость, бесполезная жестокость. А то, что делал с ними я, вовсе не жестоко. Для чего вы, шахтеры, берете с собой в шахту белых мышей и канареек? Чтобы на них проверить, имеется ли там рудничный газ. Все вы это знаете. Что же, когда мыши погибают от струи газа, вы это не считаете жестокостью? Нет, не считаете. Вы понимаете, что животные понадобились для того, чтобы спасти жизнь людей, может быть, именно вашу жизнь.

Вот это самое делал и я, делал *для вас!* Я изучал легочные болезни,

которые вы наживаете из-за пыли в забоях. Все вы знаете, что, поработав в копях, вы начинаете кашлять, у вас болит грудь, а когда вы свалитесь, вам не дают пособия. За последние три года я почти каждую свободную минуту занимался этим вопросом о вдыхании пыли. Я открыл такие вещи, которые послужат для улучшения условий вашего труда, увеличат заработок и сохранят здоровье ваше лучше, чем бутылка какого-нибудь вонючего лекарства, о котором тут говорил Лен Ричардс. Что же такого, если я для этой цели употребил какой-нибудь десяток морских свинок! Не находите ли вы, что это стоило сделать?

Вы мне, может быть, не верите. Вы настолько предубеждены, что считаете мои слова ложью. Может быть, вы все еще находите, что я без пользы тратил время, *ваше* время, как здесь говорили, на какие-то чудачества? — Эндрю был так взвинчен, что забыл о своем твердом намерении не впадать в драматический тон. Он полез в карман на груди, достал оттуда письмо, полученное в начале недели. — Так вот, вы сейчас увидите, что думают об этом другие люди, люди, имеющие больше права судить о моей работе.

Он подошел к Оуэну и протянул ему письмо. Это было извещение от секретаря совета университета Ст.-Эндрю, что за его диссертацию на тему о вдыхании пыли он удостоен степени доктора медицины.

Оуэн прочел письмо, напечатанное синими буквами на машинке, и лицо его вдруг просветлело.

Потом письмо пошло по рукам.

Эндрю надоело наблюдать эффект, произведенный письмом. При всем горячем желании доказать свою правоту, он теперь сожалел, что под влиянием внезапного порыва показал письмо. Если они ему не верили без этого официального подтверждения, — значит, они были сильно против него предубеждены. Он чувствовал, что, несмотря на письмо, они готовятся примерно его наказать.

Он с облегчением услышал, как Оуэн после нескольких замечаний сказал:

— Может быть, вы теперь будете добры нас оставить, доктор!

Ожидая за дверью, пока они голосовали, Эндрю так и кипел от злости. Замечательная идея — контроль медицинского обслуживания рабочих, осуществляемый их представителями. Но этот комитет представителей далек от идеала. Они слишком заражены предрассудками, слишком невежественны, чтобы с успехом проводить эту работу. Оуэн постоянно тащил их на поводу. Но Эндрю был убежден, что на этот раз даже Оуэн при всем желании не сможет его выручить.

Однако, когда он снова вошел в комнату, где происходило заседание, он увидел, что секретарь улыбается и потирает руки. Да и другие смотрели на него уже более благосклонно, во всяком случае не враждебно. Оуэн тотчас же поднялся и объявил:

— Рад сообщить вам, доктор Мэнсон, — и, должен сказать, я лично даже просто в восторге от этого, — что комитет большинством голосов решил просить вас остаться.

Итак, победа, он таки убедил их! Но после первого минутного удовлетворения это не вызвало у него никакого подъема. Он молчал.

Молчали и члены комитета, видимо, ожидая от него выражений радости и благодарности. Но он не в силах был это сделать. Он чувствовал, что ему надоела вся эта безобразная история, комитет, Эберло, медицина, кремнеземная пыль, морские свинки, что он устал от всего этого — и от самого себя.

Наконец он заговорил:

— Благодарю вас, мистер Оуэн. Принимая во внимание все мои труды здесь, я рад, что комитет не желает моего ухода. Но, к сожалению, я не могу больше оставаться в Эберло. Предупреждаю комитет, что через месяц я уйду.

Он сказал это без всякого волнения, повернулся и вышел из комнаты. Некоторое время стояла гробовая тишина. Первый опомнился Эд Ченкин.

— Скатертью дорога! — крикнул он довольно вяло вслед Мэнсону.

Но тут Оуэн поразил всех вспышкой гнева — первой за все время его работы в комитете.

— Заткни свою дурацкую глотку, Эд Ченкин! — Он с пугающей яростью бросил линейку на стол. — Мы лишились лучшего из всех работников, каких когда-либо имели.

XVI

Эндрью проснулся среди ночи и сказал со стоном:

— Ну, не дурак ли я, Крис? Бросать прекрасную службу — единственный наш источник существования! Ведь у меня же последнее время начали появляться и частные пациенты. И Луэллин стал ко мне прилично относиться. Говорил я тебе, что он почти обещал допустить меня к работе в больнице? Да и в комитете — если не считать Ченкина с компанией — народ не плохой. Я думаю, в будущем, если бы Луэллин ушел, они, верно, назначили бы меня главным врачом на его место.

Кристин спокойно и рассудительно утешала его, лежа рядом с ним в темноте.

— Что же, ты хотел бы всю жизнь проторчать на работе среди уэльских шахтеров? Мы здесь были счастливы, но пора нам и двинуться отсюда,

— Однако, послушай, Крис, — сокрушался Эндрью, — у нас же не хватит денег, чтобы откупить у кого-нибудь практику. Нам следовало еще подкопить, раньше чем сниматься с якоря.

Она сонно возразила:

— При чем тут деньги? К тому же мы все равно истратим все или почти все на то, чтобы прокатиться куда-нибудь. Пойми, ведь вот уже скоро четыре года мы почти не выезжали из этого старого городишка.

Она заразила его своим настроением. Наутро мир уже казался ему веселым местом, в котором можно жить без забот. За завтраком, который он уписывал с аппетитом, он объявил:

— А ты неплохая девочка, Крис. Вместо того чтобы становиться на ходули твердить мне, что ждешь от меня великих дел, что мне пора выйти в люди и создать себе имя и так далее, ты просто...

Кристин его не слушала. Она некстати возразила:

— Право, мой друг, тебе бы не следовало так мять газету! Я думала, что только женщины это делают. Ну, как я теперь прочту отдел садоводства?

— А ты его не читай. — По дороге к двери он, смеясь, поцеловал ее. — Ты лучше думай обо мне.

Теперь он был преисполнен отваги, готов пытаться счастья в мире. Вместе с тем, повинувшись природной осторожности, он невольно проверял итоги своих достижений: у него звание Ч.К.Т.О., степень доктора медицины и свыше трехсот фунтов в банке. При наличии всего этого они с Кристин, конечно, голодать не будут.

Хорошо, что решение их было непоколебимо. Настроение в городе резко изменилось в его пользу. Теперь, когда он уходил по собственному желанию, все хотели, чтобы он остался.

Кульминационный момент наступил через неделю после заседания, когда в «Вейл Вью» явилась депутация во главе с Оуэном просить Эндрью, чтобы он пересмотрел свое решение, но ничего не добились. После этого озлобление против Эда Ченкина достигло крайних пределов. В рабочих кварталах ему улюлюкали вслед, из шахты дважды провожали домой «оркестром свистуллек» — позор, которому рабочие обычно подвергали только штрейкбрехеров.

После всех этих местных откликов на его работу Эндрью казалось удивительным, что диссертация его, по-видимому, легко завоевала мир за пределами Эберло. Она дала ему степень доктора медицины. Она была напечатана в английском журнале «Производство и здоровье» и выпущена брошюрой в Соединенных Штатах «Американским о-вом гигиены». А кроме того, она принесла ему три письма.

Первое было от одной фирмы на Брик-лейн, сообщавшей, что ему посланы образцы их патентованного «Пульмо-сиропа», верного средства против легочных болезней, за которое они получили сотни благодарственных писем, в том числе и несколько от известных врачей. Фирма выражала надежду, что доктор Мэнсон рекомендует своим пациентам-шахтерам «Пульмо-сироп», тем более, что он вылечивает и от ревматизма.

Второе письмо было от профессора Челлиса — с восторженными поздравлениями и комплиментами. Кончалось письмо вопросом, не может ли Эндрью как-нибудь на этой неделе побывать в Кардиффском институте. В постскриптуме Челлис добавлял: *«Постарайтесь заехать в четверг»*.

Но Эндрью в спешке последних дней не имел возможности этого сделать. Он в рассеянности сунул куда-то письмо и забыл на него ответить.

Зато на третье письмо он ответил тотчас же, ему он искренно обрадовался. То было необычайное, волнующее письмо, и пришло оно из Орегона, через Атлантический океан. Эндрью читал и перечитывал написанные на машинке листки, потом в волнении пошел с ними к Кристин.

— Какое милое письмо, Крис! Это из Америки, от одного человека, по имени Стилмен, от Ричарда Стилмена. Ты, верно, никогда о нем не слыхала, а я слыхал. Он страшно хвалит мою работу о вдыхании пыли. Больше, гораздо больше, чем Челлис, — ах, черт возьми, ведь я не ответил Челлису на письмо!.. Этот малый — Стилмен — отлично понял мою

мысль, он даже поправляет меня в двух-трех пунктах. По-видимому, активным разрушительным элементом в кремнеземе является серицит. Мне помешало до этого додуматься недостаточное знание химии. Но какое чудесное письмо, какое лестное — и от самого Стилмена!

— Да? — Кристин вопросительно прищурилась. — А что, это какой-нибудь американский врач?

— Нет, то-то и любопытно. Он, собственно, физик. Но он заведует клиникой по легочным болезням вблизи Портленда, в Орегоне, — вот видишь, это здесь напечатано. Некоторые его не признают, но он в своем роде такая же крупная величина, как Спалингер^[26]. Я тебе расскажу о нем как-нибудь, когда у меня будет время.

Уже одно то, что он сразу сел писать ответ Стилмену, показывало, как он ценил его внимание.

Оба они с Кристин были теперь поглощены приготовлениями к отъезду, сдачей мебели на хранение в Кардиффе, как наиболее удобном центре, и грустной процедурой прощальных визитов. Отъезд их из Блэнелли произошел неожиданно. Они разом оторвались от всего. Здесь же пришлось пережить много томительных волнений. Они были приглашены на прощальные обеды к Воонам, Болендам, даже к Луэллинам. Эндрью даже заболел «напутственным расстройством желудка», как он называл это, в результате столь многочисленных прощальных банкетов. А в самый день отъезда плачущая Дженни ошеломила их сообщением, что им собираются устроить торжественные проводы на вокзале.

В довершение всего после этого волнующего сообщения в последний момент примчался Воон.

— Простите, друзья, что опять вас беспокою. Но послушайте, Мэнсон, зачем это вы обидели Челлиса? Я только что получил от старика письмо. Ваша статья страшно заинтересовала и его и, насколько я понял, Горнозаводский комитет патологии труда тоже. Во всяком случае Челлис просит меня переговорить с вами. Он хочет, чтобы вы непременно зашли к нему в Лондоне, говорит, что по очень важному делу.

Эндрью ответил немного ворчливо:

— Мы едем отдыхать, дружище. Это будет первый наш отдых за много лет. Как же я попаду в Лондон?

— Тогда оставьте мне свой адрес. Он, наверное, захочет вам написать.

Эндрью нерешительно взглянул на Кристин. Они сговорились скрыть от всех, куда едут, чтобы избавить себя от всяких тревог, переписки и встреч со знакомыми. Но все-таки он сообщил Воону адрес.

Потом они поспешили на станцию, окунулись в толпу, ожидавшую их

там. Им жали руки, окликали, похлопывали по спине, обнимали и, наконец, когда поезд уже тронулся, втокнули их в купе. Когда они отъезжали, собравшиеся на перроне друзья грянули песню «Люди из Харлека».

— О Боже! — промолвил Эндрю, разминая онемевшие пальцы. — Это была последняя капля!

Однако глаза у него блестели, и через минуту он добавил:

— Но я бы ни на что не променял этой минуты, Крис. Как люди добры к нам! И подумать только, что еще месяц тому назад половина города жаждала моей крови! Да, нельзя не признать, что жизнь — чертовски странная штука! — Он весело посмотрел на сидевшую рядом с ним Кристин. — Итак, миссис Мэнсон, хоть вы сейчас уже старая женщина, а все же начинается ваш второй медовый месяц.

Они приехали в Саусгемптон к вечеру того же дня, заняли каюту на пароходе, перевозившем через Ла-Манш. На следующее утро они увидели восход солнца за Сен-Мало, а часом позже Бретань приняла их.

Наливалась пшеница, вишневые деревья стояли, осыпанные плодами, по цветущим лугам бродили козы. Это Кристин пришла идея ехать в Бретань, познакомиться с настоящей Францией — не с ее картинными галереями и дворцами, не с историческими развалинами и памятниками, не со всем тем, что настойчиво рекомендовали осмотреть путеводители для туристов.

Они приехали в Валь-Андрэ. В маленькую гостиницу, где они поселились, доходил и шум морского прибоя и благоухание лугов. В спальне у них пол был из некрашенных досок, по утрам им подавали дымящийся кофе в больших синих фаянсовых чашках. Они целые дни проводили в блаженном бездельи.

— О Господи! — твердил Эндрю все время. — Не чудесно ли это? Никогда, никогда, никогда я не захочу больше и взглянуть на какую-нибудь пневмонию.

Они пили сидр, лакомились креветками, лангустами, пирожками и вишнями. По вечерам Эндрю играл в бильярд с хозяином на старинном восьмиугольном столе.

Все было «прелестно, изумительно, чудесно» — эти определения принадлежали Эндрю — «все, кроме папирос» — добавлял он. Так прошел целый месяц блаженства. А затем Эндрю уже чаще и с постоянным беспокойством начал вертеть в руках нераспечатанное письмо, испачканное вишневым соком и шоколадом, пролежавшее в кармане его пиджака две недели.

— Ну, что же, — поощрила его, наконец, Кристин однажды утром. —

Мы слово сдержали, а теперь ты можешь его распечатать.

Он старательно взрезал конверт и, лежа на солнце лицом кверху, прочел письмо. Затем медленно сел, перечел его опять. И молча передал Кристин.

Письмо было от профессора Челлиса. Он писал, что, ознакомившись с работой Эндрю по вопросу вдыхания пыли, Комитет патологии труда в угольных и металлорудных коях решил заняться этим вопросом, сделать доклад в парламентской комиссии. Для этой цели при комитете учреждается постоянная должность врача. И приняв во внимание исследовательскую работу доктора Мэнсона, совет комитета единодушно и без колебаний решил предложить эту должность ему.

Прочтя это, Кристин радостно посмотрела на мужа:

— Ну, не говорила ли я тебе, что место для тебя всегда найдется. — Она улыбнулась. — И такое прекрасное!

Эндрю быстро, нервно швырял камушки в стоявшую на берегу плетенку для ловли омаров.

— Клиническая работа, — размышлял он вслух. — Что ж, это естественно: они знают, что я клиницист.

Улыбка Кристин стала шире.

— Но ты, конечно, не забыл нашего уговора: минимум полтора месяца мы остаемся здесь, бездельничаем и не двигаемся с места. Ты ведь не согласишься ради этого прервать наш отдых?

— Нет, нет. — Он посмотрел на часы. — Мы свой отдых доведем до конца, но во всяком случае, — он вскочил и весело поднял на ноги Кристин, — это нам не мешает сбегать сейчас на телеграф. И интересно... интересно, найдется ли там расписание поездов.

Часть третья

I

Комитет по изучению патологии труда в угольных и металлорудных копях, обычно называемый сокращенно К.П.Т., помещался в большом, внушительном на вид здании из серого камня на набережной, недалеко от Вестминстерских садов, откуда было удобное сообщение с министерством торговли и департаментом горной промышленности, которые то забывали о существовании комитета, то начинали яростно спорить, в чьем ведении надлежит состоять комитету.

Четырнадцатого августа, в светлое, солнечное утро, Эндрью, пышущий здоровьем, полный огромного воодушевления, взлетел по лестнице этого дома с выражением человека, который собирается завоевать Лондон.

— Я новый врач комитета, — представился он курьеру в форме.

— Да, да, знаю, — сказал курьер отеческим тоном. — Отсюда Эндрью заключил, что его, очевидно, уже ожидали. — Вам надо будет пройти к нашему мистеру Джиллу. Джонс! Проводи нашего нового доктора наверх в кабинет мистера Джилла.

Лифт медленно поднимался вверх, мимо коридоров, облицованных зеленым кафелем, многочисленных площадок, на которых мелькала все та же форма служащих министерства. Затем Эндрью ввели в просторную, залитую солнцем комнату, и не успел он опомниться, как ему уже жал руку мистер Джилл, который встал из-за письменного стола и отложил в сторону «Таймс», чтобы поздороваться с ним.

— Я немного опоздал, — с живостью сказал Эндрью. — Прошу прощения. Мы только вчера приехали из Франции. Но я хоть сейчас готов приступить к работе.

— Прекрасно! — Джилл представлял собой веселого маленького человечка в золотых очках, воротничке почти пасторского фасона, в темносинем костюме, темном галстуке, схваченном гладким золотым кольцом. Он смотрел на Эндрью с чопорным одобрением. — Присядьте, прошу вас. Не угодно ли чашку чая или стакан горячего молока? Я обычно пью что-нибудь около одиннадцати. А сейчас... да, да, уже почти время.

— Тогда... — начал Эндрью нерешительно и вдруг, повеселев, закончил: — может быть, вы мне расскажете все относительно моей будущей работы, пока мы...

Через пять минут человек в форме внес чашку чая и стакан горячего молока.

— Я думаю, сегодня оно вам придется по вкусу, мистер Джилл. Оно

кипело, мистер Джилл.

— Благодарю вас, Стивенс.

И когда Стивенс вышел, Джилл с улыбкой обратился к Эндрью:

— Вы увидите, какой это полезный человек. Он восхитительно готовит горячие гренки с маслом. Нам здесь, в комитете, редко достаются действительно первоклассные служители. У нас ведь штат весь откомандирован из разных ведомств: из министерства внутренних дел, департамента горной промышленности, министерства торговли. Я лично, — Джилл кашлянул с скромным достоинством, — из адмиралтейства.

Пока Эндрью пил горячее молоко и нетерпеливо ожидал разъяснений насчет будущих своих обязанностей, Джилл вел приятную беседу о погоде, Бретани, о новых пенсиях гражданским чинам и пользе пастеризации. Затем встал и повел Эндрью в предназначенный для него кабинет.

Это была такая же просторная, уютная, солнечная комната, устланная теплым ковром, с чудесным видом на Темзу. Большая шпанская муха тоскливо и сонно жужжала и билась о стекло.

— Я выбрал для вас эту комнату, — сказал Джилл приветливо. — Пришлось ее немножко привести в порядок. А вот открытый камин для угля, видите? Зимой будет приятно сидеть подле него. Надеюсь, вам здесь нравится?

— Ну, разумеется, комната чудесная, но...

— А теперь я вас познакомлю с вашим секретарем, мисс Мейсон. — Джилл постучал и открыл дверь в соседнюю комнату, где за маленьким письменным столом сидела мисс Мейсон, немолодая девица с приятным лицом, выдержанная, просто и изящно одетая. Мисс Мейсон встала и отложила газету.

— Доброе утро, мисс Мейсон.

— Доброе утро, мистер Джилл.

— Мисс Мейсон, это доктор Мэнсон.

— Здравствуйте, доктор Мэнсон.

У Эндрью слегка зашумело в голове от этого града приветствий, но он овладел собой и принял участие в разговоре.

Через пять минут Джилл ускользнул и на прощанье ободряюще сказал Эндрью:

— Я пришлю вам несколько папок с делами.

Папки были принесены Стивенсом, несшим их с любовной бережностью. Стивенс был не только мастер готовить гренки и кипятить молоко, он был еще лучшим во всем учреждении специалистом по раскладке бумаг. Каждый час он входил в кабинет Эндрью с папкой бумаг,

которые заботливо укладывал в стоявшую на письменном столе лакированную коробку с надписью «входящие», и в то же время жадно заглядывал в коробку с надписью «исходящие», ища, нет ли там бумаг. Стивенса глубоко огорчало, если «исходящая» оказывалась пустой. В этих прискорбных случаях он уходил расстроенный.

Растерянный, ошеломленный, раздраженный, Эндрию перелистал папки: протоколы заседаний комитета, скучные, бессодержательные, написанные неудобоваримым языком. Затем он энергично атаковал мисс Мейсон. Но мисс Мейсон, перешедшая сюда, по ее словам, из отдела мороженого мяса министерства внутренних дел, располагала очень ограниченным запасом сведений. Она сообщила ему, что часы занятий здесь от десяти до четырех. Рассказала о хоккейной команде служащих их учреждения, в которой она была помощником капитана. Предложила ему свой экземпляр «Таймса». Глаза ее молили Эндрию уgomониться.

Но Эндрию не мог уgomониться. Отдохнув и набравшись свежих сил за время поездки во Францию, он стосковался по работе. Он принялся чертить узор на ковре, с раздражением посмотрел в окно на Темзу, по которой суетливо сновали буксирные пароходы и плыли против течения длинные ряды угольных баржей, с шумом бороздя воду. Потом пошел к Джиллу.

— Когда я смогу приступить к делу?

Джилл даже подскочил, так отрывисто был задан вопрос.

— Вы меня просто поражаете, мой милый доктор. Я дал вам столько папок, что вам хватит на месяц. — Он посмотрел на часы. — Пойдемте. Пора завтракать.

За своей порцией вареной камбалы Джилл тактично пояснил Эндрию, трудившемуся над отбивной котлетой, что ближайшее собрание не состоится и не может состояться раньше 18 сентября, что профессор Челлис в Норвегии, доктор Морис Гэдсби — в Шотландии, сэр Вильям Дьюэр, председатель комитета, — в Германии, а его, Джилла, прямой начальник, мистер Блейдс, отдыхает с семьей в Фринтоне.

В полном смятении мыслей вернулся в этот вечер Эндрию домой к Кристин. Мебель свою они сдали на хранение и, чтобы иметь время осмотреться и найти подходящее жилье, сняли на месяц маленькую меблированную квартирку на Эрлс-корт.

— Можешь себе представить, Крис, — они еще ничего для меня не подготовили! Мне предстоит целый месяц пить молоко, читать «Таймс» и старые протоколы, — да, и еще вести длинные интимные беседы о хоккее со старухой Мейсон.

— Ты бы лучше ограничился беседами с твоей собственной старухой. Как мне здесь все нравится, милый, каким прекрасным кажется после Эберло! Я сегодня уже проделала маленькую экскурсию — в Чельси. Видела дом Карлейля и Тейтовскую галерею. У меня составлен целый план того, что нам с тобой надо проделать. Можно поехать пароходиком вверх до Кью. Подумай, мы увидим там знаменитый парк! А в будущем месяце в Олберт-холле концерт Крейсlera^[27]! Да, и мы должны посмотреть на памятник, чтобы узнать, почему все над ним смеются. И потом здесь сейчас гастролирует нью-йоркская труппа... И было бы очень мило, если бы мы с тобой как-нибудь позавтракали вместе в ресторане. — Она протянула ему свою маленькую руку. Эндрию редко видывал ее в таком веселом возбуждении. — Милый! Пойдем куда-нибудь обедать. На этой улице есть русский ресторан. Судя по виду — хороший. Потом, если ты не особенно устал, мы можем...

— Послушай! — запротестовал Эндрию, в то время как она тащила его к дверям. — Ведь ты, кажется, считалась единственным благоразумным человеком в нашем семействе! Впрочем, Крис, после тяжких трудов моего первого дня на службе я не прочь весело провести вечер.

На следующее утро он прочитал все бумаги на своем столе, подписал их и в одиннадцать часов уже слонялся без дела по кабинету. Но скоро ему стало слишком тесно в этой клетке, и он устремился за дверь, решив обследовать все здание. Оно показалось ему столь же мало любопытным, как морг без трупов, пока, дойдя до самого верхнего этажа, он не очутился вдруг в длинном помещении, частично превращенном в лабораторию, где на ящике из-под серы сидел молодой человек в длинном грязном белом халате, с безутешно мрачным видом полировал себе ногти и курил папиросу, от которой табачное пятно на его верхней губе становилось все желтее.

— Алло! — сказал Эндрию.

Минутная пауза, затем незнакомый молодой человек ответил безучастно:

— Если вы заблудились, так лифт — направо, третья дверь.

Эндрию прислонился к опытному столу и вынул папиросу. Он спросил:

— А вы здесь чаем угощаете?

Тут молодой человек в первый раз поднял голову, угольно-черную, тщательно причесанную и странно не гармонировавшую с поднятым воротником засаленного пиджака.

— Только белых мышей, — ответил он, оживляясь. — Листья чая для них весьма полезны.

Эндрью засмеялся, быть может потому, что шутник был на пять лет моложе его. Он сказал в виде пояснения:

— Моя фамилия Мэнсон.

— Этого я и опасался. Так вы теперь включились в компанию забытых людей. — Он выдержал паузу. — А я доктор Гоуп. По крайней мере раньше полагал, что я Гоуп. Теперь же я определенно бывший Гоуп.

— А чем вы здесь занимаетесь?

— Одному Богу известно и Билли Пуговичнику, то есть Дьюэру. Часть рабочего дня я сижу и размышляю. Но больше всего просто сижу. Иногда мне присылают куски разложившихся шахтеров и запрашивают о причинах взрыва.

— А вы отвечаете? — вежливо осведомился Эндрью.

— Нет, — резко возразил Гоуп. — Я... на них!

Это крайне неприличное выражение облегчило душу обоим, и они вместе отправились завтракать. Доктор Гоуп пояснил, что завтрак здесь — единственное занятие в течение рабочего дня, которое помогает ему сохранить рассудок. Гоуп изложил Мэнсону и многое другое. Он был сотрудником исследовательского отдела Кембриджского университета и попал сюда *via*^[28] Бирмингам, чем, вероятно, и объясняются (добавил, ухмыляясь, Гоуп) его частые выходки дурного тона. Его «ссудили» комитету благодаря настояниям профессора Дьюэра, чума его возьми! Он здесь выполняет чисто техническую работу, самые шаблонные обязанности, которые с тем же успехом мог бы выполнять любой служащий при лаборатории. Гоуп говорил, что его просто сводят с ума бездеятельность и косность комитета, который он сжато и выразительно называл «Утеха маньяков». То, что делается в этом комитете, типично для всех исследовательских учреждений в Англии: ведают ими кворум влиятельных болванов, слишком поглощенных своими собственными теориями и слишком занятых взаимными распрями, чтобы двигать работу в каком-либо определенном направлении. Гоупа дергали то в одну, то в другую сторону, командовали, что делать, вместо того чтобы дать ему делать то, что он считал нужным, и ему не удалось никогда хотя бы в течение полугода заниматься одной работой.

В разговоре с Эндрью он бегло охарактеризовал всех членов совета «Утеха маньяков». Председателя, сэра Вильяма Дьюэра, трясущегося от дряхлости, но неукротимого девяностолетнего старца, Гоуп называл «Билли Пуговичник», намекая на склонность сэра Вильяма оставлять незастегнутыми некоторые весьма ответственные части туалета. Старый Билли, по словам Гоупа, состоял председателем почти всех научных

обществ в Англии. К тому же он вел по радио популярные беседы «Наука для детей», завоевавшие ему громадную известность.

Затем в совете состоял профессор Винни, которому его студенты дали удачную кличку «Лошадь», Челлис, малый неплохой в тех случаях, когда он не изображает из себя какого-то «Рабле-Пастера-Челлиса», и, наконец, доктор Морис Гэдсби.

— Вы Гэдсби знаете? — спросил Гоуп.

— Да, пришлось раз с ним встретиться, — Эндрью рассказал об экзамене.

— Узнаю нашего Мориса, — сказал Гоуп с горечью. — И такой проклятый втируша! Повсюду пролезет. Умная бестия, между прочим. Но исследовательская работа его не интересует. Он занят только своей собственной персоной. — Гоуп неожиданно рассмеялся. — Роберт Эбби рассказывает о нем забавную историю. Гэдсби хотелось попасть в члены клуба «Бифштекс», — знаете, это один из тех лондонских клубов, куда главным образом ходят обедать, и очень приличные там обеды, между прочим. Ну, Эбби, старичок услужливый, обещал Гэдсби (Бог его знает, зачем) похлопотать за него. Неделю спустя они встречаются. «Ну что, я принят?» — спрашивает Гэдсби. «Нет, — отвечает Эбби, — не приняты». — «Боже милостивый, — кричит Гэдсби, — неужели вы хотите сказать, что я забаллотирован?» — «Забаллотированы, — подтверждает Эбби. — Послушайте, Гэдсби: а вы когда-нибудь в своей жизни видели тарелку с икрой?» — Гоуп откинулся на спинку стула и завыл от смеха. Через минуту он добавил: — Эбби тоже состоит у нас в комитете. Он человек почтенный. Но слишком умен, чтобы ходить сюда часто.

Этот завтрак послужил началом, и впоследствии Эндрью и Гоуп много раз завтракали вместе. Гоуп, при всем своем грубоватом студенческом юморе и легкомысленном, озорном характере, был человек с мозгами. В его непочтительной критике было нечто здоровое. Эндрью понимал, что этот человек способен сделать что-нибудь в жизни. В минуты серьезного настроения Гоуп часто высказывал страстное желание вернуться к настоящей работе и интересовавшим его исследованиям процесса выделения желудочных ферментов.

Иногда ходил с ними завтракать и Джилл. Гоуп определял Джилла словами «славный человечек». Засушенный тридцатилетней службой (он проделал путь от конторского мальчишка до принципала), Джилл все же сохранил человеческий облик. В конторе он работал, как хорошо смазанная, маленькая, легкая на ходу машина. Каждое утро неизменно одним и тем же поездом приезжал из Санбери и каждый вечер, если его не

«задерживали» на службе, уезжал одним и тем же поездом.

В Санбери у него была жена и три дочери, был садик, где он выращивал розы. По внешним признакам это был типичный образец обывателя из предместья. Но под этой внешней типичностью скрывался другой, настоящий Джилл, который любил Ярмут зимой и всегда проводил там в декабре свои свободные дни, которому заменяла библию почти выученная им наизусть книга под названием «Хаджи Баба», который был влюблен в пингвинов зоологического сада.

Как-то раз Кристин случилось быть четвертой за их общим завтраком. Джилл превзошел самого себя в любезности, поддерживая честь гражданского ведомства. Даже Гоуп вел себя с достойной восхищения светскостью. Он признался Эндрью, что с тех пор как познакомился с миссис Мэнсон, он как будто меньше чувствует себя кандидатом на смирительную рубашку.

Дни мелькали один за другим. Пока Эндрью ожидал собрания комитета, они с Кристин знакомились с Лондоном. Ездили на пароходике в Ричмонд. Набредли на театр под названием «Старый шут». Видели, как колышется под ветром вереск в Хемпстедской степи, узнали прелесть маленьких кофеен, куда забегаешь ночью выпить кофе. Они гуляли по Рочестер-роу и катались на лодке по Серпентайн. Они открыли обманчивые обольщения Сохо^[29]. Когда же им уже больше не нужно было изучать маршруты подземки, раньше чем вверить себя ей, они начали чувствовать себя лондонцами.

II

Восемнадцатого сентября собрался совет комитета, и Эндрью, наконец, увидел всех. Сидя рядом с Джиллом и Гоупом и чувствуя на себе настойчивые взгляды последнего, Эндрью смотрел, как члены совета входили в длинный зал с золочеными карнизами: Винни, доктор Ланселот Додд-Кентербери, Челлис, сэр Роберт Эбби, Гэдсби и последним сам Билли Пуговичник — Дьюэр.

Еще до прихода Дьюэра Эбби и Челлис заговорили с Эндрью. Эбби сказал несколько спокойных слов, профессор излил на него поток любезностей, поздравляя со вступлением в должность. Дьюэр, войдя, повернулся к Джиллу и воскликнул своим странным, пронзительным голосом:

— А где наш новый врач, мистер Джилл? Где доктор Мэнсон?

Эндрью встал, изумленный внешностью Дьюэра, превосходившей даже описание Гоупа. Билли был низкого роста, сгорблен и волосат. Костюм на нем был ветхий, жилет весь в пятнах, карманы позеленевшего пальто отдувались, набитые бумагами, брошюрами, протоколами десятка различных обществ. Неряшливость Билли ничем не оправдывалась, так как он был очень богат и имел дочерей, из которых одна была замужем за пэром, обладателем миллионов. А между тем Билли, теперь, как и всегда, походил на грязного старого павиана.

— Со мной вместе в Куинсе в тысяча восемьсот восьмидесятом был какой-то Мэнсон, — проскрипел он благосклонно вместо приветствия.

— Это он и есть, сэр, — тихонько проговорил Гоуп, не устояв перед искушением.

Билли услышал.

— А вы как можете это знать, доктор Гоуп? — Он учтиво скосил глаза на Гоупа поверх пенсне в стальной оправе, сидевшего на кончике его носа. — Вы в ту пору еще и в пеленках не лежали. Хи-хи-хи!

И он, захлебываясь смехом, прошлепал к своему месту во главе стола. Никто из его коллег, уже сидевших за столом, не обратил на него внимания (в комитете высокомерное игнорирование окружающих было обычным приемом). Но это не смутило Билли. Выгрузив из кармана кучу бумаг, он налил себе воды из графина, поднял лежавший перед ним молоточек и с силой ударил по столу.

— Джентльмены, джентльмены! Мистер Джилл сейчас прочтет протокол.

Джилл, исполнявший обязанности секретаря комитета, стал быстро и нараспев читать вслух протокол последнего заседания, а Билли тем временем, не слушая его, то рылся в своих бумагах, то приветливо поглядывал на Эндрью, все еще смутно отождествляя его с Мэнсоном, которого знал в тысяча восемьсот восемьдесят.

Наконец Джилл кончил. Билли немедленно схватился за молоточек.

— Джентльмены! Мы чрезвычайно рады увидеть сегодня среди нас нашего нового врача. Помню, совсем недавно, в тысяча девятьсот четвертом, я указывал, что нам необходим штатный врач-клиницист, прикомандированный к комитету для основательной помощи патологам, которых мы время от времени похищаем, джентльмены, — хи-хи! — которых мы похищаем у Исследовательского отдела. Я говорю это с полнейшим уважением к нашему молодому другу Гоупу, от великодушия которого — хи! хи! — от великодушия которого мы так сильно зависим. Помню, еще недавно, в тысяча восемьсот восемьдесят девятом...

Тут сэр Роберт Эбби перебил его:

— Я убежден, сэр, что и остальные члены комитета от всей души присоединятся к вашему поздравлению доктора Мэнсона с его работой о силикозе. Должен сказать, я нашел ее образцом терпеливого и оригинального клинического исследования, которое, как хорошо известно комитету, может иметь большое влияние на наши законы об охране труда.

— Слушайте, слушайте! — прогудел Челлис, желая поддержать своего протеже.

— Это самое я только что собирался сказать, Роберт, — ворчливо заметил Билли. Для него Эбби все еще был молодой человек, чуть не студент, которого следовало ласково пожурить за то, что он перебивает старших. — Когда мы на прошлом заседании решили, что необходимо такое исследование провести, мне тотчас пришло на ум имя доктора Мэнсона. Он первый поднял этот вопрос, и ему надо дать широкую возможность продолжать его работу. Нам желательно, джентльмены, — тут он через стол сощурился на Эндрью из-под косматых бровей, как бы давая ему понять, что это для его же пользы, — желательно, чтобы он посетил все антрацитовые копи в нашей стране, а потом, может быть, можно будет говорить и обо всех вообще угольных коях. Мы желаем также предоставить ему полную возможность клинического наблюдения шахтеров на наших производственных предприятиях. Мы будем оказывать ему всяческое содействие, включая и помощь такого ученого бактериолога, как наш молодой друг доктор Гоуп. Короче говоря, джентльмены, нет той вещи, которую бы мы не сделали, чтобы обеспечить нашему новому

сотруднику возможность довести этот чрезвычайно важный вопрос о вдыхании пыли до его окончательного научного и административного завершения.

Эндрью тихонько и быстро перевел дух. Замечательно, чудесно, лучше, чем он ожидал! Комитет предоставит ему свободу действий, поддержит своим громадным авторитетом, даст широкую возможность проводить клинические исследования. Это не люди, а ангелы, все, все, а Билли — сам архангел Гавриил!

— Но, джентльмены, — пропищал неожиданно Билли, выгрузив новую партию бумажек из карманов пальто, — раньше чем доктор Мэнсон займется этим вопросом, раньше чем мы найдем возможным позволить ему сосредоточить на нем свои усилия, нам придется, я считаю, заняться другим, более неотложным делом.

Пауза. У Эндрью сердце сжалось и начало медленно падать, в то время как Билли продолжал:

— Доктор Бигсби из министерства торговли указал мне на ужасающий разноречивый в деталях оборудования первой помощи на производстве. Существуют, конечно, официальные правила, но они весьма растяжимы и неудовлетворительны. Так, например, не имеется точных стандартов на размеры и толщину бинтов, на длину, форму и материал лубков. Так вот, джентльмены, это вопрос важный, и урегулировать его — прямая обязанность нашего комитета. Я решительно настаиваю, чтобы наш врач провел тщательное обследование и представил нам доклад, раньше чем он займется вопросом о пыли.

Молчание. Эндрью с отчаянием обвел глазами сидевших за столом. Додд-Кентербери, вытянув ноги, смотрел в потолок. Гэдсби чертил какие-то диаграммы на своем блокноте, Винни хмурился, Челлис выпятил грудь, собираясь держать речь. Но заговорил Эбби:

— Право, сэр Вильям, это дело министерства торговли или департамента горной промышленности.

— Но мы находимся в распоряжении обоих этих учреждений, — проскрипел Билли. — Мы — хи-хи-хи! — так сказать, приемыш и того и другого.

— Да, я это знаю. Но в конце концов этот... эти размеры бинтов — вопрос сравнительно маловажный, а доктор Мэнсон...

— Уверяю вас, Роберт, это вопрос далеко не маловажный. Он будет поднят в парламенте. Мне об этом не далее как вчера говорил лорд Ангер.

— О! — подхватил Гэдсби, насторожившись. — Если уж сам Ангер этим заинтересовался, так нам не приходится раздумывать. — Гэдсби под

маской грубой прямоты был подхалимом, и такому человеку, как лорд Ангер, особенно жаждал угодить.

Эндрью почувствовал, что ему необходимо вмешаться.

— Простите, сэр Вильям, — начал он, запинаясь. — Я... полагал, что приглашен сюда для клинической работы. Целый месяц я болтался без дела в своем кабинете, а теперь, если я...

Он не договорил и оглядел всех. Ему помог Эбби.

— Доктор Мэнсон совершенно прав. Четыре года он терпеливо трудился над своим открытием, а теперь, когда мы обещали ему всячески содействовать в разработке этого вопроса, мы посылаем его измерять бинты.

— Если доктор Мэнсон имел терпение четыре года, Роберт, — пропищал Билли, — то может потерпеть еще немножко. Хи! Хи!

— Верно, верно, — прогудел Челлис, — после этого он сможет окончательно заняться своим силикозом.

Винни откашлялся.

— Ну, — пробормотал Гоуп на ухо Эндрью, — наша Лошадь готовится заржать.

— Джентльмены, — начал Винни, — я давно предлагал комитету заняться вопросом о зависимости между мускульным утомлением и действием горячего пара — вопросом, который, как вам известно, меня глубоко интересует и которому вы, смею сказать, до сих пор не уделяли такого внимания, какого он, несомненно, заслуживает. Теперь я полагаю, что если уж отвлечь доктора Мэнсона от вопроса о вдыхании пыли, то нам представляется прекрасный случай двинуть вперед этот крайне важный вопрос о мускульной усталости...

Гэдсби посмотрел на часы.

— У меня деловое свидание на Харлей-стрит ровно через тридцать пять минут.

Винни сердито повернулся к Гэдсби. Его коллега Челлис поддержал его сочным: «Недопустимая наглость!» Чувствовалось, что сейчас разразится скандал.

Но желтое лицо Билли, выглядывавшее из бакенбард, оставалось учтиво-спокойным. Он сорок лет вел такие собрания. Он знал, что его ненавидели и жаждали его ухода. Но он не уходил — никогда не уходил. Его большой череп, набитый проблемами, датами, очередными вопросами, какими-то неясными ему самому формулами, уравнениями, сведениями из физиологии и химии, действительными и вымышленными данными исследований, подобен был необозримому сводчатому skleпу,

населенному призраками котов с выпотрошенными мозгами, освещенному поляризованным светом, озаренному розовым сиянием великого воспоминания о том, как некогда, когда он, Билли, был еще мальчиком, сам Листер^[30] погладил его однажды по голове. И Билли, как ни в чем не бывало, объявил:

— Должен вам сказать, джентльмены, что я уже почти обещал и лорду Ангеру и доктору Бигсби, что мы им поможем покончить с этими затруднениями. Шести месяцев вам для этого достаточно будет, доктор Мэнсон. Ну, может быть, чуточку дольше. Дело это не такое уж неинтересное, как вы думаете, молодой человек. Оно даст вам возможность познакомиться ближе с людьми и жизнью. Вспомните слова Лавуазье относительно капли воды! Хи-хи! А теперь, переходя к вопросу о патологическом исследовании доктором Гоупом образца, поступившего к нам в прошлом июле из Вендоверского рудника...

В четыре часа, когда все это кончилось, Эндрью со всех сторон обсудил вопрос с Джиллом и Гоупом в кабинете Джилла. Было ли то влияние комитета, или, может быть, он просто стал старше, но он начинал обнаруживать сдержанность. Он не бесновался, не сыпал крепкими выражениями, довольствуясь тем, что казенным пером портил казенный стол, старательно выцарапывая на нем узоры.

— Дело обстоит не так уж плохо, — утешал его Джилл. — Придется вам, конечно, разъезжать повсюду, но ведь это имеет свою прелесть. Вы можете даже взять с собой миссис Мэнсон. Вот, например, вы побываете в Бакстоне, это центр всего Дербиширского угольного бассейна. А через полгода вы сможете приступить к своим исследованиям в антрацитовых копях.

— Никогда ему это не удастся, — смеялся Гоуп. — Ему теперь уже всю жизнь придется измерять бинты.

Эндрью схватился за шляпу.

— Беда в том, Гоуп, что вы *слишком молоды*.

Он отправился домой, к Кристин. И в следующий понедельник, так как Кристин категорически не желала упускать такое занятное приключение, они купили за шестьдесят фунтов подержанный автомобиль марки Моррис и выехали вдвоем на великое обследование постановки первой помощи. Надо правду сказать, им было очень весело. Автомобиль мчался широкой проезжей дорогой на север, а Эндрью, имитируя Билли Пуговичника, говорил:

— Как бы там ни было, что бы ни говорил Лавуазье о капле воды в тысяча восемьсот тридцать втором году, а мы с тобой вместе, Крис!

Работа была идиотская. Она состояла в осмотре материалов на пунктах первой помощи, имевшихся в различных копиях по всей стране: лубков, бинтов, ваты, антисептических средств, зажимов для артерии и так далее. На благоустроенных рудниках первая помощь была оборудована хорошо, на неблагоустроенных — плохо. Обследования в подземных шахтах для Эндрю не были новостью. Он проделал сотни таких обследований, ползая целые мили на четвереньках по откаточным дорогам в забой только для того, чтобы увидеть ящик с перевязочным материалом, заботливо доставленный туда за каких-нибудь полчаса до проверки. В маленьких рудниках ему приходилось иногда слышать, как какой-нибудь помощник зрителя на крепком йоркширском жаргоне бормотал за его спиной:

— Эй, Джорди, беги, скажи Элексу, чтобы он сходил в аптеку... — Затем громко. — Присядьте доктор, я через минуту буду к вашим услугам.

В Ноттингеме Эндрю порадовал трезвенников-санитаров, сказав им, что холодный чай — лучшее укрепляющее, чем брэнди. В других местах он оказывался горячим поклонником виски. Но в большинстве случаев он выполнял свою задачу с устрашающей добросовестностью. Они с Кристин снимали комнаты в каком-нибудь удобном центре, и отсюда Эндрю объезжал район в своем автомобиле. Пока он осматривал рудники, Кристин сидела где-нибудь и вязала. У них бывали приключения — обычно с квартирными хозяйками. Они заводили друзей — главным образом среди инспекторов копей. Эндрю ничуть не удивляло, что его миссия вызывала безжалостный смех у этих трезвых, скупых на слова людей. С сожалением приходится констатировать, что он смеялся вместе с ними.

В марте они возвратились в Лондон, продали автомобиль всего на десять фунтов дешевле, чем заплатили за него, и Эндрю засел писать отчет о своей работе. Он намеревался, так сказать, дать комитету товар за деньги, вылить на него целый ушат статистики, целые страницы таблиц и диаграмм, показывающих, как поднимается кривая бинтов и падает кривая лубков. Он решил (так он говорил Кристин) показать им, как добросовестно он выполнил задание и как блестяще все они тратили даром время.

К концу месяца, после того как он представил Джиллу схему доклада, он, к своему изумлению, узнал, что его вызывает доктор Бигсби в министерство торговли.

— Бигсби в восторге от вашего отчета, — говорил в сильном волнении Джилл, провожая Эндрю по Белому залу. — Мне, конечно, не следовало разбалтывать это, но... Это удачное начало для вас, мой дорогой. Вы

понятия не имеете, каким влиянием пользуется Бигсби. Все управление заводами у него в руках.

Прошло немало времени, пока им удалось добраться до Бигсби. Пришлось просидеть с шляпами в руках в двух передних, раньше чем их пустили в кабинет. Там они, наконец, увидели доктора Бигсби, коренастого, приятного мужчину, полного суетливой энергии, в темносером костюме, таких же крагах и двубортном жилете.

— Присядьте, джентльмены. О вашем отчете, Мэнсон: я видел конспект и, хотя о нем еще рано судить, должен сказать, что он мне нравится. Высоко научный подход. Превосходные диаграммы. Как раз то, что требуется нам здесь, в министерстве. Так вот, поскольку вам поручено стандартизовать оборудование скорой помощи в рудниках и на заводах, вам следует ознакомиться с моей точкой зрения на этот вопрос. Прежде всего, я вижу из отчета, что вы рекомендуете бинты не шире трех дюймов. Я же считаю, что два с половиной дюйма — более подходящий максимум. Вы согласитесь со мной, не правда ли?

Эндрью злился. Может быть, в этом виноваты были краги.

— Я лично считаю, поскольку речь идет о рудниках, что чем шире бинты, тем лучше. Но я вообще не думаю, чтобы такая ерундовская разница имела какое-нибудь значение!

— Что? Как вы сказали? — Бигсби покраснел до ушей. — Разница не имеет значения?

— Никакого.

— Но неужели вы не видите... неужели не понимаете, что тут дело идет о принципе стандартизации? Если мы установим норму в два с половиной дюйма, а вы предложите три дюйма, могут возникнуть величайшие затруднения.

— Тогда я предложу три с половиной дюйма, — сказал хладнокровно Эндрью.

Доктор Бигсби так весь и ощетинился, явно обнаруживая готовность к бою.

— Ваша позиция в этом вопросе мне не совсем понятна. Мы годами добивались стандартной ширины в два с половиной дюйма. Разве вы не знаете, как это важно?..

— Еще бы! — Эндрью тоже вышел из себя. — Вы были когда-нибудь в шахтах? Я был. Я делал серьезную операцию, лежа на брюхе в луже, при одной рудничной лампочке, не имея возможности поднять голову, чтобы не удариться о кровлю. И я вам прямо заявляю, что все эти ваши кривлянья насчет полудюймовой разницы в ширине бинтов яйца выеденного не стоят!

Он вышел из здания министерства быстрее, чем вошел, а за ним Джилл, который ломал руки и причитал всю дорогу до набережной.

Воротясь к себе в кабинет, Эндрью, стоя у окна, сурово глядел на движение судов по Темзе, на кипевшие суетой улицы, мчавшиеся мимо автобусы, звеневшие по мостам трамваи, на прохожих, на весь этот пестрый поток бьющей ключом жизни. «Не место мне здесь, — подумал он в приливе нетерпения. — Мне надо быть там, там, на воле».

Эбби перестал посещать заседания комитета. А Челлис, пригласив Эндрью на завтрак, довел его чуть не до паники сообщением, что Винни усиленно хлопочет в кулуарах, желая навязать ему, Эндрью, исследование вопроса о мускульном утомлении раньше, чем он займется вопросом о силикозе. И теперь Эндрью размышлял с безнадежными потугами на юмор: «Если в довершение возни с бинтами мне навяжут еще и это, я с успехом могу стать постоянным посетителем Британского музея».

Возвращаясь домой из комитета, он поймал себя на том, что с вожделением поглядывает на медные дощечки на воротах тех домов, где жили врачи. Он останавливался, наблюдая, как какой-нибудь пациент всходит по ступеням, дергает звонок, как его впускают. Затем, в унынии продолжая путь, он рисовал себе все дальнейшее: вопросы врача, быстро доставшего стетоскоп, всю увлекательную процедуру постановки диагноза. Он тоже врач, не так ли? По крайней мере когда-то был им...

В таком именно настроении он как-то в конце мая шел по Окли-стрит около пяти часов вечера и вдруг заметил толпу, обступившую человека, который лежал на мостовой. В канаве у обочины валялся его сломанный велосипед, и почти на нем стоял задержанный грузовик.

Не прошло и пяти секунд, как Эндрью очутился посреди толпы и увидел пострадавшего, над которым хлопотал стоявший на коленях полисмен. Человек истекал кровью от глубокой раны в паху.

— Пропустите! Я врач.

Полисмен, безуспешно пытаясь приладить турникет, обернул к Эндрью разгоряченное лицо.

— Не могу остановить кровотечение, доктор. Слишком глубоко!

Эндрью видел, что турникетом здесь ничего не сделаешь: рана слишком высоко в подвздошной области, и кровотечение может оказаться смертельным.

— Встаньте, — сказал он полисмену, — и уложите его на спину. — Затем он нагнулся над раненым и, напряжив мускулы, погрузил сжатую в кулак правую руку ему в живот, над нисходящей аортой. Нажав таким образом всей тяжестью своего тела на этот сосуд, он сразу прекратил

кровотечение. Полисмен снял свою каску и отер лоб. Пять минут спустя прибыла карета скорой помощи. Эндрию сам отвез раненого в больницу.

На другое утро он позвонил туда. Дежурный врач ответил коротко, как обычно отвечают врачи в таких случаях:

— Да, да, ему лучше. Поправится. Кто говорит?

— Да так... — пробормотал Эндрию в автомат. — Никто.

«Вот это верно, — с горечью подумал он затем. — Именно никто, — не делаю ничего и никуда не двигаюсь».

Он крепился еще неделю, потом спокойно, без лишних разговоров, подал Джиллу для передачи совету заявление об уходе.

Джилл был огорчен, но сознался, что с грустью предвидел это событие. Он произнес целую маленькую речь, заключив ее следующими словами:

— В конце концов, дорогой друг, я пришел к убеждению, что ваше место — если мне будет позволено употребить, так сказать, метафору военного времени — не в тылу, а... э... на передовых позициях, среди... э... солдат.

А Гоуп сказал:

— Не слушайте вы этого любителя роз и пингвинов! Вам везет. И я, если только не лишусь здесь рассудка, последую вашему примеру, когда отслужу свои три года.

Эндрию не знал, занимается ли комитет вопросом о вдыхании пыли, пока, через много месяцев, лорд Ангер не выступил в парламенте и в своей эффектной речи усиленно ссылался на медицинские данные, представленные ему доктором Морисом Гэдсби.

Гэдсби был прославлен прессой, как филантроп и великий ученый. И силикоз^[31] в том же году был официально признан профессиональной болезнью горняков.

Часть четвертая

I

Начались поиски практики. Это было похоже на качели — бурные взлеты на вершину надежд сменялись еще более стремительным падением в бездну отчаяния. Мучимый мыслью о своих трех последовательных провалах (так по крайней мере расценивал он свой уход из Блэнелли, Эберло и Комитета труда), Эндрю жаждал себя реабилитировать. Но весь их капитал, увеличенный строгой экономией за те месяцы, когда они были обеспечены жалованьем Эндрю, составлял всего шестьсот фунтов. Они ходили по всем комиссионным конторам, следили за объявлениями в «Ланцете», но всякий раз оказывалось, что шестисот фунтов недостаточно для покупки в Лондоне врачебной практики.

Они никогда не могли забыть первых переговоров. Некий доктор Brent, в Кэдоган-гарденс, уезжал и предлагал продать «выгодное место» высококвалифицированному врачу. На первый взгляд это казалось замечательной удачей. Не пожалев денег на такси, из опасения как бы их кто-нибудь не опередил и не выхватил лакомый кусочек из-под носа, Эндрю и Кристин примчались к доктору Brentу, который оказался приятным, почти застенчивым старичком с белоснежными волосами.

— Да, — сказал скромно доктор Brent, — это очень бойкое место. И дом отличный. Я прошу только семь тысяч фунтов за переуступку на сорок лет. За аренду участка вы будете платить триста в год. Ну, а что касается практики, то я ее передаю на обычных условиях — страховка на два года. Так, доктор Мэнсон?

— Конечно, — важно кивнул головой Эндрю. — И вы рекомендуете меня своим пациентам? Благодарю вас, доктор Brent. Мы с женой обсудим этот вопрос.

Они обсудили его за трехпенсовой чашкой чаю на Бромптон-роу.

— Семь тысяч за переуступку! — Эндрю отрывисто захохотал. Он сдвинул назад шляпу, обнажая наморщенный лоб, и оперся локтями о мраморный столик. — Это черт знает что, Крис! Эти старики крепко вцепились зубами в свою клиентуру и место: чтобы их оторвать, нужны большие деньги. Разве уж это одно не доказывает негодности всей существующей системы? Но как бы плоха она ни была, я к ней приспособлюсь. погоди только, увидишь! Отныне я принимаюсь добывать деньги!

— Надеюсь, что нет, — улыбнулась Кристин. — Мы и без них достаточно счастливы.

— Ты не так заговоришь, когда нам придется петь на улицах, — буркнул Эндрю.

Помня о том, что он доктор медицины, член Королевского терапевтического общества, он хотел не службы страхового врача, не работы врача-аптекаря, а ничем не ограниченной вольной практики. Он хотел быть свободным от тирании карточной системы. Но проходила неделя за неделей, и он уже готов был взять любую работу, все, что открывало хоть какие-нибудь перспективы. Он откликнулся на объявления врачей, желавших продать свою клиентуру в Талс-хилл, Ислингтоне и Брикстоне, побывал даже в Кэмден-таун, где в приемной врача протекал потолок. Он дошел уже до того, что советовался с Гоупом, не снять ли ему домик и наудачу повесить вывеску, но Гоуп убедил его, что при его скудных средствах это было бы просто самоубийством.

Но вот через два месяца, когда оба они с Кристин уже дошли до отчаяния, небо вдруг сжалилось над ними и позволило тихо скончаться старому доктору Фою в Педдингтоне. Сообщение о смерти, четыре строки в «Медицинской газете», попало на глаза Эндрю. Они уже без всякого энтузиазма, так как энтузиазм их давно иссяк, отправились в дом № 9 на Чесборо-террас. Осмотрели дом, высокий, свинцово-серый, похожий на склеп, с пристроенной сбоку амбулаторией и кирпичным гаражом позади. Посмотрели приходные книги, из которых было видно, что доктор Фой зарабатывал фунтов пятьсот в год, главным образом приемом больных (с выдачей лекарств) по таксе три с половиной шиллинга за визит. Они поговорили с вдовой доктора, робко уверявшей их, что у доктора Фоя была верная практика и когда-то даже блестящая, так как «с улицы» приходило много «хороших пациентов». Они поблагодарили ее за сведения и ушли, по-прежнему не ощущая никакого энтузиазма.

— Все же я не знаю... — волновался Эндрю. — Отрицательных сторон много. Терпеть не могу готовить лекарства. И место неприятное. Заметила ты все эти убогие, точно изъеденные молью «меблирашки» по соседству? Впрочем, тут же рядом начинается приличный квартал. И дом этот на углу. И улица оживленная. И цена почти для нас приемлемая. И очень благородно с ее стороны, что она обещает оставить мебель в кабинете старика и в амбулатории, так что мы получим все готовое... Вот преимущества покупки дома по случаю смерти. Что ты скажешь, Крис? Теперь или никогда! Рискнем?

Кристин смотрела на него нерешительно. Для нее Лондон уже потерял прелесть новизны. Она любила деревенский простор провинции и среди мрачного однообразия окраин Лондона тосковала по ней всей душой. Но

Эндрью так упорно хотел работать в Лондоне, что она не решалась отговаривать его. И в ответ на его вопрос она неохотно кивнула головой:

— Если тебе этого хочется, Эндрью...

На другой день он предложил поверенному миссис Фой шестьсот фунтов вместо семисот пятидесяти, которые она требовала. Предложение было принято, чек выписан. И 10 октября, в субботу, они перевезли из склада свою мебель и вступили во владение новым домом.

Только в воскресенье они опомнились от наводнения соломы и рогож и, пьяные от усталости, огляделись в своем новом жилье. Эндрью не преминул воспользоваться случаем и разразился одной из тех проповедей, редких, но ненавистных Кристин, во время которых он походил на какого-нибудь дьякона сектантской церкви.

— Мы здорово издержались на этот переезд, Крис. Истратили все, что у нас было, до последнего гроша. Теперь придется жить только на заработок. Один Бог знает, что из этого выйдет. Но надо как-нибудь приспособиться. Надо будет нам подтянуться, Крис, экономить и...

К его изумлению, Кристин вдруг побледнела и разрыдалась. Стоя в большой, мрачной комнате с грязным потолком и еще ничем не покрытым полом, она всхлипывала:

— Господи, чего еще тебе от меня надо? «Экономить»! Как будто я не экономлю постоянно во всем? Разве я тебе что-нибудь стою?

— Крис! — воскликнул он в ужасе.

Она порывисто бросилась к нему на шею.

— Это дом виноват! Я не знала, что он такой ужасный... Этот нижний этаж... и лестница... и грязь...

— Но, черт возьми, ведь главное — практика!

— Ты мог бы иметь практику где-нибудь в деревне.

— Ну, конечно! В коттедже с увитым розами крылечком! Да ну его к черту!..

В конце концов он извинился за свою проповедь. Все еще обнимая Кристин за талию, он отправился с ней вместе жарить яичницу в кухню, находившуюся в «проклятом нижнем этаже». Здесь он старался развеселить ее, дурачась и уверяя, что это вовсе не подвал, а Педдингтонский туннель, через который каждую минуту проходят поезда. Кристин бледно улыбалась его вымученным шуткам, но глядела не на него, а на разбитую раковину.

На другое утро, ровно в девять часов, — Эндрью решил не начинать слишком рано, чтобы не подумали, что он гоняется за пациентами, — он открыл прием. Сердце его билось от волнения гораздо сильнее, чем в то,

почти забытое, утро, когда он начинал свой первый в жизни амбулаторный прием в Блэнелли.

Половина десятого. Он ждал с тревогой. Так как маленькая амбулатория, имевшая отдельный выход на боковую улицу, соединялась коротким коридором с домом, то Эндрию мог одновременно следить и за своим кабинетом — лучшей комнатой нижнего этажа, недурно обставленной письменным столом доктора Фоя, кушеткой и шкафом, — куда впускались с парадного хода «хорошие» пациенты, по терминологии миссис Фой. Таким образом были расставлены двойные сети. И он, насторожившись, как всякий рыболов, выжидал, какой улов принесут ему эти двойные сети.

Но они не приносили ничего, ровно ничего! Было уже около одиннадцати часов, а ни один больной не пришел. Шоферы такси по-прежнему стояли, болтая, у своих машин на противоположной стороне улицы. Медная дощечка с фамилией Эндрию сверкала на дверях под старой, выщербленной дощечкой доктора Фоя.

Вдруг, когда он уже почти утратил надежду, звонок у двери в амбулаторию резко звякнул, и вошла старуха в шали. «Хронический бронхит» — определил Эндрию сразу, раньше еще чем она заговорила, по ее хриплому и тяжелому дыханию. Он сел и принялся ее выслушивать, бережно-бережно. Эта была давнишняя пациентка доктора Фоя. Он расспросил ее. Потом в крохотной камерке; заменявшей ему аптеку, настоящей норе, помещавшейся в коридоре между амбулаторией и кабинетом, он приготовил ей лекарство и принес его в амбулаторию. Тогда старуха, пока он смущенно готовился спросить у нее плату, вручила ему без разговоров три с половиной шиллинга.

Трепетная радость этой минуты, глубокое облегчение, принесенное этими несколькими серебряными монетами, зажатыми в его ладони, были невообразимы. Казалось, что это первые в жизни заработанные деньги. Он запер амбулаторию, побежал к Кристин и высыпал перед ней на стол серебро.

— Первый пациент, Крис. В конце концов здесь может оказаться неплохая практика. Во всяком случае на этот гонорар мы с тобой позавтракаем.

Ему не нужно было делать визитов, так как прежний доктор умер уже три недели тому назад и его больные за это время успели перейти к другим врачам. Оставалось ждать, пока будут новые вызовы. А пока, заметив, что Кристин предпочитает одна справляться со своими домашними делами, он употребил время до полудня на то, чтобы обойти квартал; все осмотрел,

видел дома с облупившейся штукатуркой, длинный ряд мрачных и грязных «частных» пансионатов, скверы с унылыми, точно закопченными деревьями, узкие конюшни, превращенные в гаражи, а за неожиданным поворотом Норс-стрит — грязный квартал трущоб, ссудные кассы, тележки мелких торговцев-разносчиков, трактиры, витрины, в которых выставлены патентованные лекарства и изделия из резины ярких цветов.

Эндрю подумал, что квартал этот, вероятно, сильно захирел по сравнению с теми годами, когда к желтым портикам подкатывали кареты. Теперь он был убог и грязен, но среди плесени прошлого кое-где уже пробивались ростки новой жизни: строился ряд новых домов, встречались приличные магазины и конторы, а в конце Гладстонплейс находился знаменитый магазин Лорье. Даже Эндрю Мэнсон, ничего не понимавший в дамских модах, слышал о Лорье, и если бы перед этим безупречно белым каменным зданием без окон и не стояла длинная вереница щегольских автомобилей, все равно вид его убедил бы Эндрю в правдивости того, что он слышал об этой знаменитой фирме. Ему показалось странным, что магазин Лорье находится в таком неподобающем месте, среди этих обветшавших террас. Но он находился здесь, это было так же несомненно, как полисмен, стоявший на тротуаре против него.

Эндрю завершил первый день визитами к врачам, жившим по соседству. Всего он посетил восемь человек. Только трое из них произвели на него более или менее глубокое впечатление: диктор Иней с Гладстонплейс, человек еще молодой, Ридер, живший в конце Александр-стрит и пожилой шотландец Мак-Лин. Но его немного угнетал тон, которым все они говорили.

«О, так это к вам перешла практика бедного старика Фоя!»

Он с некоторым раздражением твердил себе, что через полгода они переменят тон. Хотя Эндрю Мэнсону было уже тридцать лет и он научился ценить выдержку, он по-прежнему не терпел снисходительного к себе отношения, как кошка не терпит воды.

В этот вечер амбулаторию посетило трое больных, и двое из них уплатили по три с половиной шиллинга. Третий обещал прийти еще раз и расплатиться в субботу. Таким образом, Эндрю в первый день заработал десять с половиной шиллингов.

Но на следующий день он не заработал ничего. На третий — только семь шиллингов. Четверг был удачным днем, пятница — почти пустым. В субботу утром не пришел ни один человек, зато вечерний прием принес семнадцать с половиной шиллингов, хотя тот пациент, которого он лечил в долг, не сдержал обещания прийти в субботу и расплатиться.

В воскресенье Эндрию тайком от Кристин с мучительной тревогой подвел итоги за неделю. Он спрашивал себя, не было ли с его стороны ужасной ошибкой купить захудалую практику, ухлопать все свои сбережения на этот мрачный, как могила, дом? Отчего ему так не везет? Ему уже за тридцать, у него степень доктора медицины и члена КТО. Он — способный клиницист, и им проделана большая исследовательская работа. А между тем он торчит тут и собирает по три с половиной шиллинга, которых едва хватает на то, чтобы прокормиться. «Во всем виновата наша система! — думал он с яростью. — Она устарела. Нужен другой, более разумный порядок, который дал бы всякому возможность работать. Ну, хотя бы... хотя бы государственный контроль! — Но тут он застонал, вспомнив доктора Бигсби и Комитет труда. — Нет, это безнадежно, бюрократизм душит всякое проявление личности, я бы задохся в такой атмосфере. Нет, я должен один добиться успеха, черт возьми, и добьюсь!»

Никогда еще материальная сторона его врачебной деятельности не угнетала его до такой степени. И нельзя было придумать лучшее средство превратить его в материалиста, чем эти «муки аппетита» (так он сам смягченно определял свое состояние), не дававшие ему покоя.

Ярдах в ста от их дома по главному автобусному шоссе находилась маленькая закусочная. Хозяйка была натурализованная немка, толстушка, которая называла себя «Смис», но настоящая фамилия которой, несомненно, была Шмидт, судя по ее ломаному английскому языку и резкому произношению буквы «с».

Маленькое заведение фрау Шмидт совершенно напоминало такие же лавки на континенте: узкий мраморный прилавок был уставлен всякими деликатесами. Были тут маринованная селедка, маслины в банках, квашеная капуста, разные колбасы, печенья, салями и замечательно вкусный сыр под названием «Липтауэр». К тому же здесь все было очень дешево. Так как в доме № 9 на Чесборо-террас денег было в обрез, а кухонная плита представляла собой давно не чищенную и ветхую развалину, то Эндрию и Кристин очень часто прибегали к изделиям фрау Шмидт. В хорошие дни они лакомились горячими франкфуртскими сосисками и яблочным слоеным пирогом, в плохие — завтракали здесь маринованной селедкой и печеным картофелем. Частенько они поздно вечером заходили к фрау Шмидт, предварительно рассмотрев сквозь запотевшее окно всю ее выставку, и, сделав выбор, уходили домой с чем-нибудь вкусным в плетеной сумке.

Фрау Шмидт скоро стала относиться к ним как к старым знакомым. Она особенно любила Кристин. Ее пухлое, сдобное лицо, увенчанное

высоким куполом белокурых волос, собиралось в морщинки, в которых почти прятались глаза, когда она улыбалась и, кивая головой, говорила Эндрью:

— У вас все пойдет хорошо. Заживете отлично. У вас хорошая жена. Она маленькая женщина, как и я. Но она молодчина. Потерпите немного — я вам буду посылать пациентов!

Почти сразу надвинулась зима, туман повис над улицами и, казались, густел от дыма большой железнодорожной станции, расположенной совсем близко от Чесборо-террас. Эндрью и Кристин старались относиться ко всему легко, делали вид, что их борьба с нуждой — нечто забавное. Но никогда еще за все годы их жизни в Эберло они не знавали таких невзгод.

Кристин изо всех сил старалась сделать уютнее их холодные казармы. Она выбелила потолки, сшила новые занавески для приемной. Она оклеила новыми обоями спальню. Выкрасив филенки в черное с золотом, она преобразила старые двери, безобразившие гостиную во втором этаже.

В большинстве случаев (как ни редки были эти случаи) Эндрью звали в соседние пансионы. Получать гонорар от этих пациентов оказалось делом нелегким, — многие из них были жалкие, опустившиеся, даже подозрительные люди, умевшие очень ловко увилывать от уплаты. Эндрью старался понравиться изможденным хозяйкам пансионов. Он заводил с ними беседу в мрачных передних. Он говорил: «Я не подозревал, что на улице такой холод! Иначе я бы надел пальто», или: «Очень неудобно ходить повсюду пешком. Но моя машина сейчас в ремонте». Он свел знакомство с полисменом, который обычно стоял на посту в центре движения, на перекрестке, перед лавкой фрау Шмидт. Полисмена звали Дональд Струзерс, и они с Эндрью очень скоро сочлись родством, так как Струзерсы, как и Мэнсоны, были родом из Файфа. Полисмен обещал сделать все возможное, чтобы помочь земляку, сказав с мрачной шутливостью:

— Если кого-нибудь переедут насмерть, доктор, я обязательно пошлю за вами.

Как-то днем, через месяц после их приезда, Эндрью, придя домой (он обходил всех аптекарей квартала, с беспечной веселостью осведомляясь, нет ли у них специального фоссовского шприца в 10 куб. см., которого, как он был заранее уверен, ни в одной аптеке не имелось, да кстати представляясь всем как новый вольнопрактикующий врач на Чесборо-террас), застал Кристин в некотором возбуждении.

— В приемной сидит пациентка, — сказала она чуть слышно. — Пришла с парадного хода.

Лицо Эндрью просветлело. Первый «хороший» пациент! Может быть, это начало успеха! Переодевшись, он торопливо прошел в приемную.

— Здравствуйте, чем могу служить?

— Здравствуйте, доктор. Мне вас рекомендовала миссис Смис.

Она поднялась с места, чтобы пожать ему руку. Это была добродушная, густо накрашенная толстуха в короткой меховой жакетке и с большой сумкой в руке. Эндрью сразу увидел, что это одна из проституток, промышлявших в их квартале.

— Да? — спросил он, и радость ожидания несколько померкла.

— Видите ли, доктор, — начала она, неуверенно улыбаясь, — мой друг только что подарил мне пару красивых золотых сережек, и миссис Смис — я ее постоянная покупательница — сказала, что вы можете проколоть мне уши. Мой друг очень боится, чтобы я не пострадала от грязной иголки или чего-нибудь в этом роде, доктор.

Он глубоко перевел дух, стараясь сохранить спокойствие. Вот до чего, значит, дошло! Он сказал:

— Хорошо, я вам прокалю уши.

Сделал это тщательно, стерилизовав иглу, обмыл мочки хлористым этилом и даже собственноручно вдел ей сережки.

— О доктор, как хорошо! — Она посмотрелась в зеркало своей сумочки. — И ничуть не было больно. Мой друг будет доволен. Сколько, доктор?..

Для «хороших» пациентов доктора Фоя (хотя они пока были только в проекте) плата составляла семь с половиной шиллингов. Эндрью назвал эту сумму.

Женщина достала из сумочки десятишиллинговую бумажку. Новый доктор ей понравился, она нашла, что он любезный, благовоспитанный и очень красивый мужчина. Принимая от него сдачу, она подумала еще, что у него голодный вид.

Когда она ушла, Эндрью не стал бесноваться, как бесновался бы раньше, негодовать на то, что ему приходится проституировать свою профессию, унизившись до такого мелочного, ничтожного дела. Теперь он испытывал лишь какое-то новое для него смирение. Сжимая в руке смятую кредитку, он подошел к окну и следил, как посетительница уходила, покачивая бедрами, размахивая сумочкой и гордо выставляя напоказ новые серьги.

II

В этой суровой борьбе за существование Эндрю изголодался по общению с людьми своей профессии. Он был на собрании местного медицинского общества, но большого удовольствия это ему не доставило. Денни все еще был за границей, Тампико пришлось ему по вкусу, и он остался там, взяв место врача нефтепромышленной фирмы «Новый век». Так что пока он для Эндрю был потерян. Гоуп же находился в командировке в Кемберленде, где (как он выразился в присланной им грубо раскрашенной открытке) считал кровавые шарики по поручению «Утехи маньяков».

Много раз Эндрю испытывал желание встретиться с Фредди Хемсоном, и часто доходило уже до того, что он брался за телефонную книжку, но всякий раз его удерживало сознание, что он по-прежнему неудачник (или, как он выражался про себя, «не устроен как следует»). Фредди жил все там же, на улице Королевы Анны, но уже в другом доме. Эндрю чаще и чаще ловил себя на мыслях о том, как живет Фредди, вспоминал старые приключения студенческих лет и, наконец, вдруг почувствовал, что искушение слишком сильно. Он позвонил Хемсону.

— Ты, верно, совсем обо мне забыл, — ворчливо сказал он в телефонную трубку, наполовину готовый к тому, что его сейчас отчитают. — Это говорит Мэнсон, Эндрю Мэнсон. Я практикую в Педдингтоне.

— Мэнсон! Забыть о тебе! Ах ты, старая лошадь! — Фредди у другого конца провода был в явно лирическом настроении. — Боже мой, дружище, почему ты мне все время не звонил?

— Видишь ли... просто мы все устраивались. — Эндрю улыбнулся в трубку, согретый дружескими излияниями Фредди. — А до того, когда я служил в комитете, мы носились по всей Англии. Я ведь женат, ты знаешь?

— И я тоже. Послушай, старина, нам нужно с тобой опять встретиться! И поскорее! Нет, просто не верится... ты здесь, в Лондоне! Чудесно! Где моя записная книжка?.. Послушай, ну вот, хотя бы в следующий четверг вы можете прийти к нам обедать? Да? Ну, великолепно! Значит, пока до свиданья, я скажу жене, чтобы она написала твоей пару строк.

Кристин не выразила никакого энтузиазма, когда он сообщил ей о приглашении.

— Иди ты один, Эндрю, — предложила она, помолчав.

— Глупости! Фредди хочет, чтобы ты познакомилась с его женой. Я знаю, он тебе не очень нравится, но там будут и другие, — наверное, врачи.

Наши дела могут принять новый оборот, дорогая. Потом мы давно не развлекались... Он сказал «в черном галстук»... Вот хорошо, что я купил тогда смокинг для обеда на Ньюкаслском руднике! Но как же ты, Крис? Тебе бы нужно какое-нибудь выходное платье.

— Мне бы нужно новую газовую плиту, — ответила Кристин немного сердито. Последние недели сильно сказались на ней. Она утратила часть той свежести, которая всегда составляла ее главное очарование. И порой, как, например, в эту минуту, в ее отрывистых репликах звучало изнеможение.

Но в четверг вечером, когда они отправились на улицу Королевы Анны, Эндрю не мог не признать, что она была удивительно мила в белом платье, купленном когда-то по случаю того же званого обеда в Ньюкасле, но слегка переделанном, так что оно выглядело новее и наряднее. Причесана она была тоже по-новому: черные волосы гладко обрамляли бледный лоб. Эндрю заметил все это, пока она завязывала ему галстук, хотел ей сказать, как она мила сегодня, но забыл, испугавшись вдруг, что они опоздают.

Они не только не опоздали, но пришли рано, так рано, что прошло три неловких минуты, раньше чем Фредди весело вышел к ним, протягивая обе руки, извиняясь и здороваясь — все сразу, объясняя, что он только что вернулся из больницы, что жена через секунду сойдет вниз, предлагая выпить чего-нибудь, хлопая Эндрю по спине, прося их садиться. Фредди растолстел. Розовый валик жира на затылке говорил о полнейшем благополучии, но его маленькие глазки все так же блестели, и ни один желтый напояженный волосок не сдвинулся с места. Он был так вылощен, что, казалось, излучал блеск.

— Честное слово! — Он поднял свой стакан. — Удивительно приятно видеть вас снова. Теперь мы должны встречаться постоянно. Как тебе нравится моя квартира, Эндрю? Ведь я же тебе говорил на обеде в Кардиффе (ну, и обед был! Ручаюсь, что сегодня меню будет удачнее!), говорил, что добьюсь того, чего хочу. Весь дом — мой, куплен вместе с землей в прошлом году. Не спрашивай, во сколько это мне обошлось! — Он самодовольно поправил галстук. — Не стоит, конечно, об этом кричать, хотя бы у меня дела и шли хорошо. Но тебе-то можно это знать, старик.

Обстановка была бесспорно богатая: модная и нарядная мебель, глубокий камин, маленький концертный рояль, на котором в большой белой вазе стояли сделанные из перламутра цветы магнолии. Эндрю только что собирался выразить свое восхищение, когда вошла миссис Хемсон, высокая, холодно-сдержанная, с темными волосами,

разделенными прямым пробором, в туалете совершенно иного стиля, чем платье Кристин.

— А вот и ты, дорогая, — нежно, даже почтительно приветствовал ее Фредди и стремглав бросился к столу, чтобы налить и подать ей стакан хереса. Она не успела небрежно отстранить стакан, как доложили о приходе новых гостей — мистера и миссис Айвори и доктора Поля Дидмена с женой. Последовало представление гостей друг другу, шумный разговор со смехом между четой Айвори, Дидменами и Хемсонами. Затем — весьма вовремя — гостей пригласили в столовую.

Стол был убран богато и с большим вкусом. Столовый сервиз и канделябры представляли собой точную копию тех, которые Эндрью видел в витрине Лэбина и Бенна, знаменитых ювелиров на Риджент-стрит. Блюда были приготовлены так, что нельзя было понять, мясо это или рыба, но все замечательно вкусно. Пили шампанское. После двух бокалов Эндрью ободрился. Он заговорил с миссис Айвори, сидевшей по левую руку от него, стройной дамой в черном, с невероятным количеством украшений и большими выпуклыми голубыми глазами, которые она время от времени поднимала на Эндрью с почти младенческим выражением.

Она была женой хирурга Чарльза Айвори. На вопрос Эндрью об ее муже она засмеялась, так как считала, что Чарльза знают все. Рассказала, что они живут на Нью-Кэвендиш-стрит, за углом, в собственном доме, что она очень любит бывать у Фредди и его жены. Чарльз, Фредди и Поль Дидмен так дружны, и все они — члены Сэквильского клуба. Она удивилась, когда Эндрью признался, что он не член этого клуба. Она полагала, что все непременно должны быть членами Сэквильского клуба.

Обескураженный Эндрью занялся миссис Дидмен, его соседкой справа, и нашел, что она приветливее, мягче и у нее красивый, почти восточный тон кожи. Он и ее навел на разговор о муже. Он думал: «Мне надо побольше узнать об этих людях, они так дьявольски богаты и так шикарны».

Миссис Дидмен рассказала, что Поль — врач по внутренним болезням и что, хотя у них квартира на Портленд-плейс, Поль снимает еще комнаты на Харлей-стрит. У него прекрасная практика (миссис Дидмен говорила о муже с любовью, исключавшей всякое хвастовство), главным образом в «Плаза-отеле», — он, конечно, знает этот большой новый отель, окна которого выходят в парк. В час ленча ресторан там битком набит знаменитостями. Поль официально считается врачом отеля. Там останавливается такое множество богатых американцев и звезд экрана и... — миссис Дидмен вдруг замолчала, улыбаясь — ...да, все туда приезжают,

и для Поля это очень выгодно.

Эндрью понравилась миссис Дидмен. Он слушал ее, пока миссис Хемсон не поднялась, а тогда галантно вскочил, чтобы отодвинуть ее стул.

— Сигару, Мэнсон? — предложил Фредди с миной знатока, когда дамы ушли. — Вот эти тебе понравятся. И советую тебе обратить внимание на брэнди. Тысяча восемьсот девяносто четвертого года! Тут уж никаких примесей!

С сигарой в зубах и пузатым стаканом брэнди в руках, Эндрью придвинул свой стул поближе к остальным. Этого ему только и хотелось все время-живого и тесного общения с врачами, перехода к чисто профессиональным темам, и больше ничего. Он надеялся, что Хемсон и его приятели заведут такой разговор. И надежда его оправдалась.

— Кстати, — начал Фредди, — я сегодня заказал себе у Гликкарта одну из этих новых ламп «Ирадиум». Они порядком дороги: что-то около восьмидесяти гиней. Но такая лампа стоит этих денег.

— Гм... — глубокомысленно протянул Дидмен, худощавый, темноглазый, с умным еврейским лицом. — Она должна еще окупить уход и ремонт.

Эндрью, готовясь вступить в спор, затянулся сигарой.

— А я, знаете ли, не особенно высокого мнения об этих лампах. Читали вы в «Журнале» статью Эбби о гелиотерапии? Эти лампы «Ирадиум» совершенно не излучают инфракрасных лучей.

Фредди уставился на него и захохотал,

— Зато они приносят черт знает сколько гонораров по три гиней. Кроме того, от них очень хорошо загорает тело.

— Нет, извини, Фредди, — вмешался Дидмен. — Я не одобряю этих дорогостоящих аппаратов. Раньше чем они начнут давать доход, они должны еще окупить свою стоимость. Кроме того, они скоро выходят из моды, теряют свою популярность. Нет, если правду говорить, ничего нет лучше доброго старого средства — подкожных впрыскиваний.

— И вы, конечно, их применяете, — сказал Хемсон.

В разговор вмешался и Айвори. Он был старше остальных, громоздкий, с бледным, гладко выбритым лицом и непринужденными манерами столичного человека.

— Кстати, и я сегодня назначил одному пациенту курс впрыскиваний. Двенадцать марганцевых. И знаете, что я сделал? Я сказал этому субъекту: «Слушайте, вы же деловой человек. Курс лечения стоит пятьдесят гиней, но если вы мне уплатите сразу вперед, то я возьму с вас только сорок пять». Он мне выписал чек — и все.

— Ах, вы, старый контрабандист! Я думал, вы — хирург, а вы у нас хлеб отбиваете! — воскликнул Фредли.

— Я хирург, — подтвердил Айвори. — И завтра делаю операцию в лечебнице Иды Шеррингтон.

— «Бесплодные усилия любви» — с отсутствующим видом пробормотал Дидмен своей сигаре, затем, возвращаясь к первоначальной теме, сказал вслух:

— Да, без них никак не обойдешься. Ведь вот что любопытно: в высшем обществе лечение микстурами решительно вышло из моды. Если вы пропишете какие-нибудь порошки в отеле «Плаза», это не внушит пациенту ни малейшего доверия к вам. Но если то же самое лекарство вы впрыскиваете, предварительно обмыв кожу, прокипятив иглу и проделав всю прочую комедию, то ваш пациент считает, что вы на высоте науки.

Хемсон энергично возразил:

— И очень хорошо для нас, врачей, что лечение микстурами сошло со сцены в Вест-Энде. Возьмите хотя бы тот случай, о котором сейчас говорил Чарли. Допустим, что он прописал бы этому субъекту марганец или марганец с железом, доброе старое лекарство, которое, вероятно, принесло бы больному столько же пользы, сколько впрыскивания, — он бы получил за это дело не больше трех гиней. А он распределил лекарство в дюжину ампул и получил пятьдесят... Нет, извини, Чарли, — я хотел сказать сорок пять гиней.

— Минус двенадцать шиллингов, — поправил тихонько Дидмен. — Стоимость ампул.

У Эндрью голова шла кругом. Этот аргумент в пользу упразднения лекарств потряс его своей новизной. Чтобы успокоиться, он опять выпил брэнди.

— Все дело в том, — философствовал Дидмен, — что они не знают, как дешевы эти вещи. Когда пациентка увидит на вашем столе ряд ампулок, у нее является инстинктивная мысль: «Боже, значит, лечение будет стоить больших денег!»

— Заметь, — Хемсон подмигнул Эндрью, — заметь, наш Дидмен, говоря о пациентах, всегда представляет себе особ женского пола... Да, между прочим, Поль, мне уже говорили вчера насчет охоты. Даммет согласен организовать все, если ты, Чарльз и я примем участие.

Они минут десять говорили об охоте, о гольфе, в который они играли в окрестностях Лондона на площадках, куда вход стоит очень дорого, об автомобилях. А Эндрью слушал, курил свою сигару и прихлебывал брэнди. Все выпили много брэнди. Эндрью, чуточку опьянев, решил про себя, что

все они удивительно славные ребята. Они не только не отстраняли его от участия в разговоре, но все время то каким-нибудь словом, то взглядом давали ему почувствовать, что он свой человек. Они как-то сумели заставить его забыть, что он завтракал одной лишь маринованной селедкой. И когда все поднялись, Айвори ударил его по плечу.

— Надо будет послать вам свою карточку, Мэнсон. Буду очень рад, если вы как-нибудь пригласите меня на консилиум к своему пациенту.

Когда мужчины воротились в гостиную, атмосфера там, в силу контраста, показалась Эндрью холодно-официальной, но Фредди, который был в чудесном настроении и сиял еще больше, чем всегда, засунув руки в карманы, выпятив ослепительную крахмальную грудь сорочки, объявил, что еще рано и вечер надо окончить всем вместе в «Эмбесси».

— К сожалению, — Кристин бросила неопределенный взгляд на Эндрью, — нам необходимо идти домой.

— Глупости, дорогая, — Эндрью блаженно улыбнулся. — И думать нельзя о том, чтобы так рано кончить этот вечер.

В «Эмбесси» Фредди, видимо, был известен. Его и его спутников с поклонами и улыбками усадили за стол у стены. Опять пили шампанское. Танцевали. «Эти люди умеют жить, — размышлял Эндрью, восторженно и туманно. — Отличная музыка... Инт...тересно, хотела бы Крис потанцевать или нет?»

В такси, когда они, наконец, возвращались на Чесборо-террас, он объявил, захлебываясь от удовольствия:

— Замечательно симпатичные ребята! Вообще вечер мы провели чудесно, правда, Крис?

Она отозвалась слабым, ровным голосом:

— Отвратительный вечер!

— Ч...что?

— Из твоих знакомых врачей, Эндрью, мне нравятся только Денни и Гоуп, но не эти... эти, пустые и чванные...

Эндрью не дал ей кончить:

— Но, послушай, Крис... что тебе не понравилось?

— Неужели же *ты* не почувствовал этого, — ответила она с холодным бешенством. — Да все! Еда, мебель, их манера разговаривать — только и слышишь все время: деньги, деньги. Ты не заметил, верно, как она, эта миссис Хемсон, смотрела на мое платье. У нее на лице так и читалось, что она тратит в один вечер на косметику больше, чем я за целый год на туалеты. Было почти забавно наблюдать ее в гостиной после того, как она узнала, какой я ничтожный маленький человек. Она ведь дочь Виттона —

короля виски! Ты представить себе не можешь, какого сорта разговор велся в гостиной до вашего прихода. Светские сплетни насчет того, кто с кем проводит свободные дни, что ей сказал парикмахер, подробности последнего скандала в обществе, — ни единого слова о чем-нибудь *настоящем*. Да что! Она ясно намекнула, что она, по ее выражению, «увлечена» дирижером оркестра в «Плаза-отеле».

Тон Кристин был дьявольски саркастичен. Вообразив что это зависть, Эндрию пьяно пролепетал:

— Я заработаю для тебя много денег, Крис. Накуплю тебе кучу дорогих туалетов.

— Не нужны мне деньги, — отрезала она, взвинченная до последней степени. — И я терпеть не могу дорогие туалеты.

— Но, дорогая... — Он пьяным жестом потянулся к ней.

— Не трогай меня! — ударил его голос Кристин. — Я тебя люблю, Эндрию, но не тогда, когда ты пьян.

Он отодвинулся в угол, оторопевший и разозленный. В первый раз Кристин оттолкнула его.

— Хорошо же, моя милая! — пробормотал он себе под нос. — Раз так, я...

Он расплатился с шофером и прошел в дом первый. Потом, не сказав ни слова, отправился спать в запасную комнату наверху. После только что покинутой роскоши все здесь казалось ему таким безобразным и убогим. Выключатель был в неисправности, — вся электрическая проводка в доме никуда не годилась.

«О, провались оно все, — думал он, бросаясь на постель. — Я должен выбраться из этой ямы. Я ей докажу! Я буду загребать деньги. Что можно сделать без них?»

В первый раз с тех пор, как они поженились, они эту ночь спали врозь.

III

На следующее утро за ранним завтраком Кристин держала себя так, словно весь вчерашний эпизод ею забыт. Эндрию видел, что она старается быть с ним особенно ласковой. Это удовлетворило его тщеславие и заставило еще больше надуться. «Женщине, — размышлял он, притворяясь, что углублен в чтение газеты, — время от времени надо указать ее место». Но после того как он, в ответ на обращение к нему Кристин, пробурчал несколько кислых реплик, она перестала с ним ласково заговаривать, ушла в себя и сидела за столом, сжав губы, не глядя на мужа, ожидая, пока он окончит есть. «Упрямый чертенок! — подумал он, вставая и выходя из комнаты. — Я ее проучу».

Войдя в кабинет, он первым делом достал с полки «Врачебный указатель». Ему было и любопытно и важно получить более точные сведения о тех, с кем он вчера провел вечер. Торопливо перелистывая книгу, он прежде всего отыскал Фредди. Да, вот оно — Фредерик Хемсон, улица Королевы Анны, бакалавр медицины, младший врач-экстерн в Уолтхемвуде.

Эндрию в полном недоумении наморщил брови. Фредди много говорил вчера о своей службе в больнице, он утверждал, что ничего так не помогает врачу завоевать себе положение в Вест-Энде, как служба в больнице: зная, что он квартирный врач, публика ему больше доверяет. Однако в адрес-календаре указывалась не больница, а амбулатория для бедняков — и в Уолтхемвуде, одном из новых предместий Лондона. Ошибки быть не могло, указатель был новый, последний, куплен всего месяц тому назад. Потом Эндрию отыскал Айвори и Дидмена, положил большую красную книгу на колени. Лицо его выражало странную задумчивость, даже растерянность. Поль Дидмен был, как и Фредди, бакалавр медицины, но без отличий, имевшихся у Фредди. Дидмен не был квартирным врачом. Ну, а Айвори? Мистер Чарльз Айвори с Нью-Кэвендиш-стрит не имел ни квалификации хирурга, ни службы в больнице. В сведениях о нем отмечен был лишь некоторый стаж во время войны в больницах пенсионной кассы. И больше ничего.

Углубленный в размышления, Эндрию встал и поставил книгу на место. Лицо его выражало внезапную решимость. Он говорил себе, что эти преуспевающие молодчики, с которыми он обедал вчера, не могут сравниться с ним по своей квалификации. И того, чего сумели добиться они, сумеет добиться и он. Нет, большего! Не обратив внимания на

вспышку Кристин, он больше чем когда бы то ни было испытывал желание выдвинуться. Но сначала надо поступить на службу — конечно, не в уолтхемвудскую или другую, ничего не стоящую амбулаторию для бедняков, а в одну из лондонских больниц. Да, в настоящую больницу. Это нужно сделать немедленно. Но как?

Три дня он раздумывал, потом в волнении отправился к сэру Роберту Эбби. Для него было самым тяжким испытанием на свете просить кого-нибудь об одолжении, а особенно Эбби, который принял его с веселой приветливостью.

— А! Как поживает наш специалист по измерению бинтов? И вам не стыдно смотреть мне в глаза?.. Говорят, доктор Бигсби заболел перенапряжением. Ничего об этом не слышали? Зачем вы пришли — чтобы поспорить со мной или просить места в комитете?

— Нет, сэр Роберт. Я хотел... то есть... Вы не могли бы мне помочь получить место амбулаторного врача в какой-нибудь больнице?

— Гм... Это уже много труднее, чем устроить вас в комитете. Знаете ли вы, как много молодых врачей слоняется без работы? И все ждут почетных мест. Вам, собственно, следовало бы специализироваться по легочным болезням. Да, и это тоже ограничивает выбор для вас больницы.

— Но... я думаю...

— Легочная клиника имени Виктории — вот это для вас подходящее место! Одна из старейших больниц в Лондоне. Пожалуй, наведу справки. Ничего вам пока не обещаю, но буду иметь вас в виду.

Эбби заставил его выпить с ним чаю. Он имел неизменную привычку в четыре часа выпивать в своем кабинете две чашки китайского чаю без молока и без сахара, ничем не закусывая. Это был какой-то особенный чай, пахнувший померандовым цветом. Эбби вел разговор, легко переходя от одной темы к другой, от чашек-пиал Хангси до кожной реакции фон Пирке^[32]. Потом, провожая Эндрию, сказал:

— А вы все воюете с официальными учебниками? И правильно, не переставайте воевать. И даже если я вас устрою в больницу Виктории, умоляю вас, не превращайтесь вы в тактичного и покладистого любимца пациентов. — Он прищурил глаза. — Вот это самое меня и сгубило.

Эндрию был на седьмом небе. Он воротился домой в таком радужном настроении, что даже забыл о своем оскорбленном достоинстве и, увидав Кристин, выпалил:

— Я был у Эбби. Он хочет попробовать устроить меня в больницу Виктории! Это мне даст фактически положение консультанта.

При виде радости, вспыхнувшей в глазах Кристин, он почувствовал

стыд за себя, за свою мелочность.

— Я был порядком несносен в последнее время, Крис. У нас не все было гладко. Давай забудем это, дорогая!

Она бросилась к нему, протестуя, уверяя, что во всем виновата она. Затем каким-то непонятным образом оказалось, что вина лежит всецело на Эндрью. И только где-то в уголке его души сохранилось упорное решение поскорее ошеломить Кристин грандиозностью материального успеха.

С новыми силами набросился он на работу, убежденный, что скоро ему должно повезти. Тем временем практика его постепенно увеличивалась. Он твердил себе, что не такого сорта практика ему нужна, не эти приемы на дому по три с половиной шиллинга да пятишиллинговые визиты к больным. Тем не менее то была практика в настоящем смысле слова. Люди, приходившие к Эндрью или вызывавшие его к себе, были так бедны, что и думать не смели о том, чтобы обратиться к врачу, если они не были действительно больны. Поэтому, посещая непроветренные, убогие комнаты над бывшими конюшнями, он находил там дифтерит, в сырых подвальных помещениях, где ютилась прислуга, — острый суставной ревматизм, в мансардах меблированных комнат — воспаление легких. Из всех этих жилищ, где он сражался с болезнью, самыми трагичными были отдельные квартирки, где жили пожилые мужчины и женщины, одинокие, забытые друзьями и родственниками, готовя себе жалкую пищу на газовой горелке, заброшенные, опустившиеся люди, о которых никто не заботился. Таких было много. Как-то раз Эндрью попал к отцу известной актрисы, имя которой сияло огнями на Шефтсбери-эвеню, — старику лет семидесяти, парализованному, жившему в грязи и нищете. Он лечил пожилую даму из высшего круга, худую, комичную, умирающую с голода. Она показала ему свою фотографию в парадном туалете, в котором представлялась ко двору. Рассказывала ему о тех временах, когда она проезжала по этим самым улицам в собственной карете. Как-то глубокой ночью он вернул к жизни (и потом презирал себя за это) несчастное существо, дошедшее до полного отчаяния, человека, который, не имея ни пенни, предпочел смерть от газа рабочему дому.

Часто случаи бывали неотложные, требовавшие хирургического вмешательства и немедленного помещения в больницу. И тут Эндрью оказывался в величайшем затруднении.

Добиться приема в больницу даже в самых тяжелых и опасных случаях было труднейшей задачей. Чаще всего к таким больным его вызывали поздно ночью. Возвратившись от них, в пальто и куртке поверх пижамы, не снимая шляпы, торчавшей на затылке, не разматывая шарфа на шее, он

стоял у телефона, звоня в одну больницу за другой, умоляя, убеждая, угрожая, но неизменно встречал отказ, лаконичный, часто грубый:

— Какой доктор? Кто? Нет, нет. К сожалению, у нас все занято.

Багровый, он шел к Кристин, отчаянно ругаясь.

— Вовсе у них не занято. У них сколько угодно свободных коек, но для своих людей. А когда к ним обращается незнакомый врач, они его сразу замораживают. С удовольствием свернул бы шею этому щенку, который со мной разговаривал! Подумай, Крис, ведь это черт знает что! У больного ущемленная грыжа, а я не могу добиться койки в больнице. Некоторые, вероятно, и в самом деле переполнены. И это Лондон! Это центр проклятой Британской империи! Вот что делает наша система больниц, организованных на частные и благотворительные средства! А какой-нибудь убудок-филантроп, встав поутру после банкета, объявляет, что эта система — лучшая в мире... Значит, моего беднягу с грыжей придется помещать в рабочий дом. Начнется заполнение опросных бланков: «Сколько вы зарабатываете? Ваше вероисповедание? Рождена ли ваша мать в законном браке?» А у него уже перитонит! Будь хорошей девочкой, Крис, позвони вместо меня в попечительство о бедных.

Но какие трудности ни встречал Эндрию, как он ни проклинал грязь и нищету, с которыми ему часто приходилось сталкиваться, у Кристин всегда готов был один и тот же ответ;

— Но это-то и есть *настоящая* работа. И, по-моему, тебе должно быть достаточно этого сознания.

— Его недостаточно, чтобы избавить меня от клопов, — ворчал он, уходя в ванную, чтобы обобрать их с себя.

Крис смеялась: она снова, как когда-то в Эберло, чувствовала себя счастливой. Борьба была ужасна, но в конце концов она справилась с этим домом. Порой он еще пытался встать на дыбы и лягнуть ее, но обычно лежал смиренно, чистый, отполированный до блеска, покорный ее зоркому глазу. У нее появилась новая газовая плита, на лампах новые абажуры, обивка на мебели была свежечвычищена. Перила лестницы сверкали, как пуговицы гвардейца. После многонедельных поисков прислуги (в этом районе девушки предпочитали служить в пансионах, где получали чаевые) Кристин удалось найти миссис Беннет, сорокалетнюю вдову, чистоплотную и работающую, которая, имея семилетнюю дочку, нигде не могла получить места прислуги, живущей в доме. Кристин и миссис Беннет вдвоем принялись за нижний этаж. Теперь прежний «железнодорожный туннель» преобразился в уютную жилую комнату с цветистыми обоями, с мебелью, купленной на толкучке и окрашенной

Кристин в кремовый цвет. Здесь миссис Беннет и маленькая Флорри, теперь каждый день ходившая с ранцем в Педдингтонскую школу, чувствовали себя надежно. В благодарность за эту безопасность и комфорт (после многих месяцев нужды и неуверенности в завтрашнем дне) миссис Беннет не знала, как и угодить Кристин.

Первые весенние цветы, так украшавшие приемную, словно отражали радость, наполнявшую дом Кристин. Она покупала эти цветы на рынке за несколько пенсов, когда ходила по утрам за провизией. Многие уличные торговцы на Маслборо-род уже знали ее. Здесь можно было дешево купить и фрукты, и рыбу, и овощи. Ей бы следовало больше помнить о том, что она жена врача, но — увы! — она не считала нужным помнить об этом и часто несла с рынка покупки в своей плетеной сумке, останавливаясь по дороге у лавки фрау Шмидт, чтобы поболтать несколько минут и захватить кусок липтауэрского сыра, который Эндрию очень любил.

Часто перед обедом она прогуливалась на берегу Серпентайн. Здесь уже зеленели каштаны, и водяные птицы скользили по воде, которую рябил ветер. Это место заменяло Кристин деревню, которую она так любила.

Иногда по вечерам Эндрию глядел на нее с выражением какой-то своеобразной ревности, означавшим, что он сердится, так как целый день не видел ее.

— Что ты делала сегодня весь день, пока я был занят? Если когда-нибудь у меня, наконец, будет свой автомобиль, ты у меня будешь шофером. Тогда ты всегда будешь подле меня.

Он все еще ожидал «хороших» пациентов, а они не приходили, жаждал получить от Эбби известие насчет службы в больнице, злился на то, что вечер, проведенный на улице Королевы Анны, не дал никаких результатов. Он тайне был задет тем, что ни Хемсон, ни его друзья до сих пор не вспомнили о нем.

В таком настроении сидел он однажды вечером в конце апреля в своей амбулатории. Было уже около девяти, и он собирался закрывать амбулаторию, когда вошла молодая женщина. Она неуверенно посмотрела на него:

— Я не знала, куда идти — сюда или с парадного хода.

— Это все равно, — кисло усмехнулся Эндрию. — Только те, кто приходят сюда, платят половину. Присядьте. В чем дело?

— Я ничего не имею против того, чтобы уплатить полностью. — Она подошла с забавной серьезностью и села на стул. Это была женщина лет двадцати восьми (как мысленно определил Эндрию), в темнозеленом

платье, топорная, с кривыми ногами и широким, некрасивым, серьезным лицом. При взгляде на нее являлась инстинктивная мысль: за этой никаких глупостей не водится!

Эндрью сказал, смягчившись:

— Не будем говорить о плате. Расскажите мне, на что вы жалуетесь.

— Видите ли, доктор, — она, видимо, хотела все же сначала отрекомендоваться. — Мне посоветовала к вам обратиться миссис Смис — знаете, у которой закусочная. Мы с ней старые знакомые. Я служу у Лорье, совсем близко отсюда. Моя фамилия Крэмб. Должна вам сказать, что я побывала уже у очень многих докторов. — Она сняла перчатки. — Это из-за моих рук.

Он посмотрел на ее руки, ладони которых были покрыты красноватой сыпью, похожей на псориаз. Но это был не псориаз, — края были не извилистые, а ровные. Неожиданно заинтересованный, Эндрью взял увеличительное стекло и стал внимательнее рассматривать ее ладонь. А женщина продолжала говорить серьезным, убеждающим тоном:

— И сказать вам не могу, как это мне мешает в моей работе. Я бы Бог знает что дала, чтобы от этого избавиться. Каких только мазей я уже не перепробовала! Но ни одна ничуть мне не помогла.

— Нет, и не могла помочь. — Он отложил лупу, испытывая удовольствие врача, который ставит трудный, но несомненный для него диагноз. — Это несколько необычное состояние кожи, мисс Крэмб. И бесполезно лечить его мазями. Причина тут — в вашей крови, и единственное средство от этого избавиться — соблюдать диету.

— И никаких лекарств не надо? — Ее серьезное лицо выразило сомнение. — Ни один врач мне еще этого не говорил.

— А я вам это говорю. — Он засмеялся и, вырвав листок из блокнота, записал ей подробно, какую диету ей следует соблюдать, какие блюда ей абсолютно запрещены.

Она приняла бумажку как-то нерешительно.

— Что ж... я, конечно, попробую, доктор. Я все, что угодно, готова испробовать.

Она добросовестно расплатилась с ним, постояла, словно все еще мучимая сомнениями, потом вышла. И Эндрью немедленно забыл о ней.

Десять дней спустя она пришла снова, на этот раз с парадного хода, и вошла в кабинет с таким выражением плохо скрытого восторга, что Эндрью едва удержался от улыбки.

— Хотите посмотреть мои руки, доктор?

— Да. — Теперь он-таки улыбнулся. — Надеюсь, вы не жалеете, что

соблюдали диету?

— Жалею! — Она протянула к нему руки в страстном порыве благодарности. — Взгляните! Я совсем вылечилась. Ни единого пятнышка. Вы не знаете, как это для меня важно... я и выразить вам этого не могу... Какой вы ученый!

— Полноте, полноте, — возразил Эндрию легким тоном. — Человеку моей профессии полагается знать эти вещи. Идите себе домой и не беспокойтесь больше. Только не ешьте той пищи, которую я вам запретил, и никогда у вас на руках больше не будет сыпи.

Она поднялась.

— А теперь позвольте вам уплатить, доктор.

— Вы мне уже уплатили, — возразил он, испытывая легкое эстетическое удовольствие от созерцания собственного благородства. Он очень охотно принял бы от нее еще три с половиной или даже семь шиллингов, по искушению завершить это торжество своего искусства красивым жестом было непобедимо.

— Но, доктор... — Она неохотно позволила ему проводить себя до дверей, здесь остановилась и сказала на прощанье, все с той же серьезностью: — Может быть, я смогу чем-нибудь другим отблагодарить вас.

Эндрию поглядел в поднятое к нему лунообразное лицо, и у него на миг мелькнула непристойная мысль. Но он только кивнул головой, закрыл за женщиной дверь и опять забыл о ней. Он был утомлен, уже отчасти сожалел, что отказался от денег, и во всяком случае меньше всего склонен был предполагать, что какая-то продавщица может быть ему полезна. Но он не знал мисс Крэмб. Кроме того, он совершенно упустил из виду одну возможность, о которой говорит Эзоп, а ему, как плохому философу, следовало бы это помнить.

IV

«Молодежь» у Лорье называла Марту Крэмб «Хавбек»^[33]. Грубоватая, некрасивая, неженственная до того, что казалась каким-то бесполом существом, она как будто совсем не подходила для роли старшей продавщицы этого единственного в своем роде магазина, бойко торговавшего нарядными платьями, роскошным бельем и мехами настолько дорогими, что цены их исчислялись сотнями фунтов. Но Марта была замечательной продавщицей, чрезвычайно уважаемой покупателями. Фирма Лорье, гордая своей славой, ввела у себя в магазине особую систему: каждая «старшая» создавала себе свой собственный круг «клиенток», небольшую группу постоянных заказчиц, которых она одна обслуживала, изучив их вкусы, «одевала», «откладывала» для них часть поступающих новых моделей. Между «старшей» и ее клиентками создавалась уже некоторая близость, часто на протяжении многих лет, и для этой роли Марта со своей честностью и серьезностью подходила как нельзя лучше.

Она была дочерью нотариуса в Кеттеринге. Многие служившие у Лорье барышни были дочерьми людей интеллигентных профессий из провинции или лондонских предместий. Считалось честью быть принятой на службу в магазин Лорье, носить форму этого предприятия — темнозеленое платье. Потогонная система и скверные бытовые условия, в которые поставлены иногда продавщицы других магазинов, совершенно отсутствовали у Лорье, где девушек прекрасно кормили, предоставляли удобное помещение и следили за их поведением. Мистер Уинч, единственный мужчина в магазине, особенно следил за тем, чтобы девушек никуда одних не отпускали. Он весьма уважал Марту и часто имел с ней продолжительные совещания. Это был розовый, женоподобный старичок, сорок лет прослуживший в магазинах дамского платья. Его большой палец стал совсем плоским от постоянного щупания материй, спина была всегда согнута в почтительном поклоне. При всей своей женоподобности, мистер Уинч для всякого посетителя представлял собой единственную пару брюк в безбрежном и пенистом море женственности. Он не одобрял тех мужей, которые приходили сюда с женами смотреть манекены. Он знал в лицо членов королевской фамилии. Он представлял собой почти такую же крупную величину, как самый магазин Лорье.

Исцеление мисс Крэмб вызвало тихую сенсацию среди персонала Лорье. И непосредственным результатом было то, что просто из

любопытства несколько младших продавщиц явилось к Эндрью с незначительными жалобами. Они, хихикая, поясняли одна другой, что им хотелось посмотреть, «каков из себя этот доктор нашей Хавбек». Но постепенно все больше и больше служащих Лорье стало приходить в приемную на Чесборо-террас. Все девушки были застрахованы. По закону они обязаны были лечиться у страхового врача, но, с отличавшим всю фирму Лорье высокомерием, они не подчинялись этому правилу. К концу мая нередко можно было увидеть в приемной Эндрью с полдюжины «барышень» от Лорье — молодых, с накрашенными губами, в высшей степени элегантных, копирующих своих заказчиц. Доходы Эндрью значительно повысились. Кристин говорила смеясь:

— Что ты делаешь с этим хором красоток, мой друг? Уж не ошиблись ли они дверью и не приняли ли твою приемную за театр?

Но пылкая признательность мисс Крэмб (о, восторг исцеления!) только еще начинала проявляться. До тех пор полуофициально врачом фирмы Лорье считался доктор Мак-Лин, солидный, пожилой. Его вызывали во всех экстренных случаях — например, когда мисс Твиг из костюмного отдела сильно обожглась горячим утюгом.

Но доктор Мак-Лин собирался уйти на покой, а его компаньон, которому он передавал практику, доктор Бентон, не был ни пожилым, ни солидным. Надо сказать, что не раз склонность доктора Бентона шнырять глазами по ножкам и слишком нежная заботливость его по отношению к хорошеньким младшим продавщицам заставляла мистера Уинча хмуриться и багроветь. Мисс Крэмб и мистер Уинч обсудили этот вопрос на одном из своих маленьких совещаний, и мистер Уинч, заложив руки за спину, важно кивал головой, когда мисс Крэмб напирала на то, что Бентон для них человек неподходящий и что на Чесборо-террас имеется другой врач, строгий и скромный, который достигает блестящих результатов, не принося жертв Таис^[34]. Пока ничего еще не было решено, мистер Уинч спешить не любил, но когда он поплыл к дверям, чтобы встретить герцогиню, в глазах его был знаменательный блеск.

На первой неделе июня Эндрью, которому уже давно было стыдно за свое прежнее пренебрежение к услугам мисс Крэмб, был потрясен новой неожиданной услугой с ее стороны.

Он получил письмо, написанное языком изысканным и вместе деловым (как он потом убедился, обыкновенный бесцеремонный вызов по телефону был совсем не в духе автора этого письма), с просьбой прийти во вторник, то есть на следующее утро, если возможно, к одиннадцати часам, на Парк-гарденс, № 9, к мисс Винифред Эверет.

Закрыв пораньше амбулаторию, он в большом волнении отправился туда. В первый раз его звали к больному за пределами убогого квартала, которым до сих пор была ограничена его практика. Парк-гарденс представлял собой красивую группу домов не совсем современного стиля, но больших и солидных, с прекрасным видом на Гайдпарк. Эндрию позвонил у дома № 9, в напряженном ожидании, неизвестно почему убежденный, что, наконец, пришла удача.

Ему открыл пожилой слуга. Комната, куда его ввели, была просторна, убрана старинной мебелью, книгами и цветами и напомнила ему гостиную миссис Воон. Как только он вошел, он понял, что предчувствие его не обмануло. Когда появилась мисс Эверет, он повернулся к ней и поймал ее взгляд, спокойный, ясный, с одобрительным выражением устремленный на него.

Это была женщина лет пятидесяти, хорошо сложенная, темноволосая, с желтовато-смуглой кожей, одетая со строгой простотой и державшая себя в высшей степени самоуверенно. Она сразу заговорила с ним ровным, размеренным голосом:

— Я лишилась своего постоянного врача, для меня это несчастье, так как я ему очень доверяла. Моя мисс Крэмб рекомендовала мне вас. Она женщина честная и преданная, я на нее полагаюсь. Я смотрела в справочнике — у вас высокая квалификация.

Она помолчала, совершенно откровенно разглядывая его и точно взвешивая. У нее был вид женщины, которая хорошо питается, окружена хорошим уходом, которая никому не позволит пальцем себя коснуться, пока не осмотрит как следует его руки. Она продолжала с нарочитой сдержанностью:

— Пожалуй, вы мне подойдете. В это время года я всегда проделываю курс впрыскиваний. У меня сенная лихорадка. Вам, я полагаю, известно все об этой болезни?

— Да, — ответил он. — Что вам впрыскивали?

Она назвала известный препарат.

— Мой прежний врач посоветовал мне это средство. Я очень верю в него.

— Ах, вот что он вам впрыскивал!

Задетый ее тоном, он чуть не сказал ей, что верное средство ее хваленного доктора ничего не стоит, что оно стало популярным благодаря ловкому рекламированию его фирмой, изготавливающей его, а помогает оно при сенной лихорадке только потому, что в Англии летом редко бывает в воздухе много той цветочной пыльцы, которая вызывает эту болезнь. Но он

сделал над собой усилие и промолчал. В нем происходила борьба между тем, во что он верил, и тем, чего он желал. Он подумал, подстрекая сам себя: «Дурак я буду, если я упущу этот случай после стольких месяцев неудач», а вслух сказал:

— Полагаю, что смогу не хуже всякого другого делать вам эти впрыскивания.

— Прекрасно. А теперь относительно гонорара. Я никогда не платила доктору Синклеру больше гинеи за визит. Могу я считать, что вы согласны на эти условия?

Гинею за визит — втрое больше, чем он когда-либо получал! А еще важнее было то, что это — первый шаг к практике в высшем кругу, которой он жаждал столько месяцев. Снова подавил он в себе протестующий голос совести. Что же из того, если впрыскивания бесполезны? Это ее предложение, не его. Он устал от неудач, ему надоело тянуть лямку, получая по три с половиной шиллинга за визит. Он хочет пробить себе дорогу, добиться успеха. И добьется во что бы то ни стало.

Он пришел к ней опять на следующий день ровно в одиннадцать. Она свойственным ей строгим тоном предупредила его, чтоб он не опаздывал. Она не хотела менять часа своей обычной утренней прогулки. Он сделал ей первое впрыскивание. И стал приходить два раза в неделю, продолжая лечение.

Он был пунктуален, так же аккуратен, как она, и никогда не переходил границ, ею намеченных. Было почти забавно наблюдать, как она постепенно оттаивала. Она была чудачка, эта Винифред Эверет, и особа весьма решительная. Несмотря на свое богатство (отец ее был крупным заводовладельцем в Шеффилде, и все состояние, полученное ею в наследство, было вложено в надежные ценные бумаги), она старалась извлечь максимальную пользу из каждого пенни. То была не скупость, а скорее своеобразная форма эгоизма. Она поставила себя в центре своего мирка, чрезвычайно заботилась о своем все еще красивом и белом теле, интересовалась всеми видами ухода и лечения, какие, по ее мнению, могли ей быть полезны. Она желала непременно иметь все самое лучшее. Она была умеренна в пище, но ела только самое изысканное и дорогое. Когда при шестом визите она снизошла до того, что предложила Эндрью стакан хереса, он заметил, что это Амонтильядо 1819 года. Одевалась она у Лорье. Нигде, ни у кого Эндрью не видал такого постельного белья, как у нее. А при всем том она принципиально никогда не тратила лишнего фартинга. Никак нельзя было себе представить, чтобы мисс Эверет бросила полкроны шоферу такси, не посмотрев сперва внимательно на счетчик.

Эндрью такая женщина должна была бы внушать отвращение, а между тем он ничего подобного не испытывал. Она возвела свое себялюбие чуть не на степень философии. И она обладала большим здравым смыслом. Она удивительно напоминала Эндрью женщину с картины Терборха, одного из старых голландских мастеров, которую они с Кристин видели когда-то. То же пышное тело, нежно-розовый цвет лица, тот же рот, надменный и чувственный.

Когда мисс Эверет заметила, что Эндрью — по ее собственному выражению — серьезно решил ей понравиться, она стала менее сдержанна. Для нее было неписанным законом, что визит врача должен продолжаться двадцать минут, иначе она считала бы, что получила недостаточно за свои деньги. Но к концу месяца Эндрью уже просиживал у нее по полчаса. Они беседовали. Он говорил с нею о своем стремлении выдвинуться. Она это одобряла. Круг ее интересов был ограничен. Но круг ее родственников — неограничен, и говорила она главным образом о них. Она не раз упоминала о своей племяннице, Кэтрин Сэттон, которая жила в Дербишире, но часто приезжала в Лондон, так как ее муж, капитан Сэттон, был членом парламента от Бернуэлла.

— Доктор Синклер лечил и их тоже, — заметила она как-то раз осторожно, — не вижу, почему бы вам не стать их домашним врачом.

Когда он пришел в последний раз, она угостила его опять стаканом Амонтильядо и сказала очень любезно:

— Я терпеть не могу получать счета. Позвольте мне сейчас расплатиться с вами. — Она подала ему сложенный чек на двенадцать гиней. — Само собой разумеется, я скоро приглашу вас опять. Я зимой обычно делаю себе прививку против насморка.

Она даже проводила его до двери на лестницу и здесь постояла с минуту. Ее холодное лицо осветилось наиболее близким подобием улыбки, какое он когда-либо видел на этом лице. Но оно быстро исчезло, и, сурово глядя на него, она сказала:

— Хотите послушать совета женщины, которая годится вам в матери? Оденьтесь у хорошего портного. Сходите к портному капитана Сэттона, Роджерсу, на Кондуит-стрит. Вы мне говорили, что вы очень хотите выдвинуться. Но в этом костюме вы ничего не добьетесь.

Он шел от нее и всю дорогу мысленно ругал ее с прежней своей необузданностью. Лицо его пылало от обиды. Старая сука! И чего она сует нос, куда ее не просят, какое ей дело до него! Какое право она имела учить его, как одеваться! Или она думает, что он будет играть при ней роль комнатной собачки? Вот где наихудший компромисс — в рабском

подчинении условности. Его педдингтонские пациенты платили ему только три с половиной шиллинга, но зато они не предлагали ему превратиться в портновский манекен. Впредь он ограничится только этим кругом пациентов и никому не будет продавать свою совесть.

Но это настроение прошло как-то само собой. Правда, Эндрию никогда ни капельки не интересовался состоянием своего туалета. Дешевый костюм из магазина готового платья всегда отлично служил ему, покрывал и защищал от холода, несмотря на свою неэлегантность. Кристин тоже, хотя и была всегда одета мило и опрятно, никогда не огорчалась из-за отсутствия нарядов. Она лучше всего чувствовала себя в шерстяной юбке и связанном ею самой джемпере.

Эндрию украдкой оглядел себя, свои неопишуемые шерстяные брюки мешком, внизу забрызганные грязью. «Черт возьми, — подумал он с раздражением, — а ведь она совершенно права. Как я могу в таком виде завербовать пациентов высшего класса? И отчего Кристин мне до сих пор ничего не говорила? Это ее дело, а не старухи Винифред. Как фамилия того портного, которого она мне назвала? Да, Роджерс на Кондуит-стрит. Я, пожалуй, действительно обращусь к нему».

Пока он дошел до дома, к нему уже вернулось хорошее настроение. Он помахал чеком перед носом Кристин:

— Видала, моя милая? А помнишь, как я прибежал к тебе из приемной с первым жалким заработком в три шиллинга? Ба! Нет, вот это — деньги, настоящий гонорар, какой и полагается доктору медицины! Двенадцать гиней за любезные разговоры с душой Винни и безвредные впрыскивания ей «Иптона Гликкерта».

— Что это за «Иптон»? — спросила с улыбкой Кристин. Потом вдруг с недоумением посмотрела на него. — Да ведь это, кажется, тот препарат, который ты так высмеивал?

Эндрию переменялся в лице, насупился в сильном замешательстве. Кристин сказала именно то, что ему не хотелось услышать. И он вдруг рассердился, но не на себя, а на нее:

— Ах, пропади все пропадом! Никогда на тебя не угодишь, Крис! — Он повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Весь этот день он дулся. Но на другой день опять повеселел. И отправился к Роджерсу на Кондуит-стрит.

V

Он был, как школьник, горд собой, когда две недели спустя явился вниз к Кристин в одном из своих двух новых костюмов. Костюм был темносерый двубортный и, по указанию Роджерса, дополнялся воротничком с уголками и темным галстуком в тон. Без всякого сомнения, портной с Кондуит-стрит был мастер своего дела, а ссылка на капитана Сэттона побудила его одеть Эндрю с особой тщательностью.

Как раз в это утро Кристин выглядела хуже обычного. У нее немного болело горло, и она закутала шею и голову старым шарфом. Она разливала кофе, когда Эндрю предстал перед ней в столь ослепительном виде. Она была так потрясена, что некоторое время не могла произнести ни слова.

— Ох, Эндрю! — ахнула она. — Замечательно! Ты куда-нибудь идешь?

— Иду? Конечно, иду, на работу, к больным. — Он был так доволен собой, что держал себя почти вызывающе. — Ну, как, нравится?

— Да, — ответила Кристин, но не так быстро, как ему хотелось. — Очень... страшно шикарно, но... — она усмехнулась, — но это точно не ты.

— Ты, кажется, предпочла бы, чтобы я всегда имел вид бродяги.

Она промолчала, но рука ее, державшая чашку, вдруг сжалась так, что под кожей заболели суставы. «Ага, — подумал Эндрю, — задело за живое!» Он окончил завтрак и пошел к себе в кабинет.

Через пять минут и она пришла туда, все в том же шарфе на шее. Глаза у нее были нерешительные, умоляющие.

— Милый, — сказала она, — пожалуйста, не перетолковывай моих слов. Мне ужасно приятно видеть тебя в новом костюме. Я хочу, чтобы у тебя было все, все самое лучшее. Ты извини, что я так выразилась давеча в столовой, но понимаешь, я привыкла считать тебя... ох, это ужасно трудно объяснить... я всегда считала тебя человеком, который... — пожалуйста, не пойми меня опять превратно, которому решительно все равно, какой у него вид и что думают люди о его внешности. Помнишь, мы видели с тобой голову работы Эпштейна. Что ж, разве ей нужна полировка и отделка?

— Я не голова Эпштейна, — отрезал он.

Кристин не отвечала ничего. В последнее время с ним трудно было ладить, и, огорченная этим недоразумением между ними, она не знала, что сказать. Все так же нерешительно она ушла из кабинета.

Три недели спустя, когда племянница мисс Эверет приехала на несколько недель в Лондон, Эндрю был вознагражден за то, что мудро,

исполнил совет старой дамы. Мисс Эверет под каким-то предлогом вызвала его в Паркгарденс и с суровым одобрением оглядела с ног до головы. Она явно проверяла, достоин ли он ее рекомендации. На другой день ему позвонила по телефону миссис Сэттон, которая желала, как и тетка, предохранить себя от сенной лихорадки, — очевидно, это была фамильная болезнь. Он без всяких угрызений совести согласился впрыскивать ей бесполезный «Иптон» изобретательной фирмы Гликкерт. Он произвел на миссис Сэттон прекрасное впечатление и в том же месяце был приглашен к знакомому мисс Эверет, также жившему в Парк-гарденс.

Эндрю был очень доволен собой. Он побеждал, преуспевал. В своем жадном стремлении к успеху он не замечал, что эта блестящая карьера противоречит всему тому, во что он до сих пор верил. В нем заговорило тщеславие. Он ощущал энергию и веру в себя. Он не задумывался над тем, что этой растущей, как снежный ком, практике среди «высшего круга» положила начало толстая немка-лавочница, продававшая за прилавком ветчину и говядину по соседству с вульгарным рынком Маслборо. Он не успевал думать ни о чем. Снежный ком катился все дальше, новая, еще более головокружительная удача плыла к нему в руки.

Однажды в июньский день, в те мертвые часы между двумя и четырьмя, когда обычно никаких выдающихся событий не происходило, Эндрю сидел у себя в кабинете, подсчитывая заработок за месяц, как вдруг зазвонил телефон. В одну секунду он очутился подле аппарата.

— Да, да, у телефона доктор Мэнсон.

Донесся взволнованный, дрожащий голос:

— Ах, доктор Мэнсон, как я рад, что застал вас дома. Это говорит мистер Уинч. Мистер Уинч от Лорье. У нас случилась маленькая неприятность с одной из наших покупательниц. Не можете ли вы прийти? Прийти сейчас же!

— Буду у вас через четыре минуты.

Эндрю повесил трубку и кинулся за шляпой. Автобус, в эту минуту громыхавший мимо дома, значительно ускорил его стремительную скачку. Через четыре с половиной минуты он был уже за вертящейся дверью магазина Лорье; его встретила испуганная мисс Крэмб и повела по глади зеленого ковра мимо высоких золоченых зеркал и полированных панелей, на фоне которых будто случайно мелькали то дамская шляпка на подставке, то кружевной шарф, то горностаевый палантин. В то время как оба они торопливо и озабоченно шли вперед, мисс Крэмб объясняла Эндрю:

— Это из-за мисс Ле-Рой вас вызвали, доктор. Одной из наших

заказчиц. Слава Богу, она не моя заказчица, с ней всегда выходят неприятности, Да, видите ли, доктор, я говорила о вас мистери Уинчу, и поэтому он...

— Благодарю, — резко оборвал ее Эндрию. Он еще в некоторых случаях бывал по-старому груб. — Но что случилось?

— Она кажется... ах, доктор, с нею как будто случился припадок в примерочной.

На верхней площадке широкой лестницы она сдала его с рук на руки красному, взволнованному мистери Уинчу, который засуетился:

— Сюда, доктор, сюда. Надеюсь, вы нам поможете. Ужасная неприятность...

В примерочной, теплой, застланной чудесным ковром, также зеленым, но более светлого тона, на фоне зеленых с золотом стен, — толпа щебечущих между собой девушек. Тут опрокинутый золоченый стул, там брошенное полотенце, пролит стакан воды, — словом, ад крошечный. А посреди комнаты — мисс Ле-Рой, та девушка, с которой случился припадок. Она лежала на полу, неподвижно вытянувшись, руки ее конвульсивно, сжимались, ноги точно одеревянели. Время от времени из сжатого горла вырывалось какое-то жуткое карканье.

Когда вошли Эндрию и мистер Уинч, одна из пожилых продавщиц разразилась слезами.

— Я не виновата, — всхлипывала она, — я только сказала мисс Ле-Рой, что это тот самый рисунок, который она выбрала.

— О Боже, о Боже, — пробормотал мистер Уинч. — Это ужасно, ужасно! Не вызвать ли карету скорой помощи?

— Нет, пока не надо, — сказал Эндрию каким-то странным тоном и наклонился над мисс Ле-Рой. Это была еще очень молодая девушка, лет двадцати четырех, голубоглазая, с шелковистыми, словно выцветшими волосами, сбившимися под съехавшей набок шляпкой. Ее оцепенение и конвульсии все усиливались. С другой стороны подле нее стояла на коленях какая-то женщина с встревоженными черными глазами, очевидно, ее подруга. Она все время шептала: «Ах, Топпи, Топпи!»

— Пожалуйста, освободите комнату, — сказал вдруг Эндрию. — Попрошу выйти всех, кроме, — он остановил взгляд на молодой брюнетке, — кроме этой дамы.

Девушки вышли немного неохотно, так как для них припадок мисс Ле-Рой был приятным развлечением. Удалились и мисс Крэмб и даже мистер Уинч. Как только они вышли, конвульсии стали еще сильнее.

— Это очень серьезный случай — сказал Эндрию отдельно и ясно. —

Мисс Ле-Рой выкатила на него глаза. — Дайте, пожалуйста, стул.

Опрокинутый стул был поднят и поставлен посреди комнаты подругой мисс Ле-Рой. Тогда Эндрию осторожно и очень бережно, поддерживая ее подмышки, помог мисс Ле-Рой сесть на стул. Он выпрямил ей голову.

— Вот так, — сказал он еще ласковее. Затем ладонью звонко ударил ее по щеке. Это был самый смелый его поступок за много месяцев, и — увы! — он оставался его единственным смелым поступком еще в течение долгого времени.

Мисс Ле-Рой перестала каркать и конвульсивно дергаться, глаза ее больше не закатывались и взглянули на Эндрию с удивлением, с каким-то детским огорчением. Чтобы предупредить новый припадок, он, не дав ей опомниться, ударил ее по другой щеке. Бац! Смешной испуг выразился на лице мисс Ле-Рой. Она задрожала, — казалось, что она снова закричит, но она тихонько заплакала. И, плача, обратилась к подруге:

— Дорогая, я хочу домой.

Эндрию, словно извиняясь, посмотрел на брюнетку, которая в свою очередь уставилась на него со сдержанным, но необычным интересом.

— Мне очень жаль, — пробормотал он, — но это единственный способ... У нее тяжелая форма истерии. Во время конвульсий она могла себе чем-нибудь повредить, а у меня нет с собой никакого наркотического средства. И во всяком случае *это* средство подействовало.

— Да... подействовало.

— Пусть выплачется, — сказал Эндрию. — Слезы — хороший предохранительный клапан, через несколько минут она успокоится.

— Но вы не уходите. — Потом торопливо: — Вам придется проводить ее домой.

— Хорошо, — согласился Эндрию самым деловым тоном.

Через пять минут Топпи Ле-Рой была уже в состоянии «привести в порядок свое лицо», — длительная операция, сопровождавшаяся последними прерывистыми всхлипываниями.

— У меня не слишком гадкий вид, дорогая? — осведомилась она у подруги. На Эндрию она не обращала никакого внимания.

Они вышли из примерочной, и их проход через длинную приемную произвел настоящую сенсацию. Мистер Уинч чуть не онемел от изумления и радости. Он не знал, и ему не суждено было никогда узнать, каким образом все произошло, как только что извивавшаяся в корчах больная была поставлена на ноги. Он шел за ними, лепеча почтительные слова. Когда Эндрию проходил в главный подъезд позади обеих дам, мистер Уинч стиснул ему руку своей рыхлой рукой.

Такси помчало их по Бейсуотер-род в направлении Мраморной арки. Никто из троих и не пытался поддерживать разговор. Мисс Ле-Рой дулась, как балованный ребенок, которого наказали, и все еще нервничала: по временам ее руки и мускулы лица непроизвольно дергались. Теперь ее можно было лучше рассмотреть, и она оказалась очень худенькой и почти красивой, несмотря на болезненный вид. Она была прекрасно одета, но, несмотря на это, Эндрью мысленно сравнил ее с ошипанным цыпленком, периодически пронизываемым электрическим током. Он и сам нервничал, чувствуя всю неловкость положения, но решил, что в его интересах использовать этот случай до конца.

Таксомотор обогнул Мраморную арку, проехал Гайдпарком и, свернув налево, подкатил к дому на Грин-стрит.

Их впустили почти тотчас же. У Эндрью дух захватило, — никогда он и вообразить себе не мог такой роскоши: просторная приемная с деревянными панелями, великолепно изукрашенная нефритом горка, оригинальная единственная картина в дорогой раме, красновато-золотистые лакированные стулья, широкие кушетки, пушистые ковры блеклых тонов.

Топпи Ле-Рой, упорно не замечая Эндрью, села на диван, на котором были разбросаны атласные подушки, и, стащив с головы шляпку, швырнула ее на пол.

— Позвони, дорогая, мне хочется пить. Слава Богу, отца нет дома.

Слуга тотчас принес коктейли. Когда он вышел, подруга Топпи внимательно поглядела на Эндрью и едва заметно улыбнулась.

— Я думаю, следовало вам объяснить, в чем дело, доктор. Но все произошло так быстро, что я не успела... Я — миссис Лоренс. Топпи — вот она, то есть мисс Ле-Рой, немного поскандалила из-за платья, которое она заказала специально к благотворительному балу. Она в последнее время слишком переутомилась и вообще слишком нервная девица и... словом, хотя Топпи и очень сердита на вас, мы все же страшно вам благодарны за то, что вы нас проводили... И я намерена выпить еще один коктейль.

— Я тоже, — сказала Топпи капризно. — Ух, и противная же баба эта примерщица у Лорье! Я скажу папе, чтобы он позвонил и приказал ее уволить... Нет, не скажу ничего! — Она залпом выпила второй коктейль, и довольная улыбка медленно разлилась по ее лицу. — Здорово я их всех напугала, а, Франсиз? Я просто взбесилась!.. Но до чего смешное лицо было у старой мамы Уинча! — Ее худенькое тело все затряслось от смеха. Она уже без всякой враждебности встретила взгляд Эндрью. — Что же вы не смеетесь, доктор? Это было неподражаемо!

— Нет, я нахожу это не слишком забавным. — Он заговорил быстро, спеша объясниться, упрочить свое положение, убедить ее, что она больна. — У вас был скверный припадок. Вы извините, что мне пришлось поступить с вами, как я поступил. Будь у меня с собой какое-нибудь наркотическое средство, я бы дал вам его. Это было бы гораздо менее... менее неприятно для вас. И, пожалуйста, не думайте, что я считаю этот припадок просто комедией с вашей стороны. Истерия (да, это именно истерия) — такая же болезнь, как всякая другая. Напрасно люди относятся к ней несочувственно. Это известное состояние нервной системы. Вы сильно переутомлены, мисс Ле-Рой, все ваши рефлексы обострены, вы в очень нервном состоянии.

— Это совершенная правда, — подхватила Франсиз Лоренс. — Ты в последнее время слишком утомилась, Топпи.

— И вы бы действительно захлороформировали меня? — спросила Топпи с детским удивлением. — Вот было бы забавно!

— Будь же серьезна, Топпи, — сказала миссис Лоренс. — Надо тебе взять себя в руки.

— Ты точь-в-точь папа, — заметила Топпи, снова приходя в дурное настроение.

Наступило молчание. Эндрию допил коктейль и поставил стакан на резную деревянную полку камина. Ему явно здесь больше делать было нечего.

— Ну, мне надо возвратиться к своей работе, — сказал он важно. — Послушайтесь моего совета, мисс Ле-Рой. Съешьте что-нибудь, ложитесь в постель и — так как я больше ничем не могу вам быть полезен — вызовите завтра своего домашнего врача. Будьте здоровы.

Миссис Лоренс проводила его в переднюю, но двигалась так неторопливо, что ему не удалось уйти так быстро, как он хотел. Миссис Лоренс была высока и стройна, у нее были высокие плечи и маленькая изящная головка. Несколько седоватых прядей в темных, красиво завитых волосах придавали ей своеобразное благородство. Впрочем, она была еще совсем молода, Эндрию решил, что ей никак не более двадцати семи лет. При таком высоком росте она была хорошо сложена, особенно малы и красивы были руки, и вся фигура производила впечатление гибкой и прекрасно тренированной, как у фехтовальщика. Она подала ему руку на прощанье. Ее зеленовато-карие глаза улыбались все той же легкой, дружеской, спокойной улыбкой.

— Я хочу только сказать вам, что мне очень понравился ваш новый способ лечения. — Губы ее дрогнули. — Ни в коем случае не

отказывайтесь от него. Я предвижу, что он будет иметь потрясающий успех.

Идя по Грин-стрит к стоянке автобуса, он увидел к своему изумлению, что уже скоро пять. Он провел три часа в обществе этих женщин. Надо будет потребовать за это изрядный гонорар. Но, несмотря на такую утешительную мысль, столь симптоматичную для его нового мировоззрения, он испытывал смятение, странное недовольство собой. Использовал ли он в полной мере удачу? Миссис Лоренс он как будто бы понравился. Но об этих людях никогда ничего нельзя сказать наверное. А какой чудесный дом! Он вдруг даже зубами заскрипел от сердитого отчаяния: ведь он не только не догадался оставить свою визитную карточку, он даже забыл им представиться! И, садясь в переполненный автобус рядом со стариком-рабочим в засаленном комбинезоне, он горько клял себя за то, что упустил такой счастливый случай.

VI

На другое утро, в четверть двенадцатого, когда он собирался выйти из дому, чтобы сделать ряд «дешевых» визитов к больным в районе Маслбороского рынка, раздался телефонный звонок. Мурлыкающий голос слуги говорил с серьезной убедительностью:

— Доктор Мэнсон, сэр! Мисс Ле-Рой желает знать, сэр, в котором часу вы ее сегодня навестите. Простите, сэр, одну минуту — миссис Лоренс сама хочет говорить с вами.

Эндрю с бурно стучавшим сердцем ждал, чтобы миссис Лоренс заговорила с ним. Она дружеским тоном сказала, что они ждут его визита и что он непременно должен приехать.

Отойдя от телефона, он, ликуя, твердил себе, что, значит, счастливый случай не упущен, нет, нет, он все-таки не упустил его!

Он пропустил все другие визиты, даже и неотложные, он направился прямо в дом на Грин-стрит. Здесь он на этот раз встретился с самим Джозефом Ле-Роем. Тот нетерпеливо дожидался его в нефритовой комнате, — лысый, приземистый, с большим кадыком, он свирепо курил сигару с видом человека, который не может терять даром время. Одну секунду он сверлил Эндрю глазами, но эта хирургическая операция, к удовольствию последнего, кончилась очень быстро. Ле-Рой заговорил — убедительно, употребляя жаргон бывшего жителя колоний:

— Вот что, док^[35], я тороплюсь. Миссис Лоренс стоило сегодня черт знает каких хлопот разыскать вас. Я так понимаю, что вы парень толковый и глупостей себе не позволите. И вы женаты, не правда ли? Это хорошо. Так вот... примитесь-ка за мою девчонку. Добейтесь, чтобы она стала крепкой, здоровой, выгоните из нее начисто эту проклятую истерию. Ничего не жалейте. У меня есть чем заплатить. До свиданья,

Джозеф Ле-Рой был родом из Новой Зеландии. И несмотря на его богатство, дом на Грин-стрит и экзотическую дочку Топпи, не трудно было поверить, что прадедом его был Майкл Клири, безграмотный работник на ферме среди полей, окружающих Греймаускую гавань. Майкла Клири его товарищи, такие же маленькие люди, называли просто Лири. Джозеф Ле-Рой вступил в жизнь, конечно, под именем просто Джо Лири и мальчиком начал свою карьеру в качестве доильщика на одной из больших греймауских ферм. Но Джо, по его собственному выражению, был рожден для того, чтобы доить не одних только коров. И тридцать лет спустя в конторе на верхнем этаже первого оклендского небоскреба Джозеф Ле-Рой

подписал соглашение, по которому все молочные фермы острова объединялись в один большой комбинат сгущенного молока.

Это была грандиозная затея, этот комбинат «Кремоген». В те времена сгущенное молоко было еще продуктом новым, производство его — коммерчески не организовано. И Ле-Рой первый оценил скрытые здесь возможности, руководил выпуском этого продукта на мировой рынок, рекламировал его как «Богом данное питание для детей и больных». Залогом успеха служили не продукты Джо, а его безмерная наглость. Последнее снятое молоко, которое на сотнях новозеландских ферм выливали в сточную яму или скармливали свиньям, теперь продавалось во всех городах мира в красивых жестянках с пестрыми наклейками, под названиями «Кремоген», «Кремакс» и «Кремфэт», втрое дороже чистого и свежего молока.

Вторым директором «Комбината Ле-Роя», представителем английских пайщиков, являлся Джек Лоренс, который, как это ни странно, был офицером гвардии до того, как стал коммерсантом. Но не только то, что Лоренс и Ле-Рой были компаньонами, сблизило миссис Лоренс и Топпи. Франсиз, которая имела свое собственное состояние и вращалась в высшем лондонском свете гораздо больше, чем Топпи (та иногда еще обнаруживала черты своих лесных предков), питала слабость к этому забавлявшему ее «enfant gate»^[36]. Когда после беседы с Ле-Роем Эндрью поднялся вверх, он застал ее у дверей комнаты Топпи. И в последующие дни во время его визитов Франсиз Лоренс всегда была тут, помогала ему справляться с требовательной и своенравной пациенткой, готова была всегда найти улучшение в здоровье Топпи, настаивала на продолжении лечения, осведомлялась, когда ожидать следующего визита.

Испытывая к ней чувство признательности, Эндрью, все еще несколько неуверенный в себе, находил странным, что эта аристократка, которая самодовольно причисляла себя к отборной части человечества, которая казалась ему личностью исключительной еще до того, как ему стали попадаться ее портреты в иллюстрированных еженедельных журналах, могла питать хотя бы и такой слабый интерес к нему. Ее широкий, немного капризный рот обычно выражал враждебность по отношению к людям не ее круга, но почему-то она никогда не выказывала такой враждебности к Эндрью. У него появилось сильное желание (это было нечто большее, чем любопытство) разгадать ее характер, ее душу. Он не знал настоящей миссис Лоренс. Наблюдать ее сдержанные движения, когда она ходила по комнате, было истинным наслаждением. Она была всегда ровна и покойна; все, что делала, делала неторопливо и обдуманно; за приветливой

настороженностью ее глаз скрывались тайные мысли, несмотря на грациозную беспечность речей.

Вряд ли сознавая, что эта мысль внушена ею, Эндрью с некоторого времени (ничего не говоря Кристин, которая по-прежнему сводила свой хозяйственный бюджет в шиллингах и пенсах, ничуть не тяготясь этим) начал нетерпеливо задавать себе вопрос, как может врач завоевать практику в хорошем обществе, не имея элегантного автомобиля. Смешно подумать, что он ходит пешком на Грин-стрит, таща свою сумку, является в дом с запыленной обувью, вместо того чтобы приезжать в автомобиле, и ему неловко перед лакеем, встречающим его с легким высокомерием. За домом на Чесборо-террас имеется кирпичный гараж, — это значительно сократит стоимость содержания автомобиля, — и есть фирмы, специально занятые снабжением автомобилями врачей, замечательные фирмы, которые готовы любезно рассрочить платеж.

Прошло три недели, и у дома № 9 на Чесборо-террас остановился новенький коричневый, сверкающий темной лакировкой автомобиль с откидным верхом. Выскочив из кабинки шофера, Эндрью взбежал по лестнице.

— Кристин! — позвал он, пытаясь не выдать голосом пожиравшую его радость. — Кристин! Поди сюда, ты что-то увидишь!

Он хотел ее поразить. И достиг цели.

— Боже! — она стиснула его плечо. — Это наш? О! Какая прелесть!

— Правда? Осторожно, дорогая, не трогай руками, на лаке останется след! — Он улыбался ей, совсем как бывало. — Хорош сюрприз, а, Крис? Достал его и зарегистрировал и все сделал, а тебе все время ни словечка! Да, это не то, что наш старый «Моррис». Садитесь, сударыня, я вам продемонстрирую его ход. Летит, как птица!

Он помчал ее вокруг сквера, как она была, без шляпы, и Кристин не могла вдоволь налюбоваться маленьким автомобилем. Через четыре минуты они уже воротились и стояли на тротуаре перед домом. Эндрью все не мог глаз отвести от своего сокровища.

Минуты близости между ними, взаимного понимания, общей радости были теперь такой редкостью, что Кристин ужасно хотелось продлить их. Она прошептала:

— Теперь тебе будет удобно навещать больных, милый. — Потом робко: — И если бы мы могли иногда ездить вдвоем за город, ну, хотя бы по воскресеньям, в лес — как бы это было чудесно!

— Разумеется, — ответил он рассеянно. — Но автомобиль, собственно, куплен для моей практики. Мы не можем носиться в нем повсюду, иначе

он быстро запачкается.

Главный эффект был впереди и оказался для него совершенно неожиданным. В следующий четверг он, выйдя из стеклянной двери дома № 17-а на Грин-стрит, очутился лицом к лицу с Фредди Хемсоном.

— Алло, Хемсон, — сказал он небрежно. Он не мог подавить радостного удовлетворения при виде физиономии Хемсона. Сперва тот его не узнал, а когда узнал, лицо его, пройдя по очереди все степени изумления, выразило откровенную растерянность.

— Алло! — отозвался он наконец. — Что ты здесь делаешь?

— Был у пациента, — отвечал Эндрю, кивком головы указывая назад, на дом № 17-а. — Я лечу дочь Джо Ле-Роя.

— Джо Ле-Роя!

Уже одно это восклицание много значило для Мэнсона. Он жестом хозяина положил руку на дверцу своего красивого нового автомобиля.

— Тебе в какую сторону? Не подвезти ли тебя?

Фредди быстро пришел в себя. Терялся он и редко и ненадолго. За какие-нибудь полминуты его мнение о Мэнсоне и о том, насколько этот человек может быть ему полезен, подверглось мгновенному и неожиданному превращению.

— Да, — он дружески улыбнулся. — Я шел на Бентинк-стрит, в санаторию Иды Шеррингтон. Захаживаю туда, чтобы держать старушку в повиновении. Но я, пожалуй, проедусь с тобой.

Несколько минут, в течение которых они переезжали Бонд-стрит, оба молчали. Хемсон усиленно размышлял. Он так радушно приветствовал Мэнсона в Лондоне, рассчитывая, что тот будет время от времени посылать к нему, на улицу Королевы Анны, больных на консультацию по три гинеи за визит. Но сейчас перемена в старом его товарище, автомобиль, а главное — упоминание о Джо Ле-Рое (это имя ему говорило неизмеримо больше, чем Эндрю) показали ему его ошибку. Потом он подумал об ученых степенях Мэнсона. Это тоже могло быть полезно, весьма полезно. Предусмотрительно заглядывая в будущее, Фредди видел теперь лучшую, гораздо более солидную основу для сотрудничества с Эндрю. Но надо было подойти к делу осторожно, потому что Мэнсон чертовски обидчивый и ненадежный малый. И Фредди сказал:

— Почему бы тебе не заехать со мной к Иде? Знакомство с ней полезно, хотя ее лечебница — самая скверная в Лондоне. Ну, да, впрочем, и другие, верно, не лучше. А цены у нее выше.

— Вот как?

— Зайдем со мной и посмотрим мою пациентку. Это безобидная

старушка, миссис Реберн. Мы с Айвори проделываем над ней кое-какие исследования. Ты ведь, кажется, специалист по легочным болезням? Пойдем, выслушай ее. Она будет страшно довольна. А ты получишь пять гиней.

— Неужели... Ты хочешь сказать, что... Но что у нее с легкими?

— Да ничего особенного, — усмехнулся Фредди. — Не гляди так удивленно. Просто, вероятно, небольшой старческий бронхит. А она будет рада, если я привезу тебя. Мы всегда так устраиваемся — я, Айвори и Дидмен. И тебе бы следовало вступить с нами в компанию, Мэнсон... Пока не будем об этом говорить... да, лечебница сейчас за углом! Но ты удивишься, когда я тебе расскажу, какой доход это дает.

Эндрью остановил машину у дома, который ему указал Хемсон, обыкновенного на вид лондонского жилого дома, высокого и узкого, совершенно очевидно не предназначавшегося для его нынешних функций. Озирая шумную улицу, по которой грохотали и свистели автобусы, автомобили, трамваи, трудно было себе представить, чтобы какой-нибудь больной мог найти здесь покой. Это было как раз такое место, где можно было скорее заболеть расстройством нервов, чем излечиться от него. Эндрью сказал это Хемсону, когда они поднимались по ступеням подъезда.

— Знаю, дорогой мой, — с готовностью согласился Фредди, — но и другие санатории и лечебницы расположены не лучше. Этот уголок Вест-Энда кишит ими. Видишь ли, нам, врачам, нужно, чтобы они находились там, где нам удобно. — Он ухмыльнулся. — Идеальное место для них, конечно, было бы где-нибудь за городом, в тишине, но подумай, какой врач, например, захочет ездить за десять миль каждый день, чтобы пять минут побыть у больного! О, ты со временем все узнаешь относительно наших вест-эндских тихих заведений для больных. — Он остановился в узком вестибюле, по которому они проходили. — Они все пропитаны тремя запахами, — замечаешь? — эфира, кухни и человеческих испражнений — логическая последовательность... Извини, дружище! Ну, а теперь — к Иде!

С видом человека, знающего, что делает, он привел Эндрью в тесную контору на нижнем этаже, где за маленьким письменным столом сидела маленькая женщина в форме красновато-лилового цвета и накрахмаленной белой наколке.

— Доброе утро, Ида! — воскликнул Фредди тоном, в котором звучало нечто среднее между лестью и фамильярностью. — Что, все подсчетами занимаетесь?

Она подняла глаза и, увидев его, приветливо улыбнулась. Ида была

низенькая, полная и в высшей степени полнокровная женщина. Но ее веселое красное лицо было так густо напудрено, что казалось сизо-лиловым, почти под цвет ее форменного платья. В ней чувствовалась грубая, неугомонная жизненная энергия, смелость, понятливость, юмор. Она носила вставные и притом плохо вставленные зубы, в волосах уже блестела седина. Легко было заподозрить ее в любви к крепким выражениям и вообразить в роли содержательницы второразрядного ночного клуба.

А между тем санаторий Иды Шеррингтон был самый модный в Лондоне. У Иды побывали половина пэров, светские дамы, любители скачек, знаменитые адвокаты и дипломаты. Стоило только развернуть утреннюю газету, чтобы прочесть, что еще кто-нибудь из блестящей молодежи, знаменитостей сцены или экрана благополучно оставил свой аппендикс в материнских руках Иды. Она одевала всех сиделок в форму светлолилового цвета, платила дворецкому двести фунтов в год, а старшему повару — вдвое больше. С больных брала совершенно фантастические цены. Сорок гиней в неделю за комнату было довольно обычной здесь платой. А сверх того платили отдельно за лекарства, — часто эти счета исчислялись в фунтах, — за специальную ночную сиделку, за операцию. А если с Идой пытались торговаться, у нее на все был один ответ, который она часто сдабривала вольным прилагательным. У нее имелись свои заботы. Надо было платить разные проценты и налоги, и она часто приходила к убеждению, что остается в накладе.

Ида питала слабость к молодым врачам и любезно поздоровалась с Мэнсоном, а Фредди пробормотал:

— Хорошенько посмотрите на него. Он скоро будет направлять к вам такое множество пациентов, что вы переберетесь в «Плаза-отель».

— «Плаза» перебирается к нам, — многозначительно кивнула Ида своей наколкой.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Фредди. — Вот это хорошо. Надо будет рассказать Дидмену. Поль это одобрит. Пойдем, Мэнсон, сейчас поднимемся наверх.

Слишком узкий лифт, в котором могли бы поместиться только одни носилки, поставленные косо, поднял их на четвертый этаж. Коридор был узок, у дверей стояли подносы и вазы с цветами, сникшими от жары. Эндрю и Хемсон вошли в комнату миссис Реберн.

Женщина лет за шестьдесят сидела в постели, обложенная подушками, ожидая врача, и держала в руках бумажку, на которой были записаны некоторые симптомы, замеченные ею у себя этой ночью, а также вопросы,

которые она хотела задать ему. Эндрию не ошибся, отнеся ее сразу к типу пожилых ипохондриков, тех «malade au petit morceau de papier»^[37], о которых говорит Шарко^[38].

Присев на кровать, Фредди заговорил с нею, ограничившись лишь тем, что пощупал ее пульс. Он выслушал все, что она сказала, и стал ее весело успокаивать. Сказал, что мистер Айвори сегодня днем придет к ней и сообщит результат своих высокочисленных исследований. Попросил разрешить его коллеге, доктору Мэнсону, осмотреть ее. Миссис Реберн была польщена. Все это было ей очень приятно. Из разговора выяснилось, что она вот уже два года лечится у Хемсона. Она была богата, одинока, и жизнь ее протекала то в исключительно дорогих частных отелях, то в санаториях Вест-Энда.

— Господи! — воскликнул Фредди, когда они вышли из комнаты. — Ты представить себе не можешь, какое золотое дно для нас эта женщина! Какие самородки мы извлекаем!

Эндрию ничего не ответил. Его слегка мутило от атмосферы, царившей здесь. У старой дамы легкие были в порядке, и только трогательная благодарность, с которой она смотрела на Фредди, мешала Эндрию счесть все это дело гнусным и бесчестным. Он старался уговорить сам себя. С какой стати ему разыгрывать поборника справедливости? Он никогда не добьется успеха, если будет все по-прежнему нетерпим и упрям. И Фредди ему добра желал, приглашая осмотреть свою пациентку.

Он довольно дружески простился с Хемсоном и сел в свой автомобиль. А в конце месяца, когда он получил от миссис Реберн в благодарственном письме аккуратно написанный чек на пять гиней, он уже смеялся над своими вздорными сомнениями. Теперь он очень любил получать чеки, и, к его великому удовлетворению, их поступало все больше и больше.

VII

Врачебная практика Эндрию после такого многообещающего начала стала быстро, чуть не молниеносно, расти и расширяться во всех направлениях, и Эндрию еще стремительнее поплыл по течению. Он был в некотором смысле жертвой собственной страстности. Он всегда был бедняком. В прошлом его упрямая независимость приносила ему одни лишь неудачи. Теперь он имел возможность наслаждаться поразительным материальным успехом.

Вскоре после экстренного вызова к Лорье он имел весьма приятный разговор с мистером Уинчем, после которого к нему стали обращаться большинство младших служащих Лорье и даже некоторые из старших. Приходили чаще всего с обычными жалобами, но, раз побывав у него, девушки до странности часто являлись снова, — доктор был так мил, такой веселый и живой. Цифра его доходов от приема больных на дому все летела вверх. Он скоро имел возможность выкрасить фасад дома и при содействии одной из фирм, снабжающих врачей (ведь все они горят желанием содействовать молодым вольнопрактикующим врачам в увеличении их доходов), заново обставил свой кабинет и приемную, купив новую кушетку, мягкое кресло-качалку, несколько шкафчиков элегантно-ученого вида из белой эмали и стекла.

Бьющее в глаза благополучие этого дома, свежевыкрашенного в желтовато-белый цвет, автомобиля, ослепляюще-модной обстановки скоро обратило на себя внимание соседей и привело обратно многих «хороших» пациентов, которые когда-то лечились у доктора Фоя, но постепенно покидали его, по мере того как и старый доктор и его приемная становились все запущеннее.

Дни ожидания, дни тягостного прозябания для Эндрию миновали. Во время вечерних приемов он едва успевал пропускать больных: дверь с улицы непрерывно хлопала, дверь приемной дребезжала, пациенты ожидали и в «черной» и в «парадной» приемной, так что ему приходилось метаться между амбулаторией и кабинетом. Он был вынужден для сбережения времени придумать следующий выход:

— Послушай, Крис, — сказал он однажды утром. — Мне только что пришел в голову один план, который мне очень много поможет в часы спешки. Ты знаешь, что, осмотрев больного в амбулатории, я бегу обратно в дом приготовить ему лекарство. Это обычно отнимает у меня пять минут. Неприличная потеря времени! Ведь я бы мог его употребить на то, чтобы

отпустить одного из «хороших» пациентов, ожидающих в приемной. Ну, что же, поняла мою мысль? Отныне ты мой аптекарь!

Она посмотрела на него, испуганно сдвинув брови.

— Но я понятия не имею, как готовить лекарства.

Он успокоительно улыбнулся.

— Не беспокойся, дорогая. Я приготовил запасец микстур двух-трех сортов. Тебе придется только разливать их в бутылки, наклеивать ярлычки и завертывать.

— Но... — В глазах Кристин читалось замешательство. — Ах, Эндрью, я охотно тебе буду помогать, но только... ты в самом деле веришь, что...

— Как ты не понимаешь, что я вынужден так делать! — Он не смотрел ей в глаза. Сердито допил кофе. — Конечно, я когда-то в Эберло крепко горячился из-за системы выдачи лекарств. Все это теории! Теперь я... Я практик. К тому же все эти барышни от Лорье малокровны. Хороший препарат железа им не помешает.

И раньше чем Кристин успела ответить, звонок у дверей амбулатории заставил Эндрью вскочить и уйти из столовой. В былое время она бы заспорила с ним, стала твердо отстаивать свое мнение. Теперь же только с грустью подумала о перемене в их отношениях. Она больше не имела влияния на Эндрью, не руководила им. Теперь верховодил он.

С этого дня Кристин в утомительные часы приема стояла в каморке, заменявшей аптеку, ожидая команды Эндрью во время его торопливых рейсов между кабинетом, где он принимал «хороших» пациентов, и амбулаторией: «Железо!» или «Белую!» или «Карминовую!» А иногда, когда она возражала, что микстура с железом вся вышла, раздавался напряженный и выразительный лай: «Что-нибудь! Черт побери! Что угодно!»

Часто прием затягивался до половины десятого. Потом они подсчитывали выручку по книге, толстой счетной книге доктора Фоя, которую они нашли исписанной только наполовину, когда переехали сюда.

— Боже! Какой день, Крис! — захлебывался Эндрью. — Помнишь эти первые жалкие три с половиной шиллинга, с которыми я носился, как школьник. Ну, а сегодня, сегодня мы имеем свыше восьми фунтов наличными деньгами.

Он укладывал деньги, тяжелые столбики серебра и кредитки, в табачный кисет, который доктор Фой употреблял в качестве кошелька, и запирал его в средний ящик письменного стола. Он сохранил этот старый мешок, как и гроссбух, «на счастье».

Он забыл теперь обо всех былых колебаниях и хвалился своей

дальновидностью, побудившей его купить практику Фоя.

— Дела у нас во всех отношениях блестящи, Крис, — радовался он. — Доходная амбулатория и прочная клиентура среднего класса. И сверх того я создаю себе солидную практику консультанта. Ты увидишь, что еще будет, как мы далеко пойдем.

Первого октября он уже имел возможность предложить Кристин заново обставить их дом. После утреннего приема он с подчеркнутой небрежностью, какую усвоил себе в последнее время, сказал:

— Я бы хотел, Крис, чтобы ты сегодня съездила на Вест-Энд. Побывай у Гудсона или Остли, если предпочитаешь его. Обратись в самый лучший магазин. И выбери всю новую мебель, какую тебе нужно. Парочку новых гарнитуров для спален, гарнитур в гостиную, купи все.

Она молча посмотрела на него, а он улыбнулся, закуривая папиросу.

— Вот одно из удовольствий, которое приносят деньги, — иметь возможность дать тебе все, что захочется. Не думай, что я скуп. О Господи, конечно нет! Ты была молодцом, Крис, все время, пока нам жилось трудно. Теперь начинается для нас счастливая жизнь, и мы будем ею наслаждаться...

— Заказывая дорогую мебель и... и гарнитуры у Остли.

Эндрью не заметил горечи ее тона. Он засмеялся.

— Верно, дорогая. Давно пора нам выкинуть старую нашу рухлядь от «Ридженси».

Слезы подступили к глазам Кристин. Она вспыхнула:

— В Эберло эти вещи тебе не казались рухлядью. Да они и не рухлядь. О, тогда была настоящая жизнь, тогда было счастье!

Всхлипнув, она отвернулась и вышла из комнаты.

Эндрью смотрел ей вслед с тупым удивлением. В последнее время с ней делалось что-то странное, — настроение у нее было переменчивое, подавленное, перемежавшееся внезапными взрывами непонятной горечи. Эндрью чувствовал, что их точно относит друг от друга течением, что исчезает то единение, та скрытая товарищеская связь, которые всегда существовали между ними. Что ж, это не его вина. Он делал для нее все, что мог, все, что было в его силах. Он подумал с раздражением: «Мой успех для нее ничего не значит, ровно ничего». Но ему некогда было раздумывать о безрассудстве и несправедливости поведения Кристин. Его ждал целый список визитов к больным, а так как был вторник, то и обычный визит в банк.

Он заезжал в банк аккуратно два раза в неделю, чтобы вносить деньги на свой текущий счет, так как считал, что неразумно держать их дома, в

ящике стола. Он не мог не сравнивать эти приятные посещения с тем эпизодом в Блэнелли, когда его, обтрепанного помощника врача, оскорбил Эньюрин Рис. Мистер Уэд, директор банка, всегда встречал его радушной и почтительной улыбкой и часто приглашал к себе в кабинет выкурить папиросу:

— Без всякой навязчивости осмелюсь сказать, доктор: дела ваши превосходны. У нас ценят передовых врачей, которые сохраняют надлежащую долю консерватизма. Вот как вы, доктор, осмелюсь сказать. Ну, а что касается тех железнодорожных акций, о которых мы с вами на днях толковали, то...

Почтение, которое выказывал ему Уэд, было лишь одним из множества доказательств широкой популярности, которую успел приобрести Эндрью. Другие врачи района теперь любезно кланялись ему, проезжая мимо в своих автомобилях. На осеннем собрании районного медицинского общества, в той самой комнате, где он при первом своем появлении чувствовал себя парией, его теперь приветствовали, ухаживали за ним, ему предлагал сигару сам доктор Ферри, вице-председатель секции.

— Рад видеть вас среди нас, доктор, — суетливо говорил маленький краснолицый Ферри. — Понравилась вам моя речь? Нам ни в коем случае не следует уступать в вопросе о гонорарах. Особенно когда дело касается ночных вызовов, — тут я всегда твердо стою на своем. Недавно меня ночью разбудил мальчик, еще совершенный ребенок, лет двенадцати. «Скорее пойдёмте, доктор, папа на работе, а маме вдруг стало очень плохо». Знаете, эти неизменные заявления в два часа ночи. И я этого мальчугана никогда раньше не видел. «Милый мальчик, — говорю я, — твоя мама — не моя пациентка. Беги, принеси мне полгиней, тогда я поеду». И конечно, он больше не вернулся. Говорю вам, доктор, у нас район ужасный...

На следующей неделе после этого собрания к Эндрью позвонила миссис Лоренс. Эндрью всегда доставляла удовольствие грациозная непоследовательность ее телефонных разговоров. Сегодня, упомянув о том, что супруг ее уехал на рыбную ловлю в Ирландию и она, быть может, попозже поедет к нему туда, она позвала его завтракать в пятницу, ввернув это приглашение как будто между прочим, таким тоном, словно оно не имело никакого значения.

— У меня будет Топпи. И еще два-три человека, менее скучных, по моему, чем большинство тех, с кем обычно встречаешься. Вам, пожалуй, будет полезно с ними познакомиться.

Он повесил трубку со смешанным чувством удовольствия и

непонятного раздражения. В глубине души он был задет тем, что Кристин не приглашена тоже. Но потом пришел к заключению, что это визит не светский, а скорее деловой. Он должен бывать в обществе и заводить знакомства, в особенности среди такого сорта людей, которые будут на завтраке у миссис Лоренс. И во всяком случае Кристин не следует ничего говорить обо всем этом. В пятницу он сказал ей, что будет завтракать с Хемсоном, и с облегчением вскочил в автомобиль. Он забыл, что очень плохо умеет притворяться.

Франсиз Лоренс жила в Найтсбридже, на тихой улице между Хенсплейс и Уилтон-Кресент. Дом не поражал великолепием, как дом Ле-Роя, но здесь все говорило о выдержанном вкусе и богатстве хозяев. Эндрью приехал поздно, когда большинство гостей было уже в сборе: Топпи, Роза Кин, писательница, сэр Дудлей Румбольд-Блэйн, доктор медицины, известный врач и член правления «Кремопродукта», Никол Уотсон, путешественник-антрополог, и несколько других, менее ошеломительных личностей.

За столом Эндрью оказался рядом с миссис Торнтон, которая, как выяснилось из разговора, жила в Лейстершире и время от времени приезжала на короткое время в Лондон, в отель Брауна. Теперь Эндрью уже научился спокойно выдерживать церемонию представления новым людям, тем не менее он охотно спасся под прикрытия ее болтовни, возвращавшей ему уверенность, — материнского повествования о том, каким образом во время игры в хоккей дочь ее Сибилла, ученица Рединской школы, ушибла ногу.

Одним ухом слушая миссис Торнтон, принимавшую его молчаливое внимание за интерес, он умудрялся в то же время ловить обрывки учтивого и остроумного разговора, который велся вокруг, едкие шутки Розы Кин, увлекательный рассказ Уотсона об экспедиции в глубь Парагвая, в которой он недавно участвовал. Эндрью любовался непринужденностью, с которой Франсиз поддерживала общую беседу, в то же время внимательная к неторопливым, обдуманым репликам сэра Румбольда, сидевшего рядом с нею. Раз или два Эндрью ловил на себе ее взгляд, полусмеющийся, вопросительный.

— Разумеется, — с подкупающей улыбкой заключил свой рассказ Уотсон, — самым ужасным из всех моих испытаний было то, что, приехав домой, я сразу схватил инфлуэнцу.

— Ага! — сказал сэр Румбольд. — Так и вы тоже попали в число ее жертв. — Торжественно откашлявшись и водрузив пенсне на свой внушительный нос, он овладел вниманием общества. Сэр Румбольд

чувствовал себя в своей сфере — он ведь в течение многих лет был в центре внимания широкой публики. Это именно он четверть века тому назад потряс человечество сообщением, что некоторая часть человеческих кишок не только бесполезна, но и определенно вредна. Сотни людей бросились сразу же удалять себе этот опасный отросток, и, хотя сэр Румбольд сам не был в их числе, слава об этой операции, которую хирурги назвали операцией «Румбольд-Блэйна», упрочила его репутацию врача-диетолога. С тех пор он не бросал оружия: подарил нации идею питания отрубями, бациллу молочной кислоты и «Иоргаут». Позднее он изобрел «Румбольд-блэйновский способ жевания», а сейчас, помимо деятельности в качестве члена правления множества обществ, составлял меню для знаменитой сети ресторанов Рейли. *«Приходите, леди и джентльмены, дайте сэру Румбольд-Блэйну, доктору медицины, члену Королевского терапевтического общества, выбрать для вас калории!»* Многие «законные» целители человечества потихоньку ворчали, что сэра Румбольда давным-давно пора вычеркнуть из списка врачей. На это мог быть один ответ: что такое список врачей без сэра Румбольда?

Сэр Румбольд сказал, отечески глядя на Франсиз:

— Одной из самых любопытных особенностей последней эпидемии было резко выраженное терапевтическое действие «Кремогена». Я имел случай упомянуть об этом на заседании правления на прошлой неделе. Мы не знаем средств против инфлуэнцы. А при отсутствии лечебных средств единственный способ бороться с ее убийственным действием состоит в том, чтобы развить высокую сопротивляемость, естественную самозащиту организма против приступов болезни. Я говорил, — и, льщу себя надеждой, говорил правильно, — что мы неоспоримо доказали, и не на морских свинках — ха-ха-ха! — как наши друзья, лабораторные исследователи, а на *человеческих существах* феноменальное влияние «Кремогена», организующего и возбуждающего жизнеспособность и сопротивляемость организма.

Уотсон повернулся к Эндрю, усмехаясь своей непонятной усмешкой.

— А что *вы* думаете о кремо-продуктах, доктор?

Захваченный врасплох, Эндрю невольно ответил:

— Это такой же точно способ снимать сливки, как всякий другой.

Роза Кин, бросив ему украдкой быстрый одобрителный взгляд, имела жестокость расхохотаться. Улыбнулась и Франсиз. Сэр Румбольд поспешил перейти к описанию недавней своей поездки в Тросэкс в качестве гостя Северного медицинского объединения.

Во всем остальном завтрак протекал гладко и приятно. Эндрю

непринужденно принимал участие в общем разговоре. Раньше чем он вышел из гостиной, Франсиз сказала ему несколько слов.

— Вы, ей-Богу, имеете блестящий успех, — шепнула она. — Миссис Торнтон забыла даже выпить кофе, говоря со мной о вас. Я почему-то уверена, что вы ее уже «завербовали» — так, кажется, говорят? — в пациентки.

Это замечание еще звучало у него в ушах, когда он возвращался домой. Он сказал себе, что сегодняшней визит принес ему много пользы, а Кристин ничем не помешал.

Но на другое утро, в половине одиннадцатого, его ожидал неприятный сюрприз. Позвонил Фредди Хемсон и с живостью спросил:

— Ну, весело было вчера на завтраке?.. Откуда я знаю? Ах, ты, старый осел, разве ты не читал еще сегодня «Трибуну»?

Эндрью в ужасе сразу же бросился к столу в приемной, куда он и Кристин клали газеты, прочитав их. Он вторично просмотрел «Трибуну», одно из наиболее распространенных ежедневных иллюстрированных обозрений. И вдруг вздрогнул. Как это он не заметил в первый раз?

На странице, посвященной светской хронике, помещена была фотография Франсиз Лоренс и описание званого завтрака, состоявшегося у нее накануне. Были указаны имена гостей, в том числе и его имя.

С расстроенным лицом он вырвал страницу, смял ее в комок и швырнул в огонь. Затем сообразил, что Кристин ведь уже прочла газету, и свирепо нахмурился. Хотя он почему-то был уверен, что она не видела этого проклятого столбца, все ж он ушел к себе в кабинет в дурном настроении.

Но Кристин этот столбец прочтала. И минутное ошеломление сменилось чувством обиды, поразившим ее в самое сердце. Почему Эндрью не сказал ей ничего? Почему, почему? Ее бы ничуть не огорчило то, что он идет без нее на этот дурацкий завтрак. Она пыталась успокоить себя мыслью, что из-за таких пустяков не стоит огорчаться. Но глухая боль в сердце говорила ей, что под этим кроются далеко не пустяки.

Когда Эндрью уехал на визиты, она пыталась делать обычную работу по дому. Но не могла. Прошла в его кабинет, оттуда — в амбулаторию все с той же тяжестью на душе. Принялась рассеянно вытирать пыль в амбулатории. Подле стола лежала его старая сумка для инструментов, первая, которая служила ему в Блэнелли, которую он таскал с собой по рабочим кварталам, брал в шахту, когда его экстренно туда вызывали. Кристин потрогала сумку со странной нежностью. Теперь у него была новая сумка, красивее этой. Она была частью того нового, той более выгодной практики, за которой он так лихорадочно гнался и к которой

Кристин в глубине души относилась с таким недоверием. Она знала, что бесполезно говорить с Эндрю о своих опасениях. Он теперь стал таким вспыльчивым — признак того, что в нем происходила душевная борьба. И первое ее слово тотчас задело бы его, вызвало бы ссору. Надо действовать другим путем.

Она вспомнила, что сегодня суббота и она обещала Флорри взять ее с собой, когда пойдет за покупками. Флорри была веселая девочка, и Кристин успела к ней привязаться. Она видела, что Флорри ждет ее на верхней ступеньке лестницы, ведущей в подвальное помещение, чистенькая, в свежем платье, в полной готовности. Они по субботам часто ходили на рынок вдвоем.

У Кристин немного отлегло от сердца, когда она очутилась на воздухе и, держа девочку за руку, ходила по рынку, переговариваясь с знакомыми торговцами, покупая фрукты, цветы, стараясь придумать сегодня что-нибудь особенное, чтобы угодить Эндрю. Но рана все еще не затягивалась и болела. Почему, почему он ничего ей не сказал? И почему она не пошла с ним туда? Она вспомнила, как они в Эберло в первый раз были приглашены к Воонам и каких трудов ей стоило вытащить его туда. А теперь все так переменялось. Ее ли это вина? Не переменялась ли она сама, не замкнулась ли в себя и стала необщительной? Но нет, она этого не находила. Она по-прежнему любила знакомиться и встречаться с людьми, независимо от того, кто они. Ее дружба с миссис Воон продолжалась, и они аккуратно переписывались.

Но хотя Кристин было больно и она чувствовала себя обиженной, главная ее забота была не о себе, а о муже: она знала, что богачи, как и бедняки, могут быть скверными людьми, что Эндрю мог бы остаться таким же хорошим врачом на Грин-стрит, в Мейфер, как на Сифен-роу в Эберло. Она вовсе не требовала сохранения таких героических аксессуаров, как гамаша или его старая красная мотоциклетка. Но она сердцем чужала, что в те времена Эндрю был чистым и честным идеалистом, и это освещало их жизнь ясным белым пламенем. Теперь пламя пожелтело, абажур, сквозь который оно светит, загрязнен.

Направляясь к фрау Шмидт, она старалась разгладить на лбу морщину заботы. Но старая немка зорко смотрела на нее. И вдруг принялась ее отчитывать:

— Вы мало кушаете, дорогая моя! У вас плохой вид! А ведь и автомобиль есть, и деньги, и все что угодно. Смотрите!.. Я хочу, чтобы вы попробовали вот это. Вкусно?

Длинным тонким ножом, который она держала в руке, она отрезала

ломтик своего шедевра — вареной ветчины и заставила Кристин съесть его со свежей булкой. Флорри получила глазированное пирожное. Фрау Шмидт не переставая болтала:

— А теперь кусочек липтауэрского. Герр доктор съел уже много фунтов моего сыра, а он ему все же не надоел. Когда-нибудь попрошу его написать мне отзыв и выставлю этот отзыв в витрине. Этот сыр меня прославит... — Так фрау Шмидт смеялась и болтала, пока они не ушли.

На улице Кристин с Флорри остановились на тротуаре, ожидая, пока постовой полисмен — это был их старый приятель Струзерс — даст сигнал перехода. Кристин удерживала за руку нетерпеливую Флорри.

— Ты всегда должна быть осторожна здесь, — внушала она девочке. — Что сказала бы твоя мама, если бы тебя переехали!

Флорри, рот которой был набит остатками пирожного, это показалось забавнейшей шуткой.

Наконец они вернулись домой, и Кристин принялась разворачивать покупки. Прохаживаясь взад и вперед по комнате, ставя в вазу купленные ею на улице бронзовые хризантемы, она опять загрустила.

Вдруг зазвонил телефон. Она пошла в приемную с застывшим лицом, уголки ее губ были опущены. Минут пять она отсутствовала и воротилась в комнату преображенная. Глаза сияли возбуждением. Она все поглядывала в окно, нетерпеливо ожидая возвращения Эндрю, забыв свое горе под влиянием хорошей вести, услышанной ею, вести, столь важной для Эндрю, для них обоих. В ней зрело радостное убеждение, что ничто не может быть благоприятнее этой новости. Нет лучшего противоядия от отравы легкого успеха. И это такой шаг вперед, такой *настоящий* шаг вперед! Она опять подбежала к окну.

Когда Эндрю приехал, она не могла утерпеть, чтобы не броситься в переднюю ему навстречу:

— Эндрю! Тебе звонил сэръ Роберт Эбби. Только что.

— Вот как? — лицо его, при виде Кристин вытянувшееся под влиянием острых угрызений совести, теперь просветлело.

— Да. Он звонил, хотел говорить с тобой. Я ему сказала, кто я, и он был ужасно любезен... Ох, я все не то говорю! Дорогой, ты будешь назначен амбулаторным врачом больницы Виктории — немедленно!

В глазах Эндрю просыпалось волнение.

— Что же, это хорошая новость, Крис.

— Еще бы! Еще бы! — воскликнула она восторженно. — Опять твое любимое дело — возможность исследования, все, чего тебе тщетно хотелось в Комитете труда... — Она обхватила руками его шею и

прильнула к нему.

Он посмотрел на нее сверху, невыразимо тронутый этой любовью, этой великодушной самоотверженностью. Сердце сжалось мгновенной острой болью.

— Добрая ты душа, Крис! А я... какой же я скот!

VIII

С четырнадцатого числа следующего месяца Эндрью приступил к своим обязанностям в отделении для приходящих больных легочной больницы Виктории. Там по вторникам и четвергам он был занят от трех до пяти. Все было совсем так, как когда-то в Эберло, с той лишь разницей, что теперь к нему приходили больные только с болезнями легких и бронхов. И, разумеется, теперь, к его тайной великой гордости, он не был больше младшим врачом страхового общества, а занимал почетное место врача одной из самых старых и известных больниц Лондона.

Больница Виктории была бесспорно стара. Находилась она в Бэттерси, среди сети убогих улиц, у самой Темзы, и даже летом сюда редко заглядывал луч солнца, зимой же ее балконы, на которые полагалось вывозить в креслах больных, бывали чаще всего окутаны густым речным туманом. На мрачном обветшалом фасаде красовался большой плакат красными и белыми буквами — воззвание, которое казалось излишним: «Больница Виктории разрушается!»

Отделение для амбулаторных больных, где работал Эндрью, казалось каким-то пережитком восемнадцатого века. В вестибюле, в ящике под стеклом, красовались ступка и пестик, которыми пользовался доктор Линтель Ходжес, врач этого самого отделения в годы 1761-1793. Необлицованные стены были окрашены в темношоколадный цвет необычного оттенка, коридоры с неровным полом, хотя и идеально чистые, так плохо проветривались, что стены потели и во всех помещениях царил затхлый запах старости.

В первый день Эндрью обошел отделение с доктором Юстесом Сороугудом, старшим врачом, пожилым аккуратным мужчиной лет пятидесяти, ниже среднего роста, с седой эспаньолкой и любезными манерами, похожим скорее на церковного старосту, чем на врача. Доктор Сороугуд имел в больнице свои палаты, и, по принятому здесь порядку, тоже пережитку старых традиций, которых он был великим знатоком, считался «ответственным» за Эндрью и за доктора Миллигена, второго младшего врача.

После обхода больницы он увел Эндрию в длинную комнату врачей, находившуюся в нижнем этаже. Несмотря на то, что не было еще и четырех часов, здесь уже горели лампы. Жаркий огонь пылал за железной решеткой, на стенах висели портреты знаменитых врачей больницы, среди них, на почетном месте над камином, доктор Линтель Ходжес, очень важный в своем парике. Это была замечательная реликвия славного прошлого, и по тому, как слегка раздувались ноздри доктора Сороугуда, видно было, что этот холостяк и церковный староста любит ее, как собственное детище.

Они приятно провели время за чаем и блюдом горячих гренок с маслом в компании других врачей больницы. Эндрию нашел, что интерны очень приятные молодые люди. Но, заметив их почтительность к доктору Сороугуду и к нему самому, он не мог удержаться от улыбки, вспомнив свои столкновения с другими «наглыми щенками» еще не так давно, когда он пытался помещать в больницу своих пациентов.

Рядом с ним сидел молодой врач Валленс, который целый год работал в Соединенных Штатах в клинике братьев Майо. Они с Эндрию заговорили об этой знаменитой клинике и ее порядках, потом Эндрию с внезапным интересом осведомился, не слышал ли Валленс в Америке о Стилмене.

— Слышал, конечно, — сказал Валленс. — Там его все очень высоко ценят. У него диплома нет, но неофициально он более или менее признан. Он достигает поразительных результатов в своей работе.

— Видели вы его клинику?

— Нет. — Валленс покачал головой. — Я не бывал дальше Орегона.

Эндрию некоторое время молчал, не зная, следует ли говорить то, что ему хотелось.

— Мне думается, это — замечательнейшее учреждение, — сказал он наконец. — Я ряд лет переписывался со Стилменом. Он первый мне написал по поводу моей статьи, которую напечатали в «Американском журнале гигиены». Я видел снимки его клиники. Нельзя и представить себе более идеальное место для лечения. Клиника расположена высоко, посреди соснового леса, в уединенном месте. Застекленные террасы, специальная система регулирования воздуха, которая обеспечивает полнейшую его чистоту и ровную температуру зимой. — Эндрию остановился было, смущенный своей горячностью, так как общий разговор вокруг прекратился, и его слова слышали все за столом. — Как подумаешь об условиях лечения у нас в Лондоне, то такая клиника кажется недостижимым идеалом.

Доктор Сороугуд сухо и неприязненно усмехнулся.

— Однако наши лондонские врачи всегда очень хорошо справлялись со своим делом в этих самых условиях, доктор Мэнсон. Мы не располагаем теми экзотическими аксессуарами, о которых вы упоминали. Но смею думать, что наши хорошо испытанные и надежные методы (хотя, быть может, не такие эффективные) дают столь же удовлетворительные и, вероятно, более прочные результаты.

Эндрю молчал, потупив глаза. Он чувствовал, что с его стороны было нескромностью так открыто заявлять о своем мнении, пока он здесь еще новый человек. А доктор Сороугуд, чтобы показать, что он не хотел его одернуть, любезно переменял тему — заговорил об искусстве ставить банки. История медицины давно была его коньком, и он собрал массу сведений относительно хирургов-цирюльников старого Лондона.

Когда они поднялись, он приветливо сказал Эндрю:

— У меня имеется старинный набор банок. Как-нибудь непременно покажу их вам. Право, просто срам, что банки теперь не ставят. Это был и есть отличный способ вызывать внешнее раздражение.

Если не считать этого первого легкого холодка между ними, доктор Сороугуд показал себя добрым товарищем, всегда готовым помочь. Он был дельный врач. Почти безошибочно ставил диагноз и всегда охотно водил Эндрю по своим палатам. Но его упорядоченная душа восставала против вторжения какого бы то ни было новшества в лечении. Он и слышать не хотел о туберкулине^[39], считая, что его терапевтическое действие еще совершенно не доказано. Он очень скуп и неохотно применял пневмоторакс^[40], а вливаний делал меньше, чем все другие врачи в больнице. Зато он весьма щедро применял рыбий жир и дрожжи. Он их прописывал всем своим пациентам.

Приступив к своей работе, Эндрю забыл о Сороугуде. Он твердил себе, что чудесно после многомесячного ожидания снова приняться за любимое дело. Он проявлял очень близкое подобие бывшего пыла и энтузиазма.

Его прежняя работа над вопросом о туберкулезных повреждениях легких рудной пылью неизбежно привела его к изучению легочного туберкулеза в целом. У него зародился план, неясный еще ему самому: в связи с опытами фон Пирке, изучить ранние физические признаки первичного разрушения легких. В его распоряжении был богатый материал — худосочные дети, которых матери приносили в надежде на всем известную щедрость доктора Сороугуда, раздававшего экстракт солода.

Но как ни старался Эндрю обмануть себя, душа его больше не лежала

к этой работе. Он не мог вернуть себе прежнее непосредственное увлечение ею. Слишком много другого занимало его ум, слишком много серьезных случаев в практике, чтобы он мог сосредоточиться на каких-то неясных ему явлениях, которых еще, может быть, и не существует. Никто лучше его не знал, как много времени требуют исследования, а он теперь постоянно спешил. Этот аргумент был неопровержим. Скоро он стал находить его вполне логичным, — говоря попросту, он не способен был больше заниматься исследованиями.

Бедняки, приходившие в амбулаторию, требовали от него немного. Его предшественник, по-видимому, был грубый малый, и так как Эндрью щедро прописывал лекарства и порой шутил с больными, популярность его держалась прочно. Он ладил и с доктором Миллигеном и с некоторого времени усвоил его метод осмотра постоянных больных. Он вызывал всех сразу к столу в начале приема и на скорую руку заполнял их карточки. Нацарапывая на рецепте слово «повторить», он не имел времени вспомнить, как он когда-то издевался над этой классической формулой. Он был на пути к тому, чтобы превратиться в превосходный образец «известного врача».

IX

Прошло полтора месяца с тех пор, как Мэнсон был принят в больницу Виктории, когда однажды утром, сидя с Кристин за завтраком, он распечатал письмо с марсельской маркой. Недоумевая, пробежал его глазами и вдруг воскликнул:

— Это от Денни! Ему, наконец, надоела Мексика. Он возвращается, чтобы осесть где-нибудь окончательно, — так он пишет, но я поверю только, когда увижу его! А приятно будет увидеться с ним опять. Сколько времени он уже за границей? Кажется, целый век! Он едет домой через Китай. Газета у тебя, Крис? Взгляни, когда прибывает «Орета».

Кристин была не меньше его обрадована неожиданной новостью, но по другой причине. Она испытывала очень сильное материнское чувство к мужу, своеобразное стремление оберегать его. Она видела, что Денни и, в меньшей степени, Гоуп имели на него благотворное влияние. И в особенности теперь, когда она чувствовала в нем перемену, ее тревожная бдительность усилилась. Как только пришло письмо от Денни, она начала раздумывать, как свести вместе этих трех людей. Накануне того дня, когда «Орета» должна была прибыть в Тильбери, Кристин завела об этом разговор с Эндрю.

— Если ты ничего не имеешь против, Эндрю... мне пришло в голову, что можно устроить у нас на будущей неделе небольшой званый обед... только для Денни и Гоупа.

Эндрю посмотрел на нее с некоторым изумлением. Ему странно было, что она говорит о развлечениях теперь, когда между ними возникло глухое и тайное отчуждение. Он ответил:

— Гоуп, должно быть, в Кембридже. А Денни и я могли бы с тем же успехом пообедать вместе где-нибудь вне дома. — Но, увидев выражение ее лица, он тотчас смягчился: — Впрочем, отчего же... Тогда давай в воскресенье, это самый удобный вечер для всех нас.

И в следующее воскресенье Денни явился, еще более краснолицый и коренастый, чем раньше. Он постарел, но казался менее угрюмым, более благодушно настроенным. Впрочем, это был тот же Денни, и поздоровался он с ними следующим образом:

— Дом грандиозный! Уж не ошибся ли я адресом? — Он полуобернулся к Кристин и продолжал серьезно: — Этот щеголеватый джентльмен действительно доктор Мэнсон, да? Если бы я знал, я бы ему привез канарейку.

Когда его усадили, он не захотел ничего выпить.

— Нет, я теперь не употребляю ничего, кроме лимонного сока. Как ни странно это вам покажется, я намерен остепениться и крепко взять себя за шиворот. Я почти пресытился звездными просторами. Самое верное средство полюбить нашу всеми изруганную Англию — съездить за границу.

Эндрью смотрел на него с дружеским упреком.

— Вам в самом деле пора устроить свою жизнь, Филипп, — сказал он. — В конце концов вам под сорок. И при ваших способностях!

Денни метнул на него странный взгляд исподлобья.

— Не будьте так самоуверенны, профессор. Я еще, может быть, удивлю вас парочкой трюков в ближайшем будущем.

Он рассказал, что ему посчастливилось получить должность хирурга Южно-Хертфордширской больницы; триста фунтов в год на всем готовом. Он, конечно, не смотрит на это, как на нечто постоянное, но там придется делать много операций, и это даст ему возможность снова овладеть техникой. Потом он посмотрит, что можно предпринять.

— Не понимаю, как они мне предоставили это место, — рассуждал он. — Должно быть, тоже ошибка.

— Нет, — возразил Эндрью веско. — Этим вы обязаны вашему званию магистра хирургии, Филипп. Такое высокое звание откроет вам все двери.

— Что вы с ним сделали?! — простонал Денни. — Это совсем не тот неотесанный малый, который ходил со мной взрывать канализационную трубу!

Как раз в эту минуту вошел Гоуп. Он не был знаком с Денни. Но пяти минут не прошло, как эти двое поняли друг друга. Когда сели обедать, они уже дружески объединились и зло трунили над Мэнсоном.

— Конечно, Гоуп, — печально заметил Филипп, развертывая салфетку, — вам нечего ожидать, что вас здесь хорошо накормят. О нет! Я эту пару знаю уже много лет. Знал профессора раньше, чем он превратился в завязатого вест-эндца. Их обоих выгнали из их прежнего жилища за то, что они морили голодом морских свинок.

— Я обычно на такой случай ношу с собой в кармане кусок грудинки, — сказал Гоуп. — Эту привычку я перенял у Билли Пуговичника во время последней экспедиции. Но, к несчастью, у меня вышли все яйца: куры моей матушки сейчас не несутся.

Такого рода шутки продолжались все время, пока они обедали. Присутствие Денни словно оттачивало остроумие Гоупа. Но мало-помалу они перешли к серьезной беседе. Денни описал некоторые свои

приключения в Южной Америке, рассмешил Кристин двумя-тремя анекдотами о неграх, а Гоуп рассказывал подробности о деятельности комитета за последнее время. Винни удалось, наконец, добиться давно задуманных экспериментов для изучения мускульного утомления.

— Вот этим-то я и занят теперь, — сердито пояснил Гоуп. — Но, слава Богу, через девять месяцев моя обязательная служба кончается. Тогда я начну делать что-нибудь настоящее. Мне надоело разрабатывать чужие идеи, позволять старикам командовать мной. — Он принялся непочтительно передразнивать членов комитета: — «Сколько мясомолочной кислоты вы нашли для меня на этот раз, мистер Гоуп?» Я хочу делать *свою собственную* работу. Как бы мне хотелось иметь свою маленькую лабораторию!

Затем, как и надеялась Кристин, разговор принял узко медицинский характер. После обеда (вопреки меланхолическому прогнозу Денни, за обедом уничтожили пару уток), когда было подано кофе, она попросила разрешения остаться с мужчинами в столовой. И хотя Гоуп уверял ее, что разговор пойдет на языке, отнюдь не предназначенном для дамских ушей, она осталась и сидела, опершись локтями о стол, уткнув подбородок в руки, молча слушая, в самозабвении устремив серьезные глаза на лицо Эндрью.

Сначала он был сдержан и холоден. Как ни рад он был свиданию с Филиппом, он чувствовал, что его старый друг несколько пренебрежительно отнесся к его успеху — неодобрительно, даже с легкой насмешкой. В конце концов, разве он не сделал прекрасную карьеру? А что сделал Денни, да, что он сделал? Когда Гоуп начал вставлять свои шуточки, Эндрью едва удержался от того, чтобы в достаточно резкой форме «осадить» его.

Но когда они заговорили на медицинские темы, он невольно втянулся в разговор. Желал он этого или нет, но гости сразу заразили его интересом к этим вопросам, и он с чувством, довольно похожим на былой энтузиазм, разговорился тоже.

Речь шла о больницах, и он неожиданно высказал свое мнение о всей постановке дела в больницах.

— А я так смотрю на это... (он закурил — теперь уже не дешевую папиросу, а сигару, которую с самодовольным видом взял из ящика, не замечая лукавых огоньков в глазах Денни) — Вся система устарела. Ни в коем случае не хотел бы, чтобы вы подумали, что я критикую свою больницу. Я ее люблю и считаю, что мы делаем там большое дело. Но виновата система. Один только добрый, старый, ко всему равнодушный

британский народ способен с нею мириться. И здесь, как, например, в нашем дорожном хозяйстве, безнадежный хаос и отсталость. Больница Виктории разваливается. Больница Сент-Джон — тоже. Половина лондонских больниц вопиет к небу, что они разрушаются! А что мы делаем? Собираем пенни. Получаем немного мелочи за рекламы, которые наклеиваются на фасад больницы. «Пиво Брауна — лучшее в мире». Ну, не прелесть ли? В больнице Виктории, если нам повезет, мы через десять лет начнем постройку нового флигеля или общежития для сестер, — кстати, вы бы видели, где наши сестры спят! Но что пользы класть заплаты на старую развалину? И что толку в легочной клинике, которая стоит в центре такого шумного города, как Лондон, города туманов? Черт возьми, это все равно, что отправлять больных воспалением легких в угольную шахту. И так же обстоит дело с другими больницами и санаториями. Их шлепнули в самую гущу уличного движения, фундамент их сотрясается подземкой, даже койки больных дребезжат, когда мимо дома проезжают автобусы. Если бы я, *здоровый* человек, попал туда, мне понадобилось бы каждую ночь принимать десять таблеток веронала, чтобы уснуть. А вы подумайте о больных, лежащих среди этого гама и суеты после тяжелой операции брюшной полости или с температурой в сорок градусов и менингитом.

— Ну, хорошо, что же вы предлагаете? — Филипп поднял одну бровь с этим своим новым, раздражающим выражением. — Учредить объединенный больничный попечительный совет и назначить вас главным директором?

— Не будьте ослом, Денни, — сердито возразил Эндрю. — Децентрализация — вот что помогло бы. Нет, это не просто вычитанные из книг слова, это мое убеждение, результат всего того, что я наблюдал со времени приезда в Лондон. Почему бы нашим крупным больницам не стоять в зеленой полосе за городом, скажем — в пятнадцати милях от него? Возьмите такое место, как Бенхэм, например: всего десять миль от Лондона, зеленые поля, свежий воздух, тишина. Не бойтесь затруднения с проездом. Подземка (а почему бы и не провести отдельную больничную ветку?) — прямой и бесшумный путь, доставит вас в Бенхэм ровно через *восемнадцать* минут. Если принять во внимание, что самый быстрый санитарный автомобиль доставляет пострадавшего в среднем за *сорок* минут, то это уже шаг вперед. Вы скажете, что, переместив больницы, мы лишим районы медицинской помощи? Чепуха! Аптеки и врачи останутся на месте. А больницы можно переместить. Да и весь этот вопрос об обслуживании больницами районов — одна сплошная безнадежная неразбериха. Когда я только что сюда переехал, я убедился, что

единственное место, куда я мог отвезти больного из Вест-Энда, — больница в Ист-Энде. И в больницу Виктории тоже поступают больные откуда угодно — из Кенсингтона, Илинга, Масуэлл-хилла. Не делается никаких попыток разграничить участки, все стекается в центр города. Я вам прямо говорю, друзья: беспорядок в этом деле невообразимый. А какие меры принимаются против этого? Ничего, абсолютно ничего. Мы продолжаем старую-старую рутину, грохочем жестяными копилками, продаем на улицах флажки в пользу больных, печатаем воззвания, заставляем студентов кривляться в маскарадных костюмах, собирая пенсы. О молодых европейских странах можно сказать одно — там *дело делают!* Боже, если бы мне дали действовать! Я бы разрушил до основания больницу Виктории и поставил новую легочную больницу в Бенхэме, проведя туда прямое сообщение. И, видит Бог, я бы увеличил этим процент выздоравливающих!

Это было только вступление. Спор разгорался.

Филипп сел на своего конька, — говорил о том, как глупо требовать от практикующего врача, чтобы он был мастером на все руки, заставлять его тащить на своих плечах каждого больного до того восхитительного момента, когда за плату в пять гиней является какой-нибудь специалист, которого он до тех пор никогда в глаза не видал, и заявляет ему, что уже слишком поздно.

Гоуп без всяких смягчений и сдержанности охарактеризовал положение молодого бактериолога, угнетенного духом торгашества и духом консерватизма, зажатою между фирмой химиков, которая платит ему жалованье за приготовление патентованных лекарств, и комитетом слабоумных стариков.

— Можете себе представить, — шипел Гоуп, — братьев Маркс^[41], сидящих в расхлябанном автомобиле с четырьмя рулями и неограниченным числом рожков? Это наш комитет!

Они засиделись за полночь, а затем неожиданно перед ними на столе очутились сэндвичи и кофе.

— О миссис Мэнсон! — запротестовал Гоуп с учтивостью, которая показывала, что он, как насмешливо объявил Денни, «в глубине души приличный молодой человек». — Мы уж, верно, здорово вам недоели... и отчего это, когда долго разговариваешь, непременно проголодаешься? Надо подать Винни новую идею: исследовать влияние утомления на желудочную секрецию. Ха-ха-ха! Это замечательная формулировка в стиле нашей Лошади!

Гоуп распрощался, горячо уверяя, что он чудесно провел вечер, а

Денни по праву старого друга остался еще на несколько минут. Когда Эндрию вышел, чтобы вызвать по телефону такси, он смущенно извлек из кармана небольшую, очень красивую испанскую шаль.

— Профессор, вероятно, меня зарежет, — сказал он. — Но я привез вам эту штуку. Не говорите ему, пока я отсюда благополучно не уберусь.

Он не захотел слушать выражений благодарности, которые его всегда очень стесняли.

— Любопытно, что все эти шали привозятся из Китая. Они, собственно, не настоящие испанские. Эту я получил через Шанхай.

Наступило молчание. Слышно было, как Эндрию шел обратно из передней, от телефона.

Денни поднялся. Его добрые глаза, окруженные морщинками, избегали глаз Кристин.

— Я бы, знаете ли, на вашем месте не стал слишком тревожиться за него. — Он улыбнулся. — Но мы должны попробовать вернуть его к прежним блэнеллийским настроениям.

Х

В начале пасхальных каникул Эндрю получил письмо от миссис Торнтон с просьбой приехать в отель Брауна и осмотреть ее дочь. В письме она коротко сообщала, что нога у Сибиллы все еще болит, и так как при их встрече у миссис Лоренс он проявил большое участие, она очень хотела бы с ним посоветоваться. Польщенный этой данью уважения, Эндрю немедленно отправился к миссис Торнтон.

Осмотрев Сибиллу, он нашел, что случай очень простой, но требующий немедленной операции. Он выпрямился, улыбаясь толстушке Сибилле, которая, сидя на краю кровати, натягивала длинный черный чулок на свою обнаженную ногу, и обратился к ее матери:

— Костная мозоль. Если запустить, то может образоваться молоткообразное искривление большого пальца. Вы, я думаю, уже об этом предупреждены.

— Да, то же самое говорил их школьный врач. — Миссис Торнтон не казалась пораженной. — Мы уже к этому готовы. Сибиллу можно поместить в какую-нибудь лечебницу здесь, в Лондоне. Но вот что: я чувствую к вам доверие, доктор. И хочу, чтобы вы все это взяли на себя. Кому лучше всего поручить операцию, как вы думаете?

Этот прямой вопрос поставил Эндрю в затруднительное положение. По роду своей работы он встречался со многими видными терапевтами, но из лондонских хирургов не знал никого. Вдруг он вспомнил об Айвори. И сказал с готовностью:

— Это мог бы сделать мистер Айвори, если он сейчас не занят.

Миссис Торнтон слыхала о мистере Айвори. Ну, разумеется! Ведь это тот хирург, о котором с месяц назад писали все газеты, так как он летал в Каир, чтобы спасти человека, с которым случился солнечный удар... Весьма известный человек! Миссис Торнтон очень понравилась идея поручить ему операцию дочери. Она поставила только одно условие: Сибилла должна быть помещена в санаторий мисс Шеррингтон. Там перебивало столько ее знакомых, что она ни за что не хотела отпустить дочь в какое-нибудь другое место.

Эндрю отправился домой и позвонил Айвори со всей осторожностью человека, делающего предварительную разведку. Но тон Айвори, дружеский, доверчивый, чарующий, его успокоил. Они уговорились вместе посмотреть больную на следующий день, и Айвори заверил Эндрю, что хотя, по его сведениям, санаторий Иды переполнен весь до самого чердака,

он сумеет ее убедить найти место для мисс Торнтон, если это понадобится.

На другое утро, когда Айвори в присутствии миссис Торнтон веско подтвердил все, что нашел Эндрию, прибавив что операцию нужно делать не откладывая, Сибиллу перевезли к мисс Шеррингтон, и через два дня, когда она там окончательно устроилась, оперировали.

Эндрию тоже присутствовал при операции. На этом самым серьезным и дружеским образом настоял Айвори.

Операция была нетрудная — в Блэнелли Эндрию, конечно, справился бы с ней один, — но Айвори, видимо вовсе не склонный торопиться, проделал ее с импонирующей торжественностью и мастерством. В длинном белом халате, четко выделявшем его массивное твердое лицо с сильно развитой челюстью, он представлял собой мощную фигуру. Никто в такой полной мере не отвечал представлению публики о великих хирургах, как Чарльз Айвори. У него были красивые тонкие руки, которыми народная фантазия всегда наделяет героя операционной. Красивый и самоуверенный, он был необыкновенно внушителен. Эндрию, также надевший халат, наблюдал его, стоя с другой стороны стола, с невольным завистливым уважением.

Две недели спустя, когда Сибилла Торнтон вышла из санатория, Айвори пригласил Эндрию завтракать в Сэквиль-клуб. Это был приятный завтрак. Айвори в совершенстве владел искусством разговора, легкого и занимательного, сдобренного запасом последних новостей, и умел сделать так, чтобы его собеседник почувствовал себя человеком одного с ним круга. Высокая столовая клуба с потолком работы Эдема и хрустальными люстрами была полна знаменитых (Айвори назвал их «любопытными») людей.

Эндрию все это очень льстило, как и рассчитывал, без сомнения, Айвори.

— Вы должны мне разрешить выставить вашу кандидатуру на следующем собрании членов клуба, — заметил он. — Здесь вы будете встречать кучу знакомых — Фредди, Поля, меня... Кстати, Джеки Лоренс тоже член этого клуба... Любопытный брак: они большие друзья, но каждый живет своей жизнью. Да, честное слово, я очень хотел бы провести вас в члены клуба. Знаете, мне казалось, что вы относитесь ко мне с легким предубеждением. Шотландская осторожность, а? Я, как вам известно, в больницах нигде не работаю. Предпочитаю вольную практику. Кроме того, я слишком занят, дорогой мой. Некоторые из этих старомодных чудаков, что тянут лямку в больницах, не имеют и одного частного больного в месяц. А у меня их средним числом десять в неделю! Кстати, Торнтоны,

конечно, скоро с нами расплатятся. Это вы предоставьте мне. Они в высшей степени порядочные. Да, раз мы уже заговорили об этом: не находите ли вы, что следовало бы заняться гландами Сибиллы? Вы их смотрели?

— Нет... нет, не смотрел.

— А следовало, дружище. Они не в порядке. Я позволил себе (надеюсь, вы не взыщите?) сказать матери, что мы их ей удалим, когда наступит теплая погода.

Возвращаясь домой, Эндрию думал: «Айвори обаятельный человек». Да, спасибо Хемсону, что он их познакомил.

С лечением Сибиллы все прошло великолепно. Торнтонны были чрезвычайно довольны.

Прошло три недели, и однажды, когда они с Кристин сидели за чаем, с вечерней почтой пришло письмо от Айвори.

Дорогой Мэнсон,

Миссис Торнтон только что любезно расплатилась со мной. Так как я послал врачу, дававшему наркоз, его долю, то кстати посылаю и вам вашу за ценную для меня помощь при операции. Сибилла приедет к вам в конце этого семестра. Не забудьте о гландах. Миссис Торнтон очень довольна.

Неизменно к вам расположенный Ч.А.

К письму был приложен чек на двадцать гиней.

Эндрию с удивлением смотрел на чек: он ничего решительно во время операции не делал. Но затем мало-помалу в сердце его закралось то теплое чувство, которое теперь всегда вызывали в нем деньги. С довольной усмешкой он передал письмо и чек Кристин.

— Чертовски благородно со стороны Айвори, правда, Крис? Держу пари, что в этом месяце наш заработок достигнет рекордной цифры.

— Но я не понимаю... — Кристин растерянно смотрела на него. — Это — в уплату по твоему счету миссис Торнтон?

— Да нет же, глупенькая, — засмеялся Эндрию. — Это маленькая прибавка, просто за потерю времени, которое отняла у меня операция.

— Ты хочешь сказать, что мистер Айвори прислал тебе часть *своего* гонорара?

Эндрию покраснел и сразу подобрался, готовый к борьбе.

— О Господи, вовсе нет! Это строжайше запрещено. Об этом мы и не

думаем. Как ты не понимаешь, что я эти деньги заработал, получил их за присутствие на операции в качестве ассистента, точно так же, как получил свою долю и анестезиолог. Айвори и то и другое поставил в счет Торнтонам. И ручаюсь тебе, что он получил немалый куш.

Кристин положила на стол чек, удрученная, несчастная.

— Сумма большая!

— Ну, и что же из того? — отрезал Эндрью с вспышкой негодования. — Торнтоны страшно богаты. Для них уплатить ее не труднее, чем иному из наших амбулаторных больных — три с половиной шиллинга.

Он ушел, а она продолжала смотреть на чек с нервным ужасом. Она раньше не понимала, что Эндрью просто заключил деловой союз с Айвори. Все ее старые опасения вдруг разом нахлынули на нее. Тот вечер с Денни и Гоупом не дал никаких результатов. Как Эндрью теперь полюбил деньги! Его работа в больнице Виктории, видимо, больше не имела для него значения. Его снедала жажда материального успеха. Даже в амбулатории Кристин замечала, что он все чаще и чаще прописывал шаблонные лекарства и прописывал людям, ничем не больным, заставляя их ходить к нему много раз. Тревога сильнее омрачила лицо Кристин, как-то сразу сжавшееся и похудевшее. Она все сидела, глядя на лежавший перед ней чек Чарльза Айвори. Слезы медленно подступили к глазам. Она решила, что ей во что бы то ни стало следует поговорить с Эндрью.

И в тот же вечер, после приема, она робко подошла к нему.

— Эндрью, хочешь доставить мне удовольствие? Поедем в воскресенье за город в автомобиле! Ты ведь, когда купил его, обещал мне это. И за всю зиму нам не удалось ни разу съездить за город.

Он посмотрел на нее как-то странно.

— Что ж... ладно!

Воскресный день был такой, как мечтала Кристин, — теплый весенний день. К одиннадцати часам Эндрью уже закончил наиболее необходимые визиты, и, уложив в автомобиль коврик и корзинку с провизией, они выехали. Кристин повеселела, когда они оставили позади Гэммерсмитский мост и помчались в Сэррей по уединенной Кикгстонской дороге. Скоро проехали Доркинг, свернули направо, на дорогу в Шир. Так давно они не были вместе за городом, что вся эта благодать вокруг — сочная зелень полей, пурпур зацветающих вязов, поникшие под тяжестью золотой пыльцы сережки, бледная желтизна первоцвета, росшего целыми полянками под откосом, — просто опьяняла Кристин.

— Не надо ехать так быстро, милый, — сказала она так ласково, как давно уже с ним не говорила. — Здесь чудесно.

Но Эндрью, казалось, задался целью обогнать все автомобили на дороге.

К часу дня они доехали до Шира. Селение — несколько домиков под красными крышами на берегу реки, тихо струившейся между лугов, поросших водяным крессом, — еще не было потревожено наплывом летних туристов. Эндрью доехал до лесистого холма за деревней и оставил автомобиль у одной из узких дорожек для верховой езды, проложенных среди дерна. Здесь, на поляне, где они разостлали коврик, стояла певучая тишина, уединение разделяли с ними только птицы.

Они ели свои сэндвичи, греясь на солнце, пили кофе из термоса. Вокруг, в ольховых рощицах, росло множество первоцвета. Кристин ужасно захотелось нарвать его, зарыться лицом в прохладные и нежные лепестки. Эндрью лежал с полузакрытыми глазами, голова его была так близко от нее. Сладостное успокоение сошло на ее душу, измученную темной тревогой. Если бы им вместе всегда было так хорошо, как сейчас!

Эндрью сонным взглядом уже несколько минут смотрел на автомобиль и вдруг промолвил:

— Неплохая машинка, а, Крис? Во всяком случае тех денег, что я за нее заплатил, она стоит. Но нам понадобится новая. Присмотрим на выставке.

Кристин зашевелилась, — в ней опять проснулось беспокойство при новом доказательстве его ненасытности.

— Но эта у нас так недавно. И, по-моему, лучшей нам и желать невозможно.

— Гм... ход у нее неважный. Разве ты не заметила, как нас все время обгонял этот «Бьюик»? Я хочу иметь автомобиль новой марки «Витесс».

— Но к чему?

— А почему нет? Мы можем это себе позволить. Дела у нас хороши, Крис. Да! — Он закурил папиросу и повернулся к Кристин с видом полного удовлетворения. — Если ты, может быть, этого не знаешь, моя дорогая маленькая учительница из Блэнелли, так знай, что мы быстро богатеем.

Она не ответила на его улыбку. Она чувствовала, что ее тело, так сладко разогретое солнцем, внезапно похолодело. Начала выдергивать травинки вокруг и зачем-то вплетать их в бахрому коврика. Сказала медленно.

— Милый, а разве нам действительно так уж необходимо богатство? Я знаю, что мне оно не нужно. К чему эти вечные разговоры о деньгах? Когда у нас их было в обрез, мы... ох, как безумно счастливы мы были! Тогда мы не говорили о них. А теперь мы ни о чем другом не говорим.

Эндрью снисходительно усмехнулся:

— Я столько лет шлепал пешком по грязи, питался колбасой и селедкой, терпел обиды от разных тупоголовых комитетчиков, лечил шахтерских жен в грязных комнатухах, что пора уже, для разнообразия, устроить жизнь получше. Есть возражения?

— Не шути этим, дорогой мой. Ты так не говорил когда-то. Ох, неужели ты не понимаешь, неужели не видишь, что ты становишься жертвой той самой системы, которую ты всегда ругал, всего того, что ненавидел?

Кристин так волновалась, что на нее жалко было смотреть.

— Или ты забыл, как бывало говорил о жизни, что она должна быть подъемом вверх, словно штурмом крепости высоко на горе, крепости, которой не видно, но о которой знаешь, что она там и что ее нужно взять.

Эндрью недовольно пробурчал:

— Э, я тогда был молод... глуп. То были просто романтические бредни. Ты оглянись вокруг и увидишь, что все думают то же самое — берут от жизни, что могут. Это единственное, что остается.

Кристин мучительно вздохнула. Она чувствовала, что должна сказать все — теперь или никогда.

— Эндрью, милый, нет, это не единственное. Пожалуйста, выслушай меня. Ну, прошу тебя! Я так несчастна из-за... из-за этой перемены в тебе. Денни тоже ее заметил. Она нас разделяет. Ты уже не тот Эндрью Мэнсон, за которого я выходила замуж. О, если бы ты был таким, каким был тогда!

— Да что я сделал? — раздраженно возразил он. — Что, я бью тебя, или пьянствую, или совершаю убийства? Назови мне хоть один мой *грех*.

Она отвечала с отчаянием:

— Дело не в каких-нибудь обыкновенных грехах, дело во всем твоим поведении. Вот хотя бы этот чек, что Айвори прислал тебе. Это, быть может, с виду пустяк, но если вникнуть глубже... ох, это неблагородно, это некрасивая жадность, это нечестно...

Она почувствовала, что в Эндрью нарастает ожесточение. Он сел, оскорбленно глядя на нее.

— О Господи! Опять за старое! Ну, что дурного в том, что я этот чек принял?

— Да разве ты не понимаешь? — Все, что копилось в ее душе за последние месяцы, разом нахлынуло, помешало говорить, и она вдруг разрыдалась. Она истерически всхлипывала: — Ради всего святого, милый, не продавай себя!

Эндрью даже зубами закрипел от бешенства. Сказал с расстановкой, с

обдуманной язвительностью:

— В последний раз тебя предупреждаю — перестань вести себя, как неврастеничка и дура. Почему ты не можешь попытаться быть мне помощницей, а не помехой, и перестать грызть меня день и ночь?

— Я тебя не грызла, — плача возразила Кристин. — Я давно хотела с тобой поговорить, но не говорила.

— И не надо! — Он вспыхнул, и голос его перешел в крик. — Слышишь? *Не надо!* Ты говоришь со мной так, как будто я грязный жулик. А я хочу только выдвинуться. И деньги для меня — просто средство достигнуть цели. У нас судят о человеке по тому, что у него есть. Если он нищий, им помыкают. Ну, а с меня этого хватит. В будущем я желаю сам командовать другими. Теперь понимаешь? Больше не смей говорить мне эти проклятые глупости!

— Ну, хорошо, не буду, — плакала Кристин. — Но поверь мне — когда-нибудь ты сам пожалеешь...

День был испорчен для обоих, особенно для Кристин. Хотя она перестала плакать и собрала большой букет первоцвета, хотя они провели еще целый час на залитом солнцем пригорке, а потом, спускаясь вниз, сделали привал в «Лэвендер лэди», чтобы выпить чаю, хотя они разговаривали внешне дружески на обычные темы, вся прелесть поездки пропала. Когда они ехали домой в рано наступивших сумерках, у Кристин было бледное застывшее лицо.

Гнев Эндрью понемногу перешел в возмущение. С какой стати именно Кристин нападает на него? Другие женщины, и женщины очаровательные, восторгаются его успехами!

Через несколько дней позвонила Франсиз Лоренс. Она провела зиму на Ямайке (Эндрью за эти два месяца получил от нее несколько писем), но сейчас возвратилась и жаждала видеть своих знакомых, излучая впитанное ею солнечное сияние. Она весело объявила Эндрью, что хочет его увидеть раньше, чем сойдет ее загар.

Он отправился к ней пить чай. Она действительно красиво загорела: руки, тонкие запястья, узкое лицо были золотисто-коричневого цвета. Удовольствие, которое испытал Эндрью, увидев ее, еще усилилось от приветливого выражения ее глаз, этих глаз, что смотрели равнодушно на столь многих людей, а на него — так дружески-ласково.

Да, они беседовали, как старые друзья. Она рассказывала о своем путешествии, о коралловых садах, о рыбах, видных сквозь стеклянное дно лодок, о райском климате. Эндрью в свою очередь рассказал подробно о своих делах. Быть может, в словах его проскользнуло нечто от его тайных

мыслей, потому что Франсиз заметила легким тоном:

— Вы полны священной серьезности и непозволительно прозаичны. Это с вами бывает всегда, когда я в отсутствии. Впрочем, нет. Откровенно говоря, я думаю, что вы слишком много работаете. Разве так уж необходимы вам все эти приемы у себя на дому? Я того мнения, что вам пора бы уже снять комнату поближе к центру Вест-Энда, — скажем, на Уимпол-стрит или Уэлбек-стрит, — и открыть прием *там*.

В эту минуту вошел ее супруг, высокий, с ленивыми и изысканными манерами. Он кивком головы поздоровался с Эндрью, с которым теперь был уже довольно хорошо знаком, так как они раза два играли в бридж в Сэквиль-клубе, и принял от жены чашку чая.

Хотя Лоренс весело объявил, что ни в каком случае не намерен им мешать, его приход помешал разговору принять серьезный оборот. Они, шутя и смеясь, начали вспоминать последнюю пирушку у Румбольд-Блэйна.

Но когда Эндрью через полчаса ехал домой на Чесборо-террас, совет миссис Лоренс крепко засел у него в голове. Почему бы ему и в самом деле не снять себе кабинет на Уэлбек-стрит? Время для этого явно назрело. Он сохранит целиком педдингтонскую практику, амбулаторный прием — слишком доходное дело, чтобы от него отказаться. Но он легко сможет совместить его с кабинетом в Вест-Энде и в своей корреспонденции и счетах будет указывать новый, более приличный адрес.

Эта идея воодушевила его на новые, еще большие победы. Какая Франсиз славная женщина, такая же полезная, как мисс Эверет, но бесконечно более обаятельная, более соблазнительная. Однако он в прекрасных отношениях с ее мужем. Он может спокойно смотреть ему в глаза. Ему нет надобности крадучись выходить из их дома, подобно какому-нибудь низкому будуарному герою. О, дружба — великая вещь!

Ничего не сказав Кристин, он стал присматривать удобное помещение. А когда, приблизительно через месяц, отыскал такое, то с большим удовлетворением, скрытым под маской безразличия, объявил об этом Кристин, выглядывая из-за утренней газеты:

— Да, между прочим, тебе, может быть, интересно будет узнать — я снял комнату на Уэлбек-стрит. Там я буду принимать пациентов высшего круга.

XI

Комната на Уэлбек-стрит, № 57-А вызвала в душе Эндрю новый прилив торжества. «Наконец-то, — тайно ликовал он, — наконец-то я здесь!» Комната, хоть и небольшая, хорошо освещалась окном с фонарем и расположена была в нижнем этаже — несомненное преимущество, так как больные большей частью терпеть не могут взбираться по лестницам. Кроме того, хотя приемной пользовалось еще несколько врачей, чьи красивые таблички сияли рядом с табличкой Эндрю на двери подъезда, но зато кабинет принадлежал ему одному.

Девятнадцатого апреля, когда подписано было условие о сдаче, он приехал в новый кабинет в сопровождении Хемсона. Фредди был ему чрезвычайно полезен при всех предварительных хлопотах и нашел для него хорошую сестру милосердия для помощи во время приема. Это была подруга той сестры, которая служила у Фредди на улице Королевы Анны. Сестра Шарп была некрасивая женщина средних лет, с кислой физиономией, но явно знающая свое дело. Фредди коротко изложил Эндрю свою точку зрения:

— Врачу завести хорошенькую сестру милосердия — это самое гибельное дело. Понимаешь, старик, что я хочу сказать? Баловство — баловством, а дело — делом. Совмещать то и другое невозможно. Никто из нас этого никогда себе не разрешает. Ты, как чертовски трезвый человек, это должен одобрять... я предвижу, что теперь, когда ты перебрался поближе ко мне, мы с тобой наладим тесную связь.

В то время как они с Фредди стояли и обсуждали вопросы устройства нового кабинета, неожиданно явилась миссис Лоренс. Она вошла веселая, объясняя, что заглянула мимоходом, решив посмотреть, хорош ли выбор Эндрю. У Франсиз была приятная манера приходить как бы случайно, не навязывая своего общества. Сегодня она была особенно очаровательна в черном костюме, с дорогим темным мехом на шее. Пробыла она недолго, но дала много советов насчет убранства комнаты, занавесей, портьер — идей, в которых было гораздо больше вкуса, чем в планах таких некомпетентных людей, как Фредди и Эндрю.

По уходе веселой гостьи комната показалась вдруг Эндрю пустой. Фредди излил свои чувства в следующей фразе:

— Первый раз встречаю такого счастливица, как ты. Она прелесть бабенка. — Он завистливо ухмыльнулся. — Что сказал Гладстон^[42] в тысяча восемьсот девяностом году относительно самого верного способа

сделать карьеру?

— Не знаю, к чему ты клонишь.

Когда комната была окончательно обставлена, Эндрию должен был согласиться с Фредди и с Франсиз, что она производит именно такое впечатление, как надо: кабинет передового, но профессионально корректного врача. Плату в три гинеи за консультацию, принятую в этом районе, он нашел вполне приемлемой.

Вначале пациентов было немного. Но он написал всем докторам, направлявшим больных в легочную больницу, любезные письма, — разумеется, только по поводу этих больных и обнаруженных у них симптомов, — и благодаря этой уловке скоро раскинул сети, охватившие весь Лондон и начавшие приносить ему пациентов. В эти дни он был очень занят, носился в своем новом автомобиле марки «Витесс» с Чесборо-террас в больницу Виктории, из больницы — на Уэлбек-стрит, успевая сделать еще вдобавок кучу визитов к больным и управиться с битком набитой амбулаторией, где часто принимал чуть не до десяти часов вечера.

Успех ободрял его, был для него как бы тоническим средством, шумел в его крови, как чудесный эликсир. Он нашел время заехать к Роджерсу и заказать еще три костюма, потом в мастерскую сорочек на Джэрмин-стрит, которую рекомендовал Хемсон. Популярность его в больнице росла. Правда, он теперь уделял меньше времени работе в амбулаторном отделении, но уверял себя, что это возмещается его опытностью. Даже с друзьями он усвоил себе отрывистый тон очень занятого человека, довольно, впрочем, подкупающий благодаря всегда готовой улыбке: «Ну, я должен уйти, дорогой мой! Я просто с ног сбился!»

Раз, в пятницу, через пять недель после того, как он водворился на Уэлбек-стрит, к нему пришла пожилая женщина посоветоваться относительно своего горла. У нее оказался простой ларингит, но это была мнительная и капризная особа, и она непременно хотела услышать мнение еще какого-нибудь врача. Слегка задетый этим, Эндрию раздумывал, к кому бы ее направить. Смешно было беспокоить по пустякам такого человека, как сэр Роберт Эбби. Вдруг лицо его прояснилось. Он вспомнил о Хемсоне, жившем за углом. Фредди в последнее время очень мило относился к нему. Пускай лучше ему достанутся эти три гинеи, чем какому-нибудь неблагодарному чужому врачу. И Эндрию отправил женщину с запиской к Фредди.

Через три четверти часа она возвратилась в совершенно ином настроении, утешенная, примиренная, довольная собой, Фредди, а больше всего — Эндрию.

— Вы извините, что я пришла опять, доктор. Я только хочу вас поблагодарить за хлопоты. Я была у доктора Хемсона, и он подтвердил все, что вы сказали. И он... он сказал, что лучшего средства, чем то, что вы прописали, не придумаешь.

В июне появились на сцену гланды Сибиллы Торнтон. Они действительно до некоторой степени были увеличены, а незадолго перед тем в «медицинском журнале» высказывалось предположение насчет связи между заболеванием желез и происхождением ревматизма. Айвори тщательно проделал вылушивание.

— Я предпочитаю не торопиться в тех случаях, когда дело идет о лимфоидных тканях, — сказал он Эндрию, когда они оба мыли руки. — Вы, конечно, видели, как некоторые врачи сразу их убирают. У меня метод другой.

Когда Эндрию получил от Айвори чек — опять по почте, — Фредди как раз сидел у него. Теперь они часто заходили друг к другу. Хемсон очень скоро «вернул мяч», направив к Эндрию больного с хорошим гастритом в благодарность за ларингит. С тех пор уже не раз больные с записками ходили с Уэлбек-стрит на улицу Королевы Анны и наоборот.

— Знаешь, Мэнсон, — заметил Фредди, когда увидел чек Айвори. — Я рад, что ты перестал быть собакой на сене и корчить из себя святого. Даже и теперь, знаешь ли, ты не научился еще выжимать весь сок из апельсина. Держись меня, мой мальчик, и будешь есть более сочные плоды.

Эндрию невольно засмеялся.

В этот вечер, когда он возвращался домой в своем автомобиле, на душе у него было необыкновенно легко. Обнаружив, что у него нет папирос, он остановился подле табачной лавки на Оксфордской улице. Здесь, проходя внутрь, он неожиданно обратил внимание на женщину, стоявшую у соседней витрины. Это была Блoduэн Пейдж.

Он узнал ее сразу, несмотря на то, что шумливая хозяйка «Брингоуэра» сильно изменилась к худшему. Ее фигура утратила былую полноту и как-то вся вяло опустилась, а глаза, которые она обратила на Эндрию, когда он ее окликнул, смотрели апатично, в них было что-то пришибленное.

— Миссис Пейдж! — подошел к ней Эндрию. — Впрочем, мне бы следовало, вероятно, сказать «миссис Рис». Вы меня помните? Доктор Мэнсон.

Она оглядела его, хорошо одетого, снявшего благополучием. Вздохнула.

— Да, я вас помню, доктор. Надеюсь, вы живете хорошо. — Затем, словно не решаясь дольше мешкать, она повернулась к тому месту, в

нескольких ярдах от них, где ее нетерпеливо дожидался лысый и долговязый мужчина, и сказала испуганно: — Мне надо идти, доктор. Муж меня ждет.

Эндрью смотрел, как она торопливо уходила, видел, как тонкие губы Риса сложились в гримасу упрека: «Что это такое, заставляешь меня ждать!», а она покорно опустила голову. На одно мгновение Эндрью ощутил на себе холодный взгляд директора банка. Затем оба ушли и потерялись в толпе.

У Эндрью не выходила из головы эта встреча. Приехав домой и войдя в первую комнату, он застал там Кристин за вязаньем, а на столе его уже ждал чай на подносе, так как, услышав шум автомобиля, она позвонила на кухню. Эндрью метнул на ее лицо быстрый, испытующий взгляд. Он собирался рассказать ей о встрече с Блодуэн, ему вдруг страшно захотелось положить конец размолвке между ними. Но когда он взял из ее рук чашку, Кристин, раньше чем он успел заговорить, сказала спокойно:

— Миссис Лоренс опять звонила тебе сегодня. Передать ничего не просила.

— О! — Он вспыхнул. — Что это значит «опять»?

— Она звонит четвертый раз на этой неделе.

— Ну, и что же тут такого?

— Ничего, я ведь ничего не говорю.

— Но твоя мина... А я-то причем, если она мне звонит?

Кристин молчала, опустив глаза на вязанье. Если бы он знал, какое смятение в этом сердце, он не злился бы так, как злился в эту минуту.

— Ты держишь себя так, что можно подумать, будто я по меньшей мере двоеженец. Она превосходная женщина. А ее муж — один из моих лучших друзей. Оба они очаровательные люди. *Они* не ходят вокруг меня с миной больной собачонки. О, черт...

Он залпом выпил чай и встал. Но не успел выйти из комнаты, как уже пожалел о своей выходке. Он стремительно прошел в амбулаторию, закурил папиросу и в отчаянии стал думать о том, что отношения между ним и Кристин становятся все хуже и хуже. Все растущее между ними отчуждение угнетало и раздражало его, — это была единственная темная туча в ясном небе его успехов.

Они с Кристин были безмерно счастливы в своей семейной жизни. Неожиданная встреча с миссис Пейдж разбудила в нем поток нежных воспоминаний о начале их романа в Блэнелли. Он говорил себе, что больше не боготворит Кристин, как тогда, но любит ее. Пожалуй, в последнее время он раз-другой и обидел ее. И он почувствовал внезапную

потребность помириться с Кристин, смягчить ее, загладить свою вину. Он усиленно ломал голову. И, наконец, глаза его засияли. Он посмотрел на часы, сообразил, что до закрытия магазина Лорье оставалось еще полчаса. Через минуту он уже сидел в автомобиле и мчался за советом к мисс Крэмб.

Мисс Крэмб, как только он объяснил, чего ему хочется, немедленно и горячо вызвалась ему помочь. Они серьезно обсудили все, потом пошли в отдел мехов, где доктору Мэнсону были показаны различные шкурки. Мисс Крэмб поглаживала их опытными пальцами, указывая Эндрью на блеск, на серебристый отлив, на все, чего надо требовать от того или иного меха. Раза два она мягко поспорила с ним, серьезно объясняя, что именно является ценным качеством, а что — нет. В конце концов Эндрью отобрал шкурки с ее полного одобрения. Затем она отправилась искать мистера Уинча и воротилась, сияя:

— Мистер Уинч сказал, что вы их получите по себестоимости (никогда слова «по оптовой цене» не оскверняли губ ни одного служащего Лорье). Значит, всего это обойдется вам в пятьдесят пять фунтов, и можете мне поверить, доктор, они того стоят. Чудный мех! Ваша жена будет гордиться тем, что носит его!

В следующую субботу, в одиннадцать часов утра, Эндрью взял темнозеленую коробку с оригинальной маркой Лорье, артистически нарисованной на крышке, и вошел в гостиную.

— Кристин, — позвал он, — поди сюда на минутку.

Она была наверху с миссис Беннет — помогала ей убирать постели, — но тотчас же пришла вниз, немного запыхавшись, недоумевающая, зачем он зовет ее.

— Взгляни, дорогая! — Сейчас, когда наступила решительная минута, он чувствовал ужасную неловкость. — Вот, что я тебе купил. Я знаю... знаю, между нами не все шло гладко в последнее время. Но это тебе докажет, что... — Он замолчал и, как школьник, протянул ей коробку.

Кристин была очень бледна, когда открывала ее. Руки у нее дрожали, развязывая тесемку. Затем у нее вырвался тихий, подавленный крик:

— Какой чудный... чудный мех!

В папиросной бумаге лежали две чудесные шкурки серебристой лисы, соединенные вместе. Эндрью торопливо поднял мех, погладив его, как делала мисс Крэмб. В голосе его звучало возбуждение:

— Нравится тебе, Крис? Ну-ка, примерь! Добрая старая Хавбек помогла мне их выбрать. Они первейшего качества. Лучше не бывает. Видишь этот отлив и серебристые полосы на спине, — всегда нужно

выбирать по этим признакам.

Слезы текли по щекам Кристин. Она в бурном порыве бросилась к мужу.

— Значит, ты меня еще любишь, да, милый? Мне ничего больше на свете не нужно.

Успокоившись наконец, она примерила мех. Он выглядел великолепно.

Эндрю не мог им досыта налюбоваться. Ему хотелось полного примирения. Он улыбнулся.

— Послушай, Крис, почему бы нам не отпраздновать этого? Давай сегодня вместе позавтракаем где-нибудь. Встретимся в час в ресторане «Плаза».

— Хорошо, милый. — Но в голосе ее было сомнение. — Только... я сегодня приготовила на завтрак картофельный пирог с мясом, ведь ты его так любишь.

— Нет, нет! — Смех Эндрю уже много месяцев не звучал так весело. — Не будь старушкой-домоседкой. В час, не забудь. Свидание с красивым брюнетом у «Плаза». Можешь не прикалывать красной гвоздики. Он тебя узнает по меху.

Все утро он испытывал величайшее удовлетворение. Твердил себе, что глупо было так долго не оказывать никакого внимания Кристин. Все женщины любят, чтобы им оказывали внимание, вывозили их, развлекали. «Плаза-грилл» — самое подходящее место, там между часом и тремя можно встретить весь Лондон или во всяком случае большинство видных людей Лондона.

Кристин опоздала, — необычайный случай, — и Эндрю немного сердился, сидя в маленьком вестибюле ресторана и наблюдая сквозь стеклянную перегородку, как все быстро занимали лучшие столы. Он заказал себе второе мартини. Было уже двадцать минут второго, когда торопливо вошла Кристин, взбудораженная шумом, множеством людей, нарядными ливреями лакеев и тем, что полчаса она простояла в другом вестибюле, куда попала по ошибке.

— Ради Бога, извини, мой друг, — сказала она, запыхавшись. — Право же, я спрашивала. Жду, жду. И вдруг сообразила, что мне нужно в вестибюль ресторана.

Им дали неудобный столик, втиснутый за колонной, рядом с буфетной. Ресторан был битком набит, столы расставлены так тесно, что казалось, будто люди сидят друг у друга на коленях. Лакеи двигались, как акробаты. Жара стояла тропическая. Шум то рос, то утихал, как крик в какой-нибудь школе.

— Ну, Крис, что ты будешь есть? — спросил решительно Эндрию.

— Выбирай ты, мой друг, — сказала она тихо.

Он заказал роскошный и дорогой завтрак: икру, суп «принц Уэльский», цыплят, спаржу, землянику в сиропе. И бутылку Либфраумильха 1929 года.

— Не много мы знали обо всех этих вещах в Блэнелли, — засмеялся Эндрию, решив быть веселым. — Главное — добиться возможности хорошо пожить, не так ли, моя старушка?

Кристин честно старалась не портить ему хорошего настроения. Хвалила икру, делала геройские усилия съесть жирный суп. Притворялась заинтересованной, когда он указывал ей то Глен Роско, звезду экрана, то Монис Иорки, американку, известную тем, что у нее было шесть мужей, и других международных знаменитостей. Нарядная пошлость этого места была ей ненавистна. Мужчины были нестерпимо вылощены, выютюжены, напомажены. Все женщины, сколько их тут ни было, — блондинки в черных туалетах, элегантные, покрашенные, беспечно-равнодушные.

Неожиданно у Кристин закружилась голова. Выдержка начала ей изменять. Она всегда держала себя естественно и просто. Но в последнее время нервы ее были слишком взвинчены. И, сидя в ресторане, она вдруг остро почувствовала несоответствие между ее новым мехом и дешевым платьем. Почувствовала на себе взгляды других женщин. Она понимала, что она здесь так же неуместна, как ромашка среди орхидей.

— Что с тобой? — спросил вдруг Эндрию. — Разве тебе здесь не нравится?

— Ну, конечно, нравится, — возразила она, тщетно пытаясь улыбнуться. Но губы ее не слушались. Она с трудом, не ощущая никакого вкуса, жевала куски цыпленка, лежавшего перед ней на тарелке.

— Ты совсем меня не слушаешь, — возмущенно пробормотал Эндрию. — И ты даже не дотронулась до вина. Черт возьми, когда человек идет куда-нибудь со своей женой...

— Нельзя ли мне немного воды? — попросила она шепотом.

Ей хотелось громко заплакать. Нет, здесь ей но место. Волосы у нее не выкрашены перекисью водорода, лицо не нарумянено, — неудивительно, что даже лакеи глазают на нее. Нервным движением она подняла палочку спаржи. Но головка сломалась и упала, забрызгав соусом новый мех.

Металлическая блондинка за соседним столом с насмешливой улыбкой повернулась к своему кавалеру. Эндрию заметил эту улыбку. Он перестал делать вид, что ему весело. Завтрак был окончен в мрачном молчании.

Еще более мрачным было возвращение домой. Эндрию скоро уехал к больным. Они с Кристин еще больше отошли друг от друга. Сердце у

Кристин болело невыносимо. Она начинала терять веру в себя, сомневаться, подходящая ли она жена для Эндрию. В эту ночь она обвила руками его шею и целовала его, снова благодарила за мех и за завтрак у «Плаза».

— Рад, что он тебе доставил удовольствие, — сказал Эндрию ровным голосом. И ушел к себе в спальню.

ХП

Вскоре произошло событие, отвлекшее внимание Эндрию от домашних неурядиц. Он наткнулся в «Трибуне» на сообщение о том, что мистер Ричард Стилмен, известный американский врач из Портленда, прибыл на «Импераале» и остановился в отеле Брукса.

В былые времена он бы взволнованно бросился к Кристин с газетой в руках.

«Смотри, Крис, Ричард Стилмен приехал! Помнишь, я с ним переписывался много месяцев. Интересно, навестит ли он меня. Честное слово, мне бы очень хотелось с ним увидеться».

Теперь же он отвык делиться всем с Кристин. И спокойно сидел над газетой, размышляя, довольный, что встретится со Стилменом уже не младшим страховым врачом, а консультантом с Уэлбек-стрит. Он напечатал на машинке письмо, в котором напоминал о себе американцу и приглашал его завтракать с ним в «Плаза-грилл» в среду.

На другое утро Стилмен позвонил ему по телефону. У него был приветливый, бодрый голос.

— Рад, что могу с вами поговорить, доктор Мэнсон. Очень приятно будет завтракать вместе с вами, но давайте не в «Плаза», — я уже успел это место возненавидеть. Почему бы вам не приехать сюда и не позавтракать со мной?

Эндрию застал Стилмена в его гостиной, в тихом и аристократическом отеле Брукса, посрамившем шумный «Плаза-отель». День был жаркий, утро у Эндрию выдалось хлопотливое, и, при первом взгляде на американца, Эндрию почти пожалел о том, что приехал. Американец был человек лет пятидесяти, низенький, худощавый и легкий, с непропорционально большой головой. Цвет лица у него был, как у ребенка, бело-розовый, светлые волосы редки и причесаны на пробор. Только увидев его глаза, неподвижные, точно стеклянные, бледно-голубые, Эндрию угадал, почти ощутил огромную силу, скрытую под незначительной внешностью этого человека.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против того, что я пригласил вас сюда, — сказал Ричард Стилмен спокойным тоном человека, к которому множество людей всегда охотно приходит. — Я знаю, здесь у вас принято думать, что американцы любят «Плаза-отель». — Он улыбнулся тепло и просто. — Но туда приезжает все публика вшивая. — Он помолчал. — Да, теперь, при личном свидании, я хочу от души поздравить вас с вашей

замечательной статьей по поводу вдыхания пыли. Вы не в претензии на мое замечание относительно серицита? А чем вы заняты теперь?

Они спустились вниз, в ресторан, где старший из множества лакеев бросился принимать заказ Стилмена.

— Вы что закажете? Я — апельсиновый сок, — сказал Стилмен сразу, не поглядев на длинное меню, написанное по-французски. — И две бараньи котлеты с горошком. Потом кофе.

Эндрью в свою очередь дал указания лакею и с все возрастающим почтением обратился к Стилмену. Находясь в обществе Стилмена, нельзя было не почувствовать властного обаяния его личности. История его жизни, в общих чертах известная Эндрью, была единственной в своем роде.

Ричард Стилмен происходил из старого массачусетского рода, представители которого в течение многих поколений были юристами в Бостоне. Но молодой Ричард, вопреки фамильной традиции, возымел сильное желание заняться медициной и в восемнадцать лет убедил, наконец, отца отпустить его учиться в Гарвард. Два года он пробыл на медицинском факультете, но вдруг скоростижно умер его отец, оставив Ричарда, его мать и единственную сестру в неожиданно бедственном положении.

Надо было искать какого-нибудь способа прокормить семью, и старый Джон Стилмен, дед Ричарда, настоял, чтобы внук бросил медицинский факультет и пошел по традиционному пути Стилменов. Все доводы были тщетны — старик оставался неумолим, и пришлось Ричарду вместо диплома врача, о котором он мечтал, получить после трех утомительно скучных лет учения диплом юриста. Затем он в 1906 году начал работать в Бостоне и работал там четыре года.

Но профессия эта была ему не по душе. С первых лет студенчества он увлекался бактериологией, в особенности микробиологией, и в мансарде их дома в Бикон-хилле устроил себе маленькую лабораторию, взял в помощники своего клерка и всякую свободную минуту посвящал своей страсти. Лаборатория на чердаке, собственно, была началом знаменитого Института Стилмена. Ричард не был любителем. Он обнаружил не только величайшие технические способности, но и оригинальность мысли, почти граничившую с гениальностью. И когда зимой 1908 года сестра его Мэри, к которой он был привязан, умерла от скоротечной чахотки, он сосредоточил все свои силы на борьбе с бациллой туберкулеза. Он заинтересовался старыми исследованиями Пьера Луи и его американского ученика Джемса Джексона-младшего. Ознакомившись с работой по

вопросу о выслушивании больных, которой посвятил всю жизнь Лэннек, он пришел к физиологическому исследованию легких. Изобрел новый тип стетоскопа. Имея в своем распоряжении очень ограниченную аппаратуру, он предпринял первые попытки получения сыворотки крови.

В 1910 году, когда умер старый Джон Стилмен, Ричард уже добился исцеления морских свинок от туберкулеза. Результаты этих двух событий не замедлили сказаться. Мать Стилмена всегда сочувствовала его увлечению научной работой. Теперь ему не понадобилось много настойчивости, чтобы выйти из сословия юристов и на деньги, полученные в наследство от старика, купить вблизи Портленда, в Орегоне, ферму, где он сразу же весь отдался настоящему делу, делу своей жизни.

Так много ценных лет было уже потеряно, что он не хотел теперь терять еще время на получение медицинского диплома. Он стремился идти вперед, видеть плоды своей работы. Скоро он приготовил лошадиную сыворотку, его коровья вакцина дала успешные результаты при массовой иммунизации стада джерсейских коров. В то же время он использовал важные наблюдения Гельмгольца и Виллерда Гиббса и физиков последующих поколений, как, например, Бисайона и Зинкса, для лечения пораженных легких путем прекращения их деятельности. Отсюда он перешел непосредственно к терапии.

Опыты лечения в новом институте скоро принесли ему громадную славу, большие триумфы, чем лабораторные победы. Его пациентами стали многие чахоточные, лечившиеся амбулаторным путем, скитавшиеся из одного санатория в другой и признанные безнадежными. Успехи, достигнутые в этих случаях Стилменом, немедленно вызвали решительную вражду к нему врачей-профессионалов, пренебрежительные отзывы и всякие обвинения.

Теперь началась иная и более длительная борьба — борьба за признание его работы. Он истратил все, что имел, до последнего доллара, на устройство своего института, а содержать его стоило очень дорого. Стилмен презирал рекламу и противился всяким уговорам поставить свое учреждение на коммерческую ногу. Часто казалось, что материальные затруднения и злоба противников его непременно потопят. Но Стилмен с великолепным мужеством переживал каждый кризис — даже кампанию, затеянную против него крупной газетой.

Период клеветы и гонений остался позади, буря полемики утихла. Мало-помалу Стилмен добился того, что все его противники неохотно признали его. В 1925 году комиссия из Вашингтона посетила институт и дала восторженный отзыв о его работе. Стилмен начал получать крупные

пожертвования от частных лиц, от трестов и даже общественных организаций. Эти вклады он употреблял на расширение и улучшение своего института. И институт, с его прекрасным оборудованием и местоположением, стадами джерсейских коров и чистокровных ирландских лошадей, от которых брали сыворотку, стал достопримечательностью штата. Хотя у Стилмена еще имелись враги, — так, например, в 1929 году происки уволенного им лаборанта создали новый громкий скандал, — но он по крайней мере обеспечил себе некоторую неприкосновенность, дававшую ему возможность продолжать дело своей жизни. Успех его не испортил, он оставался все тем же спокойным, сдержанным человеком, который почти двадцать пять лет тому назад разводил первые культуры на чердаке дома в Бикон-хилле.

А сейчас, сидя в ресторане отеля Брукса, он смотрел через стол на Эндрью с спокойным дружелюбием.

— Очень приятно, — сказал он, — очутиться в Англии. Мне нравится ваша страна. У нас летом не так прохладно, как здесь.

— Вы, вероятно, приехали читать лекции? — спросил Эндрью.

Стилмен усмехнулся.

— Нет. Я больше не читаю лекций. Не знаю, покажется ли это вам тщеславием, если я скажу, что результаты моей работы говорят сами за себя? Как бы там ни было, я приехал сюда не для лекций. Вышло так, что ваш мистер Кренстон, — я имею в виду Герберта Кренстона, который выпускает такие прелестные маленькие автомобили, — с год тому назад приехал ко мне в Америку. Он всю жизнь был мучеником астмы, и мне... нам в институте удалось его вылечить. С тех пор он все время приставал ко мне, чтобы я приехал в Англию и открыл здесь маленькую клинику, наподобие нашей портлендской. И полгода назад я дал согласие. Мы разработали план, и сейчас эта клиника — мы ее назвали «Бельвью» — уже почти закончена. Она — в Чилтернских горах, вблизи Хай-Викема. Я должен ее открыть, затем передам ее Морленду — одному из моих ассистентов. Откровенно говоря, я смотрю на это, как на эксперимент, очень многообещающий опыт применения моих методов в новых климатических условиях. Финансовая сторона меня не интересует.

Эндрью наклонился вперед.

— Все это очень интересно. Я бы хотел осмотреть вашу клинику.

— Вы приезжайте, когда у нас все будет готово. У нас будет проводиться радикальное лечение астмы. Этого хочет Кренстон. Кроме того, я сделал своей специальностью несколько форм первичного туберкулеза. Я говорю — несколько, — он улыбнулся, — видите ли, я не

забываю, что я, в сущности, только биофизик, мало знакомый с дыхательной системой. Да, так насчет ранних форм туберкулеза. Это вам будет интересно. Я применяю новый метод пневмоторакса. Это подлинное достижение.

— Вы говорите о способе Эмиля-Вейля?

— Нет, нет. Мой гораздо лучше. — Лицо Стилмена просветлело. — Вы знаете, как неудобны аппараты с неподвижной бутылкой в тот момент, когда внутриплевральное давление уравнивается давлением жидкости и совершенно прекращается выход газа. Так вот, у нас в институте мы устроили камеру добавочного давления, — я вам ее покажу, когда вы приедете в Америку, — через которую мы можем вводить газ при определенном отрицательном давлении сразу же, с самого начала.

— Но как насчет прибавления газа? — спросил Эндрию быстро.

— Мы полностью устраняем риск. Вот слушайте. Это замечательно ловко придумано. Вводя маленький бромформовый манометр у самой иглы, мы устраняем разрежение. Колебание в минус четырнадцать сантиметров дает только один кубический сантиметр газа у острия иглы. Наша игла имеет четырехходовое приспособление, которое действует лучше, чем зангмановское.

Эндрию был увлечен против воли.

— Вот оно что! Так вы хотите свести к нулю действие на плевру. Знаете, мистер Стилмен... мне странно, меня просто поражает, что все это исходит именно от вас. О, простите меня, я не так выразился, но вы поймете, что я хочу сказать. Столько врачей, работая старым способом...

— Милый мой доктор, — ответил Стилмен с веселым огоньком в глазах, — не забывайте, что Карсон, первый человек, отстайвавший пневмоторакс, был только физиологом, писавшим популярные очерки.

Затем они погрузились в обсуждение технических подробностей, и это продолжалось до тех пор, пока Стилмен не посмотрел на часы и не воскликнул, что он уже на полчаса опоздал на свидание с Черстоном.

Эндрию ушел из отеля Брукса возбужденный, заряженный энергией. Но вслед за этим пришла непонятная реакция, смятение, недовольство своей работой. «Я поддался влиянию этого человека», — говорил он себе с раздражением.

На Чесборо-террас он вернулся в не слишком приятном настроении, но когда подъехал к дому, сделал спокойное лицо. Новые отношения с Кристин требовали этой маски безразличия, так как у нее теперь всегда было такое покорное и замкнутое выражение лица, что Эндрию, как бы он ни кипел внутренне, чувствовал себя вынужденным отвечать тем же.

Казалось, Кристин ушла в себя, живет какой-то своей внутренней жизнью, в которую ему нет доступа. Она много читала, писала письма. Раза два он, входя, заставлял ее играть с Флорри в какую-то детскую игру цветными фишками. Она начала довольно часто ходить в церковь. И это больше всего злило Эндрию.

В Блэнелли она каждое воскресенье ходила с миссис Уоткинс в приходскую церковь, но тогда это его не возмущало. Теперь же, враждебный, чужой ей, он видел в этом только лишнее доказательство пренебрежения к нему, не набожность, но жест, направленный против него.

В этот вечер он, войдя в гостиную, застал ее одну. В очках, которые она недавно стала носить, Кристин сидела, опершись локтями о стол, над лежавшей перед ней на столе книгой, погруженная в чтение, маленькая, похожая на школьницу за уроками. Злое, ревнивое чувство охватило Эндрию. Наклонясь через ее плечо, он схватил книгу, которую она слишком поздно пыталась спрятать от него. На первой странице Эндрию прочел: «Евангелие от Луки».

— О Господи! — Он был поражен, даже взбешен. — Вот ты до чего уже дошла? Библией увлекаешься?

— А почему же нет? Я еще до знакомства с тобой часто ее читала.

— Вот как?

— Да. — Странное выражение муки было в глазах Кристин. — Наверное твои друзья из «Плаза» не одобрили бы этого. Но это во всяком случае хорошая литература.

— Знаешь, что я тебе скажу: ты превращаешься в настоящую психопатку.

— Возможно. Это, конечно, тоже всецело моя вина? Но разреши сказать тебе, что лучше быть психопаткой, но сохранить живую душу, чем быть карьеристом и дойти до духовной смерти!

Она вдруг резко оборвала, закусив губу, борясь со слезами. С большим усилием овладела собой. И, пристально глядя на него, все с той же мукой в глазах, промолвила тихим сдавленным голосом:

— Эндрию! Как ты думаешь, не лучше ли будет для нас обоих, если я на время уеду? Миссис Воон меня приглашает погостить у нее две-три недели. Они сняли на лето дачу в Ньюкей. Не находишь ли ты, что мне следует съездить к ней?

— Да! Поезжай! Будь оно все проклято! Поезжай! — Он круто повернулся и вышел.

ХІІІ

Отъезд Кристин в Ньюкей принес Эндрию облегчение, чудесное чувство свободы. На целых три дня. Потом он начал томиться, размышлять, что она делает и скучает ли о нем, начал ревниво беспокоиться, когда же она приедет. Хотя он твердил себе, что теперь он свободный человек, у него появилось точно такое ощущение пустоты, какое мешало ему работать в Эберло, когда Кристин уехала в Бриндлингтон, а он остался, чтобы готовиться к экзаменам.

Образ ее вставал перед ним, но то было уже не юное свежее лицо прежней Кристин, а лицо бледное, более зрелое, с немного втянутыми щеками и близорукими глазами за круглыми стеклами очков. Оно не было красиво, это лицо, но в нем было что-то, не дававшее ему покоя.

Он много бывал в обществе, играл в бридж в клубе с Айвори, Фредди и Дидменом. Несмотря на осадок, который остался у него на душе после первой их встречи, он часто виделся со Стилменом, который постоянно ездил из отеля в почти законченную клинику в Викеме и обратно. Он написал Денни, приглашая его приехать в Лондон, но Филипп, только что вступивший в должность, не мог уехать. Гоуп был в Кембридже и недостижим.

Он лихорадочно пытался сосредоточиться на клинических исследованиях, которые проводил в больнице. Но ничего не выходило. Он слишком нервничал. С тем же беспокойным усердием занялся своими денежными делами с директором банка Уэдом. Все было прекрасно, все в порядке. У него возникла мысль о покупке дома на Уэлбек-стрит — очень выгодное помещение денег — и продаже дома на Чесборо-террас, причем амбулаторию он хотел оставить себе. Он просыпался в тихие жаркие ночи, в голове у него бурлили планы, мысли о практике, нервы были взвинчены, ему не доставало Кристин, но ее не было, — и рука его машинально тянулась к ночному столику за папиросами.

В разгаре этих настроений он позвонил Франсиз Лоренс.

— Я остался совсем один. Не хотите ли прокатиться куда-нибудь вечером? В городе так жарко.

Голос Франсиз звучал хладнокровно и как-то успокоил его:

— Это было бы ужасно мило. Я чувствовала, что вы позвоните. Вам знаком Кроссвейс? Совершенно елизаветинский стиль, И река там великолепна.

На следующий день он в течение трех четвертей часа успел принять

всех больных. Задолго до восьми заехал за Франсиз в Найтсбридж, и они помчались по дороге в Чертси.

Они ехали на запад мимо ровной ленты огородов, а впереди потопом разливался закат. Франсиз сидела рядом с Эндрью, говорила мало, но заполняла все холодным очарованием своего присутствия... Она была в костюме из какой-то тонкой светлокориичневой материи, темная шапочка гладко охватывала маленькую головку. Эндрью был весь под впечатлением ее грации, изумительного лоска, отличавшего ее. Лежавшая близко от него рука без перчатки была так бела, так тонка. Каждый тонкий палец венчался безукоризненной алой миндалиной ногтя.

Кроссвейс, как и говорила Франсиз, представлял собой замечательный елизаветинский дом, стоявший у Темзы, среди прекрасных садов с подстриженными деревьями и очаровательно-старомодными прудами, на которых плавали водяные лилии. Так как этот особняк превратили в место увеселений, то все здесь было осквернено современными удобствами и позорным джаз-бандом. Когда Эндрью и Франсиз въехали во двор, уже загроможденный нарядными автомобилями, к ним подскочил ловкий лакей. Древние камни пылали под вьющимся виноградом, а высокие четырехугольные дымовые трубы четко вырисовывались на фоне неба.

Они прошли в ресторан. Ресторан был наряден, полон публики, столики расставлены по краям свободного квадрата полированного паркета, а старший официант мог бы сойти за родного брата великого визиря из «Плаза». Эндрью до тех пор не выносил и побаивался старших официантов. Но это потому, что он никогда еще не являлся в ресторан с такой дамой, как Франсиз. Один быстрый взгляд — и их проводили с поклоном к лучшему столику в зале, их окружила целая армия лакеев, один развернул салфетку Эндрью и благоговейно разостлал ее у него на коленях.

Франсиз заказала очень немного: салат, гренки Мельба, вместо вина только воду со льдом. Старший официант ничуть не смутился, как будто он в этой умеренности увидел доказательство ее принадлежности к касте избранных. Эндрью с внезапным тошнотворным ощущением испуга подумал, что, приди он в это святилище с Кристин и закажи такой банальный ужин, его бы с презрением выгнали вон.

Он опомнился, заметив, что Франсиз с улыбкой глядит на него.

— А ведь мы с вами уже очень давно знакомы, и сегодня вы в первый раз пригласили меня на прогулку.

— Вы об этом жалеете?

— Надеюсь, я не дала вам повода так думать.

Снова чарующая интимность ее легкой улыбки взволновала его. Он

казался остроумнее, непринужденнее, значительнее. Это была не претенциозность, не глупый снобизм. Каким-то неведомым путем аристократизм Франсиз распространился и на него. Он сознавал, что люди за соседними столами с интересом поглядывают на них. Мужчины глядели на Франсиз с восхищением, которого она спокойно не замечала. Эндрию невольно подумал о том, какой волнующей радостью было бы для него постоянное общение с ней.

Она промолвила:

— А что, вы были бы очень польщены, если бы я вам сказала, что ради прогулки с вами отказалась от ранее полученного приглашения в театр? Никол Уотсон — помните его? — звал меня на балет, один из моих любимых балетов, — что вы скажете о моих детских вкусах? — это «La Boutique Fantasque» с участием Массина.

— Я помню Уотсона и его рассказ об экспедиции в Парагвай. Дельный малый.

— Он удивительно мил.

— Но вы боялись, что в театре будет слишком душно?

Она улыбнулась, не отвечая, взяла папиросу из плоской эмалированной коробочки, на которой бледными красками была нарисована прелестная миниатюра Буше.

— Да, я слышал, что Уотсон за вами ухаживает, — настаивал Эндрию с внезапной горячностью. — А что же думает об этом ваш муж?

Она и на этот раз промолчала, только подняла одну бровь, словно желая мягко предупредить следующее неделикатное замечание. Через минуту она сказала:

— Вы, конечно, понимаете... Джеки и я — лучшие друзья. Но каждый из нас имеет своих *собственных* друзей. Он сейчас в Жуэне. И я у него не спрашиваю, зачем... Потанцуем с вами разок? — прибавила она небрежно.

Они танцевали. Франсиз двигалась все с той же обворожительной грацией, такая легкая в его объятиях, такая бесстрастная.

— Я не очень-то ловок, — сказал Эндрию, когда они сели на место. Он уже усваивал ее лексикон. Прошли те дни, когда он говорил ворчливо: «Черт возьми, Крис, я не мастер прыгать».

Франсиз не отвечала. Это тоже было характерной ее особенностью. Другая женщина сделала бы ему комплимент, возразила бы или дала почувствовать его неуклюжесть. И, движимый внезапным порывом любопытства, он воскликнул:

— Пожалуйста, ответьте мне на один вопрос. Почему вы так добры ко мне? Почему так много помогали мне все это время?

Она посмотрела на него с таким видом, точно этот вопрос ее немного позабавил, но не уклонилась от ответа.

— В вас есть что-то, что очень привлекает женщин. И главное ваше очарование в том, что вы этого не сознаете.

— Нет, серьезно... — запротестовал он, краснея. Затем пробормотал невнятно: — Нет, это просто потому, что я ведь, как-никак, врач.

Она засмеялась, медленно отгоняя рукой дым папиросы.

— Вас не убедишь. И, пожалуй, не стоило мне говорить вам этого. Ну, конечно, вы отличный врач. Мы только недавно говорили об этом на Грин-стрит. Ле-Рою уже начинает надоедать наша компания врачей-диететологов. Бедный Румбольд! Ему бы неприятно было услышать, как Ле-Рой лял: «Пора выставить нашего старикашку». Но Джеки с ним согласен. Они хотят иметь в правлении врача помоложе, поэнергичнее... как это говорится? — «восходящее светило». Они, кажется, затевают большую кампанию в медицинских журналах, хотят заинтересовать врачей нашими продуктами с научной точки зрения, так выразился Ле-Рой. А, разумеется, Румбольд — только предмет шуток среди своих коллег. Но к чему я говорю обо всем этом? Терять время на эту прозу в такой вечер, как сегодня! Ну, ну, не хмурьтесь так свирепо, точно вы собираетесь убить меня или лакея или капельмейстера... а его бы следовало убить, он противный, правда? Вы сейчас точно такой, как тогда, в первый день, когда вы вошли в примерочную, — надменный и нервный и даже чуточку смешной. Бедная Топпи! Собственно, не мне, а ей полагалось бы быть здесь с вами.

— Я очень рад, что ее нет, — сказал он, не поднимая глаз от стола.

— Пожалуйста, не считайте меня банальной. Мне это было бы нестерпимо. Надеюсь, мы достаточно интеллигентны, и мы... во всяком случае... не верим в великую страсть. Этим все сказано, не так ли? Но я нахожу, что жить гораздо веселее, если имеешь... друга, с которым можно пройти вместе кусочек пути. — В глазах Франсиз снова засверкали огоньки смеха. — Ну вот, я заговорила совершенно языком Россетти. Нет, это слишком ужасно! — Она потянулась за своим портсигаром. — К тому же здесь душно, и я хочу поглядеть на луну над рекой.

Эндрю расплатился и вышел за ней через высокие стеклянные двери, варварски пробитые в красивой старой стене. На террасу слабо доносилась танцевальная музыка. Перед их глазами расстилалась просторная зеленая лужайка, спускавшаяся к реке меж темных рядов подстриженных тисов. Франсиз была права: над Темзой уже взошла луна, бледное ее мерцание переливалось на щитах для стрельбы, стоявших на нижних площадках, от

тисов брызнули длинные черные тени. А дальше, за лужайкой, лежала серебряная гладь реки.

Они спустились к берегу, сели на скамью, стоявшую у самой воды. Франсиз сняла шляпу и молча глядела на медленно текущую реку, вечный ропот которой сливался с глухим гудением автомобиля, проезжавшего где-то вдалеке.

— Как странно слышать эти ночные звуки, — сказала она. — Старое и новое. Луна и прожекторы. Это наш век.

Он поцеловал ее. Она не шевельнулась. Ее губы были теплы и сухи. Через минуту она сказала:

— Это было очень приятно. И очень неумело.

— Я умею и лучше, — пробормотал он, глядя прямо перед собой и не двигаясь.

Он был неловок, пристыжен, нервен. Он сердито говорил себе, что чудесно в такую ночь быть здесь с красивой, обаятельной женщиной. Согласно всем канонам лунного света и романов, ему следовало бешено сжать ее в своих объятиях. А он чувствовал только, что ему неудобно сидеть в такой скорченной позе, что хочется курить, что уксус, которым был приправлен салат, растревожил его больной желудок.

А в воде, на которую он смотрел, чудилось ему лицо Кристин, исхудалое, полное тревоги, с грязным пятном на щеке от кисти, которой она красила дверь, когда они только что переехали на Чесборо-террас. Лицо это волновало его, вызывало ожесточение. Он связан силой обстоятельств. Но ведь он мужчина, не так ли, а не какой-нибудь кандидат на лечение у Воронова^[43]. И с чувством, похожим на вызов, он снова поцеловал Франсиз.

— А я думала, что вам понадобится по крайней мере еще год, чтобы решиться на это. — В глазах Франсиз был все тот же ласковый смех. — Ну, а теперь не думаете ли вы, что нам пора возвращаться, доктор? Ночной воздух, пожалуй, несколько опасен для пуританской души.

Он помог ей встать, а она удержала его руку и слегка опиралась на нее, пока шла к автомобилю. Эндрью направил машину по дороге в Лондон. В красноречивом молчании Франсиз было счастье.

Но Эндрью не чувствовал себя счастливым. Он казался себе презренным глупцом, ненавидел себя и, разочарованный испытанными ощущениями, в то же время боялся возвращения в свою душную комнату, боялся одинокой постели, в которой не находил покоя. В сердце его был холод, в мозгу кипели ранящие мысли. Перед ним вставало воспоминание о мучительном блаженстве его первой любви к Кристин, всепобеждающем

упоении первых дней в Блэнелли. Но он яростно отгонял его.

Они были уже у дома Франсиз, а в душе его все еще шла борьба. Он вышел из автомобиля и открыл дверцу, помогая Франсиз выйти. Оба стояли на мостовой, пока она вынимала ключ из сумочки.

— Вы зайдете, да? Боюсь, что слуги все уже спят.

Он колебался. Пробормотал, запинаясь:

— Уже очень поздно, кажется...

Франсиз словно не слышала его и с ключом в руке поднялась по каменным ступеням. Он покорно шел за ней, а перед глазами у него мелькнуло и рассеялось видение — фигура Кристин, идущей по рынку со своей старой плетеной корзинкой в руке.

XIV

Три дня спустя Эндрью сидел в своем кабинете на Уэлбек-стрит. День был жаркий, и сквозь штору открытого окна проникал докучливый шум уличного движения. Эндрью скучал, он был переутомлен, его страшило возвращение Кристин в конце недели, он и ждал и боялся каждого телефонного звонка, устал оттого, что за час принял шесть «трехгинеинных» пациентов, и от мысли, что надо поскорее окончить прием, чтобы повезти Франсиз куда-нибудь ужинать. Он нетерпеливо поднял глаза, когда вошла миссис Шарп с еще более кислым, чем всегда, выражением на некрасивом лице.

— Вас хочет видеть какой-то мужчина, ужасный субъект. Он не больной и говорит, что не коммивояжер. Визитной карточки у него нет. Его фамилия — Боленд.

— Боленд? — повторил рассеянно Эндрью. И — вдруг лицо его просветлело. — Уж не Кон ли Боленд? Впустите его, сестра. Скорее!

— Но вас дожидается пациент. А через десять минут придет миссис Робертс.

— Ну, и пускай приходит! — бросил он с раздражением. — Делайте то, что я сказал.

Шарп вспыхнула от его тона. У нее просилась на язык ответ, что она не привыкла, чтобы с нею так разговаривали. Она фыркнула и вышла с высоко поднятой головой. Через минуту она впустила Боленда.

— О, Кон! — сказал Эндрью, вскакивая с места.

— Алло, алло, алло! — прокричал Кон, прыгнув вперед с широкой, веселой улыбкой. Это был рыжий дантист собственной персоной, ничуть не изменившийся, такой же неряшливый в своем слишком широком лоснящемся синем костюме и расхлябанных коричневых башмаках, как будто он только что вышел из своего деревянного гаража, может быть, чуточку постаревший, но такой же бурный, неукротимый, взлохмаченный, сыпавший восклицаниями. Он крепко ударил Эндрью по плечу. — Ей-Богу, Мэнсон, страшно приятно увидеть вас опять! Выглядите вы замечательно, замечательно! Я бы вас узнал среди миллиона людей. Да, да, подумать только! А шикарно вы тут устроились! — Он, сияя, посмотрел на кислую Шарп, которая презрительно наблюдала за ним. — Эта лэди не хотела меня пускать, пока я ей не сказал, что я тоже причастен к медицине. Святая правда, сестрица! Этот фронт, у которого вы служите, не так давно работал в том же жалком обществе медицинской помощи, где я. В Эберло.

Если когда-нибудь очутитесь проездом в наших местах, загляните к нам, и мы вас угостим чашкой чая. Всякий друг моего старого друга Мэнсона для нас желанный гость!

Шарп только посмотрела на него и вышла из комнаты. Но на Кона это не произвело никакого впечатления, — он продолжал сыпать словами, захлебываясь чистой и простодушной радостью. Когда Шарп вышла, он, повернувшись к Эндрию, воскликнул:

— Красавицей ее назвать нельзя, Мэнсон, дружище! Но приличная женщина, головой ручаюсь. Ну, ну, как же вы поживаете? Как поживаете?

Он не выпускал руки Эндрию, тряс ее и весь расплывался в улыбке.

Эндрию очень обрадовало появление Боленда в этот гнетущий день. Освободившись, наконец, из рук Кона, он бросился в кресло, чувствуя, что снова становится человеком. Он пододвинул Кону папиросы, и тот, сунув большой палец одной руки подмышку, а другой сжимая мокрый конец зажженной папиросы, изложил причину своего приезда.

— Мне полагался небольшой отпуск, Мэнсон, и, кроме того, у меня кое-какие дела тут, так что жена велела мне собираться и ехать. Видите ли, я работал над изобретением пружины для закрепления ослабевших тормозов. Трудился над этим все ночи напролет. Но черт бы их побрал, никто не хотел и взглянуть на мое изобретение. Ну, да ничего, мы его продвинем. Однако это дело не такое важное, как второе. — Кон стряхнул пепел на ковер, и лицо его приняло серьезное выражение. — Слушайте, Мэнсон: тут речь идет о Мэри, — вы, наверное, помните Мэри, потому что, должен вам сказать, она не забывает вас. Она очень плохо себя чувствует в последнее время, совсем неважно. Мы ее водили к Луэллину, но ни черта не вышло, ничем он ей не помог. — Кон вдруг разгорячился, заговорил хриплым голосом. — Представьте себе, Мэнсон, он имел нахальство заявить, что у нее начальная стадия туберкулеза, как будто бы с этим не покончено раз и навсегда в нашей семье с тех пор, как мой дядя Дэн пятнадцать лет тому назад уехал в санаторий. Теперь слушайте, Мэнсон, — хотите вы сделать что-нибудь во имя нашей старой дружбы? Мы слышали, что вы стали большим человеком, ведь в Эберло только и речи, что о вас. Не осмотрите ли вы Мэри? Вы не можете себе представить, как эта девочка в вас верит, мы и сами верим — миссис Боленд и я. Ну вот, она мне и говорит: «Сходи к доктору Мэнсону, если его разыщешь. И, если он согласен осмотреть нашу девочку, мы ее отправим в Лондон в любое время, когда ему удобно». Ну, что же, Мэнсон? Если вы слишком заняты, вам стоит только сказать, и я могу убраться восвояси.

На лице Эндрию выразилось огорчение.

— Не говорите таких вещей, Кон. Разве вы не видите, как я вам рад? И Мэри... бедная девочка... вы знаете, что я сделаю для нее все, все, что смогу.

Не замечая многозначительных появлений в кабинете сестры Шарп, он тратил драгоценное время на разговор с Коном, пока она, наконец, не выдержала.

— Вас ждет уже пять пациентов, доктор Мэнсон. И вы больше чем на час задержали всех, кому назначено определенное время. Я больше не могу придумывать предлоги, и я не привыкла так обращаться с пациентами.

Даже и после этого Эндрю никак не мог расстаться с Коном и проводил его до двери на улицу, навязывая ему свое гостеприимство.

— Я не намерен вас так скоро отпустить домой, Кон. На сколько времени вы приехали? Три-четыре дня? Отлично. А где вы остановились? В Вестленде? Почему бы вам лучше не перебраться ко мне, это же близко оттуда. И у нас места сколько угодно. В пятницу вернется Кристин. Она вам очень будет рада, Кон, очень. И мы поболтаем втроем о старых временах.

На другой день Кон со своим мешком перебрался на Чесборо-террас. После вечернего приема они с Эндрю отправились в мюзик-холл. В обществе Кона все доставляло удовольствие. Он охотно смеялся, и смех его сперва отпугивал, потом заражал соседей. Люди оборачивались и сочувственно улыбались Кону.

— О Господи! — Кон ерзал на месте. — Заметили этого парня? С велосипедом!

Во время антракта они стояли в буфете, Кон — сдвинув шляпу на затылок, с пеной на усах, широко расставив коричневые башмаки.

— Не могу вам передать, какое удовольствие вы мне доставили, Мэнсон! Вы — сама любезность!

Простодушная благодарность Кона заставила Эндрю почувствовать себя грязным лицемером.

Потом они ели бифштекс и пили пиво у Кэдро. Воротясь домой, развели огонь в камине и уселись беседовать. Они говорили и курили и опять пили пиво, бутылку за бутылкой. Эндрю забыл на время обо всех сложностях высококультурного существования. Нервное напряжение, которого требовала его большая практика, перспективы работы в предприятии Ле-Роя, надежды на выдвижение в больнице Виктории, состояние его вкладов, нежное тело Франсиз Лоренс, страх перед обвиняющим взглядом Кристин — все, все потеряло остроту, отошло на задний план, когда Кон выкрикивал:

— А помните, как мы воевали с Луэллином? Экхарт и остальные пошли против нас (Экхарт все тот же и шлет вам привет), и тогда мы с вами засели вдвоем и выпили все пиво.

Но прошел еще день, и неумолимо приблизился момент встречи с Кристин. Эндрью потащил ничего не подозревавшего Кона к концу перрона, внутренне злясь на то, что недостаточно владеет собой, и видя в Боленде свое спасение. Сердце его билось от болезненного нетерпения, когда поезд подошел к станции. Он пережил потрясающую минуту испуга и раскаяния при виде знакомого худого лица среди толпы чужих, с жадным ожиданием обращенного к нему. Затем все заслонило усилием изобразить беззаботную сердечность,

— Алло, Крис! Мне уже казалось, что ты никогда не вернешься. Да, да, посмотри на него. Это Кон и никто другой! И ни на один день не постарел. Он гостит у нас, Крис, — мы тебе все расскажем по дороге. Автомобиль мой на улице. Ну, хорошо провела время? Ох, что же это я! Зачем ты сама тащишь свой саквояж!

Взволнованная неожиданностью этой встречи на вокзале (а она боялась, что ее никто не встретит), Кристин не казалась уже такой измученной, и нервный румянец залил ей щеки. Она тоже страшилась встречи с Эндрью, была взвинчена, жаждала нового примирения. Теперь в ней ожили надежды. Сидя в автомобиле рядом с Коном, она оживленно болтала, украдкой поглядывая на профиль Эндрью, сидевшего впереди.

— Как хорошо очутиться дома! — сказала она, войдя в комнату, и глубоко вздохнула. Затем спросила торопливо и жадно: — А ты скучал по мне, Эндрью?

— Еще бы! Все мы скучали. Правда, миссис Беннет? Правда. Флорри? Кон! Какого черта вы там застряли с багажом?

Он выбежал из комнаты под предлогом помочь Кону, затеял ненужную суету с чемоданами. Потом, раньше чем что-нибудь еще было сказано или сделано, наступило время ехать по визитам. Он настаивал, чтобы они ждали его к чаю. А очутившись в автомобиле, простонал:

— Слава Богу, это позади! Она выглядит ничуть не лучше, чем прежде. О ад!.. Но я уверен, что она ни о чем не догадалась. А это теперь главное.

Вернулся он поздно, но такой же неестественно веселый и суетливый. Кон был очарован.

— Господи Боже мой, да в вас теперь больше жизни, чем когда-либо в прежние годы, Мэнсон, дорогой мой.

Раза два он ловил на себе взгляд Кристин, моливший о каком-нибудь знаке душевной близости. Он видел, что болезнь Мэри ее расстроила,

встревожила. В разговоре выяснилось, что она просила Кона телеграфировать Мэри, чтобы она выехала завтра же, если возможно. Кристин высказала надежду, что можно будет немедленно сделать что-нибудь, вернее — все, для Мэри.

Все вышло лучше, чем ожидал Эндрию. Мэри ответила телеграммой, что приедет завтра утром, и Кристин занялась приготовлениями к ее приезду. Суэта и возбуждение, царившие в доме, помогли Эндрию скрыть неискренность его веселости.

Но когда приехала Мэри, он вдруг опять стал самим собой. С первого взгляда видно было, что она нездорова. Превратившись за эти годы в высокую, худенькую, слегка сутулую двадцатилетнюю девушку, она поражала тем почти неестественно красивым цветом лица, в котором Эндрию сразу увидел грозное предостережение.

Мэри была утомлена ездой, и хотя ей хотелось посидеть и поболтать с Кристин и Эндрию, которых она была очень рада увидеть снова, ее убедили лечь в постель уже около шести. Когда она улеглась, Эндрию пошел наверх выслушать ее.

Он оставался наверху не больше четверти часа, и, когда потом сошел в гостиную к Кону и Кристин, лицо его выражало глубокое огорчение.

— Боюсь, что тут нет никаких сомнений. Левая верхушка. Луэллин был совершенно прав, Кон. Но не тревожьтесь. У нее первая стадия. Можно кое-что сделать.

— Вы думаете... — сказал Кон уныло и испуганно. — Вы думаете, что это излечимо?

— Да. Беру на себя смелость это утверждать. За ней надо постоянно наблюдать, окружить ее наилучшим уходом. — Он хмуро размышлял. — Мне кажется, Кон, что Эберло для нее самое неподходящее место, и туберкулез в первичной стадии дома всегда лечить трудно. Почему бы вам не согласиться, чтобы я ее устроил в больнице Виктории? Доктор Сороугуд ко мне хорошо относится, и мне, несомненно, удастся поместить ее к нему в палату. А я бы за ней присматривал.

— Мэнсон! — прочувствованно воскликнул Кон. — Вот это истинная дружба! Если бы вы только знали, как эта девочка верит в вас. Если ее кто-нибудь может вылечить, так только вы!

Эндрию сразу же пошел переговорить по телефону с Сороугудом. Он воротился через пять минут с известием, что Мэри примут в больницу Виктории в конце недели. Кон заметно повеселел и уже со свойственным ему оптимизмом решил, что лечение в специальной больнице для легочных больных под наблюдением Эндрию и доктора Сороугуда обещает верное

выздоровление.

Два дня прошли в усиленных хлопотах. В субботу, когда Мэри была отвезена в больницу, а Кон сел в поезд в Педдингтоне, Эндрию сохранил еще настолько самообладания, чтобы держать себя по крайней мере подобающим образом. Он еще был способен, уходя в амбулаторию, сжать руку Кристин и беззаботно воскликнуть:

— Приятно опять очутиться вдвоем, Крис! Боже, что это была за неделя!

Это звучало совершенно естественно. Но хорошо, что он не видел лица Кристин. Оставшись одна, она сидела, опустив голову, уронив руки на колени, не шевелясь. В первый день приезда она была полна надежд. Теперь же в ней росло жуткое предчувствие. «О Боже милосердный, когда же и как все это кончится?»

XV

Все выше и выше вздымался прилив его успеха, и вечно шумящий, вечно растущий поток, прорвав плотину, непреодолимо нес его вперед.

Связь его с Хемсоном и Айвори стала еще теснее, еще выгоднее для него. Дидмен, уезжая на неделю играть в гольф в Ле-Туке, предложил ему заменять его в отеле «Плаза», а доход разделить пополам. Обычно Дидмена замещал Хемсон, но с недавнего времени Эндрью подозревал, что отношения между ними испортились.

Как льстило Эндрью сознание, что он может войти без церемонии в спальню какой-нибудь припадочной звезды экрана, сидеть на ее шелковом одеяле, ощупывать уверенными руками ее бесполое тело, выкурить иной раз папиросу в ее обществе, если у него было свободное время.

Но еще более лестно было покровительство Джозефа Ле-Роя. Эндрью за последний месяц дважды завтракал с ним. Он знал, что в голове Ле-Роя зреют важные для него планы. В их последнюю встречу Ле-Рой сказал ему испытующим тоном:

— Знаете, док, я давно к вам присматриваюсь. Я затеваю большое дело и мне понадобится уйма дельных медицинских советов. Я больше не желаю связываться с двуличными, надутыми знаменитостями, — старый Румбольд не стоит собственных калорий, и мы намерены дать ему отставку. И вообще мне не нужно, чтобы вокруг толпилась целая свора так называемых экспертов. Мне достаточно одного врача-консультанта с трезвой головой, и я начинаю думать, что вы подходящий для нас человек. Видите ли, мы снабжаем нашими продуктами множество народа. Но, по правде говоря, я считаю, что пора расширить сферу нашей деятельности и придать ей научную окраску. Расщепляйте составные части молока, обрабатывайте их электричеством, светом, приготовляйте из них таблетки «Кремо» с витамином Б, «Кремофакс» и летицин против малокровия, рахита, истощения, бессонницы, — вы меня понимаете, док? И затем, я полагаю, что, если мы будем действовать в духе ортодоксальной медицины, мы можем рассчитывать на поддержку и сочувствие всех людей вашей профессии и, так сказать, каждого врача сделать нашим комиссионером. Значит, нужна научная реклама, док, научный подход, и вот тут-то, я полагаю, молодой и ученый врач, работая у нас в предприятии, может нам быть полезен. Я хочу, чтобы вы меня поняли правильно, — дело тут вполне чистое и научное. Мы в самом деле поднимаем наше производство на новую высоту. И если вспомнить ничего

не стоящие экстракты, рекомендуемые врачами, например «Марробин» С, и «Вегатог», и «Бонибрен», так, мне думается, что мы, повышая общую норму здоровья, делаем большое общественное дело, служим нации.

Эндрю не задумывался над тем, что в одной зеленой горошине, вероятно, больше витаминов, чем в нескольких жестянках «Кремофакса». Он был взволнован мыслью не о жалованьи, которое будет получать, а о доходах Ле-Роя.

Франсиз объяснила ему, как извлечь пользу из рыночных операций Ле-Роя. Приятно было заезжать к ней напиться чаю, видеть, что у этой обворожительной и многоопытной женщины есть для него особый взгляд, беглая и дразнящая улыбка интимности! Общение с нею придало и ему опытности, уверенности в себе, отполировало его. Он незаметно для себя проникся ее философией. Под ее руководством он учился ценить внешние, поверхностные красоты жизни и пренебрегать более глубокими.

Его больше не смущала Кристин. Он теперь умел, приходя домой после того, как провел часок с Франсиз, держать себя совершенно естественно. Он не задумывался над этой поразительной переменой в себе. А если и задумывался иной раз, то лишь затем, чтобы успокоить себя, что он не любит миссис Лоренс, что Кристин ничего не знает, что в жизни каждого мужчины бывают такие затруднения. Почему он должен быть исключением?

Как бы желая загладить свою вину перед Кристин, он старался изо всех сил угодить ей, разговаривал с ней предупредительно, даже делился своими планами. Ей было известно, что он рассчитывает весной купить дом на Уэлбек-стрит и, как только все приготовления будут закончены, переехать с Чесборо-террас. Она никогда теперь с ним не спорила, не делала ему никаких упреков, и если у нее и бывало скверное настроение, Эндрю ничего не знал об этом. Она казалась спокойной и равнодушной. А для Эндрю жизнь неслась слишком быстро, не оставляя времени для размышлений. Ее темп опьянял его. Создавал обманчивое ощущение силы. Он чувствовал, что полон жизненной энергии, что становится все более видным человеком, господином своей судьбы.

И вдруг с ясного неба грянул гром.

Вечером пятого ноября в амбулаторию на Чесборо-террас пришла жена одного мелкого торговца с соседней улицы.

Миссис Видлер была маленькая, похожая на воробья женщина, немолодая, но живая и яркоглазая, коренная жительница Лондона, за всю свою жизнь ни разу не бывавшая дальше Маргейта. Эндрю хорошо знал Видлеров, он лечил их мальчика от одной из детских болезней, когда

только что поселился в этом квартале. В те времена он отдавал им чинить обувь, так как Видлеры, почтенные и трудолюбивые люди, имели в начале Педдингтонской улицы мастерскую из двух отделений под довольно громким названием «Акц. о-во Обновление». В одном отделении чинили обувь, во втором — чистили и утюжили носильное платье. Хотя в лавке имелось двое подмастерьев, самого Гарри Видлера, плотного, бледного мужчину, часто можно было увидеть сидящим без пиджака и воротничка над зажатой между колен колодкой или за гладильной доской, если в другом отделении была спешная работа.

Вот об этом самом Гарри и пришла поговорить миссис Видлер.

— Доктор, — начала она со свойственной ей живостью, — мой муж нездоров. Он давно уже чувствует себя нехорошо. Я ему сколько раз твердила, чтобы он сходил к вам. А он не хотел. Вы можете приехать к нам завтра, доктор? Я его уложу в постель.

Эндрю обещал приехать. На следующее утро он застал Видлера в постели и выслушал жалобу на боль внутри и на то, что он толстеет. За последние несколько месяцев живот его необыкновенно увеличился, и, как большинство людей, всю жизнь обладавших крепким здоровьем, Гарри объяснял свою болезнь различными причинами, например, тем, что он любил выпить лишнюю каплю эля, или, может быть, всему виной был его сидячий образ жизни.

Но Эндрю, осмотрев его, вынужден был опровергнуть эти предположения. Он убедился, что у Гарри киста, хотя не опасная, но требующая операции. Он постарался успокоить Видлера и его жену, объяснил, что такая киста может расти и вызывать бесконечный ряд неприятных явлений, а если ее удалить, все будет в порядке. Он ничуть не сомневался в благополучном исходе операции и посоветовал Видлеру сразу же лечь в больницу.

Но миссис Видлер протестующе подняла руки.

— Нет, сэр, я не пущу Гарри в больницу. — Она с трудом подавляла волнение. — Чуяло мое сердце, что так будет, когда я видела, как много он работает в лавке. Но, раз беда пришла, — мы, слава Богу, еще в состоянии обойтись без больницы. Вы знаете, доктор, что мы люди небогатые, но у нас кое-что отложено на черный день. И теперь пришло время эти деньги употребить. Я не допущу, чтобы Гарри ходил кланчить рекомендательные письма у жертвователей и стоял в очередях и лег в бесплатную больницу, как нищий.

— Но миссис Видлер, я могу устроить...

— Нет, нет! Вы можете поместить его в частную лечебницу, сэр. Таких

повсюду сколько угодно. И вы позовите частного врача сделать ему операцию. Говорю вам, сэр, пока я жива, ни в какой благотворительной больнице Гарри Видлер лежать не будет.

Эндрью видел, что решение ее твердо. Да и Видлер сам был согласен с женой. Он хотел, чтобы все было сделано самым наилучшим образом.

В тот же вечер Эндрью позвонил Айвори. Он теперь уже привык обращаться первым делом к Айвори, и тем естественнее это было сейчас, когда он хотел просить об одолжении.

— У меня к вам просьба, Айвори. Один мой пациент нуждается в операции брюшной полости, — это честные труженики и небогатые, понимаете? Боюсь, что для вас тут пользы будет мало. Но вы бы меня очень обязали, если бы сделали ему операцию — ну, скажем, за треть обычной цены.

Айвори отнесся к этому весьма милостиво. Объявил, что ничто ему не может быть приятнее, чем возможность оказать его другу, Мэнсону, любую услугу, какая только в его силах. Они несколько минут обсуждали вопрос, и затем Эндрью телефонировал миссис Видлер.

— Я только что переговорил с мистером Чарльзом Айвори, хирургом из Вест-Энда, моим приятелем. Завтра он придет со мной посмотреть вашего мужа, миссис Видлер. В одиннадцать часов. Это вам удобно? И он говорит — вы слушаете, миссис Видлер? — он говорит, что если придется делать операцию, он ее сделает за тридцать гиней. Обычно он берет сто гиней, а то и больше, так что я считаю, что это удача.

— Да, да, доктор. — В голосе миссис Видлер звучала тревога, хотя она и делала усилия казаться обрадованной. — Очень любезно с вашей стороны. Думаю, что мы как-нибудь сумеем заплатить эти деньги.

На другое утро Айвори приехал с Эндрью, а еще через день Гарри Видлера поместили в частную лечебницу в Бруксленд-сквер.

Это была чистенькая старомодная лечебница, недалеко от Чесборотеррас, каких множество в том районе, с умеренной платой и убогим оборудованием. Здесь лежали главным образом люди, ждущие операций, хронические сердечные больные, прикованные к постели старые женщины, которых нужно было предохранять от пролежней. Как и все другие лондонские лечебницы, в которых приходилось бывать Эндрью, Брукслендская лечебница вовсе не была приспособлена для нынешнего своего назначения. Здесь не было лифта, а в качестве операционной служила бывшая оранжерея. Но мисс Бакстон, хозяйка, имела аттестат сестры милосердия и была женщина работящая. При всех своих недостатках Брукслендская лечебница была безупречно асептична, вся, до

самого дальнего уголка своих покрытых линолеумом сверкающих полов.

Операция была назначена на пятницу и (так как Айвори утром приехать не мог) на необычно позднее время — два часа дня.

Эндрю приехал первый, но и Айвори явился аккуратно. Он привез своего анестезиолога, и пока шофер вносил большую сумку с инструментами, стоял, следя, чтобы все было как следует. Хотя он явно был невысокого мнения об этой лечебнице, но он не изменил своей обычной учтивости. За десять минут сумел успокоить миссис Видлер, ожидавшую в приемной, пленил мисс Бакстон и сиделок, затем в жалком подобии операционной облачился в халат, надел перчатки и с невозмутимым видом приготовился действовать.

Больной вошел, стараясь казаться веселым, снял халат, который унесла сиделка, и влез на узкий стол. Решив, что надо пройти через это испытание, Видлер хотел встретить его мужественно. Раньше чем ему надели маску, он с улыбкой обратился к Эндрю:

— Как только все это кончится, я поправлюсь.

Он закрыл глаза и чуть не с жадностью, глубокими глотками, стал втягивать в себя эфир. Мисс Бакстон сняла бинты. Смазанный йодом живот, неестественно вздутый, высился блестящим холмиком. Айвори приступил к операции.

Он начал с глубоких впрыскиваний в поясничные мышцы. Затем сделал широкий средний надрез, и сразу же, невероятно быстро, обнаружилась опухоль. Киста торчала в отверстии, как мокрый надутый резиновый мяч. Диагноз Эндрю оправдался, и это еще прибавило ему самомнения. Он подумал, что Видлер, освобожденный от этой неприятной штуки, легко поправится, и, занятый уже мыслью о предстоящем визите к другому больному, украдкой поглядел на часы.

Между тем Айвори мастерски играл этим футбольным мячом, спокойно стараясь обхватить его руками и нащупать место его прикрепления, и сохранял ту же невозмутимость, несмотря на то, что ему это не удавалось. Каждый раз как он пытался захватить опухоль, она скользила под его руками. Он пробовал опять, пробовал двадцать раз.

Эндрю раздраженно смотрел на Айвори, думая: «Что он делает?» В брюшной полости было немного места для манипуляций, но все же достаточно. Эндрю приходилось видеть, как Луэллин, Денни, десяток других врачей в старой больнице орудовали в таких случаях — ловко и с гораздо меньшей размашистостью. И вдруг ему пришло в голову, что ведь это в первый раз Айвори делает при нем операцию в брюшной полости. Он бессознательно спрятал в карман часы и, цепенея, придвинулся ближе к

столу.

Айвори все еще пытался подвести руки под кисту, такой же спокойный, невозмутимый, сосредоточенный. Мисс Бакстон и молоденькая сестра милосердия стояли рядом, мало разбираясь в том, что происходит, и с полным доверием следили за ним. Врач, дававший наркоз, пожилой, седоватый мужчина, с созерцательным видом поглаживал большим пальцем пробку закупоренной бутылочки. В пустой маленькой операционной под стеклянным потолком царил безмятежная атмосфера, не чреватая никакими событиями. Не ощущалось никакого острого напряжения, никакого драматизма. Айвори, подняв одно плечо, лавировал руками в перчатках, пытаясь подсунуть их под гладкий резиновый мяч. Но у Эндрью почему-то захолонуло внутри.

Он хмурился, напряженно смотрел. Чего он страшился? Бояться было нечего, решительно нечего. Операция простая, через несколько минут она будет окончена.

Айвори с легкой усмешкой, как бы удовлетворенный, перестал искать точку прикрепления кисты. Он спросил нож у молоденькой сестры. Он теперь больше, чем когда-либо, походил на великого хирурга из романов. Взяв нож, он, раньше чем Эндрью сообразил, каково его намерение, сделал глубокий прокол в блестящей поверхности кисты. После этого все произошло сразу, в одно мгновение.

Киста лопнула, извергая в воздух большой сгусток венозной крови, выплевывая свое содержимое в полость живота. Секунду назад она была тугим шаром, теперь же стала похожа на плоскую сумку, лежащую в массе булькающей крови. Мисс Бакстон принялась лихорадочно доставать тряпки из барабана. Врач, дававший наркоз, не сел, а упал на стул. Молодая сестра, казалось, была близка к обмороку. Айвори сказал важно:

— Зажимы, пожалуйста.

Прилив ужаса охватил Эндрью. Он видел, что Айвори, не сумев найти ножку кисты и перевязать ее, слепо, бессмысленно вскрыл кисту. А киста была геморагическая.

— Тампоны, пожалуйста, — скомандовал Айвори своим бесстрастным голосом. Он ковырялся в крови, пытаясь зажать ножку кисты, осушая переполненную кровью полость, не умея остановить кровоизлияние. Слепляющей молнией пронизала Эндрью догадка. Он твердил мысленно: «Всемогущий Боже! Да он *не умеет* оперировать, совсем не умеет!»

Анестезиолог, прижав палец к шейной артерии Видлера, пробормотал тихим голосом, точно извиняясь:

— Боюсь... он, кажется, кончается, Айвори.

Айвори, бросив зажим, затампонировал вскрытую полость окровавленной марлей. Начал накладывать швы на широкий разрез. Вздутия больше не было. Живот Видлера представлял собой вогнутую, безжизненно белую поверхность, потому что Видлер был мертв.

— Да, он скончался, — сказал врач.

Айвори наложил последний шов, методически обрезал конец и повернулся к подносу с инструментами, чтобы положить ножницы. Эндрю, точно парализованный, не мог шевельнуться. Мисс Бакстон — с желтым, как глина, лицом машинально клала горячие бутылки сверх одеяла. Видимо, ей стоило больших усилий владеть собой. Она вышла. Служитель, не зная о том, что случилось, внес носилки. Через минуту тело Гарри Видлера было отнесено наверх, в его палату.

Айвори наконец заговорил.

— Какая неудача, — сказал он обычным, спокойным тоном, снимая халат. — Я полагаю, это шок, как вы думаете, Грей?

Грей что-то невнятно пробормотал в ответ. Он был занят укладкой своих принадлежностей.

Эндрю все еще не мог говорить. В сумбуре ощущений он вдруг вспомнил о миссис Видлер, ожидавшей внизу. Айвори точно прочел его мысли. Он сказал:

— Не беспокойтесь, Мэнсон. Я сам скажу его жене. Пойдемте. Я вас от этого избавлю.

Бессознательно, как человек, утративший всякую способность к сопротивлению, Эндрю пошел за Айвори вниз, в приемную. Он все еще был, как оглушенный, ощущал слабость и тошноту и не мог себе представить, как он скажет правду миссис Видлер. Дело это взял на себя Айвори — и оказался на высоте.

— Дорогая моя, — сказал он сострадательно и покровительственно, ласково кладя ей руку на плечо, — боюсь... боюсь, что новости для вас плохие.

Она сжала руки в поношенных коричневых перчатках. Ужас и мольба смешались в ее глазах.

— Что?!

— Ваш бедный муж, миссис Видлер, несмотря на все наши старания...

Она рухнула на стул с посеревшим, как пепел, лицом, все еще конвульсивно сжимая руки в перчатках.

— Гарри! — зашептала она раздирающим душу голосом. Потом опять: — Гарри!

— От имени доктора Мэнсона, доктора Грея, мисс Бакстон и моего

могу вас уверить только в одном, — продолжал печально Айвори, — что никакими силами на свете нельзя было его спасти. И если бы даже он и пережил операцию... — Айвори выразительно пожал плечами.

Она подняла на него глаза, поняв, что он хочет сказать, и даже в эту страшную для нее минуту тронутая его снисходительностью и сочувствием.

— Это самое доброе слово, какое вы мне могли сказать, доктор, — промолвила она сквозь слезы.

— Я сейчас пришлю к вам сестру. Крепитесь. И благодарю вас за мужество.

Он вышел из комнаты, и Эндрью опять пошел за ним. В конце коридора находилась пустая контора, и дверь в нее стояла открытой. Нащупывая в кармане портсигар, Айвори вошел в контору. Здесь он вынул папиросу и закурил, жадно затягиваясь. Лицо его, быть может, было чуточку бледнее обычного, но губы спокойно сжаты, рука не дрожала, в нем не чувствовалось никакого нервного напряжения.

— Ну, все позади, — сказал он хладнокровно. — Мне очень жаль, Мэнсон. Я не думал, что эта киста геморагическая. Но знаете, такие вещи случаются у самых лучших специалистов.

Комната была маленькая, в ней стоял только один-единственный стул у письменного стола. Эндрью тяжело опустился на обитые кожей деревянные перила, окружавшие камин. Он смотрел, как безумный, на папоротник в желтозеленом горшке, стоявшем на пустой каминной решетке. Он чувствовал себя больным, разбитым, близким к полному изнеможению. Он не мог забыть, как Гарри Видлер сам, без чьей-либо помощи, подошел к столу. «Когда все это кончится, я сразу поправлюсь». А потом, десять минут спустя, он лежал, как мешок, на носилках, искалеченный, убитый рукой мясника. Эндрью заскрежетал зубами, закрыл лицо рукой.

— Конечно, — Айвори разглядывал кончик своей папиросы, — он умер не на столе. Я кончил операцию раньше, так что все в порядке. Вскрывать не понадобится.

Эндрью поднял голову. Он дрожал, он злился на себя за слабость, проявленную им в этом ужасном положении, которое Айвори переносил так хладнокровно.

Он сказал с чувством, похожим на бешенство:

— Замолчите вы, ради Бога! Вы знаете, что это вы его убили. Вы не хирург. Вы никогда не были и не будете хирургом. Вы самый скверный мясник, какого я когда-либо видел в своей жизни.

Пауза. Айвори бросил на Эндрью жесткий и непонятный взгляд.

— Я бы вам не советовал разговаривать со мной таким тоном, Мэнсон.

— Да, я знаю... — мучительное истерическое рыдание вырвалось у Эндрью, — я знаю, что вам это не нравится. Но это правда. Все те операции, которые я вам до сих пор передавал, были детской игрой. А эта... это первый серьезный случай. И вы... О, Боже! Мне следовало знать... я виноват не меньше вас.

— Возьмите себя в руки, вы, истерический болван! Вас могут услышать.

— Так что же? — Новый приступ бессильного гнева охватил Эндрью. Он сказал, задыхаясь: — Вы знаете так же хорошо, как и я, что это правда. Вы копались столько времени и так неумело... это почти убийство.

Одно мгновение казалось, что Айвори свалит его на землю ударом, — при его силе и тяжеловесности он, хотя и был старше Эндрью, мог бы легко это сделать. Но он с большим трудом овладел собой. Ничего не сказал, просто повернулся и вышел из комнаты. На его холодном и суровом лице было неприятное выражение, говорившее о ледяной, непрощающей злобе.

Эндрью не помнил, сколько времени просидел в конторе, прижавшись лбом к холодному мрамору камина. Но в конце концов встал, смутно сознавая, что его ждут больные. Страшная неожиданность случившегося ударила в него с разрушительной силой бомбы. Ему казалось, что и он тоже выпотрошен и пуст. Но он автоматически двигался, шел, как тяжело раненый солдат, побуждаемый механической привычкой, идет выполнять то, что от него требуется.

В таком состоянии он кое-как умудрился объехать своих больных. Потом, с свинцовой тяжестью на душе, с головной болью, воротился домой. Было уже поздно, около семи часов. Он пришел как раз вовремя, чтобы начать вечерний прием.

Парадная приемная была полна, амбулатория набита до самых дверей. Через силу, словно умирающий, занялся он этими людьми, пришедшими сюда несмотря на чудный летний вечер. Больше всего было тут женщин, главным образом служащих Лорье, людей, ходивших к нему неделями, людей, которых ободряла его улыбка, его такт, его советы держаться того или иного лекарства. «Все то же, — подумал он тупо, — все та же старая игра!»

Он опустил на свою вертящуюся табуретку и с похожим на маску лицом начал обычный вечерний ритуал.

— Ну, как вы себя чувствуете? Да, я нахожу, что выглядите вы у же

чуть лучше. Да. И пульс гораздо лучше. Лекарство вам помогает. Надеюсь, оно вам не слишком надоело, моя дорогая!

Из амбулатории — к стоящей наготове Кристин, передать ей пустую склянку, потом по коридору в кабинет, здесь нанизывать те же самые вопросы, выражать напускное сочувствие, говорить банальные фразы. Затем — опять по коридору, взять у Кристин налитую бутылочку. Назад в амбулаторию. Верчение в заколдованном круге, на которое он сам себя обрек.

Вечер был душен. Эндрью страдал ужасно, но продолжал работу, то мучаясь, то впадая в мертвое бесчувствие. Продолжал потому, что не мог остановиться. Шагая из кабинета в амбулаторию и обратно, он, в оцепенении муки, спрашивал себя: «Куда я иду? Куда я иду, Господи?»

Наконец, позднее обычного, в три четверти десятого, прием кончился. Он запер входную дверь амбулатории, прошел в кабинет, где, по заведенному обычаю, ожидала его Кристин, готовясь сверить с ним списки, помочь ему записать все в книгу и подсчитать.

В первый раз за много недель он посмотрел на нее внимательно, пристально заглянул ей в лицо, когда она с опущенными глазами просматривала список, который держала в руке. Перемена в ней потрясла его, несмотря на то онемение души, в котором он находился. Лицо у нее было застывшее, сосредоточенное, углы рта опустились. Она не глядела на него, но он угадывал смертельную грусть в этих глазах.

Сидя за столом перед толстой счетной книгой, он ощущал ужасную тяжесть в груди. Но его тело, непроницаемая внешняя оболочка, не давало смятению души пробиться наружу. Раньше чем он успел что-нибудь сказать, Кристин начала читать вслух список.

Дальше, дальше. Он делал отметки в книге, — крестик означал визит, кружок — прием на дому, — он подводил итоги своей несправедливой жизни.

Когда он кончил, Кристин спросила голосом, в котором он только сейчас почувствовал судорожную насмешку:

— Ну, сколько сегодня?

Он не ответил, не мог ответить. Кристин вышла. Он слышал, как она шла наверх, к себе в комнату, слышал тихий стук двери, которая закрылась за ней. Он остался наедине со своей пораженной ужасом, растерянной душой. «Куда я иду? Куда я иду, о Господи?» Вдруг взгляд его упал на старый кисет, полный денег, раздутый от выручки сегодняшнего дня. Новый истерический порыв овладел им. Он схватил мешок и швырнул его в угол. Мешок упал с глухим стуком.

Эндрью вскочил с места. Что-то душило его, он не мог вздохнуть. Из

кабинета выбежал на дворик позади дома — маленький колодец мрака под звездным небом. Здесь бессильно прислонился к каменной стене, дергаясь всем телом, как человек в приступе рвоты.

XVI

Он всю ночь беспокойно метался в постели и уснул только в шесть часов. Встал поздно, сошел вниз в десятом часу, бледный, с опухшими веками. Кристин уже позавтракала и ушла из дому. В другое время его бы это не огорчило. Сегодня же он с острой болью почувствовал, какими чужими они стали друг другу.

Когда миссис Беннет принесла ему хорошо поджаренную грудинку с яйцами, он не мог ее есть, горло сжималось. Он выпил чашку кофе, потом под влиянием внезапного побуждения смешал виски с содой и выпил. Надо было приступать к рабочему дню.

Машина еще крепко держала его, но уже его движения были менее автоматичны, чем раньше. Слабое мерцание, неверный луч света начинал проникать в темную путаницу его чувств. Он понимал, что он на краю какого-то крутого, глубокого обрыва. Знал, что, раз сорвавшись в эту пропасть, он уже из нее не выберется.

Он отпер гараж и выкатил автомобиль. От этого усилия у него даже вспотели ладони.

Прежде всего нужно было ехать в больницу Виктории. Он уговорился с доктором Сороугудом, что тот осмотрит сегодня Мэри Боленд. И этого припустить никак не хотел. Он медленно поехал в больницу. В автомобиле он чувствовал себя лучше, чем во время ходьбы пешком, — он так привык к нему, что правил уже автоматически.

Он доехал до больницы и пошел наверх в палату. Кивнув сестре, подошел к постели Мэри, взяв по дороге ее температурный листок. Затем сел на край постели, покрытый красным одеялом, охватив взглядом все сразу — и ее радостную улыбку и большой букет роз подле кровати, — в то же время просматривая листок. Температура Мэри ему не понравилась.

— Доброе утро, — сказала Мэри, — Правда, красивые цветы? Их вчера принесла Кристин.

Он посмотрел на нее. Щеки ее уже не пылали румянцем, но она немного похудела за эти дни в больнице.

— Да, красивые. Как вы себя чувствуете, Мэри?

— О, хорошо. — Глаза ее сначала опустились, затем снова поднялись на него, полные теплого доверия. — Во всяком случае я знаю, что теперь буду недолго хворать. Вы меня живо вылечите.

Вера, звучащая в этих словах, а больше всего — сиявшая во взгляде Мэри, острой болью отозвалась в сердце Эндрю. Он подумал, что если и

здесь случится беда, это будет для него окончательным ударом.

В эту минуту доктор Сороугуд пришел делать обход палаты. Войдя и увидав Эндрию, он сразу направился к нему.

— Доброе утро, Мэнсон, — сказал он приветливо. — Но что это с вами? Вы больны?

Эндрию встал.

— Я вполне здоров, благодарю вас.

Доктор Сороугуд посмотрел на него как-то странно, потом повернулся к постели.

— Очень хорошо, что вы хотите вместе со мной осмотреть больную. Дайте ширму, сестра.

Они минут десять выслушивали Мэри, затем Сороугуд прошел к нише дальнего окна, где они могли поговорить, не будучи услышанными.

— Итак? — начал он.

Эндрию, как в тумане, услышал собственный голос:

— Не знаю, какого вы мнения, доктор Сороугуд, но мне кажется, что течение болезни не совсем удовлетворительно.

— Да, есть две-три вещи, которые... — Сороугуд подергал узкую бородку.

— Мне показалось, что имеется небольшое расширение.

— О, этого я не думаю, Мэнсон.

— Температура очень неустойчива.

— Гм... пожалуй

— Извините мое вмешательство... Я прекрасно помню о разнице наших положений, но эта больная мне очень дорога. Не найдете ли вы возможным при данных обстоятельствах применить пневмоторакс? Помните, я очень настаивал на этом, когда Мэри... когда больная поступила к вам.

Сороугуд покосился на Мэнсона. Лицо его изменилось, собралось в упрямые складки.

— Нет, Мэнсон, я не вижу в данном случае необходимости в пневмотораксе. Тогда не находил — и теперь не нахожу.

Последовала пауза. Эндрию не мог больше произнести ни одного слова. Он знал Сороугуда, его своенравие и упрямство. Он чувствовал такое физическое и душевное изнеможение, что не в силах был затевать спор, явно бесполезный. Он слушал с неподвижным лицом, как Сороугуд важно излагал свое мнение о болезни Мэри. Когда тот кончил и стал обходить остальных больных, Эндрию вернулся к Мэри, сказал ей, что завтра придет опять навестить ее, и ушел из палаты. Раньше чем уехать из больницы, он попросил швейцара телефониовать к нему домой и передать, что он не

приедет к ленчу.

Было около часа. Эндрию, по-прежнему расстроенный, погруженный в мучительный самоанализ, почувствовал слабость от голода. Неподалеку от Беттерси Бридж он остановился перед маленькой дешевой чайной. Здесь заказал кофе и горячие гренки с маслом. Но он смог только выпить кофе, кусок не шел ему в горло. Он видел, что кельнерша с любопытством смотрит на него.

— А что, разве гренки нехороши? — спросила она. — Я переменю тогда.

Эндрию отрицательно покачал головой. Спросил счет. Пока девушка писала его, он поймал себя на том, что бессмысленно считает блестящие черные пуговицы на ее платье. Когда-то давно, в классе блэнеллийской школы, он вот точно так же не мог оторвать глаз от трех перламутровых пуговиц. За окном, над Темзой, навис гнетущей тяжестью желтый туман огней. Как во сне, припомнил Эндрию, что сегодня ему надо быть в двух местах на Уэлбек-стрит. Он медленно поехал туда.

Шарп злилась, как всегда, когда он просил ее прийти в субботу. Но даже и она осведомилась, не болен ли он. Затем, смягчив голос, так как Фредди пользовался у нее особым уважением, сообщила, что доктор Хемсон звонил ему сегодня утром два раза.

Она вышла из кабинета, а Эндрию продолжал сидеть за столом, глядя в одну точку перед собой. Первый пациент явился к половине третьего. Это был больной с пороком сердца, молодой клерк из департамента горной промышленности, которого направил к нему Джилл, и который действительно страдал от болезни сердечных клапанов. Эндрию посвятил ему много времени и внимания, задержал молодого человека, тщательно и подробно объясняя ему, как ему следует лечиться. Под конец, когда тот полез в карман за своим тощим бумажником, он поспешно сказал:

— Нет, пожалуйста, пока не платите мне, подождите, пока я вам пошлю счет.

Сознание, что никогда он этого счета не пошлет, что он утратил жажду денег и снова способен презирать их, принесло ему странное утешение.

Потом вошла вторая посетительница, женщина лет сорока пяти, мисс Басден, одна из его самых верных поклонниц. У Эндрию при виде этой женщины упало сердце. Богатая, себялюбивая, склонная к ипохондрии, она представляла собой более молодую и более эгоистичную копию той миссис Реберн, которую он когда-то вместе с Хемсоном навестил в лечебнице Иды Шеррингтон.

Он устало слушал, подперев лоб рукой, как она, улыбаясь, подробно

излагала все, что происходило в ее организме за те несколько дней, которые прошли со времени ее последнего визита к нему.

Неожиданно он поднял голову.

— Зачем вы ко мне ходите, мисс Басден?

Она оборвала начатую фразу, верхняя часть ее лица еще хранила довольное выражение, но рот медленно раскрылся.

— Да, я знаю, что это я виноват, — продолжал Эндрю, — я вам велел прийти. Но вы, собственно, ничем не больны.

— Доктор Мэнсон!.. — ахнула она, не веря ушам.

Это была правда. Он с жестокой пронизательностью объяснял все симптомы болезни лишь ее богатством. Она никогда в своей жизни не работала, тело у нее было нежное, раскормленное, пресыщенное. Она плохо спала, потому что не упражняла своих мускулов. Она и мозга своего не упражняла. У нее в жизни только и было дела, что стричь купоны, да размышлять о дивидендах, да бранить свою горничную, да придумывать меню для себя и любимой собачонки. Эндрю думал: если бы она могла вот сейчас выйти отсюда и заняться каким-нибудь настоящим делом, перестать принимать все эти пилюли, и болеутоляющие, и снотворные, и всякую другую ерунду, отдать часть своих денег беднякам, помогать другим людям и перестать думать о самой себе! Но она никогда, никогда этого не сделает, бесполезно и требовать этого от нее. Она духовно мертва и — Господи помоги! — он сам тоже.

Он с трудом промолвил:

— Вы меня извините, мисс Басден, но я больше ничем не могу быть вам полезен. Я... я, может быть, уеду. Но вы, без сомнения, найдете сколько угодно других врачей, которые более чем охотно будут вам угождать.

Она несколько раз открыла рот, затем на лице ее выразился настоящий ужас. Она была уверена, твердо уверена, что Эндрю сошел с ума. Она не стала с ним рассуждать. Поднялась, торопливо собрала свои вещи и поспешила уйти.

Эндрю, готовясь идти домой, с решительным видом захлопнул ящики стола. Но не успел он встать, как в комнату влетела повеселевшая сестра Шарп.

— К вам доктор Хемсон. Он сам пришел, вместо того чтобы телефонировать.

Через минуту вошел Фредди, с беспечным видом закурил папиросу и бросился в кресло. По глазам видно было, что он пришел с какой-то специальной целью. Никогда еще он не был так дружески приветлив.

— Извини, что в субботу тебя беспокою, старик! Но я знал, что ты здесь, так что гора пришла к Магомету. Слушай, Мэнсон, мне известно все относительно вчерашней операции, и не скрою от тебя, что я чертовски доволен. Давным-давно пора тебе открыть глаза на милейшего Айвори. — В голосе Хемсона неожиданно прозвучала злоба. — Ты, конечно, знаешь, что в последнее время у меня испортились отношения и с Айвори и с Дидменом. Они со мной нечестно поступали. Между нами тремя было заключено кое-какое соглашение, и оно было очень выгодно, но теперь я убежден, что оба они меня надували и забирали в некоторых случаях мою долю дохода. Да и, кроме того, мне до тошноты надоела дурацкая важность Айвори. Он не хирург. Ты совершенно прав. Он специалист по абортам — и больше ничего. Ах, ты этого не знал? Ну, можешь мне поверить, это святая истина. Милях в ста, не больше, от этого дома есть несколько лечебниц, которые только для этого и существуют, все там весьма парадно и совершенно открыто, разумеется, — и Айвори там главный скоблильщик. Дидмен тоже немногим лучше. Он просто сладенький мелочной торговец наркотиками, — и он не так ловок, как Айвори. Теперь вот что, старина. Я с тобой говорю ради твоей же пользы. Я решил, что ты узнаешь всю подноготную об этих господах, потому что хочу, чтобы ты бросил их и действовал только со мной заодно. Ты слишком зеленый новичок в этих делах. И ты до сих пор не получал того, что тебе следовало. Разве ты не знаешь, что, когда Айвори получает за операцию сто гиней, он отдает пятьдесят тому, кто его рекомендовал, — вот потому-то его и рекомендуют, понимаешь? А что он давал тебе? Жалкие пятнадцать-двадцать гиней! Это безобразие, Мэнсон! И после того как он вчерашнюю операцию сделал как сапожник, я бы на твоём месте с ним больше не связывался. Я ещё им не говорил ничего, но вот у меня какой план, Мэнсон. Давай порвём с ними совсем и будем действовать вдвоем — небольшой, но тесной компанией. В конце концов мы с тобой старые университетские товарищи, не так ли? Ты мне нравишься. Ты мне всегда нравился. И я могу научить тебя множеству вещей. — Фредди остановился, чтобы закурить новую папиросу, потом улыбнулся Эндрью, ласково, широко, как бы желая показать свои достоинства будущего компаньона. — Ты не поверишь, какие выгодные дела я проводил. Да вот, например, последнее: три гиней за впрыскивание стерилизованной воды! Раз больная приходит для впрыскивания вакцины, а я забыл распорядиться, чтобы мне приготовили эту проклятую штуку. Ну, чтобы её не разочаровывать, я ей и впрыснул H₂O. На другой день она опять приходит сказать, что она

чувствует себя лучше, чем после всех прежних впрыскиваний. Я стал продолжать. Почему нет? Все сводится к вере больного и бутылке подкрашенной воды. Уверяю тебя, я могу, если понадобится, напичкать их всей фармакопеей. Я не какой-нибудь неуч, о нет! Но я мудр, и, если мы с тобой, Мэнсон, будем действовать сообща, — ты с твоими знаниями, а я со своей ловкостью, — мы попросту будем снимать сливки. Всегда, понимаешь ли, нужны два человека, чтобы один мог сослаться на мнение другого. И я уже присмотрел одного модного молодого хирурга — в сто раз лучше Айвори! — можно будет потом и его привлечь. Может быть, даже открыть свою лечебницу. А уж это будет просто Клондайка!

Эндрью не шевелился, точно одеревенев. Хемсон не возбуждал в нем негодования, одно лишь горькое омерзение. Ничто не могло яснее показать ему, в каком он положении, что сделал и к чему идет. Наконец, видя, что от него ждут ответа, он сказал неохотно:

— Я не могу работать с тобой, Фредди. Я... мне все вдруг опротивело. Я, пожалуй, все брошу. И так слишком много здесь шакалов. Есть хорошие люди, которые стараются делать настоящее дело, работают честно, добросовестно, но остальные попросту шакалы. Так я называю тех, кто проделывает ненужные впрыскивания, вырезает железы и аппендиксы, которые человеку не мешают, тех, которые перебрасываются между собой пациентами, как мячом, а потом делят барыши, делают аборт, рекомендуют псевдонаучные средства, в вечной погоне за гинейми.

Лицо Хемсона медленно наливалось кровью.

— Какого черта... — прошипел он. — Ну, а ты-то сам лучше?

— Я знаю, Фредди, — сказал Эндрью с усилием, — что я не лучше. Не будем ссориться. Ты когда-то был моим лучшим другом.

Хемсон вскочил с места.

— Ты что — рехнулся, что ли?

— Может быть. Но я хочу попробовать не думать больше о деньгах и материальном успехе. Это не дорога для честного врача. Если врач зарабатывает пять тысяч фунтов в год — значит, с ним неблагополучно. И как... как можно использовать для наживы человеческие страдания?

— Проклятый идиот! — четко сказал Хемсон. Повернулся и вышел из кабинета.

А Эндрью продолжал сидеть за столом, одинокий, безутешный. Наконец он встал и отправился домой.

Подъезжая к Чесборо-террас, он почувствовал, что у него сильно бьется сердце. Был уже седьмой час. Все пережитое за этот трудный день сказалось в нем разом большой усталостью. Рука его сильно тряслась,

когда он поворачивал ключ в замке.

Кристин была в первой комнате. При виде ее бледного, застывшего лица Эндрию пронизала дрожь. Он жаждал, чтобы она спросила его о чем-нибудь, проявила какой-нибудь интерес к тому, как он провел эти часы вдали от нее. Но она только сказала тем же ровным, невыразительным голосом:

— Поздно ты сегодня. Не выпьешь ли чаю перед приемом?

Он ответил:

— Сегодня приема не будет.

Она посмотрела на него:

— Но ведь сегодня суббота — твой самый большой приемный день!

Он в ответ только попросил ее написать объявление, что сегодня амбулатория закрыта. Это объявление он сам приколот на дверях. Сердце у него колотилось так бурно, точно готово было разорваться. Когда он шел обратно по коридору, Кристин стояла в кабинете, еще бледнее прежнего... В глазах ее читалась безумная растерянность.

— Что случилось? — спросила она не своим голосом.

Эндрию поглядел на нее. Тоскливый ужас рванулся из сердца, хлынул безудержным потоком, лишил его последнего самообладания.

— Кристин! — Все, что он чувствовал, вложил он в это одно слово. И, зарыдав, упал к ее ногам.

XVII

Это примирение было самым чудесным из всего пережитого ими со времени первых дней их любви. На другое утро, в воскресенье, Эндрию лежал рядом с Кристин, как когда-то в Эберло, и говорил, говорил без умолку, словно и не было всех этих лет, изливал перед ней всю душу. За окнами стояла тишина воскресного дня, доносился колокольный звон, мирный, успокаивающий. Но в душе Эндрию не было покоя.

— Как я мог дойти до этого? — стонал он. — С ума я сошел, Кристин, что ли? Как вспомню все, — не верится самому. Мне... мне связаться с такой компанией... после Денни, после Гоупа. О Боже! Меня повесить мало.

Кристин утешала его:

— Все это произошло так быстро, милый. Кого угодно могло сбить с ног.

— Нет, честно тебе говорю, Крис. Когда я об этом думаю, мне кажется, что я схожу с ума. И какое ужасное время, должно быть, пережила ты! Боже! Какая пытка!

Она улыбалась, да, в самом деле улыбалась! Как чудесно было видеть ее лицо, уже не отсутствующее, не застывшее, а нежное, счастливое, полное заботы о нем! Он подумал: «Мы оба снова *живем*».

— Остается сделать только одно. — Он решительно сдвинул брови. Несмотря на нервность и сумятицу мыслей, он теперь чувствовал себя сильным, освобожденным от тумана иллюзий, готовым действовать. — Отсюда мы должны уехать. Слишком глубоко я завяз, Крис, слишком глубоко. Здесь мне на каждом шагу все напоминало бы о том, как я обманывал людей. И, может быть, меня бы потянуло опять... Нам легко будет продать практику. И, о Крис, у меня есть одна замечательная идея!

— Какая, любимый?

Хмурое лицо Эндрию осветилось нежной и робкой улыбкой.

— Как давно ты не звала меня так! А я люблю, когда ты меня так называешь. Да, я знаю, что сам виноват... Ох, Крис, не напоминай мне об этом опять! Да, это новая идея меня осенила сегодня, как только я проснулся. Я лежал и думал все о том же — о Хемсоне, который приглашал меня работать с ним в компании, и вдруг мне пришло в голову; почему бы не учредить настоящее сообщество? Так делают врачи в Америке, Стилмен постоянно хвалит эту систему, хотя сам он не врач. Но у нас в Англии она еще как-то не привилась. Понимаешь, Крис, даже в самом

маленьком городке можно открыть клинику, подобрать небольшую группу врачей, с тем, чтобы каждый делал свое дело. Теперь слушай, дорогая: вместо того чтобы связываться с Хемсоном и Айвори и Дидменом, почему бы мне не привлечь Денни и Гоупа и образовать настоящую честную компанию? Денни возьмет на себя всю хирургическую часть — ты знаешь, какой он отличный хирург! — я — терапевтическую, а Гоуп будет нашим бактериологом. Здесь выгодно то, что каждый из нас будет специализироваться в своей области и, так сказать, вносить свои знания в общий фонд. Ты, может быть, помнишь все, что говорил Денни, — и я тоже — относительно нашей бессмысленной системы «вольной практики», о том, что такой врач предоставлен самому себе, должен один ковылять своей дорогой, неся все на своих плечах. Ведь это невыносимо! Ответ один — и ответ совершенно правильный: коллектив врачей. Это будет звеном между государственным лечением и практикой врачей-одиночек. Потому только, что наши крупные врачи желают все удержать в своих руках, у нас до сих пор еще нет коллективов. Но разве не замечательно было бы, если бы нам удалось учредить такой коллектив пионеров, который, составляя одно научное и духовное целое, будет бороться с предрассудками, сбрасывать старых идолов с пьедестала, а может быть, и начнет полнейший переворот во всей постановке врачебного дела?

Прижавшись щекой к подушке, Кристин глядела на мужа сияющими глазами.

— Ты говоришь совсем как в старые времена. Если бы ты знал, как я люблю тебя таким! Мы точно все начинаем сначала. Я счастлива, мой милый, счастлива!..

— Мне многое надо искупить, — мрачно сказал Эндрю. — Я был глупцом. Нет, еще кое-чем похуже. — Он сжал лоб руками. — Не выходит у меня из головы бедный Гарри Видлер. И я не хочу о нем забывать, пока не сделаю чего-нибудь в искупление этой своей вины. — Он вдруг застонал. — Да, Крис, я виноват не меньше Айвори. Слишком легко я выпутался. Это несправедливо. Но я буду работать, как вол, Крис. И я надеюсь, что Денни и Гоуп согласятся работать вместе со мной. Ты знаешь их взгляды. Денни до смерти хочется ринуться снова в треволнения практики. А Гоуп — если бы ему предоставили небольшую лабораторию, где он, изготавливая для нас сыворотки, сможет между делом заниматься и своей собственной работой, — он пойдет за нами куда угодно.

Он вскочил с постели и с прежней порывистостью начал ходить взад и вперед, обуреваемый и радужными надеждами на будущее и стыдом за прошлое, на все лады переворачивая в уме случившееся, волнуясь, надеясь,

строя планы.

— У меня будет столько всяких хлопот, Крис! — воскликнул он. — Но одно я должен сделать сегодня же. Вот что, дорогая. После того как я напишу несколько писем и мы позавтракаем, не прокатишься ли ты со мной за город, а?

Она посмотрела на него вопросительно.

— Но раз ты занят...

— Для этого я урву время. Честное слово, Крис, меня ужасно заботит Мэри Боленд. Она не поправляется в больнице, и я уделял ей слишком мало внимания. Сороугуд очень неуступчив и плохо разбирается в ее болезни, по крайней мере мы с ним не сходимся во мнении. Господи, если, после того как я взял на себя перед Коном ответственность за нее, с Мэри что-нибудь случится, я просто с ума сойду. Страшно говорить о больнице, где работаешь, то, что я скажу, но Мэри там никогда не выздоровеет. Ей надо быть за городом, на чистом воздухе, в хорошем санатории.

— Ну, и что же?

— Вот потому-то я хочу съездить с тобой вместе к Стилмену. «Бельвью» — самое чудесное местечко, какое ты когда-либо видела. Если я сумею убедить Стилмена принять Мэри — о, я не только буду доволен, я почувствую, что сделал что-то настоящее.

Кристин сказала решительно:

— Мы поедем, как только ты будешь готов.

Одевшись, Эндрью сошел вниз, написал длинное письмо Денни и второе — Гоупу. У него было сегодня только три необходимых визита, и по дороге он отправил письма. Затем, после легкого завтрака, они с Кристин поехали в Викем.

Несмотря на то, что нервы у Эндрью все еще были взвинчены, поездка его развеселила. Он более чем когда-либо чувствовал, что счастье внутри нас и, что бы ни говорили циники, не зависит от мирских благ. Все те месяцы, когда он гнался за богатством и положением в свете и всеми видами материального успеха, он воображал себя счастливым. Но он не был счастлив. Он жил в какой-то лихорадке и чем больше имел, тем большего жаждал. «Деньги, — думал он сейчас с горечью, — все из-за этих грязных денег». Сначала он уверял себя, что хочет зарабатывать тысячу фунтов в год. Когда же добился такого заработка, он тотчас удвоил намеченную им себе цифру. Но когда и этот предел был достигнут, он им не удовольствовался. И так продолжалось все время. Он хотел все большего и большего. Это в конце концов погубило бы его.

Он посмотрел украдкой на Кристин. Как она, должно быть, страдала по

его вине! Но если он нуждался в подтверждении того, что он теперь принял здоровое решение, ему стоило только посмотреть на ее преобразенное, сияющее лицо. Оно больше не было красиво, потому что на нем был след жизненных тревог: темные круги под глазами, легкая впалость щек, когда-то таких крепких и румяных. Но это лицо всегда оставалось ясным и правдивым. А оживление, которым оно горело теперь, было так трогательно-прекрасно, что новый взрыв раскаяния больно ударил Эндрью по сердцу. Он поклялся себе, что никогда в жизни больше ничем не огорчит Кристин.

Они приехали в Викем около трех часов, направились вверх по проселочной дороге, которая шла по гребню гор за Лэси-Грин. Санаторий «Бельвью» был расположен в очень живописном месте, на небольшом плоскогорье, несмотря на то, что с севера его защищали горы, отсюда открывался вид на обе долины.

Стилмен принял их сердечно. Этот сдержанный, замкнутый человек редко выражал энтузиазм, но в доказательство того, что приезд Эндрью ему приятен, он показал им свое создание во всей его красоте.

Санаторий был небольшой, но, несомненно, образцовый. Два боковых крыла соединялись средним зданием, где помещалось управление. Над вестибюлем и конторой расположен был богато оборудованный лечебный кабинет, южная стена которого вся была из специального стекла. Такое же стекло было во всех окнах; отопление и вентиляция представляли собой последнее слово техники. Обходя здание, Эндрью невольно сравнивал его новейшие усовершенствования с ветхими, построенными сотни лет назад лондонскими больницами и теми старыми, плохо оборудованными жилыми домами, которые изображали собой санатории и лечебницы.

Показав все гостям, Стилмен угостил их чаем. И за чаем Эндрью стремительно изложил свою просьбу.

— Я терпеть не могу беспокоить людей просьбами, мистер Стилмен (Кристин не могла не улыбнуться, услышав эту почти забытую фразу), но мне бы хотелось знать, не можете ли вы поместить здесь одну мою больную. Начальная стадия туберкулеза. Вероятно, потребуется пневмоторакс. Видите ли, это дочь моего большого приятеля, дантиста, и там, где я ее устроил, она не поправляется.

Что-то вроде улыбки засветилось в бледно-голубых глазах Стилмена.

— Неужели вы хотите направить ко мне свою пациентку? *Здесь* врачи этого не делают, не в пример их американским коллегам. Вы забываете, что здесь я шарлатан, открывший мнимый санаторий, что-то вроде знахаря, который заставляет своих больных ходить босиком по росе,

а на завтрак есть одну только тертую морковь.

Но Эндрью не улыбнулся.

— Я вовсе не шучу, мистер Стилмен. Я очень серьезно прошу вас об этой девушке. Я... я очень за нее тревожусь.

— Но боюсь, что у нас все занято, мой друг. Несмотря на антипатию ко мне вашей медицинской братии, у меня имеется длинный список ожидающих очереди. Странно, — Стилмен, наконец, спокойно усмехнулся: — люди, не слушая докторов, желают у меня лечиться.

— Жаль, — пробормотал Эндрью, для которого отказ Стилмена был большим разочарованием. — А я надеялся... Если бы я мог поместить здесь Мэри, это было бы для меня большим облегчением. Здесь у вас лучшее во всей Англии место для лечения. Я не льщу, а говорю то, что знаю. Как подумаю об этой старой палате в больнице Виктории, где она теперь лежит и слушает, как тараканы скребутся за панелями...

Стилмен наклонился вперед и взял с тарелки, стоявшей перед ним, тонкий сэндвич с огурцом. У него была своеобразная, почти брезгливая манера дотрагиваться до вещей, как будто он только что самым тщательным образом вымыл руки и боялся их запачкать.

— О! Вы, кажется, ударились, в иронию... Нет, нет, мне не следовало, конечно, говорить с вами таким образом. Вы огорчены, я это вижу. И я вам помогу. Хотя вы и врач, я приму вашу больную. — У Стилмена дрогнули губы, когда он увидел выражение лица Эндрью. — Вы видите, я великодушен. Я, когда это нужно, не отказываюсь иметь дело с людьми вашей профессии. Почему вы не смеетесь моей шутке? Ну, хорошо. Хотя вы и лишены чувства юмора, вы много просвещеннее, чем большинство ваших коллег. Сейчас подумаем, как быть. На этой неделе у меня нет свободных комнат. Привезите свою больную в среду на будущей неделе, и я вам обещаю сделать для нее, что могу.

Эндрью даже покраснел от радости.

— Я... я не знаю, как вас и благодарить.

— Так и не благодарите. И не будьте слишком вежливы. Вы мне больше нравитесь, когда у вас такой вид, как будто вы сейчас начнете швырять в людей чем попало. А что, миссис Мэнсон, он когда-нибудь швыряет в вас посудой? У меня есть в Америке один большой приятель, владелец шестнадцати газет, так он всякий раз, когда выходит из себя, разбивает пятицентовую тарелку. Ну, и однажды случилось, что... — Стилмен начал рассказывать длинную и, по мнению Эндрью, ничуть не занимательную историю.

Когда они ехали домой по вечерней прохладе, Эндрью сказал Кристин:

— Ну, по крайней мере, одно дело улажено, Крис, с моей души свалился большой камень. Я убежден, что здесь самое подходящее место для Мэри. Молодец этот Стилмен! Он мне страшно нравится. На вид невзрачен, но внутри — закаленная сталь. А интересно, могли бы мы — Гоуп, Денни и я — открыть такую клинику в миниатюре? Безумная мечта, да? Но знаешь, что мне приходит в голову? Если Денни и Гоуп согласятся работать со мной и мы махнем в провинцию, мы можем устроиться вблизи одного из угольных районов, и я опять займусь своими исследованиями. Как ты думаешь, Крис?

Вместо ответа она наклонилась к нему и, угрожая общественной безопасности на проезжей дороге, крепко его поцеловала.

XVIII

На другой день Эндрию встал рано, основательно выспавшись, бодрый и хорошо настроенный. Сразу позвонил по телефону в посредническое бюро Фульджер и Тернер на Эдем-стрит и поручил им продать его практику. Мистер Джеральд Тернер, глава этой давно существующей фирмы, сам подошел к телефону и в ответ на просьбу Эндрию сразу же приехал на Чесборо-террас. После внимательного просмотра книги доходов, продолжавшегося все утро, он уверил Эндрию, что его практику можно будет продать очень скоро, без малейших затруднений.

— Разумеется, доктор, нам в объявлениях надо будет указать причину, — добавил мистер Тернер, постукивая по зубам кончиком своего карандаша. — Каждый покупатель непременно подумает: отчего врач отказывается от такого золотого дна? Я уже давно нигде не встречал таких больших поступлений наличными деньгами. Так что же мы напишем? Продается по случаю болезни?

— Нет, — резко возразил Эндрию. — Сообщите правду. Напишите, — он запнулся, — ну, напишите, что по личным обстоятельствам.

— Очень хорошо, доктор. — И мистер Джеральд Тернер записал на черновике объявления: *«передается по причинам чисто личного свойства, не имеющим ничего общего с практикой»*.

В заключение Эндрию сказал:

— И помните, я не требую целого состояния за это — только приличную цену.

За завтраком Кристин отдала ему две телеграммы. Он просил и Денни и Гоупа телеграфировать в ответ на письма, посланные им накануне.

В первой телеграмме, от Денни, было сказано только: *«Убедили. Ждите меня завтра вечером»*.

Вторая была написана в типичном для Гоупа легком тоне:

«С какой стати я должен всю жизнь проводить среди сумасшедших? Провинциальные города Англии — это трактиры, соборы и свиные рынки. Вы говорите — лаборатория? Подписано: Негодующий налогоплательщик».

После завтрака Эндрию поехал в больницу Виктории. Так рано Сороугуд в палате не бывал, но это как раз и было Эндрию на руку. Он хотел избежать шума и неприятностей, меньше всего ему хотелось огорчить старшего товарища, который, при всем своем упрямстве и

отсталости, всегда относился к нему хорошо.

Сев у постели Мэри, он тихонько изложил ей свое намерение.

— Прежде всего, я виноват перед вами, — он ласково погладил ее руку.

— Мне следовало предвидеть, что эта больница для вас не вполне подходящее место. «Бельвью» — совсем другое дело, Мэри. Но здесь все были к вам очень добры, и не стоит их обижать. Вы просто заявите, что хотите в среду выписаться. Если вам неприятно самой это сделать, я устрою так, чтобы Кон написал сюда, что просит отправить вас домой. Это будет легко, потому что здесь всегда столько людей ждут свободной койки. И в среду я сам отвезу вас в своем автомобиле в «Бельвью». Со мной будет сиделка и все, что нужно. Ничего не может быть проще и лучше для вас.

Он возвратился домой с сознанием, что еще кое-что сделано, что он начинает наводить порядок в своей жизни. Вечером на приеме он начал сурово отделяться от пациентов-хроников, безжалостно разрушая чары, которыми удерживал их раньше. За час он доброму десятку человек объявил твердо:

— Сегодня ваш последний визит. Вы давно ходите ко мне, и вам теперь гораздо лучше. Не следует постоянно принимать лекарства.

Покончив с этим, он испытал большое облегчение. Честно и прямо говорить людям то, что думаешь, было для него роскошью, в которой он так долго себе отказывал. Он прибежал к Кристин, как мальчик.

— Теперь я уже чувствую себя в меньшей степени торгашом. — И вдруг простонал: — Боже, как я мог сказать это! Я забыл, что случилось... забыл о Видлере... обо всем, что я наделал!

В эту минуту раздался телефонный звонок. Кристин пошла к телефону, и ему показалось, что она очень долго там оставалась и что, когда она вернулась, у нее было странное, натянутое выражение лица.

— Тебя зовут к телефону.

— Кто?

И вдруг он понял, что это Франсиз Лоренс. В комнате некоторое время царило молчание. Затем он торопливо произнес:

— Скажи ей, что меня нет дома. Скажи, что я уехал... Нет, погоди! — Он сделал резкое движение к двери. — Я сам с ней поговорю.

Через пять минут он воротился и застал Кристин за работой в ее любимом углу, где было светлее. Он украдкой посмотрел на нее, потом отвел глаза, подошел к окну и остановился, хмуро глядя на улицу и засунув руки в карманы. Спокойное звяканье спиц Кристин заставляло его чувствовать себя невообразимым глупцом, жалким псом, который виновато приполз домой, поджав хвост, весь в грязи после

непозволительного приключения. Наконец он не выдержал. Продолжая стоять спиной к Кристин, сказал:

— С этим тоже кончено. Может быть, тебе интересно будет знать, что тут виновато только мое глупое тщеславие... и расчетливый эгоизм. А любил я всегда только тебя. — Он вдруг заскрипел зубами. — О, будь я проклят, ведь это я один во всем виноват! Эти люди другой жизни не знают, а я знал. Я слишком легко отделался, слишком легко. Но, послушай: я только что заодно уже позвонил Ле-Рою. Кремо-продукты меня больше не интересуют. Я покончил и с этим тоже, Крис. И постараюсь впредь держаться от таких людей подальше.

Кристин не отвечала, но спицы щелкали в тишине комнаты весело и быстро. Долго Эндрию стоял так, пристыженный, глядя в окно на уличное движение, на огни, вспыхивавшие в летнем мраке. Когда он, наконец, отвернулся от окна, сгущавшиеся сумерки уже успели заползти в комнату. А Кристин все сидела в углу, почти невидимая в окутанном тенями кресле, маленькая, легкая фигурка, склонившаяся над вязаньем.

Этой ночью Эндрию проснулся весь в поту, в тревоге и инстинктивно потянулся к Кристин, еще не придя в себя от снявшихся ему ужасов.

— Где ты, Крис? Мне так совестно. Мне ужасно совестно. Я буду изо всех сил стараться не обижать тебя больше. — Потом, успокоенный, уже полусонный: — Когда продадим все здесь, устроим себе каникулы. О Боже! Нервы мои никуда не годятся. И подумать только, что я когда-то называл *тебя* неврастеничкой!.. Когда мы поселимся где-нибудь в новом месте, Крис, у тебя будет сад. Я знаю, как ты это любишь. Помнишь... помнишь «Вейл Вью», Крис?

На утро он принес ей большой букет хризантем. Со всей прежней пылкостью он старался доказать ей свою любовь — не той хвастливой щедростью, которая была ей ненавистна (воспоминание о завтраке в «Плаза» до сих пор приводило ее в содрогание), а скромными знаками внимания.

Когда он пришел домой к чаю с тем именно пирожным, которое она любила, и в довершение всего еще молча принес ей из шкафа в конце коридора ее домашние туфли, Кристин, хмурясь, мягко запротестовала:

— Не надо, милый, не надо, — я боюсь, что наступит расплата за счастье. Через неделю ты будешь рвать на себе волосы и вымещать на мне плохое настроение, как бывало в старые времена.

— Крис! — воскликнул Эндрию, больно задетый. — Неужели ты не понимаешь, что теперь все по-другому? Отныне я начинаю искупать свою вину перед тобою.

— Хорошо, хорошо, милый. — Она, смеясь, отерла глаза. Затем сказала с неожиданной силой, которой он никогда в ней не подозревал: — Мне ничего не надо, только бы мы были *вместе*. Мне не нужно, чтобы ты ухаживал за мной. Все, чего я прошу, — это, чтобы ты не ухаживал за другими.

В этот вечер приехал Денни, как и обещал, к ужину. Он привез вести от Гоупа, который звонил ему из Кембриджа, что сегодня не может приехать в Лондон.

— Говорит, что его задерживают дела, — пояснил Денни, выколачивая трубку. — Но я сильно подозреваю, что наш друг Гоуп в ближайшее время женится. Романтическое событие — спаривание бактериолога!

— А говорил он что-нибудь относительно моей идеи? — спросил Эндрию быстро.

— Да, он увлечен ею. Но это неважно, все равно мы бы могли его забрать с собой. И я тоже увлечен, должен вам сказать. — Денни развернул салфетку и принялся за салат. — Не могу понять, как это такой замечательный план мог родиться в вашей глупой голове. В особенности теперь. Ведь я воображал, что вы окончательно превратились в вест-эндского торговца мылом. Ну, рассказывайте?!

Эндрию стал рассказывать подробно и с все возрастающим увлечением. Потом они обсудили, как практически осуществить план. Неожиданно для себя они поняли, что зашли далеко, когда Денни сказал:

— По-моему, нам следует выбрать не особенно большой город. Так, тысяч до двадцати жителей, — вот это будет идеально. В таком городе мы разовьем энергичную деятельность. Посмотрите на западную часть карты центральных графств. Там вы найдете десятки промышленных городов, обслуживаемых четырьмя-пятью врачами, которые под маской вежливости готовы перегрызть друг другу горло. Там какой-нибудь добрый старый доктор медицины сегодня выковыривает половину миндалина, завтра намешивает помой под названием «*mixtura alba*». Вот там мы сможем показать, чего стоит наша идея сообщества специалистов. Мы не будем покупать практики. Мы просто явимся в город. Хотел бы я видеть, какие скорчат мины все эти доктора Брауны, Джонсы и Робинсоны. Нам придется вытерпеть целые вагоны обид, а чего доброго, и линчевать нас могут... Нет, будем говорить серьезно: нам нужна центральная клиника, как вы и предполагали, и лаборатория для Гоупа. Пожалуй, не мешает завести и пару коек наверху. Сначала не будем особенно широко развешивать дело, но я предчувствую, что пустим крепкие корни. — Он вдруг поймал сияющий взгляд Кристин, которая сидела тут же и слушала

их разговор, и улыбнулся. — А вы, мэм, что думаете об этом? Безумие, нет?

— Да, — откликнулась она чуточку хрипло. — Но только ради таких безумств и стоит жить.

— Вот это верно, Крис. Честное слово! Ради этого стоит жить.

Эндрью стукнул кулаком по столу так, что подскочили ножи и вилки.

— План хорош. Но главное — идея, которая в нем воплощена. Новое толкование клятвы Гиппократ. Абсолютная верность науке. Никакого эмпиризма, никаких избитых методов, шаблонных лекарств, не гнаться за гонораром, не прописывать всякой патентованной дряни, не уболаживать ипохондриков, не... Ох, ради всего святого, дай попить! Мои голосовые связки не выдерживают, тут надо иметь барабан.

Они разговаривали до часу ночи. Даже такого стойка, как Денни, заразило пылкое воодушевление Эндрью. Последний поезд давно ушел. Эту ночь Денни ночевал в запасной комнате на Чесборо-террас. И на утро после завтрака спешно умчался, обещав снова приехать в Лондон в следующую пятницу, а до того — повидаться с Гоупом и — последнее доказательство его энтузиазма — купить большую карту центральных графств.

— Действует, Крис, действует! — торжествуя, крикнул Эндрью, возвращаясь от двери. — Филипп весь загорелся. Он не говорит, но я вижу.

В тот же день к ним обратились по поводу продажи практики. Приехал покупатель, за ним другие. Джеральд Тернер самолично являлся с наиболее солидными претендентами. Он обладал даром изысканного красноречия и пускал его в ход даже по поводу архитектуры гаража. В понедельник приезжал дважды доктор Ноэль Лори — утром один, а днем в сопровождении агента. Потом Тернер позвонил Эндрью и сказал любезно-конфиденциальным тоном:

— Доктор Лори заинтересован, доктор, сильно заинтересован, могу сказать. Он очень настаивал, чтобы мы не продавали, пока его жена не посмотрит дом. Она с детьми за городом и приедет в среду.

В среду Эндрью должен был отвезти Мэри в «Бельвью», и он решил, что в деле продажи можно положиться на Тернера. С больницей все вышло так, как он предполагал. Мэри должна была выйти в два часа. Он уговорился с миссис Шарп, что она поедет с ними.

Лил дождь, когда он в половине второго заехал на Уэлбек-стрит за миссис Шарп. Она была в злобном настроении и, хотя и ожидала его, поехала неохотно. Неустойчивость ее настроения в последнее время объяснялась предупреждением Эндрью, что в конце месяца он вынужден

будет отказаться от ее услуг. Она очень сухо поздоровалась с ним и села в автомобиль.

Все прошло гладко. Они подъехали к больнице как раз тогда, когда Мэри прошла через швейцарскую, и в одно мгновение она уже сидела в автомобиле рядом с Шарп, тепло укутанная пледом, с горячей бутылкой у ног. Очень скоро Эндрию пожалел, что взял с собой недобрую и подозрительную миссис Шарп. Очевидно, она находила, что эта поездка выходит далеко за пределы ее обязанностей. Эндрию удивлялся про себя, как он мог столько времени терпеть у себя эту особу. В половине четвертого они были уже в «Бельвью». Дождь перестал, и, когда они ехали по аллее к дому, сквозь тучи пробилось солнце. Мэри, нагнувшись вперед, нервно, немного испуганно присматривалась к месту, от которого она теперь так много ожидала.

Эндрию застал Стилмена в конторе. Ему очень хотелось, чтобы тот сразу же при нем посмотрел больную и решил вопрос о пневмотораксе, который не давал ему покоя. За папиросой и чашкой кофе он высказал Стилмену свое желание.

— Ладно, — кивнул тот головой. — Мы с вами сейчас сходим наверх. — И повел его в комнату Мэри. Она уже лежала в постели, бледная от усталости, все еще робевшая, и смотрела, как миссис Шарп в глубине комнаты складывала ее платье. Когда Стилмен подошел к постели, она слегка вздрогнула.

Он тщательно осмотрел ее. Этот спокойный, безмолвный, в высшей степени добросовестный осмотр был для Эндрию откровением. Стилмен не ублажал больного. Не принимал внушительного вида. Он держал себя совсем не так, как обычно держат себя врачи у постели больного. Он походил на делового человека, занятого разборкой испортившейся машины. Он хотя и пользовался стетоскопом, но больше всего выстукивал пальцами, и казалось, эти ровные тонкие пальцы знают правду о состоянии живых, дышащих, невидимых легочных клеток.

Кончив осмотр, он ничего не сказал Мэри и вызвал Эндрию за дверь.

— Пневмоторакс, — сказал он. — Тут сомнений быть не может. Это легкое давно следовало вывести из употребления. Я это сразу сделаю. Подите скажите ей.

Он пошел приготовить аппаратуру, а Эндрию воротился в палату и сообщил Мэри их решение. Он говорил со всей беспечностью, на какую был способен, тем не менее Мэри заметно встревожилась.

— А это *вы* мне будете делать? — спросила она с беспокойством. — Мне бы хотелось, чтобы вы!

— Да это такие пустяки, Мэри. Вы не почувствуете ни малейшей боли. Я буду при этом. Буду помогать ему. И присмотрю, чтобы все было хорошо.

Он сначала хотел предоставить Стилмену проделать одному всю процедуру пневмоторакса. Но Мэри была так нервна, так трепетно цеплялась за него, и, кроме того, он чувствовал себя ответственным за ее пребывание здесь. Поэтому он пошел в операционную и предложил свои услуги Стилмену.

Через десять минут все было подготовлено. Когда Мэри привезли, Эндрю сделал ей местную анестезию. Потом стал у манометра, а Стилмен ловко ввел иглу, регулируя в то же время струю стерильного азота, впускаемого в плевру. Аппарат у Стилмена был замечательный, и сам Стилмен бесспорно мастер своего дела. Он очень умело действовал канюлей^[44], двигая ее вперед, и, устремив глаза на манометр, ожидал окончательного «скачка», который возвестит о проколе пристеночной плевры. У него был свой собственный метод предупреждения эмфиземы.

После первого сильного волнения страх Мэри постепенно рассеялся. Она все с большим доверием позволяла все проделывать над собой и в конце улыбнулась Эндрю, совсем уже успокоенная. Когда ее привезли обратно в ее комнату, она сказала:

— Вы были правы. Это пустяк. Как будто мне ничего не делали.

— Ничего? — Эндрю поднял одну бровь, потом засмеялся. — Вот как надо делать операции — без суеты, чтобы у человека не было ощущения, что с ним происходит что-то страшное. Хорошо, если бы все операции можно было так проделывать. Ну, как бы там ни было, а мы ваше легкое сдавили, теперь оно отдохнет. А когда опять начнет дышать, поверьте мне, оно будет здорово.

Глаза Мэри остановились на нем, потом, оглядев уютную комнату, устремились в окно, из которого открывался вид на долину.

— А мне тут нравится... Он не старается быть ласковым, этот мистер Стилмен, но чувствуется, что он славный. Как вы думаете, можно мне попросить чаю?

XIX

Было уже около семи часов, когда Эндрю уехал из «Бельвью». Он задержался дольше, чем думал, разговаривая со Стилменом на низкой веранде, наслаждаясь прохладой и спокойной беседой. Уезжал он с удивительным ощущением ясного спокойствия. Этим он обязан был

Стилмену. Обаяние его личности, его уравновешенность, его равнодушие к обыденным сторонам жизни благотворно влияли на бурную натуру Эндрию. Кроме того, теперь он был спокоен за Мэри. Своему первому шагу — слишком поспешному отправлению ее в устаревшую больницу — он противопоставил все то, что сделано было для нее сегодня. Это трудно было организовать, стоило ему больших хлопот. Хотя он не говорил со Стилменом относительно платы, он понимал, что цены «Бельвью» Кону не по карману и, следовательно, уплатить придется ему, но все это были мелочи по сравнению с наполнявшим его чудесным сознанием победы. Впервые за много месяцев он чувствовал, что сделал сегодня нечто настоящее. Это было начало искупления.

Он ехал медленно, наслаждаясь вечерней тишиной. Миссис Шарп сидела позади, но молчала и, занятый своими мыслями, он почти забыл о ней. Когда они приехали в Лондон, он вспомнил о ней, спросил, куда ее отвезти, и, получив ответ, высадил ее на Ноттинг-хиллской станции подземки. Он рад был избавиться от этой женщины. Она хорошо знала свое дело, но у нее был несчастный характер. И к Эндрию она всегда питала антипатию. Он решил завтра отослать ей по почте месячное жалованье, чтобы больше ее не видеть.

Когда он добрался до Педдингтонской улицы, настроение у него изменилось. Ему всегда тяжело было проходить мимо лавки Видлера. Уголкем глаза он видел вывеску «Акц. о-во Обновление». Один из подмастерьев опускал железные шторы. В этом простом действии Эндрию увидел что-то символическое, дрожь пробежала по его телу. Угнетенный, приехал он на Чесборо-террас и, поставив автомобиль в гараж, вошел в дом со странной тяжестью на сердце.

Кристин весело выбежала в переднюю к нему навстречу. Глаза ее сияли от радости.

— Продано! — объявила она. — Продано *все* целиком. Они тебя ждали, ждали — только недавно ушли. Доктор и миссис Лори. Он так взволновался оттого, что ты опоздал на прием, и сам стал принимать больных, — добавила Кристин со смехом. — Потом я их накормила ужином. Мы поболтали. Я заметила, что миссис Лори втайне беспокоится, не случилось ли с тобой несчастье, и тоже начала тревожиться. Наконец-то ты здесь, милый! Он просил тебя прийти в контору к мистеру Тернеру в одиннадцать часов, чтобы подписать контракт. И... да, он дал мистеру Тернеру задаток.

Эндрию прошел за ней в столовую, где со стола уже было убрано. Он, разумеется, был доволен, что практика продана, но сейчас не ощутил

никакой особенной радости.

— Это отлично, правда, что все так скоро устроилось, — продолжала Кристин. — Не думаю, чтобы Лори тебя задержал здесь надолго. Я тут, пока тебя не было, размечталась о том, как хорошо было бы опять поехать ненадолго в Валь-Андрэ, раньше, чем ты начнешь работать в новом месте! Там так красиво, помнишь, милый... И мы чудесно провели тогда время. — Она замолчала и поглядела на него. — Да что это с тобой, Эндрью?

— Ничего, право, — улыбнулся он ей, садясь за стол. — Просто устал немного. Вероятно, оттого, что не обедал...

— Что! — вскрикнула она в ужасе. — А я была уверена, что ты перед отъездом пообедаешь в «Бельвью». — Она оглядела стол. — И все убрала и отпустила миссис Беннет в кино.

— Это пустяки.

— Как так пустяки? Неудивительно, что ты не запрыгал от радости, когда я тебе сказала о продаже. Ну, посиди минутку, я принесу тебе чего-нибудь поесть. Чего бы тебе хотелось? Я могу разогреть суп... или хочешь яичницу-болтуню? Скажи, что тебе приготовить.

Эндрью подумал.

— Пожалуй, яичницу, Крис. Но ты не хлопочи! Ну, хорошо, пускай яичницу и кусочек сыра.

Она мигом воротилась с подносом, на котором стояла тарелка с яичницей, стакан сельдерейного сока, хлеб, печенье и закрытая тарелка, на которой обычно лежал сыр. Поставив поднос на стол, принесла еще бутылку эля из буфета.

Пока Эндрью ел, она заботливо смотрела на него. Улыбнулась.

— Знаешь, милый, я всегда думала: если бы мы жили на Сифен-роу, в квартирке из спальни и кухни, мы бы отлично там себя чувствовали. Богатая жизнь нам не в пользу. Теперь, когда мне предстоит опять стать женой рабочего человека, я ужасно счастлива.

Эндрью продолжал трудиться над яичницей. Утолив голод, он чувствовал себя лучше.

— Знаешь, милый, — продолжала Кристин, сидя в своей любимой позе, — опершись подбородком на руки, — я столько передумала за последние дни! Раньше у меня голова не работала, все внутри точно было наглухо заперто. Но с тех пор как мы вместе, с тех пор как мы опять стали прежними, все как-то прояснилось у меня в мыслях. Знаешь: только то, что достается нам тяжело, после борьбы, становится дорого по-настоящему. А то, что просто падает в руки, не дает удовлетворения. Помнишь нашу жизнь в Эберло (я сегодня весь день не переставала о ней думать), когда

нам приходилось так трудно? Теперь я предчувствую, что та же жизнь начнется для нас снова. Для нее мы с тобой и созданы, милый. В этом — мы! И до чего же я счастлива, что мы *так* будем жить с тобой.

Он поднял на нее глаза.

— Ты в самом деле счастлива, Крис?

Она коснулась губами его щеки.

— Никогда в жизни не была счастливее, чем сейчас.

Наступило молчание. Эндрю намазал маслом бисквит и поднял крышку блюда, чтобы отрезать себе сыру. Но на блюде оказался не его любимый липтауэрский, а засохший кусочек чедерского сыра, который миссис Беннет употребляла для стряпни. Увидев это, Кристин покаянно охнула.

— Ох, я забыла сегодня зайти к фрау Шмидт!

— Да ну, пустяки, Крис, и этот хорош.

— Нет, не хорош. — Она схватила блюдо раньше, чем он успел дотронуться до сыра. — Я тут размечталась, как сентиментальная школьница, вместо того, чтобы накормить тебя обедом, когда ты пришел усталый. Голодом тебя морю! Хорошая жена для рабочего человека, нечего сказать! — Она вскочила, бросила взгляд на часы. — Я еще успею добежать до лавки раньше, чем она закроется.

— Да не стоит, Крис...

— Нет, пожалуйста, милый, не мешай, — весело отмахнулась она. — Я хочу это сделать. Хочу, потому что ты любишь сыр фрау Шмидт... а я люблю тебя.

И, раньше чем Эндрю успел что-нибудь возразить, она выбежала из столовой. Он слышал ее быстрые шаги в передней, легкий стук двери на улицу. В глазах его все еще светилась улыбка, — это было так похоже на Кристин. Он намазал маслом второй бисквит, ожидая появления знаменитого «Липтауэра», ожидая возвращения Кристин.

В доме стояла полная тишина: «Флорри спит внизу, — подумал он, — а миссис Беннет ушла в кино...» Он был рад, что миссис Беннет едет вместе с ними... Стилмен сегодня был великолепен. Теперь Мэри будет здорова, бодра и свежа, как дождик... а дождик славно освежил все сегодня, было так приятно возвращаться полями, тихо и прохладно. Слава Богу, у Кристин скоро опять будет сад... Пускай пятерка докторов в каком-нибудь городишке линчует его и Денни, и Гоупа, а у Крис должен быть сад!

Он рассеянно начал есть один из намазанных бисквитов. Подумал, что у него пропадет аппетит, если она не вернется скоро. Наверное, болтает с фрау Шмидт. Добрая старая фрау... Первых пациентов послала ему она.

Если бы он после этого вел себя, как порядочный человек, вместо того, чтобы... ну, ладно, это позади, слава Богу! Они снова вместе, Кристин и он, и счастливее, чем когда-либо. Каким блаженством было услышать это от нее минуту назад!.. Он закурил папиросу.

Вдруг у двери раздался резкий звонок. Эндрию поднял глаза, отложил папиросу и вышел в переднюю. Звонок успели дернуть вторично. Он отпер дверь.

Тотчас же он увидел суматоху на улице, толпу народа на мостовой, лица, головы, точно вотканные в темноту. Но, раньше чем он успел взглянуться в этот сложный узор, полисмен, позвонивший у дверей, встал перед ним неясной громадой. Это был Струзерс, его старый приятель из Файва, постовой. Странно белели в темноте его широко открытые глаза.

— Доктор, — сказал он чуть слышно, с трудом, как человек, запыхавшийся от быстрого бега. — Ваша жена пострадала. Она бежала... Ох, Господи!.. выбежала из лавки — и угодила прямо под автобус.

Большая ледяная рука сжала ему сердце. Раньше чем он успел опомниться, улица надвинулась на него. Внезапно передняя наполнилась людьми. Плачущая фрау Шмидт, кондуктор автобуса, второй полисмен, какие-то чужие люди, все напирала, оттесняя его назад, в кабинет. А затем сквозь толпу двое мужчин пронесли тело его Кристин. Голова на тонкой белой шее запрокинулась назад. На левой руке все еще висел на веревочке, обмотанной вокруг пальцев, пакетик от фрау Шмидт. Ее положили на высокую кушетку в кабинете. Она была мертва.

XX

Он был совершенно убит и много дней точно не в своем уме. Бывали проблески сознания, когда он замечал Денни, миссис Беннет, а раз или два — Гоупа. Но все остальное время он жил, выполняя то, что от него требовалось, весь уйдя в себя, в один бесконечный кошмар отчаяния. Его истерзанные нервы обостряли безмерность утраты, жуть раскаяния, болезненный бред, от которого он просыпался весь в поту, с криком ужаса.

Он смутно помнил допрос, следствие, проведенное без лишних формальностей, показания свидетелей, такие обстоятельные, такие ненужные. Он неподвижно смотрел на приземистую фигуру фрау Шмидт, по пухлым щекам которой слезы текли и текли без конца.

— Она смеялась, все время смеялась, когда пришла ко мне в лавку. «Скорее, пожалуйста, — твердила она мне, — я не хочу заставлять мужа ждать...»

Услышав, что следователь выражает ему сочувствие по поводу тяжелой утраты, он понял, что процедура окончена. Машинально встал, потом, очнувшись на минуту, увидел себя на улице идущим рядом с Денни по серым камням тротуара.

Он не знал, кто и как позаботился о похоронах, все прошло каким-то непонятным, таинственным образом, без участия его сознания. Когда он ехал на кладбище Кензал-Грин, мысли его разбегались, метались туда, сюда, уходили назад в далекое прошлое. Стоя на унылом, грязном кладбище, он вспоминал простор овечьих ветром горных лугов за «Вейл Вью», где носились, разметав спутанные гривы, маленькие горные пони. Кристин любила гулять там, любила, когда свежий ветер ласкал ей щеки. А теперь она будет лежать на этом унылом и грязном городском кладбище.

Вечером, в безумной муке, он пробовал напиться до бесчувствия. Но виски как будто еще сильнее растравило в нем гнев на себя. Он до глубокой ночи шагал из угла в угол, громко разговаривая сам с собою.

— Ты думал, что сможешь убежать от этого! Думал, что уже убежал. Нет, клянусь Богом! Преступление и наказание, преступление и наказание за него! Это ты виноват в ее смерти. Ты *должен* страдать.

Он вышел на улицу, забыв надеть шляпу, шатаясь, и безумными глазами уставился в наглухо закрытые окна лавки Видлера. Потом воротился в дом, лепеча сквозь горькие пьяные слезы: «С Богом шутить нельзя!» — Это сказала когда-то Крис. — «С Богом шутить нельзя, мой милый».

Спотыкаясь, побрел наверх. Постояв у дверей, вошел в спальню Кристин, безмолвную, холодную, опустевшую. На туалетном столе лежала ее сумочка. Он поднял ее, прижал к щеке, потом открыл неловкими пальцами. Внутри лежало немного серебра и медяков, маленький носовой платочек, счет от бакалейщика. А в среднем отделении — какие-то бумажки: выцветшая моментальная фотография его, Эндрию, снятая в Блэнелли, и (да, он узнал их сразу с острой болью) те записочки, что он получил в Эберло к Рождеству вместе с подарками от своих пациентов. «*С сердечной благодарностью*». Так Кристин их хранила все эти годы! Тяжкое рыдание вырвалось у него. Он упал на колени у постели в страстном отчаянии.

Денни не мешал ему пить. Эндрию казалось, что Денни почти каждый день бывал в доме. Это он делал не ради того, чтобы заменить Эндрию на приеме, так как теперь больных принимал доктор Лори. Лори жил пока где-то в другом месте, но приходил на амбулаторный прием и ездил по визитам. А Эндрию ничего не знал, не хотел знать о том, что происходило вокруг него. Он прятался от Лори. Нервы его были вконец разбиты. Звон у двери заставлял его сердце бешено колотиться. При внезапном звуке чьих-либо шагов у него потели ладони. Он сидел у себя в комнате наверху, комкая в руках носовой платок, вытирая время от времени мокрые ладони, тупо глядя в огонь, зная, что, когда наступит ночь, его ждет призрак бессонницы.

В таком состоянии находился Эндрию, когда однажды утром к нему вошел Денни и сказал:

— Слава Богу, наконец-то я свободен. Теперь мы можем уехать.

Эндрию и не пробовал отказываться: способность к сопротивлению в нем была окончательно сломлена. Он даже не спросил, куда они едут. В молчаливой апатии наблюдал, как Денни укладывал его чемодан. Через час они уже были на пути к Педдингтонскому вокзалу.

Они ехали целый день через юго-западные графства, пересели в Нью-Порте и направились дальше, через Монмаусшир. В Эбергени сошли с поезда, и у вокзала Денни нанял автомобиль. Когда они выбрались из города и ехали мимо реки Аск, через поля и леса, пестревшие пышными красками осени, Денни промолвил:

— Мы едем в одно местечко, куда я когда-то ездил удить рыбу. Лантонийское аббатство. Я думаю, оно нам подойдет.

Сетью проселочных дорог, окаймленных орешником, они к шести часам вечера добрались до места. На покрытом густым зеленым дерном лугу стояли развалины монастыря, гладкие серые камни. Кое-где высились

уцелевшие еще монастырские своды. А рядом — гостиница, вся построенная из камней обрушившихся стен. Успокоительно журчал протекавший неподалеку ручей. Дымок от горящего дерева ровной синей лентой поднимался в тихом вечернем воздухе.

На другое утро Денни потащил Эндрью на прогулку. День был сухой и звенящий, но Эндрью ослабел от бессонной ночи, его вялые мускулы изменили ему на первом же подъеме в гору, и он захотел вернуться назад после того, как они прошли совсем небольшое расстояние. Однако Денни был неумолим. Он заставил Эндрью в этот день пройти восемь миль, на следующий день — десять. К концу недели они уже делали по двадцати миль в день, и Эндрью, добравшись к вечеру до своей комнаты, сразу валился на постель и засыпал.

Здесь их никто не беспокоил. В поселке осталось только несколько рыбаков, так как сезон ловли форели уже кончился. Они обедали в бывшей трапезной с каменным полом, за длинным дубовым столом, перед открытым очагом, в котором трещали поленья. Кормили их просто, но вкусно.

Во время прогулок они не разговаривали. Часто за целый день перекидывались только двумя-тремя словами. Вначале Эндрью совершенно не замечал местности, по которой они бродили. Но шли дни, и красота этих лесов и рек, извиистой цепи холмов, поросших папоротником, мало-помалу, незаметно проникала в его онемелую душу.

Выздоровление его шло нельзя сказать, чтобы с поразительной быстротой, однако к концу первого месяца он уже легко переносил длительные прогулки, к нему вернулись нормальный аппетит и сон, он каждое утро купался в холодной воде и без страха смотрел в лицо будущему. Он видел, что для его выздоровления нельзя было выбрать лучшего места, чем этот уединенный уголок, лучшего средства, чем этот спартанский образ жизни. Когда первые морозы крепко сковали землю, он ощутил в крови инстинктивную радость.

И неожиданно он начал разговаривать с Денни. Вначале их разговоры были отрывочны, несвязны. Душа Эндрью, подобно атлету, проделывающему простые упражнения перед большим выступлением, осторожно возвращалась к жизни. Незаметным для себя образом он узнавал от Денни о ходе событий.

Практика его была продана доктору Лори, правда, не за ту цену, которую назначил сперва Тернер (так как после всего случившегося Эндрью не мог ввести нового врача в курс дела и рекомендовать больным), но за сумму, довольно близкую к ней. Гоуп, наконец, закончил свой стаж и

уехал к родным в Бирмингам. Денни тоже был свободен. Он отказался от места перед отъездом в Лантони. Вывод напрашивался сам собой. И Эндрью вдруг поднял голову.

— К началу года я *должен* снова стать работоспособным.

Теперь они с Денни начали уже говорить об этом серьезно, и через неделю от упорного безучастия Эндрью не осталось и следа. Ему казалось странным и печальным, что душа человека способна оправиться от такого смертельного удара, как тот, который поразил его. Но выздоровление было налицо, надо было с этим мириться. Сначала он брел вслед за Денни со стоическим равнодушием ко всему окружающему, как хорошо действующий автомат. Теперь он с настоящей жадностью вдыхал резкий воздух холмов, сбивал палкой папоротник, брал из рук Денни свою корреспонденцию и ругал почту, если вовремя не приходила «Медицинская газета».

По вечерам они с Денни погружались в изучение большой карты. С помощью справочника они составили список городов, потом, постепенно вычеркивая, оставили только восемь названий. Два города из этих восьми находились в Стаффордшире, три — в Нортемптоншире, и три — в Уорвикшире.

В следующий понедельник Денни уехал и пробыл в отсутствии неделю. За эти семь дней Эндрью почувствовал, что к нему быстро возвращается прежняя потребность работать, делать свое собственное, настоящее дело вместе с Гоупом и Денни. Им овладело громадное нетерпение. В субботу он прошел пешком всю дорогу до Эбергени, чтобы встретить поезд — последний на этой неделе. Денни не приехал. Возвращаясь домой разочарованный, так как предстояло ожидать еще две ночи и целый день, Эндрью неожиданно увидел у ворот гостиницы маленький темный форд. Он ринулся в дом. Здесь, в освещенной лампой трапезной, сидели Денни и Гоуп за чаем и яичницей с ветчиной, а на буфете стояли взбитые сливки и жестянки с компотом из персиков.

Последние два дня они были совершенно одни в Лантони. Рассказ Филиппа о его поездке был вступлением к горячим дебатам. Снаружи ливень и град барабанили в стекла. Погода окончательно испортилась. Но им было все равно.

Два города из тех, где побывал Денни, — Френтон и Стенборо, — как выразился Гоуп, «созрели для медицинского обслуживания». Это были солидные сельскохозяйственные центры, где недавно стала развиваться новая отрасль промышленности. В Стенборо был только что построен завод подшипников, в Френтоне — большой сахарный завод. Население

увеличивалось, на окраинах, как грибы, вырастали дома. Но медицинское обслуживание отставало. В Френтоне имелась только сельская больница, в Стенборо — не было никакой. Если требовалась неотложная помощь, больных везли в Ковентри, за пятнадцать миль.

Этих подробностей было достаточно, чтобы они насторожились, как собаки, учуяв след. Но у Денни были в запасе еще более обнадеживающие сведения. Он вытащил план Стенборо, вырванный из путеводителя, и сказал:

— К сожалению, не могу скрыть от вас, что я стащил его из гостиницы в Стенборо. Хорошее начало, а?

— Живее! — нетерпеливо перебил его Гоуп. — Что означает вот этот крестик?

— Это — рыночная площадь, — объяснял Денни, когда все трое склонились над планом. — По крайней мере, она примыкает к рынку. Она в самом центре города, высоко на холме, и оттуда очень красивый вид. Вам знакомы такого рода города: кольцо домов, лавок, контор, особняки и старые, много лет существующие предприятия, архитектура, пожалуй, георгианская, низкие окна и портики. Самый главный врач в городе — не человек, а настоящий кит. Я его видел: внушительная багровая физиономия, вроде бараньей отбивной. У него два помощника и собственный дом на площади. — Денни говорил с мягкой иронией. — А как раз напротив, по другую сторону чудесного гранитного фонтана, посреди площади, стоят два пустующих дома, — большие комнаты, полы в исправности, хороший фасад. И дома эти продаются. Я думаю...

— И я тоже, — подхватил Гоуп, не переводя дыхания, — я вам сразу говорю, что мне ничего так не хочется, как маленькой лаборатории напротив этого фонтана.

Они продолжали толковать между собой. Денни рассказывал новые, любопытные подробности.

— Право, — сказал он в заключение, — мы все трое, должно быть, совсем рехнулись. Такие затеи осуществляются с большим успехом в больших городах Америки, где все великолепно организовано и имеются огромные капиталы. Но тут — в Стенборо! И ни у кого из нас нет больших денег! Потом мы, наверное, будем адски ссориться друг с другом. Но все же...

— Ну, и достанется же бедной бараньей отбивной! — сказал Гоуп, вставая и потягиваясь.

В воскресенье они сделали еще шаг: отправили Гоупа в объезд с тем, чтобы он на обратном пути, в понедельник, заехал в Стенборо. Решено

было, что Денни и Эндрью приедут туда в среду, встретятся с ним в гостинице и один из них осторожно наведет нужные справки у местных агентов по продаже домов.

Гоуп уехал рано утром, умчался, разбрызгивая грязь, в своем форде раньше, чем остальные кончили завтракать. Небо по-прежнему было сплошь покрыто тучами, но день вставал ветреный и бодрящий. После завтрака Эндрью вышел один пройтись на часок. Было радостно чувствовать себя снова пригодным к жизни, работа снова манила его, мысль о клинике увлекала своей новизной. До сих пор он не сознавал, как эта затея ему дорога. Теперь она была близка к осуществлению.

Когда он вернулся домой в одиннадцать часов, привезли почту — целую пачку писем, пересланных из Лондона. Он сел за стол, предвкушая удовольствие. Денни у очага читал утреннюю газету.

Первое письмо было от Мэри Боленд. Он разбирал убористо исписанные странички. Лицо его потеплело от улыбки. Письмо начиналось выражениями сочувствия и надежды, что он совсем теперь оправился. Дальше Мэри коротко сообщала о себе. Ей лучше, гораздо лучше, она почти здорова. Вот уже пять недель у нее нормальная температура. Она ходит и занимается гимнастикой. Она так пополнила, что он ее, наверное, не узнает. Она спрашивала, не может ли Эндрью приехать навестить ее. Мистер Стилмен уехал обратно в Америку на несколько месяцев и оставил вместо себя своего ассистента, мистера Морленда. Мэри писала, что не знает, как и благодарить Эндрью, поместившего ее в «Бельвью».

Эндрью дочитал письмо, повеселев от известия о выздоровлении Мэри. Затем, отложив несколько циркуляров и реклам в дешевых конвертах с полупенсовыми марками, взял следующее письмо. Конверт был длинный, казенного типа. Он вскрыл его, вынул плотный листок бумаги.

Улыбка исчезла с его лица. Он смотрел на письмо, точно не веря глазам. Зрачки его расширились. Он побледнел, как мертвец. Целую минуту он оставался неподвижным и все смотрел, смотрел на письмо.

— Денни, — сказал он, наконец, тихо. — Взгляните!

XXI

Два месяца тому назад, когда Эндрью довез миссис Шарп до Ноттингхиллской станции, она доехала затем подземкой до Оксфордской площади, а оттуда торопливо пошла по направлению к улице Королевы Анны. Она уговорилась со своей приятельницей, сестрой Трент, служившей у доктора Хемсона, пойти вместе в Королевский театр, где Луи Сейвори, которым обе они восторгались, выступал в «Герцогине». Но так как было уже четверть девятого, а спектакль начинался в три четверти девятого, то у миссис Шарп оставалось очень мало времени на то, чтобы зайти за своей знакомой и добраться до верхнего яруса театра. Теперь, вместо того чтобы на досуге вкусно пообедать в Корнер-хаузе, как она рассчитывала, ей оставалось только перехватить по дороге сэндвич, а то и вовсе ничего не поесть. Поэтому миссис Шарп, шагая по улице Королевы Анны, чувствовала себя горько обиженной. Перебирая в памяти все события дня, она так и кипела негодованием и возмущением. Поднявшись на крыльцо дома № 17-с, она поспешно нажала кнопку звонка.

Дверь отперла сестра Трент с выражением кроткого упрека на лице. Но раньше чем она успела заговорить, миссис Шарп схватила ее за руку.

— Дорогая моя, — сказала она скороговоркой, — извините, пожалуйста, что опоздала. Но какой у меня сегодня был день, если бы вы знали! Я вам все потом расскажу. Дайте мне только войти и оставить у вас свои вещи. Если я не буду переодеваться, то мы, я думаю, можем сразу же выйти.

В ту минуту, когда обе женщины стояли в коридоре, с лестницы сошел Хемсон, нарядный, сияющий, в вечернем костюме. Увидя их, он остановился. Фредди никогда не упускал случая очаровать кого-нибудь. Его тактика отчасти в том и состояла, чтобы правиться людям и извлекать из их расположения все, что возможно.

— Алло, сестра Шарп! — сказал он очень весело, доставая папиросу из своего золотого портсигара. — У вас усталый вид. И почему вы обе здесь так поздно? Я как будто слышал от сестры Трент, что вы сегодня собираетесь в театр?

— Да, доктор, — ответила миссис Шарп. — Но я... меня задержал доктор Мэнсон из-за одной своей больной.

— Вот как? — В тоне Фредди послышалось что-то вроде вопроса.

Этого было достаточно для Шарп. Глодавшая ее обида, неприязнь к Эндрью и чары Хемсона вдруг развязали ей язык.

— Никогда в жизни еще не переживала такого дня, как сегодня, доктор Хемсон. Никогда! Забрать из больницы Виктории больную и потихоньку увезти ее в это «Бельвью»? И там доктор Мэнсон меня задержал на целый день, пока он делал ей пневмоторакс вместе с каким-то человеком, который вовсе не врач... — С трудом удерживая злые слезы раздражения, миссис Шарп изложила Хемсону всю историю.

Когда она кончила, наступила пауза. Глаза Фредди приняли странное выражение.

— Это все возмутительно, сестра, — сказал он, наконец. — Но я надеюсь, что вы не опоздаете в театр. Вот что, сестра Трент, наймите за мой счет такси, включите эту сумму в запись ваших расходов. Ну, а теперь вы извините, мне пора идти.

— Вот это джентльмен! — пробормотала сестра Шарп, провожая его восхищенным взглядом. — Ну, скорее, дорогая, зовите такси.

Фредди ехал в клуб, погруженный в размышления. Со времени ссоры с Эндрю он в силу необходимости спрятал самолюбие с карман и опять сошелся с Дидменом и Айвори. В этот вечер они обедали втроем в клубе, и во время обеда Фредди не столько по злобе, сколько желая заинтересовать собеседников, снова теснее сблизиться с ними, сказал небрежно:

— А Мэнсон-то, оказывается, проделывает недурные штуки с тех пор, как он с нами порвал. Я слышал, что он начал поставлять пациентов этому субъекту, — Стилмену.

— Что?! — Айвори отложил вилку.

— И работает с ним в доле, насколько я понимаю. — Хемсон изложил свою версию всей истории.

Когда он кончил, Айвори спросил неожиданно резко:

— Это правда?

— Ну, милый мой! — ответил Фредди оскорбленным тоном. — Я слышал это от его медицинской сестры не далее как полчаса тому назад.

Последовало молчание. Айвори опустил глаза и опять принялся за еду. Но под этим спокойствием крылась свирепая радость. Айвори не мог простить Мэнсону его последнего замечания после операции Видлера. Не отличаясь чувствительностью, Айвори был адски самолюбив, как человек, знающий свое слабое место и ревниво скрывающий его от чужих глаз. В глубине души он знал, что он плохой хирург. Но никто еще не говорил ему этого с такой резкостью, как Мэнсон, не давал ему почувствовать в полной мере его невежество. И за эту горькую истину он возненавидел Мэнсона.

Хемсон и Дидмен несколько минут разговаривали между собой, пока Айвори не поднял голову. Тон его был бесстрастен.

— Не можете ли вы узнать адрес этой сестры милосердия?
Фредди прервал разговор и уставился через стол на Айвори.

— Конечно, могу.

— Мне кажется, — хладнокровно размышлял вслух Айвори, — что тут следует что-нибудь предпринять. Между нами говоря, Фредди, у меня до сих пор не было времени особенно заниматься вашим Мэнсоном, но то, что я услышал, уже переходит всякие границы. Я говорю из чисто этических соображений. Только на днях Гэдсби как раз говорил со мной об этом Стилмене. О нем начинают шуметь газеты. Какой-то невежественный болван с Фрит-стрит составил список бесспорных случаев исцеления Стилменом больных, от которых отказались врачи, — знаете, эти обычные басни. Гэдсби здорово взбешен. Кажется, Черстон одно время лечился у него, раньше чем обратился к этому шарлатану... Да... Что же будет, если и врачи-профессионалы начнут поддерживать этого мерзкого чужака? Чем больше я думаю об этом, тем меньше мне это нравится. И я намерен немедленно переговорить с Гэдсби. — Он позвонил лакею. — Узнайте, здесь ли сейчас доктор Морис Гэдсби. Если нет, скажите швейцару, чтобы он узнал по телефону, дома ли он.

Хемсону сразу стало не по себе. Он не был злопамятен и не питал никакой вражды к Мэнсону, которого всегда любил по-своему, поверхностно и эгоистично. Он пробормотал:

— Меня в это дело не впутывайте.

— Не будьте ослом, Фредди. Что же, вы допустите, чтобы этот субъект безнаказанно обливал нас грязью, а ему чтобы все сходило с рук?

Лакей воротился с известием, что доктор Гэдсби дома. Айвори поблагодарил его.

— Боюсь, что в бридж мне уже сегодня не удастся поиграть, друзья. Разве только, если Гэдсби окажется занят.

Но Гэдсби оказался свободен, и в этот вечер Айвори побывал у него. Они не были близкими друзьями, но достаточно хорошими знакомыми, так что хозяин поставил на стол свой почти самый лучший портвейн и коробку приличных сигар. Знал или нет доктор Гэдсби о репутации Айвори как врача — он во всякой случае был осведомлен о положении, которое Айвори занимал в обществе, а этого было достаточно, чтобы Морис Гэдсби, жаждавший успехов в свете, предупредительно отнесся к нему.

Когда Айвори упомянул о цели своего визита, Гэдсби не понадобилось притворяться: он действительно был живо заинтересован. Он нагнулся вперед, устремив маленькие глазки в лицо Айвори, и внимательно слушал то, что рассказывал гость.

— Ах, черт побери! — воскликнул он с несвойственной ему горячностью, когда тот кончил. — Я этого Мэнсона знаю. Он короткое время служил у нас в Комитете труда, и, уверяю вас, мы были очень рады, когда от него избавились. Это человек совершенно не нашего круга, манеры у него хуже, чем у любого рассыльного. И неужели вы серьезно говорите, что он увез из Виктории больную (это, верно, кто-нибудь из больных Сороугуда, — увидим, что скажет на это Сороугуд!) и передал ее Стилмену?

— Более того, — он сам помогал Стилмену при операции.

— Если это правда, — осторожно заметил Гэдсби, — то это уголовное дело.

— Видите ли, — Айвори сделал приличную случаю паузу. — Совершенно такова и моя точка зрения. Но я воздерживаюсь от каких-либо выступлений против него, так как я одно время был с этим господином знаком ближе, чем вы. Мне бы не хотелось подавать заявление от своего имени.

— Тогда я его подам, — сказал Гэдсби авторитетным тоном. — Если то, что вы мне сообщили, подтвердится, я самолично подам жалобу. Я бы считал, что изменяю долгу, если бы не сделал этого немедленно. Вопрос очень важный, Айвори. Этот Стилмен опасен не столько для публики, сколько для нашей профессии. Я уже, кажется, рассказывал вам недавно на обеде то, что мне о нем известно. Он — угроза нашему положению, нашей квалификации, нашим традициям. Он угрожает всему, за что мы стоим. Единственный исход для нас — изгнать его из нашей среды. Тогда он рано или поздно попадет в беду из-за отсутствия у него диплома. Слава Богу, решение этого вопроса еще в наших руках. Мы можем ему подписать смертный приговор. Но если этот субъект и ему подобные сумеют обеспечить себе сотрудничество врачей-профессионалов, то мы погибли, так и знайте. К счастью, в этих случаях Медицинский совет до сих пор всегда обрушивался, как тонна кирпича, на голову виновных. Помните историю с Хексемом, который несколько лет тому назад помогал в качестве анестезиолога какому-то неучу? Его немедленно убрали. Чем больше я думаю об этом нахале Стилмене, тем больше укрепляюсь в своем решении примерно его проучить. Если разрешите вас оставить на минуту, я сейчас же переговорю по телефону с Сороугудом. А завтра придется опросить сестру милосердия.

Он позвонил доктору Сороугуду, а на другой день в присутствии последнего опросил миссис Шарп и заставил подписать ее показания. Они были настолько убедительны, что Гэдсби немедленно снесся со своими

поверенными — фирмой Бун и Эвертон на Блумсберисквер. Разумеется, он терпеть не мог Стилмена. Но, кроме того, он уже с удовольствием предвидел блага, уготованные такому борцу за врачебную этику, каким он себя выкажет в этом случае.

Пока Эндрью искал забвения в Лантони, процесс против него неуклонно разворачивался обычным порядком. Правда, Фредди, в ужасе прочитавший в газете заметку о смерти Кристин, позвонил к Айвори и сделал попытку прекратить дело. Но было уже слишком поздно. Заявление было подано.

Комиссия по уголовным делам рассмотрела это заявление, и Эндрью было послано письмо с предложением явиться на ноябрьское заседание совета и дать объяснения по поводу предъявленного ему обвинения. Это-то письмо Эндрью теперь и держал в руках, побелев от ужаса перед угрозой, скрытой в официальных выражениях письма:

«...что вы, Эндрью Мэнсон, добровольно и сознательно 15 августа сего года помогли некоему Ричарду Стилмену, не зарегистрированному в качестве лица медицинской профессии, заниматься врачебной практикой и что вы, таким образом, являетесь его сообщником в этом деле. И в силу этого вы обвиняетесь в поступках, позорящих вас как лицо данной профессии».

XXII

Дело должно быть разбираться 10 ноября, но Эндрию вернулся в Лондон на целую неделю раньше. Он был один, так как просил Гоупа и Денни всецело предоставить его самому себе. И поселился в «Музеум-отеле», вызывавшем в нем чувство горькой меланхолии.

Внешне спокойный, он был, однако, в ужасном состоянии. Он переходил от приступов беспросветного отчаяния к душевному смятению, причиной которого была не только неуверенность в будущем, но и воспоминания обо всех этапах его жизни. Полтора месяца тому назад этот новый удар застал бы его еще душевно парализованным смертью Кристин, безучастным, ко всему равнодушным. Теперь же, когда он выздоровел и жаждал снова приступить к работе, он почувствовал этот удар с жестокой силой. С тяжелым сердцем говорил он себе, что все его возродившиеся было надежды снова умерли, и что лучше было бы и ему самому умереть.

Эти и другие мучительные мысли постоянно теснились у него в мозгу, временами приводя его в состояние какой-то дикой растерянности. Не верилось, что он, Эндрию Мэнсон, очутился в таком ужасном положении, лицом к лицу с тем, чего, как кошмара, боится каждый врач. За что его вызывают в совет? За что хотят исключить? Он не совершил ничего постыдного. Не виновен ни в каком преступлении. Все, что он сделал, он сделал затем, чтобы вылечить от чахотки Мэри Боленд.

Вести свое дело он поручил фирме «Гоппер и К^о», которую усиленно рекомендовал ему Денни. На первый взгляд адвокат Томас Гоппер был невзрачен — низенький, краснолицый, суетливый мужчина в золотых очках. Вследствие какого-то дефекта кровообращения у него бывали приливы крови, лицо багровело, и вид его не внушал доверия. Тем не менее Гоппер весьма решительно проводил свою точку зрения во время подготовки к процессу. Когда Эндрию в первом порыве мучительного негодования хотел мчаться к сэру Роберту Эбби, его единственному влиятельному знакомому в Лондоне, Гоппер, поморщившись, заметил ему, что Эбби — член совета. Так же неодобрительно суетливый маленький адвокат отверг дикую мысль Эндрию телеграфировать Стилмену, чтобы он немедленно приехал из Америки. У них имелись все те свидетельские показания, которые мог бы дать в их пользу Стилмен, а личное присутствие этого врача без диплома могло бы только раздражить членов совета. Из тех же соображений не следовало вызывать свидетелем и Морленда, нынешнего директора «Бельвью».

Мало-помалу Эндрью стало ясно, что юристам дело его представляется в совершенно ином свете, чем ему самому. Когда он в беседе с Гоппером доказывал свою невиновность, его гневные доводы заставили адвоката недовольно наморщить лоб. В конце концов Гоппер был вынужден сказать:

— Об одном я вас прошу, доктор Мэнсон: не вздумайте на суде в среду изъясняться в таких выражениях. Уверяю вас, ничто не могло бы более роковым образом повлиять на исход нашего дела.

Эндрью круто оборвал речь, сжал руки и горящими глазами посмотрел на Гоппера.

— Но я хочу, чтобы они узнали *правду*. Хочу доказать им, что исцеление этой девушки — лучшее мое дело за много лет. После того как я столько времени работал безобразно, кое-как, ради денег, я сделал нечто прекрасное — и за это, за это они меня хотят судить!

Глаза Гоппера под очками приняли крайне озабоченное выражение. От раздражения кровь прилила к его лицу.

— Пожалуйста, успокойтесь, доктор Мэнсон. Вы не понимаете всей серьезности нашего положения. Кстати, должен вам сказать, откровенно: считаю, что наши шансы на успех в лучшем случае слабы. В тысяча девятьсот девятом году — Кент, в тысяча девятьсот двенадцатом году — Лауден, в тысяча девятьсот девятнадцатом году — Фульжер, — все были исключены за сотрудничество с непрофессионалами. И на знаменитом процессе Хексема в тысяча девятьсот двадцать первом году Хексем был осужден за то, что давал общий наркоз при операциях костоправа Джервиса. Умоляю вас об одном: отвечайте на вопросы «да» или «нет», а там, где этого недостаточно, — возможно короче. Потому что я вас серьезно предупреждаю: если вы пуститесь в такие рассуждения, как здесь со мной, мы, несомненно, проиграем дело, и вас выгонят из сословия. Это так же верно, как то, что меня зовут Томас Гоппер.

Эндрью смутно понял, что надо будет держать себя в узде. Как больной, положенный на операционный стол, он должен покориться официальной процедуре суда. Но ему было трудно сохранять такую пассивность. Мысль, что он вынужден отказаться от всяких попыток реабилитации и отвечать лишь «да» и «нет», выводила его из себя.

Во вторник вечером, 9 ноября, когда лихорадочное ожидание того, что принесет ему завтрашний день, достигло апогея, он незаметно для себя очутился в Педдингтоне. Побуждаемый темным подсознательным импульсом, он шел к лавке Видлера. Где-то в глубине его души еще скрывалась болезненная фантазия, будто все несчастья последних месяцев — кара за смерть Гарри Видлера. Его непреодолимо тянуло к вдове

Видлера, как будто один уже вид ее мог помочь ему каким-то образом утолить его муку.

Вечер был темный, дождливый, и на улицах встречалось мало прохожих. Со странным ощущением нереальности всего вокруг шагал Эндрю, никем не признанный, по этим улицам, где его так хорошо знали. Его темная фигура словно стала тенью среди других теней, спешивших, несшихся сквозь густую сеть дождя. Он пришел к лавке как раз перед ее закрытием, помедлил в нерешительности, затем, когда оттуда вышла какая-то покупательница, поспешно вошел внутрь.

Миссис Видлер стояла одна за прилавком в отделении чистки и утюжки, складывая дамское пальто, которое ей только что оставили. На ней была черная юбка и старенькая блузка, перекрашенная в черный цвет, с небольшим вырезом у шеи. В трауре она казалась еще миниатюрнее. Вдруг она подняла глаза и увидела Эндрю.

— О, доктор Мэнсон! — воскликнула она, и лицо ее просветлело. — Как поживаете, доктор?

Он с трудом ответил. Он видел, что она ничего не знает о его нынешних неприятностях. Он все еще стоял на пороге, неподвижно глядя на нее, а с полей его шляпы медленно стекала вода.

— Входите же, доктор. О, да вы совсем промокли. Ужасная погода...

Он перебил ее напряженным, неестественным голосом:

— Миссис Видлер, мне давно хотелось вас повидать. Я часто думал, как вы тут одна живете.

— Помаленьку, доктор. Не так уж плохо. В сапожной мастерской у меня новый помощник. Хороший работник. Но войдите же и позвольте предложить вам чашку чая.

Он покачал головой.

— Нет, нет, я только мимоходом зашел. — И продолжал чуть не с отчаянием; — Вам, должно быть, сильно недостает Гарри?

— Да, конечно, особенно вначале не доставало. Но просто удивительно, — она даже улыбнулась, говоря это, — как со всем свыкаешься.

Он сказал торопливо, смущенно:

— Я себя упрекаю... Все это случилось так неожиданно для вас, и я часто думал, что вы, верно, меня считаете виноватым.

— Вас виноватым? — Она покачала головой. — Да за что же? Вы сделали все, даже лечебницу рекомендовали и самого лучшего хирурга...

— Но, видите ли, — настаивал он хрипло, чувствуя, как цепенеет от холода все тело, — если бы вы поступили иначе, если бы Гарри лег в больницу, то, быть может...

— Я не могла поступить иначе, доктор. Мой Гарри получил все самое лучшее, что можно было достать за деньги. Даже похороны, — жаль, что вы не видели, какие были венки! А вас осуждать! Да я сколько раз говорила вот в этой самой лавке, что для Гарри нельзя было выбрать доктора умнее и добрее и лучше вас.

Она продолжала говорить, и Эндрью уже было ясно, что, хотя он только что сделал прямое признание, эта женщина никогда ему не поверит. Она утешалась иллюзией, что смерть Гарри была неизбежна и для него было сделано все, что можно. Было бы жестокостью отнять у нее эту веру, которая так ее поддерживала. И Эндрью, помолчав, сказал:

— Очень рад, что повидал вас, миссис Видлер. Я нарочно для этого зашел.

Он пожал ей руку, простился и вышел.

Это свидание не только не успокоило и не утешило его, — он почувствовал себя еще несчастнее. Чего он ожидал? Прощения в духе лучших литературных традиции? Осуждения? Он с горечью подумал, что теперь миссис Видлер, вероятно, будет о нем еще более высокого мнения, чем прежде. Бредя обратно по грязным улицам, он вдруг почувствовал уверенность, что непременно завтра проиграет дело. Уверенность эта росла с ужасающей быстротой.

Неподалеку от его гостиницы, на тихой боковой улице, он прошел мимо открытых дверей какой-то церкви. Повинуясь внезапному побуждению, остановился, повернул обратно и вошел. В церкви было темно, пусто и тепло, — казалось, служба недавно кончилась. Эндрью эта церковь была незнакома, но ему было все равно. Он сел на последнюю скамью и впери неподвижный, усталый взгляд в темный свод за хорами. Он вспоминал, как Кристин, когда они отошли друг от друга, стала вдруг набожна. И он никогда не бывал в церкви, а вот теперь зашел в эту, незнакомую.

Здесь он сидел с полчаса, погруженный в размышления, потом встал и пошел прямо в гостиницу.

Он заснул тяжелым сном, но наутро проснулся с еще более острым ощущением тошнотворного страха. Когда одевался, руки у него немного дрожали. Он бранил себя мысленно за то, что поселился в этой гостинице, где все напоминало ему о тех днях, когда он приезжал держать экзамен. То, что он сейчас испытывал, было очень похоже на волнение перед экзаменом, но во сто раз сильнее.

Он сошел вниз, но за завтраком не мог есть. Дело было назначено на одиннадцать часов, и Гоппер просил его прийти пораньше. Он рассчитал,

что до Хеллем-стрит не больше двадцати минут езды, и просидел до половины одиннадцатого в гостиной, делая вид, что читает газеты. Когда же он, наконец, выехал, его такси надолго застряло в ряду других из-за какой-то задержки движения на Оксфордской улице. Когда он добрался до помещения Медицинского совета, пробило одиннадцать часов.

Он поспешил в зал совета и только смутно успел заметить, что зал большой, что за высоким столом уже расположились все члены совета, а на председательском месте — сэр Дженнер Хеллидей. Он остановился в дальнем конце зала, где уже сидели все участники процесса с видом актеров, ожидающих своего выхода. Здесь были Гоппер, Мэри Боленд с отцом, миссис Шарп, доктор Сороугуд, мистер Бун, палатная сестра Майлс из больницы Виктории. Эндрью обвел глазами весь ряд. Затем торопливо сел подле Гоппера.

— Я, кажется, просил вас прийти пораньше, — сказал адвокат недовольным тоном. — Первое дело уже кончается. Опоздать на заседание совета было бы фатально.

Эндрью ничего не ответил. Гоппер был прав, — председатель уже читал приговор по предыдущему делу. Приговор был неблагоприятный: исключение из состава врачей. Эндрью не мог отвести глаза от осужденного, виновного в каком-то неблагоприятном поступке. Это был жалкий, обтрепанный субъект, вид которого говорил о тяжелой борьбе за существование. Выражение полнейшей безнадежности на лице этого человека, осужденного высоким собранием его коллег, пронизало Эндрью дрожью.

Но он не успел ни о чем подумать, только почувствовал мимолетный порыв сострадания. В следующую минуту вызвали его. Со сжавшимся сердцем слушал он, как читали официальное обвинительное заключение.

Затем выступил мистер Джордж Бун, представитель обвинения. Худая, подтянутая фигура во фраке, гладко выбритое лицо, пенсне на широкой черной ленте. Он заговорил неторопливо, размеренно.

— Господин председатель и вы, господа, дело, которое вам предстоит рассмотреть, не имеет ничего общего ни с одной из систем лечения, предусмотренных разделом двадцать восьмым Акта о врачевании. Напротив, оно является явным примером связи лица медицинской профессии с лицом, не числящимся в списках врачей, и позволю себе напомнить, что совет совсем недавно имел случай осудить аналогичный поступок.

Факты таковы. Больная Мэри Боленд, страдающая туберкулезом верхушек легких, была принята в палату доктора Сороугуда больницы

Виктории восемнадцатого июля сего года. Там она находилась под наблюдением доктора Сороугуда до четырнадцатого сентября, когда она выписалась из больницы под предлогом, что желает вернуться домой. Я говорю «под предлогом», так как в день ее выхода пациентка домой не уехала, а была встречена у сторожки привратника доктором Мэнсоном, который тотчас отвез ее в лечебное заведение, именуемое «Бельвью» и предназначенное, насколько я знаю, для лечения легочных заболеваний.

По приезде в место, именуемое «Бельвью», пациентка была уложена в постель и осмотрена доктором Мэнсоном совместно с владельцем предприятия мистером Ричардом Стилменом, не имеющим диплома врача и... э... надо добавить, чужестранцем. После осмотра на консилиуме — прошу совет запомнить эту фразу — на консилиуме доктора Мэнсона с мистером Стилменом было решено подвергнуть больную операции, то есть привести ее в состояние пневмоторакса. После этого доктор Мэнсон сделал местную анестезию, и вдувание было произведено доктором Мэнсоном и мистером Стилменом.

Теперь, господа, после краткого изложения фактов я, с вашего разрешения, вызову свидетелей. Доктор Юстесс Сороугуд, пожалуйста.

Доктор Сороугуд встал и вышел вперед, сняв очки и держа их наготове. Бун начал опрос.

— Доктор Сороугуд, я не хотел вас беспокоить. Нам прекрасно известна ваша репутация, можно даже сказать — ваша слава специалиста по легочным болезням, и я не сомневаюсь, что вами руководила лишь снисходительность к младшему коллеге. Но скажите, доктор Сороугуд, верно ли, что в субботу утром десятого сентября доктор Мэнсон настоял на консультации вашей с ним по поводу больной Мэри Боленд?

— Да.

— И верно ли также, что во время этой консультации он настаивал на методе лечения, который вы находили неподходящим?

— Он хотел, чтобы я ей сделал пневмоторакс.

— Совершенно верно. И в интересах больной вы отказались?

— Отказался.

— А после вашего отказа не заметили ли вы чего-нибудь странного в поведении доктора Мэнсона?

— Как вам сказать... — замялся Сороугуд.

— Смелее, смелее, доктор Сороугуд. Мы понимаем ваше естественное колебание...

— Он в то утро был не совсем такой, как всегда. Кажется, он был не согласен с моим решением.

— Благодарю вас, доктор Сороугуд. А скажите, ничто не давало вам повода предполагать, что больная недовольна своим лечением в больнице, — при одной мысли об этом по чопорному лицу Буна скользнула бледная усмешка, — что она имеет какие-либо основания жаловаться на вас или младший персонал больницы?

— Ровно ничего. Она всегда казалась довольной, веселой и счастливой.

— Благодарю вас, доктор Сороугуд. — Бун взял со стола другую бумагу. — А теперь, сестра Майлс, пожалуйста.

Доктор Сороугуд сел на свое место. Сестра его палаты выступила вперед. Бун продолжал:

— Сестра Майлс, в понедельник утром двенадцатого сентября, на третий день после консилиума доктора Сороугуда и доктора Мэнсона, приходил ли доктор Мэнсон навестить больную Боленд?

— Приходил.

— А он обычно бывает в этот час в больнице?

— Нет.

— Что же, он осматривал больную?

— Нет. Он не просил у нас ширмы. Он просто сидел и разговаривал с ней.

— Совершенно верно, сестра. Имел с ней долгий и серьезный разговор, как сказано в вашем формальном заявлении. Но теперь расскажите нам своими словами, сестра, что произошло сразу по уходе доктора Мэнсона.

— Приблизительно через полчаса номер семнадцатый, то есть Мэри Боленд, обратилась ко мне: «Сестра, знаете, я все обдумала и решила ехать домой. Вы очень хорошо за мной ухаживаете, но я все-таки хочу выписаться в будущую среду».

Бун поспешно перебил ее:

— В среду. Так. Благодарю, сестра. Это я и хотел установить. Это все. Вы свободны пока.

Сестра Майлс вернулась на место. Адвокат сделал учтиво-довольный жест своим пенсне на ленте.

— Теперь, сестра Шарп, пожалуйста.

Пауза.

— Сестра Шарп, вы можете подтвердить заявление относительно действий доктора Мэнсона в среду четырнадцатого сентября?

— Да, я была там.

— По вашему тону, сестра Шарп, я заключаю, что вы были там против воли.

— Когда я узнала, куда мы отправляемся и что этот Стилмен вовсе не

доктор, я была...

— Возмущена, — подсказал Бун.

— Да, возмущена, — затараторила Шарп. — Я всегда, всю жизнь работала только у настоящих докторов, у подлинных специалистов.

— Так, так, — промурлыкал Бун. — Теперь, сестра Шарп, имеется еще один пункт, который я попрошу вас вторично осветить перед советом. Действительно ли доктор Мэнсон помогал мистеру Стилмену при выполнении операции?

— Помогал, — мстительно подтвердила Шарп.

В эту минуту Эбби наклонился вперед и через председателя мягко задал ей вопрос:

— А скажите, сестра Шарп, когда происходили эти события, вы уже были предупреждены доктором Мэнсоном об увольнении?

Шарп сильно покраснела, растерялась и пробормотала:

— Да.

Через минуту она села на место. На Эндрью повеяло теплом, — Эбби во всяком случае остался ему другом.

Бун, немного рассерженный этим вмешательством, повернулся к столу, за которым заседал совет.

— Господин председатель, господа, я бы мог продолжать вызов свидетелей, но я не хочу отнимать у совета драгоценное время. Кроме того, я считаю, что дал исчерпывающие доказательства. Нет ни малейшего сомнения в том, что больная Мэри Боленд была исключительно благодаря пособничеству доктора Мэнсона увезена из палаты видного специалиста в одной из лучших больниц Лондона в сомнительное учреждение (что уже само по себе является серьезным нарушением профессиональной этики), и здесь доктор Мэнсон с заранее обдуманной намерением произвел совместно с неквалифицированным владельцем этого предприятия опасную операцию, которая была больной противопоказана, по заявлению доктора Сороугуда, специалиста, морально ответственного за ее лечение. Господин председатель и вы, господа, разрешите мне почтительно указать, что здесь мы имеем дело не с единичным явлением, как может показаться с первого взгляда, не со случайным проступком, а с сознательным, заранее обдуманным и почти систематическим нарушением закона.

Мистер Бун, очень довольный собой, сел на место и принялся протирать очки. Некоторое время стояла тишина. Эндрью упорно смотрел в пол. Для него было пыткой слушать такое тенденциозное изложение дела. Он с горечью подумал, что с ним обращаются, как с каким-нибудь уголовным преступником. Его поверенный выступил вперед и

приготовился говорить.

Гоппер, как всегда, был красен, возбужден и растерянно рылся в своих бумагах.

Но странно — это как будто расположило совет в его пользу. Председатель сказал:

— Итак, мистер Гоппер?

Гоппер откашлялся.

— Господин председатель и вы, господа, я не стану оспаривать свидетельские показания, собранные мистером Буном. Я вовсе не желаю плестись в хвосте фактов. Но то, *как* их здесь истолковали, нас весьма огорчает. Кроме того, имеются некоторые добавочные обстоятельства, которые показывают все дело в свете, более благоприятном для моего клиента.

Здесь не было отмечено, что мисс Боленд лечилась сначала у доктора Мэнсона, что, раньше чем обратиться к доктору Сороугуду, она еще одиннадцатого июля советовалась с доктором Мэнсоном. Далее, доктор Мэнсон был лично заинтересован в излечении этой больной: мисс Боленд — дочь его близкого друга. Таким образом, он считал, что на нем лежит ответственность за состояние ее здоровья. Надо прямо сказать: доктор Мэнсон сделал ложный шаг. Но я позволю себе почтительно заметить, что в его поступке не было ничего бесчестного и ничего предумышленного.

Мы слышали сейчас о небольшом расхождении во мнениях между доктором Сороугудом и доктором Мэнсоном по вопросу о лечении больной. Принимая в ней горячее участие, доктор Мэнсон, естественно, стремился снова взять ее лечение в свои руки. Но так же естественно, что он не хотел обижать старшего коллегу. Только это и побудило его действовать тайно, как здесь подчеркивал мистер Бун. — Гоппер сделал паузу, вынул носовой платок и откашлялся. У него был вид человека, который приближается к самому трудному барьеру. — А теперь переходим к вопросу о сообщничестве, о мистере Стилмене и «Бельвью». Я полагаю, что членам совета имя мистера Стилмена небезызвестно. Хотя он и не имеет диплома врача, он пользуется определенной репутацией, и о нем даже писали, что он первый добился излечения некоторых трудных больных.

Председатель важно перебил его:

— Мистер Гоппер, что можете вы, человек другой профессии, знать об этих вещах?

— Вы правы, сэр, — поспешно согласился мистер Гоппер. — Я только хотел указать, что мистер Стилмен — человек известный. Много лет назад

он познакомился с доктором Мэнсоном, написав ему письмо по поводу исследовательской работы Мэнсона в области легочных болезней. Позднее они встретились уже просто как знакомые, когда мистер Стилмен приехал сюда открывать свою клинику. Таким образом, со стороны Мэнсона было хотя и неосмотрительно, но вполне естественно то, что он, ища места, где бы можно было лечить мисс Боленд, воспользовался удобствами, которые предоставили ему в «Бельвью». Мой друг, мистер Бун, назвал «Бельвью» «сомнительным учреждением». Пожалуй, совету будет интересно выслушать мнение об этом свидетелей. Мисс Боленд, прошу вас!

Когда Мэри поднялась, взгляды всех членов совета обратились на нее с заметным любопытством. Несмотря на то, что она волновалась и не сводила глаз с Гоппера (ни разу не взглянув на Эндрию), у нее был вид вполне здорового человека.

— Мисс Боленд, — обратился к ней Гоппер, — прошу вас сказать нам откровенно, были ли вы чем-нибудь недовольны во время своего лечения в «Бельвью»?

— Нет, напротив, очень была довольна.

Эндрию сразу понял, что Мэри предварительно научили, как надо отвечать. Она говорила с настороженной сдержанностью.

— Вам не стало хуже?

— Наоборот. Мне лучше.

— Что же, вас там лечили именно так, как обещал вам доктор Мэнсон во время первого разговора между вами, происходившего... постойте... да, одиннадцатого июля?

— Да.

— Разве это существенно? — спросил председатель.

— Я больше не имею вопросов к свидетельнице, сэр, — быстро сказал Гоппер. И, когда Мэри села на место, он умиловляющим жестом протянул обе руки к судьям за столом.

— Джентльмены, я беру на себя смелость утверждать, что лечение, проведенное в «Бельвью», являлось, собственно, идеей доктора Мэнсона, осуществленной другими лицами. Я считаю, что профессионального сотрудничества в том смысле, в каком предусматривает его закон, между Стилменом и доктором Мэнсоном не было. Я прошу, чтобы вы выслушали показания доктора Мэнсона.

Эндрию встал, остро сознавая, что все глаза устремлены на него. Он был бледен, лицо у него вытянулось. Он ощущал внутри холод и пустоту.

Гоппер обратился к нему.

— Доктор Мэнсон, вы не извлекли никакой материальной выгоды из

сотрудничества с мистером Стилменом?

— Ни пенни.

— У вас не было при этом никаких тайных мотивов, никакой корыстной цели?

— Нет.

— Вы не имели намерения подорвать авторитет вашего старшего товарища, доктора Сороугуда?

— Нет. Мы с ним были в хороших отношениях. Просто... в этом случае наши мнения не совпали...

— Понятно, — перебил его Гоппер с несколько излишней поспешностью. — Итак, вы можете заверить совет честно и искренно, что у вас не было намерения нарушить закон и вы не имели ни малейшего представления, что поступок ваш сколько-нибудь позорит вас как врача?

— Совершенная правда.

Гоппер подавил вздох облегчения и кивком головы отпустил Эндрью. Считая себя обязанным вызвать его для показаний, он все время боялся необузданности своего подзащитного. Но все прошло благополучно, и Гоппер решил, что если теперь в краткой речи суммировать факты, то есть еще слабая надежда на успех. Он заговорил с покаянным видом:

— Не хочу больше отнимать у совета время. Я старался доказать, что со стороны доктора Мэнсона здесь была просто несчастная ошибка. Я взываю не только к справедливости, но и милосердию совета. И в заключение хотел бы обратить внимание совета на заслуги моего клиента. Такой биографией всякий мог бы гордиться. Всем нам известны случаи, когда люди знаменитые совершали одну единственную ошибку, — и так как не встретили к себе милосердия, слава их навсегда затмилась. Я молю Бога, чтобы с этим человеком, которого вам предстоит судить, не произошло то же самое.

Смирение и сокрушенный тон Гоппера произвели прекрасное впечатление на совет. Но сразу же опять встал Бун и обратился к председателю:

— Разрешите, сэр, задать два-три вопроса доктору Мэнсону. — Он повернулся и, взмахнув очками, подозвал Эндрью к эстраде. — Доктор Мэнсон, ваш последний ответ мне не совсем ясен. Вы сказали, будто не имели понятия о том, что поведение ваше сколько-нибудь бесчестно. А между тем вы *знали*, что мистер Стилмен — не профессионал.

Эндрью исподлобья смотрел на Буна. Тонем своим этот чопорный адвокат как бы давал ему понять, что он виновен в чем-то позорном. И в холодной пустоте его души медленно начало разгораться пламя. Он сказал

отчетливо:

— Да, я знал, что он не врач.

Неприятная усмешка скользнула по лицу Буна. Он язвительно произнес:

— Так, так. Но даже это вас не остановило.

— Даже это, — повторил Эндрью с внезапной злобой. Он чувствовал, что его покидает самообладание. Глубоко перевел дух. — Мистер Бун, вы тут задавали множество вопросов. Но позволите ли мне задать вам один? Слыхали вы когда-нибудь о Луи Пастере?

— Да, — ответил Бун с удивлением, — кто же о нем не слыхал?

— Вот, вот, совершенно верно. Кто же о нем не слыхал! Но вам, вероятно, неизвестно, мистер Бун, так разрешите вам сказать, что Луи Пастер, величайшая фигура в научной медицине, не был врачом. Не был им и Эрлих^[45], человек, подаривший нам лучшее и наиболее специфическое средство лечения, какое знает история медицины. Не был им и Хавкин^[46], который боролся с чумой в Индии успешнее, чем все врачи-профессионалы. Не был врачом и Мечников^[47], слава которого уступает только славе Пастера. Простите, что я напоминаю вам такие элементарные факты, мистер Бун. Да убедят они вас, что далеко не всякий, кто борется с болезнями человеческими, не имея на то диплома, непременно мошенник или невежда!

Молчание, словно насыщенное электричеством.

До этого момента заседание происходило в атмосфере мрачно-торжественной, избитой рутины уголовного суда. Теперь же все члены совета выпрямились, насторожились. Эбби до странности пристально смотрел на Эндрью.

Гоппер, прикрывая лицо рукой, даже застонал от ужаса. Он был уверен, что дело проиграно. Бун, сильно обескураженный, сделал, однако, попытку оправиться.

— Да, да, все эти славные имена нам известны. Но вы, конечно, не станете равнять Стилмена с такими людьми?

— А почему бы и нет? — стремительно отпарировал Эндрью в бурном негодовании. — Они знамениты потому, что уже умерли. А при жизни Коха Вирхов^[48] высмеивал и поносил его. Теперь мы Коха больше не оскорбляем, мы оскорбляем таких людей, как Спалингер и Стилмен. Да, вот еще пример — Спалингер, великий и оригинальный ученый мыслитель. Он не врач. У него нет диплома. Но он для медицины сделал больше, чем тысячи людей с дипломами, людей, разъезжающих в

автомобилях, собирающих гонорары, свободных, как ветер, тогда как на Спалингера клеветают, его позорят и обвиняют, ему дали истратить все его состояние на исследования и лечение людей, а затем оставили одного бороться с нищетой.

— Что же, прикажете нам думать, — фыркнул Бун, — что вы так же точно восхищаетесь мистером Стилменом?

— Да! Он большой человек, всю жизнь отдавший на пользу человечеству. Ему тоже пришлось воевать с завистью, и предрассудками, и клеветой. У себя на родине он из этой борьбы вышел победителем. Ну, а у нас, очевидно, нет. И все же я убежден, что он больше сделал для излечения туберкулеза, чем кто-либо в нашей стране. Он не принадлежит к людям нашей профессии. Но среди этих людей слишком достаточно таких, которые всю жизнь лечили больных от туберкулеза и не принесли им ни одного атома пользы.

В длинном высоком зале царило волнение.

Глаза Мэри Боленд, теперь устремленные на Эндрью, сияли восторгом, в котором сквозила тревога. Гоппер медленно и уныло собирал бумаги и укладывал их в портфель.

Председатель остановил Эндрью:

— Вы понимаете, что говорите?

— Да. — Эндрью крепко ухватился за спинку стула. Он сознавал, что увлекся и сделал большую оплошность, но решил отстаивать свои взгляды. Он учащенно дышал, нервы его были натянуты до последней степени, какой-то задор овладел им. Если они намерены его исключить — пускай, по крайней мере, получают к тому основания. И он стремительно продолжал:

— Я слушал обвинения, которые здесь сегодня высказывались по моему адресу, и все время спрашивал себя, что я сделал дурного. Я не желаю работать с шарлатанами. Я не верю в шарлатанские средства. Вот потому-то я не читаю половины тех «высоконаучных» реклам, которые дождем сыплются в мой ящик с каждой почтой. Я знаю, что говорю резче, чем следует, но иначе не могу. Мы недостаточно терпимы. Если мы будем упорно считать все, что внутри нашей корпорации, правильным, а за всем, что в нее не входит, будем отрицать право на существование, — это будет гибелью прогресса в науке. Мы превратимся в тесное и замкнутое монопольное предприятие. Нам давно пора начать наводить у себя порядок. Я имею в виду не поверхностные недочеты. Начнем сначала: вспомним, какую никуда не годную подготовку получают врачи. Когда я окончил университет, я был угрозой для общества. Названия нескольких болезней и лекарств, которые полагалось прописывать против них, — вот

все, что я знал. Я не умел даже закрыть акушерские щипцы. Всему, что я знаю, я научился потом. А много ли врачей научается чему-либо, кроме тех элементарных знаний, которые дает им практика? Им некогда, беднягам, они с ног валятся. Вот где корень зла. Мы должны организоваться в научные коллективы. Нужны обязательные курсы повышения квалификации врачей. Должно быть сделано могучее усилие двинуть науку вперед, покончить со старой системой «бутылок микстуры», дать каждому практикующему врачу возможность учиться, объединяться с другими в исследовательской работе. А как быть с торгашескими тенденциями? Бесплезное лечение в погоне за гинеями пациентов, ненужные операции, множество недостойных псевдонаучных фокусов и стяжательских замашек — не время ли кое с чем распрощаться? Вся наша корпорация чересчур нетерпима и самодовольно-ограниченна. В силу ее структуры она косна. Мы никогда не думаем о движении вперед, об изменении системы. Мы обещаем что-то сделать, но не делаем. Годами вопим об эксплуататорских условиях работы наших сестер и сиделок, о жалких грошах, которые они получают. И что же? Их по-прежнему эксплуатируют, платят все те же ничтожные гроши. Это только так, первый попавшийся пример. А главное — вот что: мы не даем хода нашим пионерам. Доктор Хексем, человек, осмелившийся давать наркоз при операциях костоправа Джервиса, был в самом начале своей работы исключен за это из списка врачей. Десять лет спустя, после того как Джервис спас сотни людей, перед болезнями которых оказались бессильны лучшие хирурги Лондона, когда ему пожаловали титул, когда все «светила» объявили его гением, тогда мы пошли на попятный и дали Хексему почетное звание доктора медицины. Но к этому времени Хексем уже умер от разбитого сердца. Я знаю, что в своей практике врача я наделал много ошибок, и скверных ошибок. Я о них, конечно, сожалею. Но в Ричарде Стилмене я не ошибся. И не жалею, что работал с ним. Об одном вас прошу: посмотрите на Мэри Боленд. У нее был туберкулез верхушек, когда ее привезли к Стилмену. Теперь она здорова. Если вы требуете, чтобы я оправдался в моем не достойном врача поведении, так вот оно, мое оправдание, — здесь перед вами.

Он резко оборвал речь и сел. Странный свет появился в глазах Эбби, сидевшего за высоким столом совета. Бун все еще стоял и смотрел на Мэнсона со смешанным чувством. Затем, злорадно подумав, что он во всяком случае довел этого выскочку до того, что тот сам сломал себе голову, он поклонился председателю и сел на место.

С минуту в зале стояло непонятное безмолвие, потом председатель объявил, как обычно:

— Прошу посторонних удалиться.

Эндрю вышел из зала вместе с остальными. Задор его исчез, голова, все тело дрожали, как перегруженная машина. Он задышался в атмосфере зала. Он не мог видеть Гоппера, Боленда, Мэри, других свидетелей. Особенно нестерпимо было меланхолически-укоризненное выражение на лице адвоката. Эндрю находил теперь, что вел себя как дурак, жалкий дурак, склонный к декламации. Теперь честность его представлялась ему чистейшим безумием. Да, безумием было разглагольствовать перед советом так, как сделал он. Ему не врачом быть, а агитатором в Гайд-парке. Ладно! Недолго еще ему быть врачом, его сейчас вычеркнут из списка.

Он пошел в раздевальную, испытывая лишь потребность быть одному, и сел на край умывальника, машинально нащупывая в кармане папиросы. Но пересохший язык не ощутил вкуса табака, и он бросил папиросу, потушив ее каблуком. Несмотря на жестокие истины, которые он высказал о своей корпорации несколько минут тому назад, он чувствовал себя до странности несчастным при мысли, что будет исключен из нее. Он знал, что может работать у Стнлмена. Но не этого ему надо было. Нет! Он хотел вместе с Денни и Гоупом следовать своему призванию, вогнать копье своей идеи в толстую шкуру консерватизма и косности. Но все это надо делать не извне, а внутри корпорации, в Англии это никогда, никогда не удастся человеку вне корпорации. Теперь Денни и Гоупу придется одним управлять троянским конем. Волна горечи затопила душу. Будущее расстилалось перед ним унылой пустыней. Он уже переживал мучительнейшее из чувств — чувство оторванности от своей среды и сознание, что он конченный человек, что это — гибель.

Шум двигавшейся по коридору толпы заставил его с трудом встать. Входя с остальными обратно в зал, он сурово твердил себе, что ему остается только один исход. Не надо пресмыкаться. Только не выказать слабости, ни следа заискивания! Решительно уставив глаза в пол, он не видел никого, не бросил ни единого взгляда на стол там наверху. Все обычные звуки в зале мучительно отдавались в его ушах: скрип стульев, кашель, шепот, даже чье-то ленивое постукивание карандашом.

Но вдруг наступила тишина. Судорожное оцепенение сковало Эндрю. «Вот! — подумал он. — Вот начинается!» Раздался голос председателя. Он говорил медленно, внушительно.

— Эндрю Мэнсон, совет, внимательно рассмотрев предъявленное вам обвинение, а также показания свидетелей, находит, что, несмотря на некоторые особенности этого дела и ваше крайне неуместное изложение их, вы действовали с добрыми намерениями, искренно желая поступать в

духе закона, требующего от врачей верности высоким идеалам их профессии. Я должен вам сообщить, таким образом, что совет не счел нужным исключать ваше имя из официальных списков.

Одну ошеломительную минуту он не понимал. Затем трепетная радость овладела им. Не исключен! Свободен, чист, оправдан!

Он поднял голову и, как в тумане, посмотрел на эстраду. Из всех лиц, странно расплывавшихся перед его глазами, повернутых к нему, он видел ясно только лицо Роберта Эбби. Сочувствие в его глазах еще больше взволновало Эндрию. Молнией мелькнула уверенность, что это Эбби выручил его. Притворное безучастие мигом слетело с него. Он пробормотал тихо, обращаясь к председателю, но мысленно говоря это Эбби:

— Благодарю вас, сэр.

Председатель сказал:

— Дело считается законченным.

Эндрию встал, его тотчас обступили друзья — Кон, Мэри, потрясенный мистер Гоппер, люди которых он никогда раньше не видел и которые теперь горячо жали ему руку. Он не помнил, как очутился на улице. Кон все еще хлопал его по плечу, мчавшиеся мимо автобусы странно успокаивали нервное смятение, обычная жизнь улицы будила радость, невообразимый восторг свободы. Он вдруг посмотрел на Мэри и встретил ее глаза, полные слез.

— Если бы они сделали вам что-нибудь худое, после того как вы были так добры ко мне... о, я бы убила этого старого председателя!

— Господи помилуй, Мэри! — закричал Кон. — Не понимаю, чего вы все беспокоились. В ту минуту, как старина Мэнсон заговорил, я уже знал, что он из них вышибет все, чем их начинили!

Эндрию улыбнулся — слабо, радостно, неуверенно.

Они втроем пришли в гостиницу около часу дня. Здесь ожидал Денни. Он пошел им навстречу, серьезно усмехаясь. Гоппер уже сообщил ему новость по телефону. Денни не делал никаких комментариев. Только сказал:

— Я голоден. Но здесь завтракать не стоит. Пойдемте все куда-нибудь, я угощу вас хорошим завтраком.

Они завтракали в ресторане Коннота. Хотя на лице Филиппа не было и следа волнения и он говорил больше всего с Коном об автомобилях, но завтрак вышел очень веселый.

Потом Денни сказал Эндрию:

— Наш поезд отходит в четыре. Гоуп — в Стенборо, ожидает нас в

гостинице. Мы можем купить задешево тот дом, о котором говорили. Ну, а теперь мне нужно сделать кое-какие покупки. Встретимся в Юстоне без десяти четыре.

Эндрью смотрел на Денни, думая о его дружбе, обо всем, чем он ему обязан с той первой их встречи в маленькой амбулатории Блэнелли. И сказал неожиданно:

— А что, если бы меня исключили?

— Но вас же не исключили, — качнул головой Филипп. — И я уж позабочусь о том, чтобы этого с вами никогда не могло произойти.

Денни ушел за покупками, а Эндрью проводил Кона и Мэри на Педдингтонский вокзал. Когда они, молчаливые теперь, ждали на перроне поезда, он повторил свое приглашение:

— Непременно приезжайте к нам в Стенборо погостить.

— Приедем, — обещал Кон. — Весною, когда я налажу свой автомобильчик.

После того как они уехали, у Эндрью оставался в распоряжении еще целый час. Он инстинктивно сел в автобус и скоро очутился на Кензал-Грин. Прошел на кладбище и долго стоял у могилы Кристин, думая о многом. Был ясный солнечный день с свежим ветерком — такой, как любила Кристин. Над его головой, на ветке унылого, темного от копоти дерева, весело чирикал воробей. Когда Эндрью, наконец, пошел с кладбища, боясь опоздать на поезд, перед ним в высоком небе плыла сияющая гряда облаков, своей формой напоминая зубчатые стены крепости.

Примечания

1

«Дом Божий» (древнеевр.).

2

«Дом милосердия» (древнеевр.).

3

Красный железняк, «кровавая руда».

4

Лихорадочное состояние.

5

Часть рецепта с указанием способа употребления лекарства.

6

Знаменитый шотландский хирург.

7

Вода.

8

Желатинообразная масса, добываемая из цейлонского мха и ост-индийских морских водорослей.

9

Воспаление грудного средостения.

10

Фармакология.

11

Канариум — род тропических и субтропических деревьев семейства Бурзеровые. Обычно крупные вечнозелёные деревья высотой до 40—50 метров.

12

Опухоль вследствие болезни щитовидной железы.

13

Белая асфиксия («мнимое» утопление) – состояние, при котором несколько капель воды, попавших в трахею или бронхи, вызывают рефлекторную остановку дыхания и прекращение работы сердца. Одна из форм асфиксии новорожденных.

14

Кельтский язык в Шотландии и Ирландии.

15

Буквально: «Вид на долину».

16

Дрожание глазного яблока.

17

Английский политический деятель-радикал (1833-1891 гг.)

18

Коктейль.

19

Игра слов. Экхарт называет Оксборро — Фоксборро, так как «фокс» означает «лиса», а «борроу» — «братъ займы».

20

Расширение бронхов.

21

Амбруаз Паре (1510 — 1590) — французский хирург, считающийся одним из отцов современной медицины; придворный хирург. Ему принадлежит ряд инноваций в области лечения ран, а также изобретение и усовершенствование хирургических инструментов и протезов, создание учения об огнестрельных ранах.

22

Римский писатель V века, написавший трактат о медицине.

23

Прибор для зажима артерии и остановки кровотечения.

24

Основатель первого детского приюта в Англии.

25

Инструмент для приготовления тонких срезов для микроскопа.

26

Известный швейцарец (не врач), создавший собственный метод лечения туберкулеза легких.

27

Фриц Крейслер (1875-1962) — австрийский скрипач и композитор. На рубеже XIX—XX веков был одним из самых известных скрипачей мира, и по сегодняшний день он считается одним из лучших исполнителей скрипичного жанра.

28

Через (*фр.*).

29

Квартал в Лондоне, населенный преимущественно иностранцами и знаменитый своими ресторанами.

30

Знаменитый английский хирург.

31

Разрушение ткани легких кремнеземной пылью.

32

Клеменс Пирке (1874-1929) — австрийский педиатр; предложил диагностический тест на туберкулез («реакция Пирке»), а также ввел понятие «аллергия».

33

Футбольный термин. Так называются игроки, стоящие непосредственно за первым рядом.

34

Таис — известная афинская гетера и куртизанка, пользовавшаяся благосклонностью Александра Македонского, впоследствии вторая жена египетского царя Птолемея I Сотера.

35

Сокращенное «доктор».

36

Балованный ребенок (*фр.*)

37

Больной с бумажкой в руке (фр.)

38

Жан-Мартен Шарко (1825-1893) — французский врач-психиатр, учитель Зигмунда Фрейда, специалист по неврологическим болезням, основатель нового учения о психогенной природе истерии. Провёл большое число клинических исследований в области психиатрии с использованием гипноза как основного инструмента доказательства своих гипотез.

39

Туберкулин — общее название экстрактов микобактерий, используемых для проведения внутрикожных диагностических проб на туберкулёз у человека и животных.

40

Метод лечения больных туберкулезом легких, заключающийся во введении воздуха в плевральную полость и предусматривающий создание воздушной прослойки между листками плевры на длительный период времени, в результате чего уменьшается эластическое напряжение легочной ткани, меняется лимфо- и кровообращение в легком, создаются благоприятные условия для заживления туберкулеза.

41

Братья Маркс — популярный комедийный квинтет из США 20-50-х годов 20 века, специализировавшийся на «комедии абсурда» — с набором драк, пощёчин, флирта и «метания тортов».

42

Гладстон Уильям (1809-1898) — английский государственный деятель и писатель викторианской Англии.

43

Воронов С.А. (1866-1951) — французский хирург российского происхождения. Получил известность за методику прививания ткани яичек обезьян к человеческим яичкам, которую он разработал во Франции в 1920-х и 1930-х годах.

44

Кран, на который насажена игла.

45

Пауль Эрлих (1854-1915) — немецкий врач, иммунолог, бактериолог, химик, основоположник химиотерапии. Лауреат Нобелевской премии (1908).

46

Хавкин Владимир Аронович (1860-1930) — бактериолог, иммунолог и эпидемиолог. Создатель первых вакцин против чумы и холеры.

47

Мечников Илья Ильич (1845-1916) — русский и французский биолог (микробиолог, цитолог, эмбриолог, иммунолог, физиолог и патолог). Лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908).

48

Генрих Кох (1843-1910) — немецкий микробиолог. Открыл бациллу сибирской язвы, холерный вибрион и туберкулёзную палочку. За исследования туберкулёза награждён Нобелевской премией по физиологии и медицине в 1905 г.

Рудольф Вирхов (1821-1902) — немецкий учёный и политический деятель, врач, патологоанатом, гистолог, физиолог, один из основоположников клеточной теории в биологии и медицине, основоположник теории клеточной патологии в медицине; был известен также как археолог, антрополог и палеонтолог.